

WARHAMMER

40,000

CHAPTER WAR

The storming new instalment in the Soul Drinker series

BEN COVINTER

Annotation

Много лет назад орден Испивающих Души порвал с Агентус Астартес, избрав собственный путь служения Императору. Узгои и мятежники для Империи, они по-прежнему служат ему, защищая его территории. Перехватив призыв о помощи имперской планеты Ванквалис, подвергшейся нашествию орков, командор ордена, библиарий Сарнедон, решает идти на помощь, в глубине души надеясь восстановить доброе имя ордена и вернуть благосклонность Империи. Но среди Испивающих появляется новый амбициозный лидер, желающий взять бразды правления в свои руки. Эти проблемы усугубляются появлением на Ванквалисе Воющих Грифонов, ордена Костодесанта, охотящегося за носителями Черной Чаши. А мифы и предрассудки приписывают обладание Граалем Проклятых ордену Сарнедона.

И командор вступает в войну на три фронта.

- Бен Каунтер
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
  - notes
    - 1
    - 2
-

Бен Каунтер
ВОЙНА ОРДЕНА

Глава первая

--- Какой ошибки нам
следует остерегаться ныне
всего?

--- Нет ничего хуже, чем не
погибнуть, когда ваша смерть
может послужить делу
Императора.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

--- На караул! --- прокричал лорд Глоб
Фалкен, и тысячи солдат вскинули
винтовки, салютуя   Навильону
Аристархии.

Прекрасные в своих белых киверах и
синих, как ночное небо, мундирах,
вышитых серебром,   Стражи
Ванквалийской Республики маршировали
строгими рядами по огромной
Церемониальной площади, а древние
знамена их полков развевались на самых
высоких штилях Палатиума. Эти воины

составляли самую могущественную армию во всем секторе Сцефан, были главными защитниками системы Обсидуана и гордыми сынами Ванквалиса. Форма их офицеров сияла геральдикой рода Фалкен — семьи, из которой они все происходили. Углубленные корпуса артиллерийских орудий и танков сверкали латуной и синевой.

— Что-то в этом году они не усердствуют, — произнес граф Лакосин Фалкен в парадном мундире, настолько обильно украшенном, что казалось, будто его дорогое тело закутано в сотни переплетающихся знамен. В каком-то смысле так оно и было, ведь он представлял сразу все полки Стражей.

В этот день солнце неклобеспоощадно, раскаляя камни Палатиума. Убранный шелками Павильон Аристархии оставался одним из немногих мест во всем Церемониальном квартале, где можно было спастись от зноя. Но несмотря даже на прохладительные напитки, которые без устали разносили сервиторы-нажи, граф Лакосин продолжал обливаться потом.

— Глобу надо бы отправить их рыть

траншеи да убирать навоз за лошадыми, ---
заявила леди Аkania Фалкен-Каал, с
безучастным видом стоявшая возле графа.
Она была одета куда более свободно,
нежели большинство присутствующих.
Кавалерийская форма, обтягивающая
атлетическую фигуру, да повязка на глазу
--- оставшееся с юных лет напоминание о
несчастном случае на охоте. --- Никого
уважения.

Лорд Совелин Фалкен, исходящий
потом под кивером и тяжелым
малиновым тундиром ванквалийской
артиллерии, окинул взглядом море
марширующих людей и леса вскинутых
винтовок. Лично он все равно пребывал в
полном восхищении, наблюдая за этим
чуждым и величественным зрелищем,
напоминающим о процветании и
традициях Ванквалиса. Вдалеке, позади
джунглей, окружавших Палатиум и
покрывавших весь континент Неверторн,
выднелись высокие башни городов-ульев, где
среди чадающих заводов жили и утирали
миллиарды людей. Если бы не правление
семьи Фалкен и не традиции, к каковым

относился и парад Стражей, весь Ванквалис стал бы таким. Неверморн же оставался континентом нетронутой природной красоты, настоящим чудом. Конечно, многие называли этот регион отсталым и провинциальным, но сердце лорда Совелина все равно преисполнялось гордостью.

--- Глоб уделяет основное внимание их боеготовности, --- заметил Совелин. --- Не вижу в этом ничего плохого.

Леги Акания вздернула бровь:

--- Боеготовность? Эта армия существует не для войн, Совелин! Они нужны только для того, чтобы скот, населяющий города, не забывал, кто здесь главный. Без этого мужичье могло бы сообразить, что их куда больше, чем нас. Фалкены правят, потрясая воображение, но не бряцаая оружием! Конечно, во всем остальном Империи считается нормальным расстреливать мятежников на улицах, но мы предпочитаем иной подход. И разве ты не согласишься, что так гораздо лучше?

--- Несомненно, леги Акания, ---

ответил Совелин.

Собеседница приходилась ему тетею, и, хотя разница в возрасте была не столько уж велика, лорд признавал за Аканьей право старшинства. Практически все члены семьи стояли выше Совелина по иерархической лестнице, и быть может, именно поэтому на него и повесили ответственность за артиллерию.

--- Война! --- насмешливо фыркнул лорд Лакосин. --- Да за что здесь воевать-то?

Раздалась ружейная канонада, прокатившаяся волной над рядами марширующих солдат, --- десятки тысяч винтовок выстрелили разом, отдавая дань уважения сыновьям и дочерям рода Фалкен. С идеальной слаженностью грянули полковые оркестры, заиграв древние военные и государственные гимны, в чей ритм вплетался грохот выверенных залпов. Их эхо замечалось среди белокаменных стен Палаццума, полковых знамен, золотых орлов, украшающих башни храма Императора Властвующего, и в гуще джунглей, обступивших городские стены.

--- Никакого уважения, --- сплюнула
леди Акания, развернулась и решительным
шагом направилась к выходу,
отмахнувшись от одного из подчиненных,
пытавшегося привлечь ее внимание. В
руках мужчина держал переносной вокс-
передатчик.

--- Не сейчас, --- сказал лорд Глоб. --- Не
время.

--- Господин, --- произнес офицер, ---
вызов поступил от адмирала флота
Талака.

--- Талак, похоже, понятия не имеет,
чем мы здесь заняты! --- прорычал лорд
Глоб. --- Мужичье. Может и подождать.

Взмахом руки Совелин позвал
офицера к себе. Тот вспомел, причиной
чему явно была не только жара. Одет
посланник был в форму механизированной
кавалерии.

--- Тревожный канал, господин, ---
сказал он.

--- Дай сюда, --- произнес Совелин. Взяв
переговорное устройство и приложив его к
уху, лорд поморщился от пронзительного
скрежета помех.

--- ...во имя Трона! --- кричал голос, почти неразличимый на фоне забываний статичности. --- «Звездный бродяга» подбит! Они уничтожили доки! Нас убивают! Они убивают нас!

--- Убивают нас, слышите?

Адмирал Талак не смог удержать равновесия и упал, когда «Санктис Хиросиан» очередной раз трянуло так, словно они оказались в бушующем море среди гигантских волн, бьющих в его борта. Талак сильно ударился головой о палубу, и трубка вокса, вылетев из его рук, откатилась в сторону.

Неожиданно на него потекла горячая кровь. Он закашлялся, прикрывая лицо и пытаясь вытереть глаза рукавом черной флотской шинели. Вокруг стоял оглушающий шум --- скрежет, человеческие крики... которые неожиданно обрывались, когда раздавался лязг стали о сталь.

Талак перекатился на живот и поднялся на колени. Кровь принадлежала унтер-офицеру Ван Штелет, которой в грудную клетку вонзился огромный кусок

металла. Ее вспоротое тело содрогалось в предсмертных конвульсиях, нижняя губа была прокушена.

Адмирал не сразу смог вспомнить, где находится. Это помещение с темной деревянной обивкой и украшениями в виде серебряных херувимов служило залом картографии, где штурманы трудились за огромными картами, разложенными на столах или же свисающими с потолка возле светильников. Теперь половина зала была утрачена, глинные зубья разорванного металла торчали вокруг бреши, открывающейся в железные потроха корабля. Затерцало освещение, и модель планетарных систем, сорвавшись с креплений, обрушилась вниз. Огромные металлические шары падали прямо на головы разбегающимся членам экипажа. Серебряные дуги орбит рассекали офицеров пополам. Серая жидкость пролилась из разорванной трубы, нагнетающей топливо, воспламенилась, и вскоре языки огня заплясали среди искореженного металла, пожирая раненых, пытающихся отползти подальше от места взрыва.

Талак сплюнул кровь Ван Штелем и бросился бежать, спотыкаясь всякий раз, как палуба накренилась. Казалось, будто некая огромная рука схватила «Санктис Хиросуан» и теперь уничтожала его, то сдавливая, то отрывая куски.

Адмирал побежал к коммуникационной рубке, выдвигавшейся из зала картографии. Мимо прокатилась модель планеты, окруженной кольцами спутников, — их тонкие серебристые орбиты резали пол, словно ножи, и рассекли на части старшего штурмана Роркрена. Повсюду разлетались догорающие обрывки навигационных карт. Корабль вновь угрожающе накренился, и громада искореженного металла сорвалась с места, размазывая по стене вопящих, пытающихся убежать людей.

— Адмирал! — закричал кто-то из коммуникационной рубки.

Подняв взгляд, Талак увидел протянутую ему руку. Рубка представляла собой сферу, чьи стены были увешаны дисплеями. Располагавшиеся здесь офицеры лежали в гравикүшетках, а их

лица были закрыты тяжелыми молотками управления, при помощи которых связисты общались с другими кораблями военного флота Сцефана. Несколько экранов были разбиты и казались ослепшими глазами, другие же продолжали показывать изображения кораблей, находящихся возле орбитальной станции «Олланий XIV».

Талак увидел перед собой молодую женщину с лицом, вымазанным кровью и машинным маслом. Она была из младшего офицерского состава, возможно, кто-то из технического персонала, в чьи обязанности входило заботиться о связистах, проводящих месяцы в непрерывном соединении с «Санктис Хиросиан».

— Адмирал, что происходит? Кто нас атакует?

— Не знаю, — отозвался Талак, нарушая собственное же правило никогда не выказывать неосведомленность или иные слабости перед экипажем. — Кто-то нас поджигал. И скорее всего, его интересуют не только мы, но и вся система.

— Удалось связаться с Ванквалисом?

--- Это в любом случае бесполезно, ---
ледяным тоном отозвался Талак. ---
Сегодня парад Стражей. Вся треклятая
армия собралась в Палатиуме. Именно
этого наши враги и ждали.

Женщина откинула с лица прядь
окровавленных волос и бросила взгляд на
огни из дисплеев. На нем можно было
увидеть гигантскую груду пылающих
обломков, дрейфующих над изуродованной
металлической поверхностью «Оллания
XIV», испускающей струи горящего
топлива и воздуха.

--- «Звездный бродяга» уничтожен, ---
произнесла офицер.

--- Знаю, --- ответил ей Талак.
«Звездный бродяга» был огромным
крейсером, крупнейшим и самым опасным
кораблем военного флота Сцефана.
Лишившись его, они потеряли половину
своей боевой мощи. --- И «Оборона Фантиса»
--- тоже. Они и нас потрепали, но пока мы
еще живы.

Словно откликнувшись на эти слова,
«Санктис Хиросуан» неистово согрогнул.
Направление гравитации внезапно

изменилось в обратную сторону, и пол превратился в потолок. В падении Талак успел вцепиться в дверь, стараясь удержать в себе содержимое взбунтовавшегося желудка. Массивные столы, настолько тяжелые, словно были вырезаны из камня, обрушились на люстры зала картографии; тела людей разбивались в кровь, приземляясь на украшающие свод скульптуры.

Мимо пролетела офицер связи; она врезалась в мониторы на потолке коммуникационной рубки и задержалась, когда по ее телу побежал ток, срываясь искрами с пальцев. Запаха вскипевшей крови желудок Талака уже не вынес, и адмирала вырвало, хотя он и продолжал упорно цепляться за косяк двери. Откуда-то сверху донесся неприятный хруст, и возле Талака повисла пара обутых в сапоги ног. Связисты, подключенные к корабельным системам, вывалились из кюшетов, но, лотая шеи, повисли на проводах, опутывавших их головы. Словно жертвы некой массовой казни, они молча и безжизненно покачивались над адмиралом.

Но его ударил новый звук, непривычно громкий и куда более пугающий, чем прежние. Это было ритмичное скрежетание металла, разрывающего другой металл. Что-то прокладывало себе путь прямо сквозь корабль, стиная палубы и переборки.

Талак окинул взглядом зал картографии, и где-то в глубине его измученного разума родилось понимание. Он оказался в аду. Имперское кредо предполагало наличие различных преисподних, хотя некоторые священнослужители и пытались доказывать, что на самом деле ад существует в единственном экземпляре. Условно из этих мест определенно выглядело именно так. Труны, насаженные на металлические зубья. Тела, пылающие в огне, причем некоторые сгорали заживо и корчились в жутких мучках. Кровь, стекающая вверх по стенам. Мерцающий свет, резко обрывающиеся вопли, гул воздуха, вырывающегося из пробоин. Талак служил Императору, но, видимо, недостаточно усердно и теперь оказался в

агу.

Словно подтверждая правоту этих рассуждений, поврежденная стена зала картографии раскрылась, подобно стальной панели с зубами из изорванного металла. Раздался воющий скрежет, и тела посыпались в ее зев. Раздались утробные крики, и из пробоины полезли темные, бесформенные, уродливые фигуры.

Захрипев от напряжения, адмирал подтянулся, выбрался в пылающие руины зала и извлек из кобуры лазерный пистолет — это было славное оружие, подаренное ему дядей еще до того, как Талак последовал по его стопам и поступил служить на Имперский флот.

Чужаков было много. Десятки силуэтов. Сотня. Темные и пугающие, они завладели его кораблем.

— Во имя Императора! — взревел Талак, прицеливаясь.

Багровые импульсы лазерных выстрелов устремились к зеленой плоти врагов, отражаясь в их крошечных, напоенных яростью красных глазах. Противник открыл ответный огонь, наля

бразнобой из крупнокалиберного оружия и превращая в щепки деревянную обшивку за спиной адмирала. Талак нырнул в сторону, перекатился и вновь вскочил на ноги, продолжая стрелять и заставляя себя не обращать внимания на боль.

Он был напуган. Страх, поселившийся внутри его, казался глыбой льда, занявшей место сердца и наполнявшей холодом сознание. Но все остальное, сама его сущность, заставляло Талака сражаться, поскольку некая часть его разума подсказывала, что именно так и должен поступать офицер.

В лицо его впечатался кулак, и адмирал покатился по полу, порезавшись об осколки люстры. Перед ним возникла хищная морда, украшенная крохотными злобными глазками над огромной пастью, усеянной грязными клыками. На ребра Талака обрушился удар. Одна из тварей наклонилась, и офицер лишился своего лазерного пистолета.

Зеленокожие. Орки. Животные, убийцы, старейший среди звезд враг Человечества. Они проникли на корабль

Талака и теперь собирались убить его.

Раздался орочий рык, и твари расступились, пропуская вперед одного из своих сородичей, в два раза более высокого, чем обычный человек, и обладающего могучей мускулатурой. Лицо существа было испещрено таким количеством шрамов, что казалось и не лицом вовсе, но в глазах, сверкавших посреди этого уродства, читался интеллект и жестокость, которые пугали куда сильнее, нежели сотня безразличных убийц.

В душе Талака больше не оставалось места ничему, кроме страха. Вожака зеленокожих наклонился и схватил адмирала за плечо. Вторая лапа твари была искусственной — бионический протез, удивительно примитивный и, быть может, даже работающий на пару. Когда металлическая клешня сжалась на плече адмирала и оторвала ему руку, Талака захлестнул панический ужас, болевой шок парализовал тело.

Зеленокожий вздернул офицера в воздух. На мгновение Талак увидел растекающийся по «Санктис Хиросиан»

океан орков, беспощадно расправляющихся с ранеными, беспомощными членами экипажа и расстреливавших тех, кто еще продолжал стоять на ногах. Твари определенно чувствовали себя как гоминиды среди хаоса и смерти. Они являли собой естественную составляющую этого ада. Талака подняли еще выше и затрясли, точно штандарт, собирая орков. Вожак взревел, и следом взревели его воины, радуясь гибели корабля и мучениям искалеченного командующего. Затем адмирала бросили на пол и десятки ног обрушились на его тело, ломая кости, нанося удары по голове. Вскоре он уже не видел картину разрушения «Санктис Хиросиан», и в мире не осталось ничего, кроме темноты.

Нападение началось как раз в ту минуту, когда было развернуто общее знамя Стражей.

Первый взрыв сотряс Церемониальную площадь, разбрасывая изувеченные тела и оторванные конечности. Сотня человек была уничтожена за долю секунды, еще

десятки убило разлетающейся шрапнелью. Само зная Стражей, сшитое из полковых стягов и украшенное боевыми наградами и почетными лентами, изрезанное и обезглавленное, легло на землю, накрывая, подобно савану, облаченные в обрывки формты куски мяса — все, что осталось от почетного караула.

Второй удар обрушился на Павильон Аристархии. От лорда Глоба осталось одно только имя. Леди Акания покатила по ступеням на площадь, обезглавленная осколком кожуха ракеты. Графы и бароны падали, изрешеченные шрапнелью. Изломанные тела лордов и леди отбросило к фасаду часовни Геральда и базилики Лорда Магистра.

Но параду была орбитальная артиллерия. Орудия, расположившиеся высоко над поверхностью Ванквалиса, метали тяжелые снаряды в Палатиум. Все это было крайне неожиданно, ведь казалось, что с военным флотом Сцефана, расположившимся в его солнечной системе, Ванквалису ничто не может угрожать. И все же это случилось: враждебные корабли

изливали пламя и смерть на желчужинную
Неверморна.

В следующую минуту Стражи
Ванквалийской Республики начали
оправляться от шока. Солдаты торопливо
перезаряжали оружие, офицеры
выкрикивали приказы, выстраивая своих
людей в боевые порядки, кавалерия
пыталась успокоить перепуганных коней.
В воротах, открывающихся с просторной
парадной площади Церемониального
квартала, образовалась давка, когда
тысячи солдат встретились наружу,
чтобы найти укрытие среди
величественных зданий Палатиума. Во
всеобщей панике лишь немногие обратили
внимание на тень, накрывшую площадь, и
на черную точку, возникшую в небе и
стремительно увеличивавшуюся в
размерах.

Третий удар по Церемониальному
кварталу был нанесен не ракетой и не
бомбой. Прямо посреди парадного плаца,
оставив глубокий кратер, приземлилась
огромная темная каменная глыба,
выглядящая точно астероид. От

сотрясения земли обвалился фронтон часовни Геральда и крыша Палаты Законодателей. Обрушились башни, из окон зданий на мостовую посыпались обломки.

Сквозь взметнувшуюся густую пыль выжившие могли видеть сотни мертвых тел и десятки стонущих раненых. Солдаты бросились помогать пострадавшим собратьям, оттаскивая их к столпотворению возле ворот. Со всех сторон доносились крики, зовущие полковых медиков, но лишь немногим из представителей этой профессии было дозволено взять на парад свои громогласные, далекие от элегантности меднакеты. Звучали стенания людей, лишившихся конечностей или пытающихся удержать внутренности, выпадающие из вспоротых животов. Кто-то старался выбраться из-под веса мертвых тел. Другие, закусив губы от боли, ждали смерти, зная, что никто уже не придет им на помощь. Многие с надеждой в глазах выискивали наследников дома Фалкен, чтобы те сплотили их, но гордые сыны и дочери правящего рода практически полностью

погибли под догорающими обломками павильона.

Пыль начала оседать. Теперь можно было внимательнее рассмотреть астероид. Это был не просто камень. Нижняя его часть оказалась окованной массивными металлическими плитами, чтобы предохранить его от разрушения при ударе. Кроме того, глыба несла на себе примитивные двигатели, направлявшие его падение. Прозвучал выстрел, и кричащие люди утолкли.

Из глубоких воронок, усеивавших поверхность астероида, посыпались человеческие тела. Это были трупы Стражей, погибших во время его падения, — теперь кто-то выбрасывал их, расчищая себе путь. Но затем изнутри раздался пугающий вой — гортанный, почти звериный боевой клич, подхваченный сотнями разъяренных голосов.

Один за другим на площадь стали выпрыгивать нападающие. Они лчались вперед сквозь пыльные сүтерки во вспышках выстрелов, сокрушая ногами усеивающие площадь тела, на бегу расчлняя раненых

солдат огромными заржавленными
мечами.

Кое-кто из солдат пытался
встретить их лицом к лицу, прилагив
штыки к винтовкам. Но орки просто
стояли их ряды, и Стражи Ванквалийской
Республики впервые смогли рассмотреть
своего врага — огромных звероподобных
тварей с зеленой кожей и хищными
красными глазами, в которых читалось
боевое безумие.

— Орки! — раздался чей-то крик.

Пришельцы, омерзительные ксеносы,
явились, чтобы осквернить не только
Неверторн, но и весь Ванквалис.

Схватка за ворота была короткой и
кровавой. Мечи рубили на части
прикрытую лишь парадной формой плоть.
Автоматические винтовки огрызались в
ответ, но на стороне орков было численное
превосходство и внезапность, поэтому
несколько сотен Стражей погибло на
месте. И еще больше было растоптано во
время панического бегства тило ворот к
населенным районам. Орки неотступно
продолжали преследовать спасающихся

солдат.

Сломив сопротивление в Церемониальном квартале, твари и не подумали остановиться. На улицы Палатиута рұхнуло еще несколько астероидов, извергнувших из своего нутра новые полчища, орочьи армии начали растекаться по всему городу.

Совелин слышал, как утирает Палатиут. Стоя возле Врат Малкагорина, он видел, как к небу вздымается пыль и пламя пожаров, охвативших город в результате падения все новых и новых астероидов и бомб. Над мир опустилась тьма, и о солнце напотинало лишь кроваво-красное зарево на горизонте. В небесах Совелин мог разглядеть серебристые линии -- повисшие на орбите корабли, которые, как он догадывался, вовсе не принадлежали военному флоту Сцефана. Тот был уничтожен, и теперь Ванквалис мог надеяться только на себя.

-- Эй вы! -- окрикнул лорд артиллерийский расчет, пытающийся

откатить свою громоздкую мортиру к воротам. -- Снимите ее с лафета и тащите на руках!

Вокруг Совелина суетились сотни солдат его полка -- ванквалийской карьергардной артиллерии. Он увел своих людей с парада, как только те завершили свой проход. Лорд понимал, что происходит нечто плохое, но никто не прислушается к его мнению. Он знал, что никто не объявит боевую готовность и тем более не отменит праздника только потому, что так захотелось Совелину. едва добившемся положения, позволяющего не участвовать в параде. Поэтому он просто вывел свою артиллерию с Церемониальной площади и на всякий случай разместил ее на стенах, а потом начали пагать бомбы.

Грохот стоял ужасающий. Даже с такого расстояния сквозь рев разрывов лорд слышал крики. На улицу высыпали люди -- вдоль Терранского бульвара тянулись ряды готов прислуги и толки чиновников, -- они не могли не слышать, что в городе происходит что-то неладное.

Очередной астероид упал с неба и разрушил здание неподалеку от Врат Малкагорина, подняв тучу пыли. На бульвар посыпались обломки кирпича и красной черепицы. На улицах становилось все больше и больше гражданских, выбежавших из домов и стремившихся убежать как можно дальше от подвсвергшихся нападению районов.

--- Занимайте стены! --- закричал Совелин своим подчиненным. --- Защищайте людей!

Солдаты принялись разворачивать артиллерийские орудия по направлению к улице и готовить их к стрельбе, укрывшись позади монументов, украшавших Врата Малкагорина, --- огромного каменного змея, служившего геральдическим знаком семьи Фалкен, и орла, представлявшего Империя, которому подчинялся Ванквалис.

Услышав голоса орков, Совелин понял, какая судьба постигла войска его планеты. Только одно объяснение могло существовать всем этим вселяющим первобытный ужас воинственным кличам

и воплям, которые растекались подобно ударной волне перед вражеской армией. Когда внизу раздался звук выстрелов и на улицу посыпались осколки выбитых окон, Совелин увидел панику на лицах окружающих его людей.

Все ближе звучало гортанное наречие ксеносов и крики погибающих под их ножами граждан Ванквалиса. Совсем неподалеку неожиданно обрушился дом, посыпавшись на дорогу строительным мусором и переломанной мебелью. Прямо по руинам, поливая все вокруг шквальным огнем, карабкались темно-зеленые силүэты. Еще больше тварей — настоящая зеленая река — бежало по улице.

Люди выскакивали из домов, крича и срываясь на бег. Все они направлялись к Вратам Малкагорина, сразу за которыми начинались джунгли, дававшие хоть какую-то надежду на спасение. Скорее всего, беглецы рассчитывали добраться до побережья, а оттуда уже и до городов Хирогрейва.

Вот только этим надеждам не суждено было сбыться, если артиллерия

Совелина не сумеет занять позиции и не купит гражданским немного времени ценой своих жизней.

--- Что прикажете, сэр? --- спросил капитан Лэск, присевший с обнаженными мечом и лазерным пистолетом возле ближайшей пушки.

Совелин несколько секунд не мог сообразить с ответом. Тысячи людей наводняли улицу, и орки наступали им на пятки. Лорд уже видел в руках тварей, бегущих впереди вражеской армии, примитивные тотемы, украшенные отрубленными руками и головами; видел, как блестят клыки и яростно сверкают глаза орков, когда те убивают оставшихся жителей города.

--- Уходим, --- приказал Совелин. --- Все! Вперед! Двигайтесь!

Банквалийская арьергардная артиллерия покинула свои укрытия и ударилась в бегство вместе с командиром, унося с собой автоматические орудия и мортиры, скрываясь в глубинах зеленых джунглей Неверторна.

Когда солдаты оставили позиции и

начали отступать, над толпой спасающихся гражданских прокатился горестный крик. Все это были люди, служившие лично роду Фалкен, ведь Палатиум не был похож на те необъятные ульи, что грохотались по всей планете, но был построен специально для размещения правящей семьи. Местные жители всю жизнь верой и правдой служили роду Фалкен, и вот теперь на их глазах армия, возглавляемая отпрысками этого самого рода, бежала.

Многие оставили всякую надежду и погибли под орочными мечами или же были растоптаны сапогами ксеносов. Другие в отчаянном стремлении спастись наседали друг на друга, пропихивались вперед, давя собственных сограждан, даже грузей и любимых. Многие из тех, кому удавалось пробиться к Вратам Малкагорина, погибали от удущья, когда их прижимало к огромным каменным колоннам или постаментам статуй. Змеи и орел сурово взирали с высоты на безумие и панику.

Затем орки достигли ворот, и бойня

продолжилась с еще большим размахом. Несколько тысяч человек погибли за считанные секунды; орки врывались в толпу, а мгновение спустя выскакивали из нее, с головами до ног покрытые кровью. Твари опустошали магазины своих примитивных ружей и разгребывали жертвы мечами и тасническими топорами.

Из Врат Малкагорина струился поток выживших -- та малая часть граждан, кому удалось удрать от орков. За их спинами раздавались истошные крики, и многие безлецы -- как до того генерал Талак -- были уверены, что на самом деле их давно уже прикончила орочья пуля и что теперь они просто уходят все глубже в ад.

К алвону храма Императора Властвующего решительным шагом поднялся самый рослый и могучий орк, выходец из миров войны туманности Гарон. Сейчас в здании бесновались его сородичи, срывая со стен гобелены, изображающие основателей дома Фалкен, высаживающихся на побережье Хирогрейва

или прорубающихся сквозь джунгли
Неверторна. Зеленокожие воины
расстреливали лица статуй и разбивали
бронзовые таблички, содержащие жития
имперских святых, размазывали кровь по
бледному камню стен --- кровь
священнослужителей, расчлененных
низкорослыми существами-рабами,
повсюду сопровождавшими орду. На
изреженном пнями алтарь перед
лишившейся лица статуей Императора
были возложены внутренности и фекалии.

Один из священников был все еще жив,
и рабы глумились над ним, раз за разом
отпихивая пистолет от его протянутой
руки, не позволяя бедняге покончить с
собой. Он вновь и вновь измученно полз к
оружию, но проворные телкие твари
только заливались слухом. Когда на них
легла тень массивного орка, рабы
оглянулись и потрачнели; подлые красные
глазки на их крохотных сторщенных
лицах расширились от страха, и существа
поспешили укрыться среди деревянных
церковных скамей.

Увидев своего вожака, остальные орки

разразились победными криками. Он был крупнее практически любого из них как минимум раза в два, его огромная уродливая башка по-звериному выступала из плеч, а мощная нижняя челюсть щетинилась лесом сломанных клыков. Кожа вожака была темной и морщинистой, точно кора старого дерева, глаза же его, хотя и были глубоко посажены на хищном лице, светились умом и целеустремленностью, которых столь не хватало остальным оркам.

У него была только одна нормальная рука, которой он отшвырнул со своего пути ближайшего раба. Вторая же являла собой союз стали и пара, вырывавшегося из поршней при движении, и завершалась трехпалой клешней, достаточно большой и сильной, чтобы оторвать ствол танку. Ржавая лестница механизмов, закрывавших ребра и позвоночник вожака, сочилась черной слякотью. Эти искусственные части давно обросли плотно переплетающимися зелеными мышцами, сжимавшимися вокруг них во время движения. Чтобы пережить затемну

половины тела на столь грубые протезы, требовалось облагать выносливостью, немыслимой даже для орка.

Вожак испустил рев, но, в отличие от остальных сородичей, в его крике не было ни триумфа, ни возбужденного бравирования. Воины утолкли, ибо даже самых могучих из них бросало в дрожь при одной мысли о том, чтобы вызвать недовольство этого великана. Вожак обвел зеленокожих мрачным взглядом, и глаза его остановились на одном из орков, развалявшем окровавленным ржавым тасницким топором один из гобеленов, украшавших церковь.

Нетнувшись вперед со скоростью, какую трудно было ожидать от существа его размеров, вожак схватил вандала своей настоящей рукой. Ее пальцы сжались на тонкой шее орка и оторвали того от пола. Затем вожак перекинул свою жертву в механическую клешню и швырнул через всю церковь. Зеленокожий врезался в стену с такой силой, что по камню побежали трещины, и без чувств сполз на пол.

Предводитель воинства чужаков

повернулся к гобелену и притянул его ближе к глазам, чтобы как следует рассмотреть. Полотно изображало Стражей древних времен, первых солдат Ванквалиса, защищавших побережье Хирогрейва в те годы, когда города планеты только переходили под власть гота Фалкен. На гобелене группа бойцов, облаченных в стилизованную яркую армейскую форму, штурмовала холм, потрясая автоматическими винтовками. Под их ногами лежали груды расчлененных орочьих трупов. Художник изобразил зеленокожих хилыми и тощими, жалкими существами, едва ли способными что-то противопоставить ванквалийскому штыку.

Сорвав гобелен со стены, вожак высоко поднял его, чтобы все собравшиеся соплеменники смогли рассмотреть попираемые людьми трупы. А затем он закричал, и речь его была полна такой ненависти, какую способен передать только орочий язык.

Когда-то ванквалийцы отобрали у них эту планету. Этот мир принадлежал

оркам. Эти земли, как и многие другие, где уже побывал вожак, когда-то были зелеными... и они станут зелеными вновь. Но когда-то эти люди, те самые, кого резали сейчас, как скот, на улицах Палатиута, сокрушили орков столь же неожиданно и решительно. Это были опытные и талантливые воины. Целеустремленные. Их вера позволяла им выполнять задачи экстраординарной сложности. Недооценивая их, считая всего лишь едой или изрубками, орки рисковали повторить плачевную судьбу своих сородичей, прежде населявших Ванквалис.

Но даже если собравшиеся в церкви и понимали это, на их лицах сейчас читался лишь страх перед опаляющим гневом лидера. Вожак отбросил гобелен и плюнул на него, прежде чем обратить свое внимание на последнего выжившего священнослужителя, скорчившегося позади деревянной скамьи.

Изборозженное морщинами лицо старика было вымазано в грязи, его пальцы покрывала корка запекшейся крови, а сизо-серые ритуальные одеяния превратились в

похоть. Рядом на полу валялся пистолет, до которого жрецу не давали дотянуться рабы.

Вожак наклонился и поднял оружие. Раздавив его в механической клешне, он бросил обломки к ногам священника. Тот посмотрел на то, что осталось от пистолета, и перевел взгляд на огромного орка. Испуганные глаза старика наполнились слезами.

Стоило вожаку отвернуться и направиться к алтарю, рабы набросились на священника, и церковь вновь наполнилась звуками: кричала жертва, с которой полосами сдирали одежду и плоть, хохотали рабы, обтазывая себя кровью. Остальные орки восприняли это как разрешение продолжить работу по уничтожению святилища врага, и среди стен замечалось эхо выстрелов. Пули разбивали кадилаицы, закрепленные на потолке, и проделывали дыры в скамьях.

Вожак старался не обращать на них внимания. Когда-то он и сам был точно таким — примитивным и жестоким созданием, не знавшим ничего, кроме

войны, вечно кинувшей в его крови. Но теперь он отличался от сородичей. И даже священник сквозь ужас, сопровождавший последние мгновения его жизни, осознал это отличие. Вожак более не был орком, ведь орки слишком просты... Их не вела в бой убежденность, свойственная их фанатичным врагам из человеческого племени. В своей жизни они не полагались на хитрость — лишь на грубую силу. Они не знали стремления к превосходству — только жажду крови и разрушений. А вот вожаку все эти понятия были знакомы.

Протыхая сапогами, он взошел на кафедру, возвышавшуюся над центральным нефом церкви. Но вместо того чтобы разглядывать ряды скамей, как делали это человеческие проповедники, он направил взгляд в противоположную сторону — мимо разрушенного алтаря, за пределы выбитого окна, все еще щетинившегося осколками разноцветных стекол.

Там простирался Палатиум. Это был небольшой городок, возведенный специально для того, чтобы местная знать могла управлять планетой в

удалении от заводов и людских толп. И все же та стремительность, с которой орки сумели его захватить, не могла не поражать. Вдалеке на крышах суетились крошечные зеленые фигурки, уничтожая флаги дома Фалкен, сбрасывая статуи и черепицу на улицы. Вспарывая столбы дыма, вздымающиеся над полыхающими домами, опускался массивный и кажущийся неуклюжим корабль, украшенный множеством грубо намалеванных гербов родичей кланов, объединившихся под началом единого вождя.

Множество подобных кораблей уже успело приземлиться и извергнуть из себя тысячи орков, участвующих во вторжении на Ванквалис. Среди них были и специалисты, тщательно подобранные и выигранные у других вожаков в гладиаторских боях или даже в полноценных сражениях. Были и настоящие ветераны, облаченные в энергетические доспехи, — благодаря своей массивности и вооружению они походили на ходячие танки. Отряд опытных саботажников, чьи лица были вымазаны

черной камуфляжной краской, перемещался бесшумно и с осторожностью, которой так не хватало более агрессивным оркам, --- это были разведчики и убийцы, от рождения привычные к ведению войны в джунглях. Высаживались также и погонщики, неизменно в масках, чьи шипастые кнуты заставляли визгливую толпу рабов бежать перед основным войском и принимать свои телами пули и обезвреживать мины. Опасно накренившиеся корабли выпускали грубые боевые машины и танки, по которым тут же принимались ползать рабы, подкручивающие болты и стазывающие сочленения.

Люди, расправившиеся с орками, прежде населявшими Ванквалис, явно и понятия не имели, что зеленокожие способны вытупитровать такую армию. Они считали орков не более чем зверьми --- примитивными и кровожадными. Но большей части людей были правы, ведь среди орков не так часто встречались настоящие лидеры, способные сплотить сородичей в войско, такое же смертоносное,

как и лучшие армии Человечества.

Взгляд вожака перекинулся с улиц на простирющиеся за городом джунгли. За ними лежало море, а за морем — берега Хирогрейва, зараженная каменистая пустыня с гигантскими городами, населенными миллиардами людей. Слабых, поглых, обреченных людей, для которых смерть от пули или топора была слишком гуманной. Впрочем, не имело ни малейшего значения, как именно они погибнут, ведь Ванквалис всегда принадлежал оркам, и ничто не читалось во взгляде вожака так явственно, как стремление вернуть этот мир своим зеленокожим сородичам.

Графиня молчала. В воцарившейся тишине было слышно лишь тихое посвистывание рециркуляторов, нагнетающих затхлый, холодный, сухой воздух в зал на вершине шпиля. Сухощавое, хрупкое тело графини было облачено в длинное, вышитое желчугами платье, а ее бледное чело украшала бриллиантовая тиара. Казалось, что женщина вжалась в

своей отолаживающий трон.

Рядом в почтительном ожидании застыл камергер, -- небольшого роста, хранящий на лице официальное выражение, он посвятил всю свою жизнь служению и оставался верен дому Фалкен даже в самые трудные времена, но еще никогда новости не были столь плохими. Все же он сохранял свое извечное самооблагание и стоял, уставившись в пол, ожидая ответа графини.

Наконец Устенисса Фалкен глубоко вздохнула, и в ее старой груди заклокотало.

-- Так когда, говоришь, это случилось?

-- Менее часа назад, моя госпожа.

-- А мой супруг?

Камергер определенно ожидал этого вопроса.

-- О нем нам ничего не известно. Молю Императора, чтобы ваш муж был жив...

-- Не стоит щадить мои чувства, камергер, -- отрезала графиня. -- Скажи прямо, он погиб?

--- Госпожа, лорд Глоб был в Вавильоне
Аристархии, --- тяжело сглотнув, ответил
камергер, --- а тот был уничтожен первым
же ударом.

--- Значит, он погиб.

--- Скорее всего, госпожа.

--- Понятно. Хоть кто-нибудь из семьи
целел?

--- Этого мы не знаем. Многим
горожанам удалось покинуть Палатиум,
но бегство было совершенно беспорядочным.
Вполне возможно, что среди них оказался
и кто-то из наследников вашего рода. Но
боюсь, на данный момент я ничего не могу
утверждать с уверенностью.

--- С уверенностью ты можешь
утверждать, что зеленокожие вернулись, ---
сказала Истенисса. --- Наш мир
определенно подвергся их вторжению. У
это столь же верно, как и то, что в
одиночку нам не устоять.

Графиня поднялась на ноги. От
черных плит трона к ее украшенному
драгоценностями платью протянулись
пучки толстых кабелей. Несколько
подростков, одетых в такие же багровые

камзолы, что и камергер, выбежали из-за трона, на ходу подхватывая подол ее одеяний и проводя, чтобы те не перепутались, пока Устенисса идет к одному из арочных окон зала.

Даже сумрак, царивший в этом помещении, не мог скрыть ни синевато-серый оттенок их кожи, ни пустое выражение черных глаз, ни то, что перемещались дети чуть ли не на четвереньках, словно животные. Жены дома Фалкен самоотверженно рожали одного ребенка за другим, но далеко не все из них доживали до совершеннолетия, и именно из тех, кому это не удалось, создавалась подобная прислуга для графини. Технология, предоставленная правящему роду Агентус Механикус, была достаточно сложной и развитой, поэтому прислужники не сильно уступали идеальным образцам херувимов.

Зал располагался на самой вершине одного из ульев Хирогрейва, и с этой высоты можно было созерцать весь необъятный город, испещренный пятнышками света, ярко сверкающими в

ночной тьме, спускающийся к мертвым полям. Вдалеке в отравленном воздухе сияла огнями еще одна громада — соседний город, один из многих, что покрывали собой континент. В этих муравейниках проживали миллиарды ванквалийцев, которые уже очень скоро услышат, что правящий класс практически полностью уничтожен и что Неверторн захвачен ксеносами.

В небесах, затянутых густым дымом заводов, едва заметно поблескивали отраженным светом платформы орбитальных оборонительных систем. Многие тысячи турболазерных и ракетных установок парили над Хирогрейвом, защищая его жителей от бомбардировки. Ванквалису не хватало ресурсов, чтобы полностью покрыть всю орбиту, поэтому создателям системы пришлось выбирать наиболее важные города. Только благодаря этому орки и не просыпались дождем на улицы, хотя гражданам Палатиума, потерявшим своих родных на улицах далекого Неверторна, от этого не становилось ни горячо, ни

холодно.

--- Мы вынуждены просить о помощи, --- произнесла графиня Устенисса. --- Поскольку Стражи разбиты, а дом Фалкен практически уничтожен, мы остались одни. Наш мир изолирован, удален от доминиона Империи, но только они и могут нам помочь. Пришло время забыть о гордости. Если потребуются, мы будем умиляться. --- Она отвернулась от окна и посмотрела на катергера. --- Вызови астронаута и потребуй, чтобы он явился сюда. Мне требуется как можно скорее отправить сообщение.

--- Сию минуту, госпожа, --- ответил катергер. --- Должен ли я известить население?

--- О вторжении? --- Графиня взмахнула рукой. --- Да. Сообщите нижнему парламенту. Пусть обсуждают происходящее. Пусть займутся хоть чем-то.

Но, вопреки ожиданиям Устениссы, катергер вовсе не спешил отправиться по делам.

--- Что-то еще? --- спросила она.

--- Остался еще один вопрос, который

следует уладить. Поскольку лорд Глоб...
сейчас не с нами, вы остаетесь
единственным представителем дома
Фалкен, имеющим право претендовать на
власть. Вы, госпожа, становитесь
правителем Ванквалиса.

Графиня вздохнула. Она никогда не
выглядела более старой, нежели в этот
момент. Так она и стояла — закутанный в
роскошные одежды силуэт на фоне
чернеющего города.

— Что ж... Полагаю, это должно
требовать каких-то определенных
церемоний. Пусть этим вопросом
займутся архивариусы.

— Бюджет исполнено, — энергично
поклонился камергер и тут же
устрелился к выходу.

Благодаря усердию придворных
врачей и постоянному подключению к
отлаживающему трону графиня жила
уже более двух сотен лет. Она уцелела в
революции, охватившей улей Скорцис,
перенесла скандал, разгоревшийся вокруг ее
дяди — барона Малифисса Фалкена, и не
погибла в гражданской войне.

спровоцированной ныне уничтоженными
культот Возрождения Терры. Она стала
свидетелем многих социальных
потрясений и внезапных смертей, стычек
между губернаторами сектора Сцефан и
катастроф, в результате которых города
улы оставались лишенными еды и питья.
То есть на ее памяти дела не раз бывали
плохи, но чтобы настолько — никогда.
Графиня была уже старухой и
чувствовала, как на ее плечи давит
каждый прожитый год.

И именно теперь, впервые в своей
истории, Ванквалис оказался вынужден
утолять о помощи Империи — эту
далекую силу, которой гом Фалкен
регулярно платил дань производимыми в
ульях товарами, лишь бы только
сохранить свою независимость. Орки
сумели закрепиться на Неверморне, и
теперь не оставалось сомнений, куда они
двинутся дальше. Следующим пунктом
назначения был Хирогрейв — с
многочисленными городами и
миллиардами граждан.

Графиня подошла к резному

стеллажу, где стояли несколько
внушительных книг. Ее возлюбленный Глоб
всегда был куда более увлечен войной, чем
вопросами социальной важности. Именно
поэтому Устенисса и считала для себя
обязательным изучать историю и
географию родной планеты на тот случай,
если ей придется принять более активное
участие в управлении Ванквалисом. И вот
теперь вся полнота власти легла на ее
плечи.

Устенисса сняла один из увесистых
томов с верхней полки, и подростки, точно
домашние зверушки, засуетились у ее ног,
не позволяя перепутаться кабелям.
Заключенная в атласный переплет книга
была подарена университетом одного из
ульев в благодарность за кое-какую
государственную услугу, оказанную
графиней полвека назад. Когда
властительница отправилась обратно к
своему трону, стоявший возле него
подросток начал крутить ворот,
возвращавший кабели. Опустившись на
сиденье, Устенисса почувствовала, как по
ее венам вновь заструились

отслаживающие жидкости, защищающие ее кости и органы от последствий старения. Раскрыв книгу на коленях и дождавшись, пока все дети вернутся на свои места, она приступила к чтению.

Перед ее глазами замелькали карты Неверторна. Прямо сейчас по его долинам и холмам струились реки беженцев и зеленокожей швали, сражаясь, убивая друг друга, прорываясь к побережью и лежащему за морями Хирогрейву. Предстояла война... но будет она долгой или быстротечной, зависело исключительно от того, как именно графиня станет руководить своими людьми в ближайшие дни, и, возможно, в итоге Ванквалис устоит и останется под управлением дома Фалкен. Но прожитые годы приучили Устениссу к прагматичному мышлению, поэтому в глубине души она понимала, что Ванквалис будет потерян, а миллиарды его граждан не выживут.

Глава вторая

--- С кем сразится мы в
конце времен?

--- Ведаю лишь то, что
этот враг не будет внешним.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

В самом сердце «костического
скиतालца», находясь настолько далеко от
грохота массивных варп-двигателей и
бронированных сапог, что казалось, будто
он расположен глубоко под землей какой-
нибудь заброшенной планеты, был
обустроен санктум. Узначальное
предназначение этого помещения так и
осталось неизвестно --- предположительно,
оно некогда было частью какого-то
звездолета, ведь «скиतालцы»
представляли собой странную мешанину
изуродованных варпом костических
кораблей. Но, в отличие от других
составляющих огромного судна, оно было

выполнено не из металла, но из камня, и
его изящная в своей простоте башня была
возведена не в грузовом трюме или на
капитанском мостике, а в темной
полузатопленной пещере со
сталактитами, с которых постоянно
срывались капли. Само здание было
наполовину погружено под воду, и крытый
туннель, некогда ведущий к входу, едва
поднимался над поверхностью, образуя
мощеную дорожку. Под водой тускло
мерцали терпеливо дожидавшиеся
верующих светосферы, включенные при
обнаружении этой пещеры, но
установленные, по всей видимости, за
сотни, а то и тысячи лет до того.

Капеллан Уктинос прошел по мосту,
и сияние подводных ламп затеяло
странную игру на его темно-фиолетовой
бронзе. На голову илениного десантника
был водружен похожий на череп шлем,
взиравший на окружающий мир пустыми,
ничего не выражающими глазницами; к его
поясу была прицеплена увенчанная орлом
булава — крозиус арканут. Как и всякий
костодесантник, Уктинос был настоящим

гигантом, почти трех метров ростом, закованным в броню, но все равно он приближался к воротам храма с предельным стирением и почтительностью.

Внутренняя зала башни также была наполовину затоплена, и сиявшие под водой огни отбрасывали загадочные неверные тени на свод помещения. Алтарь и несколько каменных резных плит, некогда рухнувших с верхних уровней, создавали барьер, по которому Уктинос сумел пройти к огромной платформе, лежащей посреди храма. Там из воды поднималась статуя — наполовину женщина, наполовину змея, она стояла накренившись и воздев руки к небу. По всей видимости, ее создала некая секта или религия, забытая много веков назад. Капеллан старался не обращать внимания на обличающий взгляд скульптуры, опускаясь на колени перед аппаратурой, расположенной в кажущемся беспорядке.

Это место стало святыней Уктиноса, столь же священным для него, каким было для последователей забытой веры, собиравшихся здесь до того, как их

корабль затерялся в варне и стал частью «Сломанного хребта». Капеллан стащил с головы шлем, обнажив гладкое, лишенное морщин лицо с большими выразительными глазами, какие трудно было ожидать увидеть под пугающей маской. Тщательно выбритое, с чуть смуглой кожей, это лицо было столь же важным оружием капеллана, как и личина-череп. Уктинос редко снимал шлем, служивший символом его полномочий и выделявший его среди всех прочих гесантников ордена Успивающих Души. Но здесь, в своем святилище, он мог не опасаться чужих глаз.

Уктинос сверился с одним из мониторов. На экране мерцало единственное зеленое пятно. Капеллан извлек из-под машины глиняный свиток с отпечатанными на нем показателями, пробежал по нему взглядом и удовлетворенно улыбнулся. Затем он подошел к краю платформы и опустил руки в воду.

Костогесантники облагали потрясающей силой. Уктинос уперся ногой

В платформу и вытащил на сушу громадный каменный блок. Опустив его на плиту с оглушительным грохотом, отразившись эхом от стен пещеры, капеллан увидел, как по тротуару под его ногами побежали трещины. На верхней грани куба был выгравирован образ сурового борогатого мужчины, одетого в узорчатые архаичные доспехи, какие теперь можно было встретить лишь на аристократах-тиров, погружившихся в средневековье. Голову человека венчала корона, а руки были сложены на груди и сжимали рукоять обоюдоострой секиры. Вокруг фигуры были нанесены письмена на неизвестном Уктинос языке, скорее всего канувшем в небытие следом за змееголовым божеством. Этот каменный блок служил саркофагом давно почившему королю, чей лик и был выгравирован на крышке.

Уктинос растегнул несколько металлических зажимов — определенно добавленных в более поздние времена и не позволявших саркофагу открываться — и откинул крышку в сторону. В ту же секунду раздался приглушенный плач.

Внутри саркофага обнаружился скорчившийся истощенный, грязный человек. Его платье стало черным от испражнений, голову закрывал мешок, опутанный проводами и трубками, тянувшимися к аппаратуре за спиной Уктиноса. Человек вскинул руки и начал слепо шарить в воздухе перед собой. Его кожу, бледную и воспаленную из-за постоянной сырости, покрывали нарывы и короста. Страг казался просто невыносимым.

Капеллан сдернул мешок с головы пленника. На побелевшем одутловатом лице человека ярко выделялись багровые складки морщин. Широкие трубки были подключены к его носу и рту. Широко открытые глаза тужчины, лишенные всякого намека на зрачки, ничего не видели.

Когда Уктинос выдернул трубку, закрывавшую рот пленника, тот сумел наконец закричать по-настоящему, забывая от отчаяния и страха. В течение нескольких долгих минут он не был способен ни на что иное. Он орал, пока в

нем оставались для этого силы.

--- Пожалуйста... --- хрипло и измощенно простонал младший астронавт Кройвас Вел Сканниэн. --- Пожалуйста... о Боже-Император, останови это... пусть... пусть все это закончится.

С лицом, выражавшим столько же эмоций, сколько лежащий у его ног шлем-черепаха, Уктинос посмотрел на человека в саркофаге.

--- Что остановить?

--- Кошмары. Выпустите меня. Или... позвольте мне умереть. Утоляю.

--- Ты сам просил нас об этом.

--- Но я же не знал! --- Астронавт выдавливал из себя слова сквозь рыдания, словно расплакавшийся ребенок. --- Откуда мне было знать?

--- Ты требовал выбрать именно тебя, --- продолжал Уктинос. --- Говорил, что пойдешь на что угодно, только бы убраться подальше от Дашана и Мультиплекейона. --- Капеллан развел руки, обозначая саркофаг. --- Что ж, именно это ты и получил.

Кройвас Вел Сканниэн обхватил

голову руками и застонал. От его личности уже мало что осталось. Он с трудом мог говорить и уже даже не имел сил бояться или ненавидеть настоящего. Когда-то он был человеком, но практически утратил себя прежнего.

--- Зачем? --- едва слышно прошептал астронавт. --- Чего вы хотите?

--- Ты и сам знаешь.

--- Во имя Земного Трона, что... что вы хотите услышать?

--- Все.

--- Вы же понимаете, что я не могу этого сделать. --- Кройвас отнял руки от лица. --- Я же говорил. Почему вы не слушаете? Это... каждый из нас делает это по-своему. Его необходимо отправить именно вам, вы должны знать коды... Я же просто вижу сны и только при везении...

--- Ты утверждал, что являешься лучшим из лучших, --- перебил его Уктинос. --- Обещал, что справишься, когда мы забирали тебя с Дашана. И только по этой причине мы вообще решили тебя взять.

--- Вы действительно...

действительно думали, что я хочу именно этого?

— Нам плевать, чего ты там хотел. Твои желания не значат ничего. Упоэтому ты будешь делать именно то, что я говорю.

Дашан был жестоким миром. Глубокие шрамы избороздили поверхность его континентов, бездонные расселины пересекали его города. Вулканическая измученная планета. Оргы рабов трудились в шахтах, добывая превосходные, лишенные недостатков драгоценные камни, рожденные в кипящей магматической лаве и столь необходимые для изготовления когитаторов и сенсоров космических кораблей. Однажды рабы восстали и стали истреблять правящий класс, к которому принадлежал и Кройвас Вел Сканниэн, астронавт, связующее звено между планетой и остальным Империем. Испытывающие Души прибыли в этот мир, чтобы набрать рекрутов среди восставших рабов, и заодно подобрали Кройваса, пожелавшего отправиться с ними.

Капеллан принял его. Но больше никто в ордене даже не подозревал о существовании этого пассажира.

Так Кройвас и стал личным узником Уктиноса. Астронавт провел в саркофаге уже столько времени, что потерял счет дням и почти лишился рассудка. Он даже начал утешать своего пленителя, обещая тому вещи, на которые не был способен, или рассказывая о вымышленной возлюбленной на Дашане, которая, возможно, все еще жива и ждет его. Капеллан же лишь спокойно объяснял, что Кройвас не способен предложить ничего, что могло бы его заинтересовать, и что, существуя даже такая женщина в реальности, она бы уже давно лежала в одном из массовых захоронений, куда имперцы сбрасывали трупы взбунтовавшихся рабов Дашана.

Тогда Кройвас принялся угрожать и в своем отчаянии ухитрялся придумывать вполне реалистичные опасности для Уктиноса. Обещал, что вытащит душу из тела своего порабощателя, что сведет его с ума,

соплет воспоминания и превратит в
слонявого младенца. Что расскажет всему
ордену, чем занимается капеллан. Но
Уктинос знал: будь астронавт так силен,
как заявлял, он давно бы уже превратил
свои угрозы в жизнь.

Спустя некоторое время -- обычно это
занимало почти час -- выдохшийся,
охрипший Кройвас сгавался и вновь
погружался в кошмарные сновидения.
Астронавты отправляли и принимали
ментальные сообщения, служа для
Империи единственным надежным
средством передачи информации через
бескрайние межзвездные просторы, но
каждый из них использовал для этого
особенные методы. Кройвас во снах получал
сложные образные послания, требовавшие
преобразования в понятные
астронавтические коды после пробуждения.
И пока он спал в саркофаге под водой, через
его разум проходили обрывки трансляций
со всего Империи.

Кагуя вновь была охвачена войной.
Эта планета являлась главным оплотом
обороны Империи, выстроенной вокруг

Она Ужаса, но теперь командующий
Урсаркар Круг запрашивал помощи у всех,
кто готов прийти и сразиться с
предателями и демонами,
извергающимися из портала, ведущего в
Хаос. Поистине плачевные известия, но
Уктинос заставил Кройваса перейти к
другим новостям.

Ксеносы, с которыми люди прежде не
сталкивались, основали собственную
империю на южной границе в пределах
планет, эвакуированных или выжженных в
ходе столетней войны против вторжения
тиранидов. Но это не имело ни малейшего
значения для капеллана. Все эти
миллионы граждан Империи, взывающие
о помощи, ничего не стоили. Более того,
они лишь отвлекали от истинно важных
дел. Точнее, могли бы отвлечь кого-то,
кто не обладал сверхчеловеческой
самоотверженностью Уктиноса.

Похожие на скелеты механические
креатуры неторопливо занимали
солнечные системы, лежащие возле
галактического ядра в сегменте
Ультима. В западном рукаве Галактики в

результате восстания возникла новая империя, и теперь повсюду рассылались призывы прийти и расправиться с мятежниками. Ересь, охватившая несколько планет неподалеку от священного Гафалатора, привела к войне, и теперь епископат этого мира требовал помощи, чтобы битва не достигла его земель.

Бесполезно. Ни от одной из этих новостей не было ни малейшего толку. Уктинос продолжал давить на Кройваса, но сознание астроната уже и так грозило распасться на части. Губы пленника окрасились кровью; он силился преобразовать в слова какофонию граничивших с безумием образов, наводнявших его разум. Однако состояние астроната не беспокоило Уктиноса, вынуждавшего свою жертву продолжать.

Демоны наводнили улицы мира, отрезанного от остального Человечества варп-штормом. Зеленокожие устроили бойню в джунглях планеты в глубине сегмента Темнестус. Несколько аграрных миров оказались охвачены

восстанием мутантов, сжигавших поля, и теперь многим ульям грозил голод. Пиратские флотилии ксеносов охотились на корабли паломников, пожирая даже души своих жертв.

Божества чужаков вербовали себе последователей среди людей, распространяя заразу безумия и ереси; сотни тысяч войн полыхали среди миллионов планет...

--- Остановись, --- приказал Уктинос.

Кройвас захрипел и выплюнул сгусток крови. Его губы продолжали шевелиться, беззвучно проговаривая образы, врывающиеся в сознание астропата, лежащего в холодном каменном саркофаге.

--- Вернись назад. К зеленокожим.

--- Огромные... страшные звери, --- просипел Кройвас. --- Появились неожиданно. Сняли оборону. Без помощи все погибнут.

--- Где? Есть там что-нибудь о черном камне?

--- Да... символ. Шифр. Черный камень. Оникс. У... стекло.

--- Вулканическое стекло, --- произнес Уктинос. --- Обсидиан.

--- Да.

--- Что-нибудь еще?

--- «Теперь эта земля принадлежит нам, и мы никогда более не испытаем скорби»,^[1] --- ответил Кройвас. Его слова прозвучали так, словно астронавт цитировал их откуда-то.

--- Продолжай.

--- Этот мир. Могила для героев.^[2] Ван... Ванквалис. Где правит каменный змей. Гордыня.

--- Звери?

--- Тысячи зеленокожих просыпались с неба дождем. Их слишком много, чтобы сосчитать. Армия людей была разбита в считанные минуты. Весь флот... уничтожен.

--- Уверен, что не преувеличиваешь?

--- Нет. Если не придет помощь, там все погибнет.

--- И у них есть надежда на нее?

--- Они слишком изолированы. Хотя, быть может, кто-нибудь и откликнется.

Уктинос распрямился и посмотрел на мониторы. Сердце Кройваса могло не

выдержатъ продолженія.

— Я ожидалъ большаго, — заметил капеллан. — Ты уверялъ, что являешься лучшимъ изъ лучшихъ.

— Тогда отпустите меня, — простоналъ Кройвасъ.

Вместо того чтобы отвѣтить, Уктинос подобралъ дыхательную трубку и снова заткнулъ ею ротъ своего пленника. Астронатъ пытался сопротивляться, но капелланъ просто сжалъ въ кулакѣ дряблую ладонь Кройваса, ломая мягкіе кости. Раздался сдавленный, слабый крикъ. Вторая, оставшаяся целой рука забарабанила по крышке, нагвинутой десантникомъ на саркофагъ.

Стенанія астроната были едва слышны даже до того, какъ Уктинос навалился плечомъ на каменный гробъ, сталкивая его въ воду.

Бросивъ еще одинъ взглядъ на показанія приборовъ, капелланъ немного повозился съ настройками системъ подачи воздуха и питательныхъ смесей, а затѣмъ покинулъ санктумъ и направился къ выходу изъ пещеры. На ходу онъ снова наделъ шлемъ, скрывъ лицо за

маской в виде оскалившегося черена.

Уктинос всегда верой и правдой служил своему ордену и не сдавался даже тогда, когда самые отважные десантники и собратья-капелланы предавали свое священное слово и традиции. И теперь он знал, что будет вознагражден... но не богатствами или миром, но возможностью сыграть роль в величайшем событии во всей истории Человечества. Космодесантники, и в особенности Успивающие Души, всегда славились неимоверным самоотвержением, но Уктинос преодолел этот грех, и теперь вовсе не гордыня горела в его сердце, заставляя исполнять свой долг.

Теперь он знал, что, когда завершится начатое, ничто в этой Галактике — и даже во всей Вселенной — не останется прежним.

Сарнедон, магистр Успивающих Души, вышел в центр аудитории, сопровождаемый взглядами нескольких сотен верных воинов. Предводитель ордена являл собой пугающее зрелище. Выше пояса

он был обычным костюмодесантником, библиарием, облаченным в пурпурные доспехи с высоким воротником, содержащим защитный контур эгиды, и с золоченым символом чаши, нанесенным на каждую гладкую поверхность. Сарнедон был глубоким стариком по стандартам большинства людей. Его лицо покрывали многочисленные шрамы, полученные во множестве войн, а глаза глубоко западали от всего, что ему довелось увидеть. Но ниже пояса он был настоящим чудовищем --- восемь паучьих лап, заканчивающихся длинными когтями, заменяли ему ноги. Одна из передних лап была заменена бионическим протезом, поскольку настоящую магистр потерял в бою, случившемся, казалось, целую вечность назад.

--- Братья во оргене, --- начал он свою речь, и голос его разнесся по аудитории, --- мы прошли столь долгий путь, что уже трудно и поверить, какими мы были когда-то. И это хорошо, поскольку показывает, как далеко мы ушли от тех времен. Конечно, не все из вас знали прежний орген.

И я даже рад этому, рад, что, несмотря на все то, что пытаются противопоставить нам Галактика, мы продолжаем вербовать рекрутов. Мы никогда не опускали рук в прошлом и не станем в будущем. Молодые кандидаты и те, кто уже успел заслужить свою броню, служат тому подтверждением.

Сарнедон обвел взглядом собравшихся Испивающих Души. Он видел давно знакомые лица тех, с кем познакомился еще в первые дни своей службы, до того, как орден решил сбросить тиранию Империи. Но много было и новичков, набранных уже во время изгнания.

Аудиториум некогда служил анатомическим театром ксенобиологической лаборатории на борту исследовательского судна, затерявшегося в варне. На стенах были закреплены огромные запыленные сосуды с заспиртованными трупами удивительных инопланетных существ, а сам Сарнедон вещал с большой каменной разделочной плиты, с которой до сих пор свисали фиксирующие ремни.

--- Некоторое время мы были
разлучены, --- продолжал магистр. --- Мне
бы хотелось услышать отчеты капитанов.
Каррайдин?

Капитан Каррайдин был едва ли не
самым старым воином, кого когда-либо
встречал Сарнегон. Перешедший по
наследству из старого ордена, он носил
один из немногих итеющихся у
Успивающих Души комплектов
терминаторских доспехов. Лицо его
выглядело так, словно кто-то пережевал
его и выплюнул. Раздался натужный гул
сервоприводов брони обеих массивных ног и
бионического протеза, заменившего одну из
них, потерянную капитаном в битве на
Стратикс Люмина.

--- Лорд Сарнегон, --- произнес
скрипучим голосом Каррайдин,
поднявшись. --- В Сүлейтанской кампании
многие новобранцы заслужили честь
носить полный комплект брони. Ум
удалось предотвратить эльдарское
вторжение и уничтожить множество
пиратов-ксеносов. Наши воспитанники
вызывают гордость.

--- Будет рекомендация?

--- Полагаю, сержант Евмен достоин возглавить полноценный отряд, ---
ответил Каррайдин.

Сарнегон нашел упомянутого десантника взглядом --- магистр помнил Евмена еще скаутом, одним из молодых рекрутов ордена, и вот юноша уже стоит в полной броне и, по всей видимости, вполне уютно чувствует себя под защитой массивных керамитовых пластин.

--- Снайпер Раек отличился в вопросах разведки и устранения, --- продолжал старый капитан. --- Моя рекомендация оставить его в составе скаутов и передать ему командование группами новобранцев. Учитывая сложившуюся ситуацию, я склонен полагать, что ордену полезно иметь скаут-ветеранов --- таких, как он.

Миловидный тихоня Раек был лучшим стрелком Успивающих Души --- некоторые даже поговаривали, что он столь же хорош, как некогда капитан Дрео.

--- Пусть будет так, --- произнес

Сарнегон. --- Что насчет последнего набора?

--- Урожай вновь был обилен, --- с явным удовольствием сказал Каррайдин. --- Прирожденные солдаты. Все, до последнего человека.

Успивающие Души вербовали новых бойцов среди угнетенных и лютых людей Империи, превращая их в косточек десантников так же, как это прежде делал старый орден, с той лишь разницей, что теперь они отказались от использования столь жесткой гипнодоктрины --- Сарнегон решил, что души его воинов должны быть такими же свободными, как и сам орден.

В течение последних месяцев новобранцы, находившиеся в подчинении Каррайдина, старались заслужить честь стать полноправными десанниками, вступая в бой с врагами Императора среди миротворцев, разбросанных по практически разоренному сегменту Темнестус.

--- Когда мы одержали свою величайшую победу, --- сказал Сарнегон, --- обманувшие нас силы решили сломить,

звергнуть в отчаяние, уничтожить нас
одного за другим, заставить вновь
броситься к их ногам, чтобы не скатиться
в бездну. Но мы прогрызли свой путь на
волю и сами создаем свое будущее. Мы
потеряли нескольких лучших воинов,
чтобы заслужить это, и я уверен, что по-
прежнему хватает тех, кто мечтает нас
остановить. Но до тех пор, пока мы
продолжаем принимать новобранцев,
верящих в наше дело, и пока эти
новобранцы успешно добиваются права
носить броню, истребляя врагов
Императора, нашим противникам не
победить.

— Впрочем, — продолжал он, — мы
всегда обязаны помнить: враг не знает
усталости. К счастью, после Грейвенхолда
мы восстановили свою численность и
теперь, я верю в это, готовы вновь
сражаться как единый орден. Доходят
слухи, что Око Ужаса открылось и
Абаддон вернулся. Все больше и больше сил
Империи уходит на сдерживание
тиранических флотилий. Его уязвимые
места оголились, но Империя слишком

прогнул, чтобы защитить себя. Мы
клялись служить Императору и вряд ли
можем исполнить этот долг, отсиживаясь
в заброшенных и удаленных уголках
Галактики.

--- Таких, как система Обсидуана, ---
раздался голос из толпы Испивающих
Души.

Говорил Уктинос, капеллан, ярко
выделявшийся среди собравшихся благодаря
черной броне и бледному, словно
стеющемуся черепу на забрале шлема. Он
стоял, окруженный своей «стаей» --- теми
десантниками, которые потеряли своих
сержантов и перешли в его подчинение.

Они всегда сопровождали Уктиноса в
бою и часто подавали пример остальным
братьям в молитвах и военных ритуалах.

--- Объяснись, капеллан, --- потребовал
Сарпедон.

--- «Сломанный хребет» принимает
множество сигналов со всей Галактики, ---
пояснил Уктинос. --- Да, сейчас мы
находимся далеко от сердца Империи,
но до нас все равно доходит информация ---
перехваченные переговоры кораблей между

собой. И я постоянно проверяю ее, чтобы
узнать, не осталось ли невыполненной
задачи, поставленной Императором.

--- И тебе удалось что-то найти?

--- Так точно, лорд Сарнедон. Система
Обсидуана в секторе Сцефан к
галактическому югу от региона Вуали.
Планета Ванквалис подверглась
вторжению зеленокожих выроdkов. Ее
жители умоляют Империум о помощи,
но, как нам всем известно,
бюрократическое колесо вращается
медленно, и орки успеют полностью
разрушить этот мир.

--- Полагаешь, Император хотел бы,
чтобы мы отправились туда? --- спросил
Сарнедон.

--- Ванквалис населяют люди
независимого нрава, --- ответил Уктинос. ---
Они оказали сопротивление имперскому
знету и остались верны собственным
традициям. Им очень долгое время
удавалось выживать самостоятельно, и
мы вполне можем найти там достойных
продолжателей нашего дела. И без всякого
сомнения, мы найдем миллиарды

верноподданных Императора, которые
погибнут без нашей помощи.

--- Мы не занимаемся
благотворительностью, --- резким тоном
возразил Тирендиан. Худощавый и внешне
привлекательный мужчина, он имел
слишком мало шрамов и слишком много
самоуверенности для того, кто повидал
столько сражений. Как и Сарнедон,
Тирендиан был могущественным
псайкером, но его силы проявлялись в виде
разрушительных волн, обрушивавшихся
на врага подобно залпам артиллерии. Он
всегда и обо всем рассуждал с такой
уверенностью и самоотверженностью, что друзей в
ордене у него было немного. --- От подобных
напастьей страдает бесчисленное
количество миров.

--- Но этому, --- парировал Уктинос, ---
мы способны помочь.

--- Нам надо спешить к Оку, ---
продолжал настаивать Тирендиан. --- Хаос
уже начал сдавать карты.

--- Возле Ока собралась Инквизиция в
полном составе, --- возразил новый голос,
принадлежавший капитану Люко --- самому

опытному штурмовику ордена. -- С тем же успехом мы могли бы просто поднять руки и сдаться своим врагам.

-- Кроме того, -- продолжал капеллан, -- не будем забывать и о том, что мы не слишком богаты ресурсами. Нам не хватает топлива и боеприпасов. «Сломанный хребет» не способен продолжать свой путь вечно. Не может этого и мы. В системе Обсидуана располагается перерабатывающий мир -- Тиранкос, -- где мы сможем получить все, в чем нуждаемся. Тирендуан абсолютно прав: мы не благотворительная организация, но сейчас нам представляется возможность и позаботиться о собственном будущем, и поточь верным последователям Императора не только выжить, но и сбросить с себя ярмо Империи.

-- И это куда лучше, -- добавил Люко, -- чем отсиживать свои зады в ожидании, пока враг сам найдет нас.

Капитан штурмовиков славился тем, что всегда стремился в бой, словно сражения были для него родной стихией. У

Сарнегон видел, что многие Успивающие Души согласны со сказанным.

--- Лигрис? --- окликнул магистр, оглядываясь на старшего технодесантника Коргена.

--- Канеллан говорит правду, --- ответил тот. Доспехи Лигриса были выкрашены в традиционный ржаво-красный цвет, а на ранце брони была установлена серворука, высовывавшаяся из-за плеча. --- Если в скором времени не произведут значительное пополнение запасов, нам придется оставить «Сломанный хребет» и искать новый флот.

--- Что ж, видимо, следующей нашей целью становится Обсидиан, --- подытожил Сарнегон. --- Уктинос, помоги мне собрать всю возможную информацию по Ванквалису и текущей обстановке. Лигрис, рассчитай курс варп-перехода. Мы должны подготовиться к...

--- Да пусть себе подыхают! --- крикнул кто-то из рядов Успивающих Души.

Это оказался Евмен --- сержант, едва успевший заслужить право ношения полной брони. Протолкавшись вперед, он подошел

почти вплотную к анатомической плите в центре аудитории. В боях юноша показал себя отличным солдатом. Его цепкий умный взгляд постоянно шарил вокруг, но лицо было столь же спокойным, сколь и молодым.

— Скаут Евмен, — произнес Сарпедон, — как я понимаю, ты с чем-то не согласен?

Юноша поморщился, словно сама необходимость говорить об этом оставляла мерзкий привкус в его рту.

— Население Ванквалиса ничем не отличается от остальных обитателей Империи. Они окажутся такими же разбращенными, как и все. Сарпедон, ты же сам утверждал, что повернулся спиной к Империи, но продолжаешь раз за разом втягивать нас в его войны!

— Мы отреклись от Империи, — потрачев, ответил магистр, — но не от Императора.

— Да, но эти люди и есть Империя! Животные, убийцы, они погрязли в грехах, с которыми мы призваны сражаться! Если для этого понадобится их всех истребить, подвергнуть населенные ими

тиры очищению огнем, то так ты и
должны поступить! Император
превратился в скотный двор Хаоса!
Император в слезах взирает на
Галактику, ведь никому из нас не хватает
решимости все изменить!

— И что же ты предлагаешь? —
изменившимся голосом поинтересовался
Иктинос.

Евмен обвел взглядом остальных
Успивающих Души.

— Император сам подставляет свои
слабые места. Вы же об этом только что
говорили. Надо нанести удар, пока есть
такая возможность. Разрушить все.
Агенту, бастионы тирании Офелию VII
или Гафалатор. Только представьте, что
мы сможем атаковать саму Святую
Терру, покончить с Астрономиконом!
Тирания будет низвергнута во прах! Мы
же сможем возродить из этого праха новое
Человечество! Вот как я вижу служение
Императору.

— Это безумие, Евмен! — крикнул
Сарнедон. — Если Император падет, у
человеческой расы не останется шансов.

Уничтожением людей спасти невозможно.

--- Если ты, Сарнедон, считаешь, что я сошел с ума, то знай, что очень многие из нас заражены тем же безумием. Не стоит рассчитывать, что я такой один. У тебя действительно может это сделать! Подумай над моими словами. Империям ходит по грани уже несколько тысяч лет. Мы --- лучшие воины Галактики, и каждый из нас знает, чего страшится имперский скот. Мы добьемся своего, достаточно только решиться!

--- Довольно! --- Сарнедон распрямился во весь рост. Благодаря научным лапам, он стал значительно выше любого из своих десантников. --- Существует субординация, и ты обязан ей подчиняться. Это говорю я, магистр твоего ордена!

--- Мне никто не смеет приказывать! --- В глазах Евмена пылала ярость. --- Ни ты. Ни Империя. Никто. Ты настолько скован цепями прежнего ордена, что и сам превратился в тирана.

Воцарилось молчание. Сарнедону и прежде доводилось сражаться с собственными собратьями --- он стал

магистром, когда в ходе войны, расколовшей Успивающих Души, низверг Торголеона и взял правление в свои руки. Ему пришлось воевать с теми, кто цеплялся за прошлое ордена, и даже скрестить оружие с одним из собственных последователей -- Теллосом, чей разум был разрушен темными силами, против которых и боролись Успивающие Души. Но никто и никогда не выходил на конфликт с таким нахальством.

-- Как я погляжу, -- тщательно подбирая слова, произнес Сарнедон, -- орден вовсе не сплотился под твоим началом и натеревается взбунтоваться.

Он обвел взглядом собратьев. На их лицах читались и гнев, и раздражение, вызванные выходкой Евмена, но в то же время понимание и даже сочувствие телести скаута.

-- И это значит, что ты не можешь просто пропустить мои слова мимо ушей, -- сказал Евмен. -- Как уже говорилось, я не одинок.

Юный десантник улыбнулся и вышел в самый центр аудитории, встав лицом к

лицу с магистром.

— Говорят, что Император прыгает
силы ударом носителя его воли. Что
Розал Дорн лично наблюдает за исходом
поединков. Ты уверен, Сарнегон, что они
встанут на твою сторону, если мы уладим
все по старинке?

По старинке... поединок чести. Одна
из древнейших традиций Успивающих
Души, восходящая истоками к легиону
Имперских Кулаков, возглавляемому
легендарным примархом Розалом Дорном.
Легиону, основанному почти десять тысяч
лет назад, которому наследовали
Успивающие Души.

— Бьется до первой крови, — хищно
оскалившись, произнес Сарнегон. — Ты
недостойн такой чести, как благородная
смерть.

В самом сердце «Сломанного хребта»
располагались мрачные храмовые палубы,
запутанные катакомбы и расписные
алтари, некогда принадлежавшие
«Провозвестнику гибели». Об этом корабле,
затерявшемся в варне и ставшем

частичкой «скиतालца» еще в незапамятные времена, мало что было известно, но его капитан или создатель определенно был сумасшедшим. Ночные тюремные катеры, помещения для пыток, стальные баки, покрытые потеками кислоты, расположенные под лабиринтами темницы с каменными лежаками, к которым были прикреплены фиксирующие ремни. Вся эта скрытая за угрюмой торжественной, мрачной великолепием память о безумии и страданиях позволяла только догадываться о предназначении «Провозвестника гибели».

Купол, поднимавшийся над головой Сарпедона, украшало множество скульптур, сплетающихся в единое полотно, повествующее об урожде и жестокости. Под этим искусственным каменным небом, скорчившимся в агонию, располагался бассейн, наполненный водой, из которой также поднимались гигантские фигуры, созданные ваятелями так, словно они упали сверху и теперь протягивали руки в тщетных попытках возвращения. Купол был просторен; он

Вполне мог сравниться размерами с храмом Дорна, где состоялась последняя подобная дуэль между Успивающими Души.

Костогесантники, выстроившиеся на краю бассейна, казались крошечными на фоне странного величия этого места. В самом центре водоема друг напротив друга стояли Сарнедон и Евмен --- облаченные в броню, но безоружные.

Это был их бой, и только их, но от того, чем он закончится, зависела судьба всего ордена. Однако пока что это касалось только двоих.

--- Скажи, Евмен, зачем тебе надо было доводить до этого? --- произнес Сарнедон. --- Ты мог прийти ко мне раньше, не втягивая весь орден.

--- Дело не только во мне, Сарнедон. --- В голосе Евмена неизменно звучали настырливые нотки, словно он всегда и ко всему вокруг себя относился с некоторой издевкой. --- Нас уже десятки человек. И ты не сможешь удерживать нас вечно.

--- Так ты, Евмен, пришел сюда, только чтобы угрожать мне или все же решить этот вопрос?

--- Давай без колдовства, Сарнегон, ---
улыбнулся юноша.

--- Без колдовства.

С этими словами Евмен бросился на магаистра. Тот откинулся на спину и выбросил вперед лапы, защищаясь, но толеродой десантник оказался куда более проворным, нежели можно было ожидать. Кулак юнца врезался в пластину, защищающую живот Сарнегона, и хотя броня остановила удар, магистр отлетел назад, вспарывая воду когтями и пытаясь удержать равновесие. Евмен взметнулся в воздух, прокрутился и приземлился сапогом прямо на бионическую лапу Сарнегона. Во все стороны полетели электрические брызги, нога переломилась, и магистр, вновь утратив равновесие, повалился в воду и едва успел откатиться в сторону, прежде чем кулак Евмена врезался в то место, где только что находилась его голова. Под бронированной перчаткой юноши растрескался камень.

Евмен дважды учился войне. Вначале у грубых и жестоких изгоев, среди которых вырос, а затем у Успивающих Души, под

опекунством Каррайдина. Он был хитер настолько же, насколько быстр, и так же смертоносен. И сейчас вчерашний скаут действительно намеревался убить своего магистра. Тот видел это в каждом движении соперника.

Юнец вновь бросился в атаку, но Сарнедон уже успел подняться и прижаться спиной к огромной каменной руке, отколовшейся от одной из скульптур наверху. Евмен наносил удары и парировал ответные, но магистр постоянно отступал, не позволяя сопернику прорвать свою оборону. Сломанная бионическая лапа искрила в воде, пока Сарнедон кружил, прижимаясь к каменной руке и внимательно оценивая каждое движение и выходы Евмена.

— Так чего ты хочешь? — спросил магистр. — Зачем ты здесь? На каком деле?

Евмен скользнул под здоровую переднюю ногу Сарнедона и метнулся вперед, сокращая расстояние, одновременно прокручиваясь всем корпусом, чтобы ударить локтем в лицо лидера

Успивающих Души. Но тот успел перехватить его и использовать силу, вложенную Евменом в затах, чтобы перекинуть юношу через плечо. Молодой десантник врезался в скульптуру, изображающую скрюченного человека, и разбил ее своим бронированным телом на сотни обломков. Евмен упал, но уже спустя мгновение вновь оказался на ногах. Его лицо было разбито и сочилось кровью, но он все равно зарычал и вновь бросился в нападение.

В этот раз Сарнедон обрушил на соперника силу когтей, сбивая с ног и вынуждая распластаться в воде. Юноша забился впоныхах выбраться из-под давящего на него веса, когда магистр наклонился, чтобы схватить его.

Из воды взлетел острый, точно кинжал, осколок камня. Сарнедону едва хватило реакции, чтобы отскочить в сторону, когда Евмен попытался перерезать ему горло. Воспользовавшись этой возможностью, молодой десантник ударил ногами, выбивая лапы из-под магистра. Теперь уже в воду повалился и

сам глава оргена.

Неожиданно они оказались лицом к лицу. Сарнедон перехватил сжимающую лезвие руку у самого своего горла, не позволяя ей повредить даже кожу. Он смотрел прямо в глаза юнцу и не видел в них ничего от настоящего костогесантника. Конечно, Евмену пересадили те органы, что позволяют простому смертному изменить свое тело, и парень одет в силовую броню, служащую визитной карточкой Агентус Астартес... и все же так и не стал костическим гесанником. Во всяком случае, не в том смысле, в котором его мог бы принять прежний орган. Сарнедон сам не понимал, что делает, когда начал заново набирать воинов и превратил Евмена в того, кто игрался с ним сейчас.

Юноша попытался надавить и вонзить острое, но магистр был сильнее, и каменный нож начал постепенно отходить в сторону. Затем Сарнедон поднял свободную руку, один из пальцев которой был окрашен в темный цвет... в цвет крови, вытекающей с порезов на лице

Евмена.

--- Первая кровь, --- заявил Сарнедон, поднимая ладонь так, чтобы ее видели все собравшиеся воины. --- Первая кровь! --- прокричал он, обозначив конец сражения.

В течение нескольких секунд магистр не видел в глазах своего соперника ничего, кроме желания убивать. Правила поединка чести были отброшены, и для Евмена Сарнедон уже был не братом по оружию, а просто врагом, которого следовало уничтожить. Сарнедон неожиданно для себя осознал, что юнец и в самом деле верил в собственную правоту. Для Евмена магистр был такой же отверженной тварью, как и демоны, охотящиеся на людей.

Наконец хватка Евмена ослабла, и раскаленный осколок упал в воду. Закованные в броню руки опустились на плечи молодого десантника и оттащили его от Сарнедона. Ненависть покинула глаза юноши, но ее сменило нечто вроде триумфа, словно Евмен верил, будто каким-то образом доказал свою правоту.

--- На заупитвахту его, --- приказал

Сарнедон, поднимаясь из воды на оставшихся семи лапах. -- И выставьте охрану.

Подбежал и закачал головой при виде изувеченной бионической ноги апотекарий Паллас.

-- Ремонт определенно займет время, -- заявил он.

-- Скажи спасибо, что это именно она, -- заметил Сарнедон.

Сломай юноша не бионику, а одну из живых лап магистра, он выиграл бы дуэль до первой крови. Поражение было близко. Пускай Сарнедон и был натного сильнее, но самоотверженность чуть не позволила Евмену уйти победителем.

-- Что прикажешь, лорд Сарнедон? -- спросил техногесантник Лигрис.

Сарнедон перевел на него взгляд. Так же как Паллас, Люко и другие, этот воин являлся одним из старейших и наиболее доверенных товарищей, ветеранов Войны Ордена, прошедших вместе с магистром все тяготы. Сарнедон вдруг подумал о том, что таких людей становится все меньше и что Успивающим Души все чаще

приходится полагаться на новобранцев.

--- Прокладывай путь к Обсидиану, ---
приказал он. --- Выясни об этой системе
все, что только сможешь. И пусть все
готовятся к войне.

Глава третья

--- Но что же делать с большинством тех, кто составляет Человечество? Составею Императора?

--- Забудьте о них, ибо в основной своей массе они уже давно обречены.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

--- На землю! Всем лежать! --- Генерал Варр едва успел прокричать эти слова, прежде чем первые пули, разбрасывая вокруг горящие щепки, засвистели среди стволов и ветвей, в переплетении которых высился дворец Райтспайр.

Бойцы 901-го жались к земле, пытаясь найти укрытие. Великоленные окрестности дворца, где густые джунгли Неверторна были ухожены до состояния парка с цветочными лужайками, украшенными декоративными озерцами,

стали еще одним полем битвы. Барр едва успел скользнуть под защиту огромного поваленного дерева, когда с неба посыпались обломки, а плотный поток ишраинели принялся косить траву и ветки.

Прямо на глазах генерала одного из его людей разрезало пополам. Труп рухнул в пруд, окрасив воду алой пеной. Еще один солдат зашатался, зажимая окровавленную культю на месте оторванной руки, но его товарищ успел подхватить раненого и оттащить за скульптурную группу. Барр силился определить, откуда по ним ведется огонь. Судя по всему, противник расположил артиллерию позади полосы деревьев, образовавших границу дворцового сада, — тусклые оранжевые всполохи между деревьями сопровождалась взрывами на лужайках. Враг оставался за пределами видимости, и те, кто оборонял дворец, могли лишь слышать канонаду выстрелов и рев снарядов, обрушивавшихся на сад.

--- Докладывай! --- зарычал Барр в трубку переносного вокса, силясь перекричать какофонию бомбардировки.

— Их тут сотни! — пробился сквозь
статикү ответ. — Күллек видел их на
холме! Они бросили на нас все силы; это
полномасштабное лобовое наступление!

Күллек удерживал позиции чуть
впереди, ближе к границе джунглей,
образуя первую линию обороны.

Барр возвратил трубку вокса
стоявшему рядом солдату и повернулся к
лейтенанту Фүлгорину, прислонившемуся
спиной к древесному пню.

— Они идут в атаку, Фүлгорин.
Поднимай людей, пускай готовятся к
отражению.

— Но они же угодят под снаряды... —
начал было лейтенант.

— Обязательно угодят! — отрезал
Барр. — А как ты думаешь, зачем нас сюда
вообще послали?

Фүлгорин помедлил. Конечно, он был
аристократом, тем, кому обязаны
повиноваться... прирожденным офицером.
Но он привык полагать, что в глазах
Империи бойцы 901-го точно такие же
люди, как и он сам.

— Пойти, зеленокожие прикончат нас

куда быстрее, чем эти чертовы бомбы.
Выполняй приказ!

--- Так точно, сэр! --- Лейтенант побежал по саду, выкрикивая на ходу приказы и готовя своих людей к контратаке.

Служи он в Имперской Гвардии, его бы могли считать старомодным, предпочитающим лично возглавить своих людей в бою, прикнүв к их рядам и воорүжившись лазерной винтовкой и штыком. Солдаты 901-го, не обращая более внимания на падающие с неба снаряды, устремились вперед, обустряивая огневые позиции среди күлб и на берегах декоративных прүдов. Тысячи человек, тысячи стволов... благодаря своей зеленой форме они практически терялись на фоне столь же зеленой травы. На дальнем фланге закрепились Стражи --- немногочисленные артиллеристы, сумевшие пережить первое нападение орков в Палатиүте. Им командовал офицер голүбых кровей --- человек, с которым Баррү пока үдалось поговорить исключительно по воксү, --- лорд Совелин

Фалкен. Барр понимал, что в бою эти люди будут так же бесполезны, как и те, кто уже погиб на улицах Палатимата. Даже издалека он мог видеть их темную синюю форму и цветастые наградные ленты, латунь и серебро оружия. Долго эта группа продержаться не могла, но 901-й сейчас нуждался в любой возможной огневой поддержке.

Перед защитниками темно-зеленым театральным занавесом вздымались джунгли Неверморна, чьи деревья достигали тридцати метров в высоту. Глубокие тени пролегли под их переплетенными ветвями, словно образующими крышу над континентом. В гуще зелени бурлила жизнь, и прямо сейчас Барр видел чернеющее облако покидающих привычные места обитания птиц, ящериц и насекомых.

Животные знали, что сейчас прорывается сквозь лес и грозит уничтожением Райтспайру.

Сам дворец, который обороняли войска, вырывался из джунглей словно рука, протянутая к бирюзовому небу.

Ванквалиса. Выращенный из самых толстых деревьев, невероятно увеличенных и измененных при помощи некоей давно забытой биотехнологии, Райтспайр являлся собой величайший из памятников Человечеству на Неверторне. Его комнаты и залы, подобные раковинам жемчужниц, были выточены в живых растениях, а в немощно огромных ветвях, опоясывающих кольцо основное строение, располагались часовни и посадочные площадки для частного транспорта. Райтспайр служил символом власти человека над джунглями, и, не нанеся зеленокожие удар во время парада Стражей, высокопоставленные аристократы дома Фалкен в большинстве своем искали бы сейчас укрытие в этом роскошном дворце.

В стены Райтспайра один за другим вонзались снаряды, раскидывая вокруг куски горячей коры и обломки ветвей, смертельным градом обрушивающиеся на парк. Барр вытащил из кобуры лазерный пистолет и занял свое место в рядах командирского отряда. Один из бойцов,

стоявших поблизости, повалился на землю, но крики утирающего утонули в грохоте разрывов и лающих выкриках офицеров. Погибший солдат стал жертвой одной из упавших ветвей и теперь лежал, словно приколота бұлавкой бабочка, истекая кровью.

Барр отвел взгляд. Когда-то давным-давно он не мог смириться с гибелью своих людей. Ему и сейчас было нелегко, но со временем он пришел к пониманию, что смерть на службе Императору в некотором роде становится победой для людей 901-го и, учитывая численность императорской армии, только на эту победу они, скорее всего, и могли рассчитывать.

Командир повернулся к вокс-оператору Декрину, чье лицо украшали сходящиеся кинжальным острием черные татуировки, служившие одновременно и знаком банды, и городским камуфляжем. Важнейшее правило 901-го полка гласило: никогда не спрашивай, за что человека отправили сюда. Но в случае Декрина все и так было очевидно.

— Где лейтенант Куллек? — спросил

Барр у связиста.

--- Возле озера, сэр, --- ответил тот, продолжая крепко прижимать к уху трубку вокса. --- Того, где мост. Говорит, собирается со своими людьми нарезать хотя бы сотню зеленых ушей.

--- Дай сюда, --- сказал Барр, отбирая трубку. --- Күллек! --- закричал он, чтобы его можно было расслышать за грохотом новых взрывов, взметывавших фонтаны грязи и ошметки тел.

--- Сэр, я уже чую их запах! --- проревела трубка в ответ.

Всмотревшись в грязевой град, падающий с неба, Барр сумел различить силуэты сброса, подчинявшегося Күллеку, --- Мясников, залегших вдоль резного берега озера, через которое был переброшен мост. Кроме того, командир вигел и самого Күллека --- медведеподобного мужика с гладко выбритой головой, который, казалось, чувствует себя как дома среди всей этой толпы убийц. Впрочем, ни один из них не мог сравниться с ним в жестокости. О его преступлениях знал каждый --- Күлек был серийным маньяком.

собираателем черепов, настоящим зверем. Он обожал войну.

— Күллек, отводи своих людей! Надо заманить тварей и накрыть перекрестным огнем! Размещай огневые позиции по флангам, а центр двигай к Троксу!

— Я чую их, сэр! — продолжал Күллек, будто вовсе не слышал голоса генерала. — У этот запах... они пахнут так, словно гниют заживо, словно все убитые и умирающие восстали из могил! Отменная охота будет, братва! Как в старые добрые времена!

Барр услышал одобрителный рев остальных Мясников. Еще совсем недавно генерал подумывал выкорчевать из армии таких людей, как Күллек, отправить их всех на виселицу, чтобы они не заражали солдат своим безумием. Но пришли другие времена, другие порядки, и теперь именно этот психопат оказался одним из тех, кто не позволял 901-му просто разбежаться.

Со стороны джунглей зазвучали ружейные выстрелы.

— Стоять! — равкнул Варр в надежде, что Куллек все-таки передаст приказ своим бойцам и не позволит им броситься вглубь леса. — Отводи парней, строй боевой порядок и...

Из джунглей раздался оглушительный рев, чудовищно громкий топот и треск рушащихся деревьев. Вначале Варр увидел одну лишь только тень — необъятное черное пятно, протянувшееся по поляне. А затем в поле видимости, сгиная древние деревья, возник и сам монстр. По образовавшейся просеке уже бежала завывающая зеленокожая орда.

Чудовище потрясало воображение: почти пятнадцать метров в высоту, покрытое свалывшейся грязной шерстью, оно передвигалось на четырех лапах, а пасть, столь обильно усеянная острыми зубами, что не могла закрыться, была украшена массивными бивнями. Злобные красные глаза пылали ненавистью и болью, причиняемой десятками менее крупных зеленокожих, подгонявших зверя ударами копий. Передние лапы твари заканчивались массивными когтями.

оставлявшими глубокие борозды на земле
и разбрасывавшими зазевавшихся орков.

Мясники Куллека покинули свое
укрытие, открыли огонь, и алые росчерки
лазерных выстрелов замечались по
территории перед приближающимся
чужовищем. Из джунглей, стреляя из всех
стволов, высыпали орки; пороховой дым и
поднятая пулями пыль значительно
ухудшали видимость.

--- Тяжелые орудия к бою! --- приказал
Барр. --- Все, что у нас есть серьезного,
пусть работает по этому зверю! Пусть
лорд Фалкен бросит против него свою
артиллерию.

Мекрин принялся передавать приказ
офицерам 901-го и лорду Фалкену,
удерживавшему гальний фланг. Остальные
бойцы командирского отряда залегли
в близости, сняв оружие с
предохранителей и готовясь оборонять
генерала от приближающихся орков, ---
Шеншао уже успел прогреть свой
плазман, и даже врач Морн вытащил из
кобуры лазерный пистолет. Барр обнажил
меч --- не тот энергетический, что носил

некогда, как командор Гвардии, и даже не ценной, но самый простой пехотный меч, который использовал лишь для того, чтобы отличаться от рядовых солдат.

На зверя обрушился плотный огонь, но зеленокожие продолжали гнать огромную тварь вперед, и ее гигантские лапы уничтожали ухоженные клумбы и аккуратно подстриженные деревья. В чудище ударила ракета, вырвав из его плеча громадный кусок мяса и погнав шерсть, но даже эта рана не причинила зверю серьезного вреда и только подогрела его гнев. Животное опустило голову, загребая нижней челюстью землю, а затем опять вскинуло, пережевывая тела двух или трех солдат.

Сердце Варра бешено колотилось. Он и думать не мог, что увидит на Неверторне создание, подобное этому корольству чудищу. Все это было слишком неожиданно, и теперь его планы по обороне Райтспайра рассыпались на глазах. Но командир недаром получил свое звание — он умел чувствовать битву и приспособливаться к ее неожиданным

поворотам. Именно этим он и занялся, хотя стоявший рядом Шеншао уже начинал обстреливать из своего плазматана уродливых зеленокожих, сминающих первую линию обороны 901-го.

--- Мекрин, вызывай Трокса, --- приказал Варр.

Связист повожился с тумблерами и переключателями вокса, а затем протянул командиру переговорную трубку.

Трокс определенно был занят толитвой, поскольку из динамика слышалось:

--- ...с Трона на Небесах, ради Него, что помогает нам в скорби, ради Него, что дарует нам искупление через кровь Его врагов...

--- Трокс! --- закричал Варр. --- Приказываю отступить к дворцовым воротам!

--- Но ксеносы уже среди нас, генерал! --- раздался ответ. В гортанном голосе Трокса нервной дрожью отзывалась ярость религиозного фанатика. --- Великий Зверь взирает на нас голодным взглядом!

--- Уходите и отдайте им

центральное направление. Это приказ!

Внутри у Барра все сжалось в тугой ком. Он с самого начала понимал, что им предстоит тяжелый бой, который они могут и не выиграть. И сказать по правде, на гигантского зверя еще можно было найти управу, но вот численность орков служила действительно решающим фактором — сотни зеленокожих уже сцепились с 901-м. По всей линии обороны шли перестрелки с близкого расстояния, ксеносы набрасывались на солдат, размахивая тясницкими топоратами. Его люди погибали один за другим в дыму и грязи: кто-то падал с развороченной вражескими выстрелами грудью, кого-то нанизывали на пик и поднимали над головами, словно знамя. На фланге Фалкена уже тоже шел бой, артиллеристы продолжали накрывать поле боя залпами мортир, пока заряжающие команды пытались при помощи штыков и автоматических винтовок удерживать осаждающих их орков.

И в эту самую минуту среди

творящегося безумия Варр увидел вожака. Предводитель зеленокожих был значительно крупнее любого из своих сородичей — генерал уже знал, что орки становятся выше и мощнее с каждой пережитой ими военной кампанией и что с физическим ростом они неизбежно поднимаются по иерархической лестнице, со временем превращаясь в настоящие машины убийства, руководящие ордой. Но вожда, которого Варр видел сейчас перед собой, совершенно не был похож на забывающих кровожадных убийц, что буйствовали в дворцовых садах. Огромный орк двигался с пугающей целеустремленностью, внимательно оглядывая собственные боевые порядки примерно так же, как делал бы сам Варр.

Одну руку вожака заменял грубый механический протез, а под его ногами суетилась стайка крошечных остроносых существ — гвардейцы называли их гретчинати либо гротати, — но генерала поразила взгляд гиганта. В нем не читалось привычной жажды крушить и убивать. Вожак определенно стремился к

чету-то большому, нежели к простому разрушению.

901-й сдавал позиции. Теперь Варр мог безо всякой техники слышать голос Трокса, возносящего молитвы Императору и одновременно обстреливающего из гранатомета надвигающихся орков. Войска отступали по изрытой взрывами земле, прикрывая отход огнем лазерных винтовок и соблюдая строгую дисциплину, которую столь долго вбивал в них генерал.

Об их оборону разбивались огни за другой волны зеленокожих, но ксеносы все равно продолжали наступать; огромный зверь уже спустился в одно из озер и теперь крушил мост. Орки продолжали гнать бойцов 901-го к дверям дворца Райтспайр.

План не работает. Варр понимал это, но все равно отдавал распоряжения по фланговым подразделениям, приказывая им окружить орков и накрыть их перекрестным огнем. Ксеносов было слишком много, и они заполняли дворцовый сад, как вода наполняет чашу. Твари даже дрались друг с другом за право первыми

наброситься на солдат полка. Огромный
костатый зверь вышел из повиновения и
теперь бежал к позициям артиллерии
лорда Фалкена. Конечно, Варр не питал
особого уважения к этому аристократу,
который был одним из тех командиров
войск планетарной обороны, которые
проморзали столь бесцеремонное
вторжение, и все же от одной мысли о
том, что чудище сейчас растопчет
Стражей, у генерала похолодело в груди.

Раздумья Варра были прерваны
внезапным движением поблизости и
шумом. Его отряд встретился в бой, и
орки повернулись к нему и зарычали.
Осознав, что 901-й все-таки решил дать им
неподобающий отпор. Лазерные винтовки
ломались под ударами топоров, пули
буравили тела, кости трюнов хрустели
под сапогами воинов. Над полком
разносились воинственные крики, но все
они тонули в бешеном реве
противостоящих людей орков.

Из мешанины сражающихся тел на
Варра выскочила массивная фигура, и
генерал уложил ее выстрелом в глаз, но за

первым противником последовал и второй, заноса над головой зазубренный топор. Барр встретил удар собственным мечом, но его клинок не выдержал, и в ту же секунду генерал оказался за спиной своего, казалось, весящего тонну и состоящего из одних мышц врага. Обломок меча вонзился в основание орочьего черепа, и Барр почувствовал, как его недруг забился в предсмертных судорогах. Отбросив от себя стерпящий треп, генерал развернулся и едва не ослеп от яркой плазменной вспышки, когда Шеншао прикончил выстрелом в голову еще одного орка, пытавшегося подобраться к командиру со спины.

Обузленное тело зеленокожего рухнуло в грязь, и тут же Морн схватил Барра за шиворот, оттаскивая в сторону, когда по приближающимся зеленокожим ударили лазерные винтовки.

— Поглатать не надо? — спросил Морн, расплываясь в широкой улыбке. Его зубы либо отсутствовали, либо торчали почерневшими пеньками, лицо пробороздили настолько глубокие

торщины, что казались шрамами от
ножевых порезов, редящие седые волосы
торчали пучками, и Барр в очередной раз
погодившись тому, что этот человек все
еще жив, не говоря уже о том, что
продолжает работать полковым медиком.

— Пока не требуется, — прохрипел
генерал, распрямляясь и делая несколько
выстрелов по оркам, чьи силуэты маячили
за сгущающимся дымом и грязью,
сыплющейся с неба. Большинство солдат
стянулись к позициям Барра возле
главного дворцового ствола, и офицер
понимал, что многие из его людей
встретят свою гибель под вражескими
пулями либо под ударами окровавленных
топоров или захлебнутся в лужах,
придавленные тяжестью мертвых тел и
бегущих ног.

Вражеский огнеметчик превратил
бойца, стоявшего буквально в паре метров
от командира, в живой факел. Парень
бросился на перепаханную землю и
покатился, пытаясь сбить пламя. Барра
забрызгало кровью, когда еще один солдат
пал под ударом орочьего топора.

Гигантское чудище, по-прежнему неистовствовавшее на поле боя, потнуло массивной головой и подбросило в воздух разом дюжину ванквалийских Стражей.

Здесь защитникам и предстояло погибнуть. Для Варра все вдруг стало кристально ясным, и жестокая битва, кипевшая вокруг, словно затеблилась. Вот наказание за его грехи. Его отправили на Неверторн утирать. Все просто и понятно.

Неожиданно над его головой раздался рев двигателей. Варр едва успел отследить дымный след снарядов, разорвавших воздух и протчавшихся сквозь ветви Райтспайра. В следующую секунду загрохотали взрывы, вздымая к небу фонтаны земли и высоко подбрасывая изуродованные трупы зеленокожих.

Рядом с генералом залег лейтенант Фүлгорин, чье лицо было вымазано в крови.

— Это еще что за черт? — задыхаясь, спросил молодой офицер.

— «Грозовые ястребы», — ответил Варр, не в силах скрыть собственного изумления.

Похожая на горное ущелье улица города-улья была полна людей, застывших в молчаливой молитве. Тысячи бледных лиц были обращены в ожидании к марширующей мимо них процессии. Дворцовая стража несла паланкин с графиней, а вокруг них шагали «дети», держащие в руках всевозможные компоненты отолаживающего трона, подключенные к ее древнему телу. Она не могла отключить их даже тогда, когда была вынуждена оставить безопасность своих чертогов. Дети, как и всегда, хищно озирались и шипели на толпу и даже порывались укунить стражников за ноги, словно ревнуя к тому, что именно им позволено нести госпожу.

Устенисса, проплывая мимо, могла видеть слезы в глазах сограждан и, едва заметно кивая им, молча благодарила пришедших за их ожидание. Миллиарды людей высыпали на улицы города, заполнив их, вознося неслышимые молитвы об избавлении от напасти. Таков был путь обитателей Ванквалиса — стоицизм и

стирание; их скорбь всегда была безмолвна, они были готовы принять любую судьбу. Каждый удерживал свою боль внутри себя.

--- Они убивают нас! --- раздался вдруг из толпы одинокий мужской голос. --- У вас есть план? Кто теперь нас спасет?

Этот крик оборвался на полуслове, когда толпа набросилась на возмутителя спокойствия, заставив его утолкнуть под градом ударов.

Дворцовая стража продолжала раздвигать людские массы и нести свою графиню все дальше и дальше сквозь море утраченных лиц, направляясь к воротам базилики Прэктора. Это здание, как и практически весь остальной улей, было построено в излюбленном стиле основателей Ванквалиса --- оно внушало благоговение перед Императором и в то же время служило памятником индустриализации. Цельнолитые балки и решетчатые полы из темной стали сочетались здесь с колоннами и табличками с религиозными цитатами. Весь город являлся словно воплощением двух добродетелей --- трудолюбия и

набожности, -- изгравших огромную роль в жизни каждого его обитателя.

Старший архивариус, торопливо семеня, выбежал из проема между двукратно громадными дубовыми дверями, заполнявшими главный зал базилики. Его вытянутое старческое лицо возвышалось над цифровым планшетом, заменявшим ему руки и постоянно выбрасывающим из своего нутра листы распечаток. Архивариус поклонился, насколько это позволяло устройство; его пальцы, оканчивающиеся остро заточенными перьями, при этом продолжали вводить последние сведения.

-- Графиня, -- торопливо произнес он, -- я и подумать не мог, что в нынешней ситуации... Просто невероятно, что вы здесь... что решили лично со всем разобраться.

-- Проблема требует моего присутствия, -- откликнулась Истенисса. Дети поспешили занять свои места за ее спиной, едва графиня сошла с паланкина, облаченные в парчу и шелк стражники подняли вокруг нее тяжелые щиты. -- Когда речь идет о безопасности нашей

планеты, я могу доверять только самой себе.

--- Разумеется, --- выразил понимание архивариус.

Позади него слышалось бормотание его снующих между дата-стеками коллег, зачастую еще более старых. Порой не только их руки, но и лица были затенены пишущими и сортирующими приборами. Выше, по верхушкам огромных запоминающих машин, курсировали облаченные в черные доспехи солдаты Архивного полка, готовые защитить драгоценные исторические сведения. Их карабины были сняты с предохранителей. Сейчас, когда мир оказался охваченным войной и хаосом, все подразделения Хирогрейва были переведены в режим боевой тревоги.

--- Как я понимаю, вы желаете увидеть бумаги, --- продолжал архивариус.

--- Именно, --- подтвердила Устенисса.

Старик развернулся и повел графиню мимо дата-стеков, и дети засеменили следом, неся за хозяйкой глиняный шлейф платья и кабели отлаживающих модулей.

Архивариус делал все возможное, чтобы не выказывать отвращения при взгляде на неуклюжих мертвых детей. Пожалуй, на всей планете одна лишь графиня сумела смириться с их постоянным присутствием.

Дата-стеки были окружены рядами тонких черных кристаллов — носителей информации, на которые представители городов Хирогрейва записывали свою историю и отчеты о принятых решениях. Дом Фалкен, в отличие от них, предпочитал использовать более надежную и традиционную технологию священных книг, создаваемых руками писарей, чьи жизни были посвящены тому, чтобы каждое слово и желание ванквалийской знати сохранилось в истории. Каждый такой том хранился в холодных недрах базилики, где пол покрывала ледяная корка, а полки сверкали бесконечными рядами опущенных и неслучайных книг, некоторым из которых было уже много сотен лет.

Летопись, интересовавшая Устениссу, хранилась в пустотном сейфе на

небольшой «полянке» тежгү гата-стекасти,
поддерживаемая в воздухе парой стальных
крылатых херувимов.

--- Графиня, замок отпирается при
помощи генетического кода, --- объяснил
архивариус. --- Я не смогу его открыть.
Это уже за пределами моих полномочий.

Лицо Устениссы скривилось в гримасе
сдерживаемого раздражения. Ей была
отвратительна любая деятельность,
способная причинить вред или нарушить
целостность столь оберегаемой ею в
течение многих веков физической
оболочки.

Но все же суровые времена требовали
решительности. Графиня опустила палец
на считывающее устройство и
поторщилась, когда тончайший лазерный
луч прорезал ее кожу, выпуская из-под нее
капельку крови. Микрокогитатор загудел
и ненадолго задумался, стараясь
расшифровать генетический код
Устениссы, скрытый в мешанине
отслаживающих препаратов,
наполняющих ее вены.

Наконец пустотный сейф раскрылся, и

графиня извлекла из него тонкую тетрадь, защищенную стальной обложкой. На ее поверхности были выгравированы символические изображения змея и грифона -- гербы дома Фалкен и тех, кто сильно им задолжал.

-- Эти записи -- одна из самых драгоценных реликвий вашего рода, -- произнес архивариус. -- Конечно, в нашем собрании есть и более старые книги, но ни одна из них не имеет такого значения для...

Графине хватило одного единственного взгляда, чтобы заставить старика замолчать. Затем она открыла книгу. Под пальцами Истениссы зателькали гибкие хрустальные страницы, исписанные пылающим темным почерком. Каждый лист повествовал о чести и клятвах, достаточно серьезных, чтобы быть священными. Слова, представшие ее глазам, связывали авторов книги с самой землей Ванквалиса и душой дома Фалкен. Это была великая книга, и казалось удивительным, что в полутраке, царящем на самом краю Империи,

можно найти людей, для которых честь
была бы настолько важна.

Последнюю страницу украшали сразу
две подписи. Одна принадлежала
Геральдану Фалкену — могущественному
лорду, что правил много десятилетий
назад, когда Неверторн оставался
практически нетронутой территорией, а
города Хирогрейва были всего лишь
грязными деревушками поселенцев,
пытающихся закрепиться на Ванквалисе.
Вторую подпись оставил человек по имени
Орландо Фүриозо... и она была обрамлена
изображениями орла и грифона.

— Никогда прежде я не пыталась
этим воспользоваться, — тихо
пробормотала графиня. — И даже не знаю,
верю ли в то, что это может быть
правдой.

— Все в порядке? — спросил
архивариус.

— Разумеется, — отрезала графиня. —
Писари нашего дома на протяжении
многих лет записывали каждое слово. И
святость этой силы не простит нам
ошибок. Я должна увидеть все сама.

прежде чем понять, в какие долги мы собираемся влезть.

--- Госпожа, какое решение вы приняли?

Исменисса потеглила несколько секунд, пробежавшись иссушенными старостью пальцами по древним письменам.

--- Позовите астроната, --- наконец приказала она.

Дворцовая стража прибыла, гоня перед собой мускулистого человека в цепях, на лице которого зияли пустые глазницы. Бледную кожу его щек и выбритого затылка покрывали едва заметно мерцающие раны, словно человек тлел изнутри. Его руки и ноги были скованы кандалами, а одет он был в черную рясу с белой вышивкой.

Графиня терпеть не могла всех этих колдунов, как и любой богобоязненный гражданин Ванквалуса. Но астронаты, пусть и были вырождками, оставались единственным средством связи с Императором. За приближающимся псайкером пристально следили мертвые

глаза детей. Успенисса потрепала одного из своих нажей по волосам, словно успокаивая и не давая наброситься на ненавистного колдуня.

--- Мне необходимо отправить второе сообщение, --- заявила графиня. --- Его должны получить... и как можно скорей. Но все знаки должны быть пересланы с предельной точностью, так что принимающий астропат должен быть весьма силен. Я рассчитываю, что мое послание услышат и отреагируют на него со всей мыслимой быстротой, так что ошибок я не потерплю. Все понял?

--- Понял, --- ответил астропат, ежась на сквозняке. --- Но вам не хуже, чем мне, известно, что наше искусство не может быть точным. Призыв о помощи, отправленный мной два месяца назад, был принят лишь немногими, и только 901-й легион оказался достаточно близко. Чтобы вызвать конкретного получателя, необходимо куда больше силы и мастерства и к тому же требуется предельная точность символических кодировок на обоих концах. Наша же

изолированность означает...

--- Означает, что тебе придется постараться, --- отрезала графиня. --- Ты здесь нужен только для того, чтобы связывать нас с Империем. И я рассчитывала, что наш призыв приведет сюда Гвардию и Флот, а не какую-то горстку преступников. Теперь я предоставляю тебе шанс искупить свою ошибку. Послание должно дойти до адресата. Ничто иное Ванквалис не устроит.

--- Я понял вас, моя госпожа, --- угрюмо отозвался астронавт.

--- Итак, мое послание, --- продолжала Устенисса, --- заключается в том, что Ванквалис гибнет из-за нашествия корочевого отребья, а Империя прислала нам на помощь всего лишь какую-то разбойничью шайку. Дом Фалкен вынужден напомнить о древнем и священном соглашении. Мне тяжело решиться на этот шаг, но я делаю это ради своего рода и всех граждан Ванквалиса. Без помощи мы все, без сомнения, погибнем, а грязные ксеносы одержат победу над еще одним из

тиров, осененных светом Императора.

--- Будет исполнено, госпожа, ---
ответил астронавт. --- Так кому я должен
переслать ваше сообщение?

Графиня развернула книгу перед
лицом своего собеседника, и тот
пробежался пальцами по поверхности
листа; его псионические навыки позволяли
прочитать написанное на хрустальных
страницах. Теперь ему было известно все и
о древнем долге, и о тех, кто был обязан
его исполнить.

Астронавт изумленно раскрыл рот. У
илей псайкер глаза, те бы расширились
одновременно от удивления и страха.

--- Так ты можешь?

--- Могу, о графиня, --- сглотнув,
ответил астронавт. --- Конечно, столь
срочная связь через Имматериум --- задача
непростая, но вы и сами знаете, что на
том конце сигнал принимают
специалисты высочайшей квалификации.

--- Поэтому повторяю: я не прощу
ошибки, --- сказала Успенисса, захлопывая
книгу и убирая ее обратно в пустотный
сейф. --- Итак, раз уж решение принято, я

обязана вернуться к своему народу. Люди должны видеть, что их правительницу ничто не способно напугать.

Стражники вновь собрались у паланкина и, подняв его, понесли свою госпожу к выходу из базилики, где в неутраченном ожидании собрались толпы людей, выражающих свои опасения и надежды в молчании, приличествующем простому обывателю.

Астронавт же опустился на пол базилики, воспроизводя в своем сознании образы, составляющие зашифрованное послание, которое должен был декодировать его собрат, находящийся на другой стороне межзвездного потока.

Планета взывала к должнику. Все тосты были сожжены. И если Ванквалису предстояло выстоять, то причиной тому станет превосходство чести над звериной силой ксеносов. Конечно, графиня сейчас цеплялась за очень тонкую и слабую ниточку, но, поскольку Империя была так далека, а враги так близко, другого варианта просто не оставалось.

Глава четвертая

--- Что делать, если враг сильнее вас физически или численно?

--- Нет на свете ксеноса столь хитрого, как человек. У ни один предатель не обладает отвагой верных.

Дениятос.

Боевой

Катехизис

Рева моторати, «Грозовые ястребы» пошли на второй заход. Огонь тяжелых болтеров обрушился на орков, выбивая из их тел черные дуги ихора. Теперь Варр мог разглядеть штурмовые машины, зависшие над полем боя и обстреливающие ксеносов из носовых орудий. «Грозовые ястребы» были выкрашены в темно-фиолетовый цвет, и на хвосте одного из них генерал сумел рассмотреть изображение золотой чаши. Конечно, Варр не был великим знатоком орденов, но

прослужил в войсках Империи
достаточно, чтобы понять, кто управляет
этими машинами.

Костические десантники. Agentus
Астартес.

С того момента, как 901-й
откликнулся на зов Ванквалиса и,
проделав долгий путь через космос,
высадился на Неверторне, прошло уже две
недели, но Варр с самой первой минуты
знал, что его полк не сумеет сдержать
полномасштабного натиска орочьей орды и
что Ванквалис обречен. И только теперь в
сердце генерала зародилась надежда, что
он сражается не зря.

Один из кораблей прошел на малой
высоте над ксеносами, столпившимися у
двумя ворот. Боковые люки
распахнулись, и из «Грозового ястреба»
раздался грохот болтеров. Наружу
высунулся десантник, на голове которого
даже не было шлема, и взмахом молниевых
когтей указал на небольшую площадку
среди толпы врагов. «Грозовой ястреб»
неожиданно завалился набок настолько,
что казалось, он сейчас перевернется, и

вниз, изрыгая огонь из болтеров и размахивая цепными мечами, выпрыгнули десятка два костических десантников.

--- Астартес! --- закричал кто-то из солдат 901-го. --- Клянусь слезами Трона! Они прислали Астартес!

Это произвело моментальное воздействие на защитников. Даже самые отъявленные отморозки не могли не слышать о костогесанниках --- о них как о воплощении гнева Императора. Повествовали святоши в своих проповедях, о них шепотом от солдата к солдату передавались легенды. Поговаривали, что нет ничего, что было бы не под силу Астартес, --- они могли голыми руками разорвать человека пополам, никогда не старились, были способны вернуться победителями из боя с самым ужасным ксеносом. Многие, хотя и не верили, что эти воины и в самом деле существуют, продолжали поклоняться им как символу силы, данному Императором гражданам Империи. Другие же говорили, что Астартес принимают участие лишь в самых отчаянных и значимых битвах.

далеко от тех мест, куда посылают
подыхать штрафные легионы.

И вот они появились здесь, готовые
драться плечом к плечу с солдатами 901-
го.

Барр был настолько поражен, что
еще несколько секунд мог лишь наблюдать
за штурмовыми машинами,
обрушивающими град начиненных
взрывчаткой снарядов на головы орков,
пока закованные в броню костогесантники
спрыгивали на землю и готовились
вступить в сражение.

Наконец офицерская выучка вновь
взяла власть над мыслями Барра.

--- Всем группам в бой! --- закричал он,
вознося над головой сломанный меч и
поднимаясь из укрытия, чтобы его смогли
увидеть как можно больше солдат. ---
Вперед!

--- Это еще кто? --- спросил Сарнедон в
трубку вокса, силясь перекричать рев
двигателей «Грозового ястреба». Сквозь
распахнутый люк рядом с магистром было
отчетливо видно все поле боя --- некогда

ухоженные лужайки в тени Райтспайра, теперь вытоптанные нескончаемыми марш-бросками толпами и жалкой кучкой солдат, пытающихся сдержать натиск врагов.

— Уж точно не Гвардия, — отозвался Лигрис. Его голос прибыл со «Сломанного хребта», зависшего на орбите над Неверторном. — В глубинах системы находятся несколько боевых транспортов. Стараются держаться подальше. Похоже на штрафной легион, но в архивах органа о них ничего нет.

— Неудивительно, — заметил Сарнедон. Штрафникам крайне редко удавалось прожить достаточно долго, чтобы успеть написать свою историю. Обычно их бросали в жернова самых ожесточенных конфликтов, и можно было считать немыслимой удачей, если по окончании очередной войны они продолжали свое существование хоть в какой-то форме. — Так что, это и есть «помощь Империи»?

— Похоже на то, — ответил Лигрис. — В окрестностях не так уж много военных

баз, так что Ванквалису повезло, что хоть кто-то откликнулся.

Сарнедон окинул презрительным взглядом скопище убийц и прочего криминального элемента, сходных между собой только забрызганной грязью темно-зеленой формой и неспособностью ужиться в социуме Империи.

--- Они прибыли сюда, чтобы умереть, --- произнес магистр, обращаясь скорее к себе, нежели к Лигрису. --- Это их наказание.

--- В бой! --- раздался в воксе голос Люко, сопровождаемый лязгом сталкивающихся клинков и грохотом выстрелов.

Отделения Испивающих Души приземлились прямо среди орков, захватив тварей врасплох. Сарнедон видел, как по орде зеленокожих прокатилось нечто вроде ударной волны, когда ксеносы начали разворачиваться навстречу новой неожиданной угрозе, выкашивающей их ряды.

--- Давай вниз! --- прокричал магистр, и боевой транспорт, опустив нос и расстреливая тварей из всех орудий, пошел

на посадку.

Сарнедон бросил взгляд на пассажирский отсек — отряды Салка и Грэвуса уже отстегивались от антигравитационных кресел и заряжали болтеры. Сержанту Салку не потребовалось много времени, чтобы добиться статуса опытного и одного из наиболее доверенных офицеров в команде магистра. Грэвус же был тихим, но авторитетным командиром штурмового отряда, и его спокойствие в принятии решений удивительным образом контрастировало с его же жестокостью и решительностью при обращении с энергетическим топором. Кроме того, он был одним из тех бойцов ордена, чьи мутации оказались наиболее очевидными: его рука приобрела до гротеска огромные размеры и венчалась острыми когтями, зато это уродство позволяло Грэвусу управляться с тяжелым двуручным оружием с такой легкостью, словно оно весило не больше шпателя.

Теперь Сарнедон мог различить в массе уродливой зеленой плоти матовый

блеск желтых клыков, пылающие
ненавистью красные глаза и алые капли,
стекающие по клинкам. Его ноздри ловили
страг орочьего пота и запах человеческой
крови.

--- Вперед! --- крикнул магистр,
сжата силовой посох обеими руками, и,
оттолкнувшись от палубы всеми
угодливыми лапами, прыгнул из
«Грозового ястреба» прямо на головы
столпившихся внизу орков.

Следом устремились Салк и Грэвус,
еще в падении открыв огонь из болтеров.

Сарнедон обратился к глубинам своей
души, собирая воедино весь гнев,
скопившийся там за долгую, полную
сражений жизнь. Он начал с ненависти к
врагам Императора, а закончил яростью
по отношению к самому Императору,
предавшему и пытавшемуся уничтожить
Успивающих Души. Смешав все эти
чувства вместе, магистр позволил им
раскалиться до белизны, а после ---
выпустил их на волю, направляя по
спиральному контуру воротника-эгиды,
преобразуя реальность вокруг себя.

Он был одним из самых могучих псайкеров, когда-либо служивших его ордену. Конечно, его мастерство не отличалось ни утонченностью, ни точностью, зато брало свое грубой силой.

Подобно бурному потоку, гнев вырвался на свободу, и очень, очень многие орки впервые в своей жизни познали, что значит настоящий страх.

Генерал Глейван Варр никогда прежде не участвовал в сражениях, подобных тому, которое развернулось между ксеносами и 901-м за дворцом Райтспайра. И сказать по правде, был этому рад. Ему довелось повидать много ужасного, навсегда оставляющего шрамы в душе, и особенно в Оке Ужаса, когда он еще был вольным офицером Гвардии. Но ничто из этого не могло сравниться с потоком черных существ, неожиданно возникших среди поля боя. Их тела, казалось, были сотканы из ночной тьмы, а глаза пылали фиолетовым огнем. По земле заструились языки пламени, словно весь сад вдруг переместился в один из кругов ада.

населенный тварями, созданными из
чистого страха. Сгорбленные спины,
полные злобы глаза и усеянные острыми
зубами провалы ртов придавали
существам сходство с жестокими богаты-
рями, спустившимися с небес, чтобы
покарать своих зеленокожих детей.

Барру не раз говодилось видеть, как
псайкер использует свои таланты в бою, но
происходящее все же наполнило его сердце
первобытным ужасом. Орки же были
буквально ошеломлены. Над ордой поднялся
жуткий испуганный вой, какого генерал не
слышал прежде никогда. Ксеносы бросились
наутек, погибая под градом пуль.

— Зеленокожие наложили в штаны! —
из всех сил закричал Барр. Вокруг него
толпились бойцы 901-го, и генерал
понимал, что его голос — один из тех
факторов, что еще удерживает их от
паники. — Насадим их на ножи!
Перестреляем их! Пора показать, ради
чего нас прислал сюда Император!

Потом все словно растворилось в
тумане. Вокруг кипела битва, Барр
чувствовал, как по его руке струится

горячая орочья кровь, затем всrug в его
ладоны оказалась рукоять заржавленного
боевого ножа взятен потерянного где-то
меча. Лишь самым краем сознание
отметило, как падает зеленокожий
огнемечник, чье лицо было разворочено
попаданием из пистолета самого
генерала. Отряг, сопровождающий
командира, набросился на тварь, чтобы
добить ее. Так же ступно заполнились
огненные дуги, взмывающие над самым
эпицентром битвы, где космогасантики
выкашивали орков, и то, как ксеносы,
прежде казавшиеся непобедимыми,
стремясь убраться как можно дальше от
разъяренных Астартес, бежали прямо на
бойцов 901-го, падая под перекрестный
огонь и удары штыков.

Но в основном мысли Варра тонули в
изумленном восторге. Впрочем, в этом
сражении от него уже ровным счетом
ничего не зависело — он воодушевил своих
людей и сделал все возможное, чтобы
направить их, но теперь пришло время
пустить все на самотек. В былые времена
генерал контролировал каждое

подразделение, просчитывал любой маневр своих войск, вот только командовал он тогда опытными и дисциплинированными людьми, принимавшими любой приказ так, словно тот исходил от самого Императора. Солдаты 901-го полка ни капли не были похожи на тех воинов, поэтому роль Варра теперь сводилась к тому, чтобы просто сражаться с ними плечом к плечу, стараясь внести как можно большую лепту при помощи пистолета и ножа.

Огромное лохматое чудище, едва не растоптавшее артиллерию лорда Фалкена, не выдержало ужасов, брошенных псайкером в бой, и, обезумев, врезалось в ряды собственных погонщиков. Даже этот гигант казался крохой на фоне массивных темных силуэтов и в панике расшвыривал гретчинов и давил орков тяжелыми передними лапами. Вниз спикировали «Грозовые ястребы», и выпущенные ими снаряды обгадили бок чудища кровью и опалили шерсть. Варр увидел, как сквозь изуродованные мышцы твари пробилась острая зубья переломанных ребер.

Зверь рұхнұл на землю, и орки окончательно утратили последние крупницы самообладания. Бойцы 901-го встретились на помощь к центральным, почти уничтоженным уже отрядам, и Варр вдруг увидел Күллека, каким-то чудом сумевшего пережить эту бойню и вместе с еще несколькими головорезами играющего с орками в их собственную игру — «догоны и убей!».

— Трокс, Күллек, займите центр и продвигайтесь вперед! Всем отрядам пробиваться к линии джунглей! Фүлгорин, прикрывай тылы! — Варр закрутил головой, пытаясь сообразить, кто отдал приказ, но потом понял: это прокричал он сам.

— Около тысячи. Может, чуть больше или меньше, — равнодушно произнес Мекрин. — И прежде чем мы соберемся, утрут еще человек пятьсот.

Варр окинул взглядом выложенные рядами трупы граждан Империи. Пятнадцать сотен штрафников впервые в своей жизни послужили Императору и

погибли. В распоряжении генерала осталось примерно пять тысяч бойцов 901-го полка и артиллерии ванквалийских Стражей. И это еще хорошо, ведь если бы ксеносам удалось прорвать их рубежи, сейчас боеспособных людей было бы куда меньше.

Генерал повернулся к лорду Совелину Фалкену, с которым делил помещение штаба, на скорую руку обустроенного в зале регистрации посетителей двorca. Это место производило чарующее впечатление: живые ветви сплетались в удивительными узорами и образовывали взмывающие ввысь спиральные лестницы; к сожалению, сейчас все это великолепие было безнадежно испорчено присутствием толпы перетащавшихся в грязь солдат, использующих зал для того, чтобы перевязать раненых и перегруппироваться.

— Ваших воjak просто порвали в клочья, — заметил Варр.

— Не буду спорить, — ответил Совелин.

Лорд был еще очень молод, но уже порядком располнел и не слишком-то

походил на настоящего боевого командира. Кроме того, он никак не мог успокоиться, его руки дрожали, а глаза бегали из стороны в сторону.

— Половина вашей планеты покрыта необитаемыми джунглями, а ваши люди совершенно не обучены сражаться в соответствующих условиях.

Фалкен, казалось, был уже готов взорваться, но его гордыню достаточно потрепали события в Палатиуме, поэтому лорд сумел сдержать гнев.

— Назначение Стражей состоит в обороне городов Хирогрейва и подавлении мятежей. Неверторн же всегда оставался нашей тихой гаванью. Здесь незачем было воевать.

— Тихой гаванью? Скорее, уязвимым местом, Фалкен! Хирогрейв прикрыт силами орбитальной обороны, способными отпугнуть любого врага. Но над джунглями у вас нет ничего. Зеленокожим всего-то и надо, что добраться до побережья и совершить небольшую прогулку по морю, чтобы оказаться в ваших городах. Неверторн прямо-таки

напрашивался на вторжение...

--- Барр, неужели вы думаете, что я этого не знаю? --- прервал его Совелин. --- Наша планета была предоставлена самой себе на протяжении многих веков. Если здесь и появлялись чужаки, так только сборщики податей от Администратума, забравшие десятину. Так ли уж удивительно, что в конце концов мы и вовсе стали забывать о том, что находится за пределами нашего мира? --- Фалкен посмотрел на своих солдат, сумевших пережить последние события. Артиллеристы, чья синяя форма была перемазана грязью и кровью, а медные бляхи и пуговицы потускнели, занимались перевязкой раненых. --- Я видел, как погибает Палатиум. И прекрасно понимаю цену нашей ошибки.

Барра не слишком интересовали эти объяснения. На его памяти куда больше планет было погублено халатностью и некомпетентностью властей, нежели талантами вражеского командования.

--- Сколько подразделений Стражей удалось вырваться из Палатиума? ---

спросил генерал.

--- Только моему, --- пожал плечами лорд Фалкен. --- Кроме нас, сумели убежать некоторые гражданские, пытающиеся добраться до побережья.

--- И это все?

--- Зеленокожие четко рассчитали момент нападения.

--- Что ж, а космогесантники четко рассчитали момент, чтобы напасть на них, --- заметил Барр. --- Астартес --- лучшие воины Галактики. Ваш мир еще не потерян.

--- Мой мир уже погиб, --- ответил Фалкен, и Барр по лицу аристократа понял, что тот возложил на свои плечи ответственность за падение Палатиума. --- У меня много раненых, мне надо их проведать.

Совелин направился туда, где его Стражи организовали перевязочный пункт. Солдаты 901-го не стеснялись с ванквалийцами, что было вполне понятно, поскольку уж в очень разных мирах они обитали.

В другом углу Барр заметил брата

Трокса, молящегося в компании нескольких учеников. Трокс был глубоко набожен и до своего падения вроде бы исполнял роль проповедника. Несмотря на то что подробности того дела держались в секрете, ходили слухи, что в 901-й он угодил из-за чего-то связанного с женицинатами. Глаза его вечно затравленные, бежали, словно бы Трокс постоянно ожидал, что в любую секунду его может настичь гнев Императора. Рано или поздно последователи этого проповедника становились точно такими же угрюмыми фаталистами, не особенно заботящимися о том, переживут они следующую битву или нет.

Порой Варр даже начинал гадать, в самом ли деле все эти люди все еще живы в глазах Императора или же просто стали ходячими мертвецами, пытающимися в постертии хоть как-то оправдать свое существование. Конечно, и сам генерал был таким же — вполне возможно, что его жизнь уже давно оборвалась, просто он никак не может найти достойный способ с ней

распростаться.

--- Генерал! --- окликнул его кто-то со спины.

Обернувшись, Варр увидел костодесантника, входящего в штаб через высокие двери. Никто из солдат или офицеров 901-го не рискнул преградить дорогу незваному гостю --- благодаря своей физической силе и мощи силовой брони он бы легко разбросал всех, кто остелился бы на подобный шаг. Новоприбывший был одним из тех, кого генерал видел выпрыгивающим из «Гротового ястреба». Воин до сих пор не снял молниевые когти, покрытые запекшейся орочьей кровью. Шлем по-прежнему отсутствовал, так что было видно: волосы на голове Астартес выбриты так, чтобы осталась лишь узкая полоска на затылке. Варр ожидал увидеть на лице десантника полагавшееся «лучшим воинам Императора» каменное выражение, но тот расплылся в широкой и легкой триумфальной улыбке.

--- Я капитан Люко из ордена Успивающих Души. Похоже, мы отправили

это зеленокожее отродье паковать
челоданы, верно?

Барр ответил на приветствие гостя
с несколько более горькой усмешкой:

--- Даже не знаю, сколько бы мы еще
продержались. Думаю, нет ничего
постыдного в том, что я признаюсь: мы
уже успели похоронить себя, когда
появились ваши боевые братья.

--- Меня прислал командор Сарнедон, --
продолжал Люко. -- Наши корабли
совершили проход над джунглями. Похоже,
орки отступают вглубь леса и
перезгруппировываются.

--- Значит, они еще вернутся.

--- Несомненно.

--- Но мы их все-таки потрепали куда
сильнее, чем они могли ожидать.
Предлагаю воспользоваться
представившейся возможностью, чтобы
отступить четкими порядками и без
спешки. Отдадим им дворец и найдем
другое место для обороны. Орки
направляются к побережью, но мы можем
заставить их платить кровью за каждый
сделанный шаг.

--- Сарнедон не возражает. --- Люко
махнул рукой в сторону поля боя,
простирающегося за дверьми. Весь сад
Райтспайра был усеян трупами
зеленокожих. --- В конце концов, их силы
тоже не бесконечны, верно?

Прежде Варр представлял
костогесантников угрюмыми и
фанатичными воинствующими монахами,
но в Люко сейчас читалась некое дикарское
веселье. Казалось, капитан и в самом деле
наслаждается тем, что недавно
произошло. Генералу трудно было
поверить, что кто-то может искренне
радоваться войне, но все же, наверное, не
зря об Астартес рассказывали как об
идеальных солдатах.

--- Однако они всегда оказываются в
большинстве, --- возразил Варр. --- Именно
так воюют зеленокожие. Их всегда больше,
чем нас. Гвардейцы даже поговаривают,
что эти твари вырастают прямо из под
земли, чтобы достать нас.

--- Значит, нам придется убивать их
быстрее, чем они выращивают новых, ---
парировал Люко. --- Когда вы сможете

выдвинуться?

Генерал посмотрел на своих людей.

— Если забрать с собой всех раненых, то через час. Не могу, конечно, говорить за людей лорда Фалкена, но и им должно хватить этого времени.

— Какова численность ваших войск?

— В общей сложности чуть менее пяти тысяч плюс немного бронетехники. Джунгли, конечно, не делают наше предприятие более легким, но я позабочусь о том, чтобы мои люди преодолели достаточно долгий путь.

— Что ж, значит, у нас на пять тысяч солдат больше, чем ожидали орки, — сказал Люко. — Поверьте, генерал, 901-й сегодня хорошо проявил себя. У вас хватает отважных парней.

— Капитан, мы просто сброд.

— Это не имеет значения. Важно то, что орки, хоть никогда не сбегают на долго, но все-таки смертны. Так что будем действовать так, как вы и предложили: станем заманивать и истреблять. К тому времени, когда они достигнут берега, иштуртовать Хирогрейв

будет уже некому.

--- Хотел бы я быть столь же уверен, капитан. По правде сказать, все мои люди были приговорены к смертной казни и 901-й отправили сюда подыхать. И уж точно оборонять Ванквалис нас выбрали вовсе не благодаря нашим талантам --- просто мы оказались ближе всех к системе Обсидуана, когда поступил тревожный сигнал. Я еще две недели назад знал, что это не та экспедиция, из которой мы можем возвратиться победителями. Появление вашего ордена многое изменило, но мои люди по-прежнему отбывают на Ванквалисе наказание.

Люко подошел ближе, и Варр неожиданно почувствовал себя карликом в присутствии громадного костического десантника.

--- Нет, --- произнес Астартес. --- Вас прислали сюда, чтобы вы защитили планету. И если вы верите, что эти люди могут послужить Императору, погибая, то только представьте себе, насколько более полезными они будут Емү, если выживут.

— При всем уважении, — ответил Барр, — но вы и понятия не имеете, что это такое, когда тебя объявляют отлученным от света Императора. Многие из этих людей ищут смерти.

— Значит, вам придется приказывать им выжить, — сказал Люко. — И, к слову, вам также неизвестно, через что пришлось пройти Испивающим Души.

Барр не имел привычки сглаживать спор без боя, но где-то в глубине души почувствовал, что Люко, может быть, и прав. Возможно, его людей ожидало нечто большее, нежели приведение приговора в исполнение. Неожиданно он ощутил надежду, что 901-й штрафной легион сумеет искупить грехи на Ванквалисе. И речь шла вовсе не о призрачных, абстрактных понятиях, о каких любят рассуждать проповедники, но о подлинном прощении, стывающем с души все преступления прошлого.

— Тогда мы с вами, — произнес генерал.

— Это зависит от того, — несколько сухо отозвался Люко, — сумеете ли вы

выдержатъ темн.

--- Вы бросаете мне вызов, капитан?

--- Только если вы готовы его принять.

--- Вот и договорились. 901-й такнет

Космический Десант лицом в грязь.

--- А Астартес покажут 901-му, что такое настоящая драка.

Люко протянул закованную в броню руку, и Варр пожал ее, обратив внимание на то, как осторожен был капитан в том, чтобы не раздавить кисть своему собеседнику.

--- Выдвигается через час, --- заявил Люко. --- Надеюсь, зеленокожим понравится их новый дворец. Ваши люди заставили их заплатить за него баснословную цену.

Капитан космодесантников направился к выходу, где среди дымящихся воронок и сложенных в кучи мертвых тел несли дежурство остальные Успивающие Души, готовые встретить орков, если те рискнут вернуться.

--- Есть еще кое-что, --- произнес Варр.

--- Да, генерал?

--- Колдовство.

Люко разразился стехот:

--- Поверьте, генерал, командор Сарнедон весьма могущественный псайкер. Он отыскивает страхи наших врагов и воспроизводит их, усиливая в сотню раз. У него это обычно срабатывает.

--- Но мои люди относятся к этому с предубеждением. Они полагают, что псайкеры сунут неудачу.

--- И они правы. Оркам и в самом деле не повезло.

Люди отбросили орков обратно в джунгли и сумели победить гигантское чудовище, бежавшее впереди орды. Люди принесли смерть, разрушение и, что хуже всего, сумели призвать богов. О, боги зеленокожих почему-то разозлись на своих чад. Явились на поле боя --- темные и пугающие. Удивительно, но вместо того, чтобы разразиться воинственным криком и принять кровавую жертву, они обрушили безмолвные проклятия на своих же последователей и отказались раздавить беспомощных людишек.

Орки брели по джунглям; тысячи воинов скрывались в густых зарослях среди

болот и всякого зверья. Слухи быстро распространялись; теперь уже все знали и о том, как боги восстали против них, и о том, как люди сумели обратить в бегство казавшуюся несокрушимой орду. Гнев и страх растекались, подобно чуме, передаваясь от одного орка к другому. В темноте раздавались выстрелы, звенели клинки, пуская кому-то кровь. Страх и ярость заставляли зеленокожих убивать собственных собратьев, устраивать потасовки и даже настоящие войны — история помнила не один случай, когда орочий мир погибал только потому, что его зеленокожие обитатели начинали бросаться друг на друга.

Повсюду звучали хриплые раздраженные голоса, ревавшие примитивные оскорбления, из которых по большей части и состоял орочий язык. Один могучий зеленокожий — сплошь покрытый шрамами одноглазый воин, чьи многочисленные боевые трофеи свисали с пояса, продетых сквозь его кожу, — кричал в глубине джунглей, давая волю своему гневу. Ему вторили и другие, с каждым

разом все громче. В темноте ломались кости и гибли десятки бойцов. Недовольство росло, и казалось, орда вот-вот распадется.

Но на голову огромного орка опустилась механическая лапоть. Он даже не успел заметить, как за его спиной выросла молчаливая угрожающая тень. Заржавленная, испачканная в крови стальная клешня сжала череп, круша крепкие кости. Единственный глаз вывалился наружу, а зубы посыпались в грязь. Клешня разжалась лишь тогда, когда голова буйана стала практически плоской. Труп рухнул в грязь, и над ним тут же закружили насекомые, почувствовавшие запах крови и мозгов.

Вожак вышел на поляну. Похожие на вулканические кратеры шрамы, оставленные попаданиями из лазерных винтовок, все еще дымили на его теле. Поблескивал серебром штык, застрявший в плече, да так и оставшийся незатеченным. Механические протезы были покрыты сальной грязью и кровью. Моторы, встроенные в грудную клетку, выпускали

клубы пара.

Гигантский орк наклонился и поднял из грязи труп ветерана, которому только что разmozжил голову. Немного потряс, точно тряпичную куклу, и, вновь бросив на землю, наступил на тело и переломал ему ребра. Послание, заложенное в этот жестокий поступок, было настолько явственным, что не понять его не мог даже самый безmozглый орк.

Здесь командовал лишь один вожак. У него желания становились желаниями как всей орды, так и любого отдельно взятого зеленокожего на планете. Он был воплощением пронциательности, воплощением целеустремленности и обладал такой силой воли, какой не было ни у одного из его сородичей. Без него вся эта армия никогда бы не покинула туманность Гарон, продолжая сражаться в бесстысленных феоdальных войнах в ожидании настоящего предводителя, способного повести их к более высокой цели. Без него они были ничем. Один лишь вожак мог сделать орков чем-то большим, нежели просто стаей хищных зверей.

только он знал, как уничтожить самое дорогое, что было у Человечества, и как внушить врагам настоящий ужас.

В гневе он рычал на своих воинов, распростершихся ниц или же пытавшихся торопливо убраться с его глаз. Рабы, повсюду следовавшие за ним, прятались по кустам, наблюдая оттуда, расширившись от испуга глазками, поскольку прекрасно понимали, что их повелитель будет убивать вновь и вновь, пока не убедится, что его требования усвоены всеми окружающими. Конечно, вожак был куда умнее простого зверя и даже любого орка, но это вовсе не означало, что в его душе появилось место для таких чувств, как сострадание или отходчивость. Он был даже более безжалостен, чем самый кровожадный из его подчиненных, ведь в драке и двигались далеко не только радость битвы и желание показать свою силу.

Боги не являлись, чтобы наказать орков. Это была просто уловка! Ложь, посеянная людьми! Люди, как самые ничтожные рабы, всего добиваются

браньем и поглостью. Боги, как и прежде, продолжали наблюдать с небес за своими зеленокожими детьми, но не подарили им своей силы потому, что орки оказались этого недостойны. Они упустили возможность напав на врагов из Палатиута и сами оказались не готовы к появлению закованных в доспехи элитных воинов Империи. Орки ничего не сделали для того, чтобы боги явились к ним: ни преступного, ни великого. Пока что они были никем и ничем, и даже объятые пожарами города Ванквалуса могли удостоиться разве что одного единственного божественного плевка.

Вожак еще долго продолжал свою речь. Понял ли кто-нибудь из орков, что движет их повелителем? Мало кто. Возможно, что и вовсе никто. Впрочем, все это не имело ни малейшего значения, пока они продолжали сражаться на его стороне.

Он прошел сквозь кусты, отвешивая пинки попадающим под ноги рабам. За краем леса он видел поле боя перед огромным дворцом, который еще недавно

итуртовали его воины. Зеленокожие редко
когда утруждали себя похоронами,
поэтому вождь практически не обращал
внимания на груды орочьих трунов в
разоренном саду. А вот что заставило его
застыть, так это вид облаченных в
доспехи фигур, прохаживающихся среди
тел. Элитные солдаты Человечества,
укрававшие у него победу, они обрушились на
голова его бойцов, подобно грому среди
ясного неба, когда цель была уже столь
близка. Даже если забыть о фальшивых
богах, людишки обладали и силой, и
умением — достаточными, чтобы
победить орков, и это казалось особенно
оскорбительным. Дело было вовсе не в том,
что закованные в броню воины обманули и
напугали орду — они оказались слишком
сильны для орков. Все просто. Конечно,
никто из зеленокожих этого не признает,
но тем не менее правда именно такова.
Люди в пурпурных доспехах были куда
крупнее и отважнее, нежели любой другой
человек, с которым говодилось
встретаться вождю, и им удалось разбить
его войско в честном бою.

Кроны деревьев затряслись от взрывов, прогремевших где-то в глубине джунглей и извещающих о том, что с орбиты упали новые астероиды и примитивные корабли, несущие тысячи свежих бойцов. Вожак привел на планету великое множество племен, и их численность значительно превышала количество бойцов, участвовавших в разорении Палатиута. Уничтожение города зависело исключительно от выбора нужного момента — передовые отряды обрушились на людишек, когда те утратили бдительность. Но завоевание джунглей и захват остальных поселений требовали большего числа атакующих, целеустремленности и силы. Ради этой победы ковалась орда. Вожак провел на поверхности этого мира уже более шестидесяти дней и ночей, и исключительно его заслугой было то, что растворившиеся в лесах зеленокожие воины продолжают действовать как единое целое.

Когда вся орда разом ударит по укреплениям людишек, тех не спасут ни

бронированные вояки, ни колдовство. У
тогда весь Ванквалис охватит пламя
пожаров.

Глава пятая

--- Как нам прославлять
навших?

--- Каждой выпущенной
пулей, каждым ударом меча, в
ратном труде и победах.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

Нагая на Ванквалис, орочий корабль
прочертил ярко пылающую дугу; в своей
гибели он был куда более красив, нежели
«при жизни». Орудийные башни, скрытые в
уродливо изогнувшимся носу «Сломанного
хребта», дали еще один залп, выпуская
новый поток снарядов и энергетических
импульсов, и вражеский корабль
развалился, выбросив ленты горящего
топлива и кислорода, превратившись в
охваченные пожаром обломки.

--- Этого мало, -- проворчал Лизрис
себе под нос.

Зрелище, развернувшееся сейчас на

главном экране мостика, несомненно, завораживало, вот только флот вторжения состоял далеко не из единственного корабля, и «Сломанный хребет», сколь бы силен он ни был, просто не успевал управиться со всеми противниками. Да даже если бы и удалось разрушить все посудины неприятеля, планете уже был нанесен серьезный урон — торпеды успели сбросить множество десантных челноков и пустотелых астероидов, высадив многочисленные орды соплеменников.

Мостик «Сломанного хребта» был погружен во тьму, чтобы Лизрис мог сконцентрироваться на экране. Технодесантник знал бортовые системы как свои пять пальцев и мог управлять почти всеми процессами прямо из командирской ямы, расположенной под огромным монитором. Зал окутывало свечение экрана, и всякий раз, когда вспыхивал очередной взрыв, от предметов протягивались глинные тени. Мягко мерцали лампы и дисплеи расположенных вдоль стен дата-мониторов и когитаторов.

--- Как идет дело, технокесантник? ---
раздался голос Уктиноса.

Лизрис был удивлен, что не расставшийся со своим шлемом-черепом капеллан остался на «Сломанном хребте». Ведь Уктинос должен был руководить резервом, состоящим из почти сотни Испивающих Души, которым наглежало высадиться на Ванквалис и держать оружие наготове на тот случай, если основные силы не сумеют в срок управиться с поставленной им задачей.

--- Хорошо, но недостаточно. --- Лизрис неопределенно махнул в сторону экрана, демонстрирующего гибель орочьего звездолета. --- Таких тут много, и они уже успели сделать свое дело. А джунгли слишком густые, чтобы мы могли поддержать наших в наземном сражении. Так что мы здесь просто прибираемся, пока настоящая война идет на Ванквалисе.

--- А что насчет остальной системы Обсидуана?

--- Судя по всему, орков интересует только Ванквалис.

Лизрис нажал пару кнопок на приборной панели, вызвав на главный экран диаграмму солнечной системы. Ближе всего к местному светилу располагался Проксифан — мертвый, обугленный кусок камня. Затем шла вечно кипящая и объятая пожарами Инфернис Магна, представлявшая собой газовый гигант. Между ней и следующей планетой — сателитом Ванквалисом, единственным населенным миром системы, — было довольно большое расстояние. Дальше лежал Вейджерхоут, небольшой каменистый мир, некогда разрабатываемый местными поселенцами, прежде чем те осознали, что там их не ждет ничего, кроме голода и вечной зимы. Последней планетой был Тиранкос — еще один газовый гигант, на орбите которого обращалось несколько добывающих и перерабатывающих станций, созданных, чтобы извлечь хоть какую-то выгоду из его плотной синезеленой атмосферы. Дальше Тиранкоса располагался только «Олланий XIV» — станция слежения, успевшая увидеть, как в первой волне орочьей атаки гибнет

военный флот Сцефана.

--- Так что же привлекло сюда зеленокожих? --- спросил Уктинос.

--- А что обычно их привлекает? Драки и завоевания.

--- Мне почему-то кажется, кроме Ванквалиса, здесь захватывать, вообще-то, и нечего.

--- Должен согласиться.

--- Поэтому довольно странно, что зеленокожие выбрали именно эту систему, где более-менее заинтересовать их могут только одна-единственная планета.

--- Возможно, --- произнес Лигрис. --- Вот только орки никогда не славились способностями к стратегическим расчетам. Полагаю, система Обсидуана просто оказалась у них на пути.

Неожиданно загудел сигнал вокса.

--- Мостик слушает, --- ответил технодесантник.

--- Брат Лигрис, мы принимаем сигнал, --- последовал доклад; говорил один из скаутов, обслуживающих терминалы связи, расположенные в носовой части «Сломанного хребта».

--- С Ванквалиса?

--- Никак нет, сэр. С Тиранкоса.

Лигрис вновь покосился на схему. Эта планета лежала на самом краю и не играла никакой роли в жизни системы Обсидуана. Ее перерабатывающие заводы пришли в запустение, там никто не жил.

--- Кто может его подавать?

--- Не знаю. Но сигнал очень сильный. Упохоже, это Астартес.

--- Переведи его на мостик.

Над консолью перед Лигрисом зажглись экраны дисплеев.

--- Угадается расшифровать? --- спросил Уктинос.

--- Это наш позывной. Это Испивающие Души. --- Техногесантник повозился с настройками, и на одном из мониторов возникло изображение мерцающей точки, обращающейся по орбите вокруг Тиранкоса. --- Вот. Вызов поступает отсюда.

--- Но у нас нет людей на этой планете.

--- Знаю. К тому же позывной устарел. Таким он был у прежнего ордена, пока

власть не перешла к Сарнегону. Покидая корабли, мы смогли забрать с собой много оборудования и сенсоров. Поэтому «Сломанный хребет» и может расшифровать сигнал.

--- Устаревший позывной? Прости, Лигрис, но звучит нелепо.

--- И тем не менее факт остается фактом.

--- Быть может, командор Сарнегон не рассказал нам всей правды о том, зачем мы прибыли в систему Обсидуана?

Потрачев, Лигрис повернулся к Уктиносу:

--- Этого не может быть, капеллан. Нам известно ровно столько же, сколько и ему. Тут дело в чем-то другом. --- Технодесантник вновь повернулся к экранам. --- Штатный сигнал бедствия. Возможно, автоматический. Я бы предложил проверить, но...

--- Я этим займусь.

--- Ты, капеллан? Но твоя помощь может понадобиться здесь.

--- Контакт с наследием старого ордена, чем бы оно ни оказалось, может

представлять угрозу для Испивающих
Души. И в особенности для молодых
рекрутов, не видевших ордена таким,
каким он был до того, как Сарнедон вывел
нас из Империи. И мой долг как
капеллана изучить любую моральную
угрозу и уничтожить все, что может
повредить духу наших людей. Я обязан
отправиться туда.

--- Понял. Что ж, можешь взять один
из «Громоых ястребов». И надеюсь, ты не
решишь лететь в одиночку.

--- Не сомневайся, я поговорю с парнями
и проведу подобающий ритуал, а потом мы
займемся делом.

Когда Уктинос покинул сутрачную
сферу мостика, Лигрис вывел изображение
Тиранкоса на главный обзорный экран.
Просто газовый гигант, ничем особенным
не отличающийся от миллионов таких же
планет, разбросанных по Галактике.
Несколько заброшенных фабрик,
расположенных либо на орбитальных
платформах, либо на поверхности
астероидов, обращающихся вокруг
неприветливого тира, --- вот и все

признаки того, что там вообще когда-то бывал человек. И все же что-то связанное с Тиранкосом заинтересовало старый орден. Лигрис стал Успивающим Души за много десятилетий до того, как Сарнедон принял командование, но никогда не слышал, чтобы его товарищи по оружию участвовали в каких-либо действиях в системе Обсидуана.

Как и сказал Уктинос, нелепица. Впрочем, в отличие от сражения за Ванквалис, это могло подождать. Системы наведения захватили очередной вражеский корабль, на этот раз просто огромный, представляющий собой бесформенное нагромождение двигателей и сплавленных друг с другом астероидов — типичный образец орочьих технологий. Конструкция была настолько примитивной и грубой, что оставалось только удивляться, как она вообще может совершать межзвездные перелеты. Лигрис отбросил мысли о былых временах и направил «Сломанный хребет» к новой жертве, отдавая приказ на перезарядку торпедных установок и энергетических

орудий. Оркам предстояло познать на своих шкурах гнев Императора.

--- Джунглям нравится война, --- произнес генерал Варр.

--- Вы так думаете? --- уточнил Люко.

--- Не думаю --- знаю. Люди, участвующие в войне, мечтают, чтобы она побыстрее закончилась, но сама война при этом жаждет продолжения. У джунгли поддерживают в ней жизнь. Они просто не дают враждующим сторонам места, где можно было бы решить конфликт раз и навсегда. Они вынуждают нас убивать друг друга по одному, и ни победы, ни поражения не становятся безоговорочными; с каждым боем война лишь сильнее затягивается.

Отделение Люко несло дежурство на границах поляны, образовавшейся в результате падения одного из гигантских деревьев, охраняя временный штаб Варра и стоянку уцелевших Стражей. Темно-фиолетовая броня Успивающих Души сливалась с тенью, пролежавшей у основания огромных узловатых стволов. Күллек ---

похожий на медведя мужик, каким-то чудом исхитрившийся пережить сражение за дворец Райтспайр, -- стоял неподалеку, поизрывая зазубренным боевым ножом и поглядывая на бледного и измученного лейтенанта Фүлгорина. Рука и плечо Фүлгорина были плотно затоптаны бинтами, и в глазах офицера читался явный страх, поскольку он понимал: нет хуже места, чтобы получить рану, нежели джунгли. Многочисленные насекомые Неверморна просто обожали запах крови.

-- Иногда выбирать не приходится, -- сказал Люко.

-- Это потому, что выбор делает кто-то другой, -- парировал Варр. -- Зеленокожим нравятся джунгли. Орки любят войну, и джунгли помогают им. Любой офицер, если он достоин носить свои нашивки, будет всеми силами избегать подобных мест... и особенно если речь заходит о зеленокожих.

-- Может, вы и правы, генерал, -- произнес Люко. -- Но костические десантники также умеют сражаться в

джунглях и способны превратить их в оружие.

--- Думаете, Успивающие Души способны защитить Неверморн?

--- Сами увидите, --- как можно более искренне улыбнулся Люко, словно война и кровопролитие были для него просто детской забавой. --- Командор? --- произнес он, включая вокс.

Экран переговорного устройства затерцал и ожил, демонстрируя испещренное шрамами лицо Сарнедона. Высокий воротник-эгида был отчетливо виден, зато чудовищные результаты мутации остались за кадром. Люко понимал, что магистру приходится осторожничать при общении с солдатами Империи. В лучшем случае те сочли бы Успивающих Души ренегатами. А это вполне могло привести к тому, что богобоязненные слуги Императора (да даже и разномастное отродье, из которого был собран 901-й) обратят свое оружие против Кордена.

--- Генерал Варр, --- произнес Сарнедон, --- рад, что вам удалось выжить

в столкновении за дворец Райтспайр.

--- Благодарю за любезность, командор, --- откликнулся Варр, --- только от моей жизни будет мало проку, если орки сумеют нас окружить. Они высадили в джунглях подкрепление, и в следующий раз нам уже не удастся справиться с ними в лобовом столкновении.

--- Вы абсолютно правы, --- согласился Сарнедон, --- поэтому мы должны ударить первыми.

--- Вы... вы уверены, что возможно?

Это произнес лейтенант Фүлгорин. Он, судя по всему, впервые видел костодесантника во плоти, и Люко внушал ему страх не меньший, чем зеленокожие.

--- В мире, --- отрезал Сарнедон, и в глазах его появился стальной блеск, --- нет ничего невозможного.

--- Что вы предлагаете? --- спросил Варр, не обращая внимания на Фүлгорина.

--- Мои скауты уже выдвинулись вперед и обнаружили высоту --- пожалуй, это единственная возвышенность на много миль вокруг. Орочья армия многочисленна и недисциплинирована; ит необходимо

место, где будет относительно просто
держат оборону и перегруппировываться.
Высота как раз то, что нужно. Они
направятся туда, займут ее и станут
использовать в качестве базы для
дальнейшего броска к побережью.

— Не слишком ли утно для орков? —
поинтересовался Күллек, который, похоже,
совершенно не боялся спорить с
костическим десантником. Впрочем,
этот человек был безутен.

— Эти зеленокожие не похожи на
других, — заметил Варр. — Им хватило
мозгов, чтобы обрушиться на Палатиум
именно тогда, когда тот был наиболее
уязвим. И ими руководит лидер, который,
видимо, имеет опыт и умеет делать
выводы.

— Зная, куда они направятся, —
продолжал Сарнедон, — мы сможем
заманить их в ловушку. Чтобы стянуть
все свое войско к возвышенности, им
придется пройти по глинной ложбине, по
большой части представляющей собой
болота.

— Күллек, —махнул рукой Варр, и

сүтасшедший боец вытащил из-за пазухи
грязного мундира потрепанную,
испачканную в крови тактическую карту.
Генерал принял ее из его рук и постарался
расстелить как можно ровнее на стволе
поваленного дерева. -- Вот, -- произнес
Барр, ткнув пальцем в глинную и узкую
ложбину, ведущую к холмам. -- Элеящаяся
лощина. Если расположить наши войска
вдоль выхода, где она примыкает к
высотам, мы сможем запереть
зеленокожих внизу.

Эта ложбина была одним из немногих
мест, хоть как-то выделявшихся в
безликих джунглях, лишь изредка
перетекающих заросшими руинами или
посевами. Большая же часть территории
представляла собой болотистые равнины,
затянутые непроницаемым куполом
листвы. В верхней точке карты джунгли
встречались с морем, сменяясь неровной
линией песчаных пляжей, -- в мирное время
прямо-таки райское местечко. Теперь же
им предстояло стать сценой для кровавого
финала битвы за Хирогрейв.

-- Мы сумеет их прижать, но вряд ли

наголого.

--- А много времени и не понадобится, ---
--- сказал Сарнедон. --- Мы размажем их в
грязь.

--- Чем? Мои корабли --- всего лишь
транспортные баржи, и к тому же они
держатся на орбите Вейджерхорта,
стараясь не попадаться оркам на глаза.
Конечно, артиллерия Фалкена сумеет
немного потрепать орков, но ее боевой
мощи не хватит для победы.

--- Эту задачу возьмет на себя наш
флот, --- заверил магистр. --- Пока
зеленокожие прячутся в джунглях, наши
орудия бессильны. Но как только они
покажутся зажатыми в ложбине, мы
накроем их всей своей мощью.

--- Вы хотите сказать...

--- Что содрет их с лица земли, ---
непринужденно вмешался Люко. --- Убьет
всех до единого. Вот как мы собираемся
поступить.

Барр помолчал. План был крайне
дерзок и решительно противоречил
обычной стратегии войны в подобных
условиях.

--- Мы потеряем много людей, ---
заметил генерал, прежде чем оглянуться
на бронированных великанов, охраняющих
полян. --- Точнее, потеряю их я.

--- Вы так и так их потеряете, ---
возразил Сарнедон. --- Их в любом случае
забрали бы джунгли.

--- Понимаю. Что ж, по крайней мере,
нам не придется так много стрелять.

--- Агентус Астартес привыкли
решать проблемы одним выстрелом.

--- Да будет так, --- сказал Варр. ---
Отправляю своих людей к ложбине сразу же,
как подтянутся отставшие отряды.
Придется двигаться быстрым шагом,
чтобы успеть опередить зеленокожих.

--- Хорошо. Перегруппируется у холмов
и выстроится в линию. Вас будут
прикрывать мои десантники, на случай
если орки попытаются замедлить ваше
продвижение. Они должны будут
выдвинуться незамедлительно.

Варр свернул карту, а Декрин
направился к нему через грязь и толстый
кустарник, чтобы унаковать
коммуникационный модуль. Генерал

остановил связиста взмахом руки.

--- Командор Сарнедон, --- произнес Варр. --- Я сражался в Оке Ужаса в составе тяжелых уланов Кар Дүниаша, но ни разу не встретил костического десантника. На каждого из вас приходилось до миллиона простых солдат. Почему же Успивающие Дүши появились сейчас?

Генерал взглядывался в экран коммуникатора, и это было удивительно, ведь даже по видеосвязи мало кто из простых смертных мог выдержать взгляд Сарнедона.

--- Потому что больше никто не справился бы, --- ответил командор. --- Встретится у Змеящейся лощины, генерал.

Корабль являл собою величественный храм, посвященный чести и памяти павших товарищей; белотрапные стены и полы были украшены тысячами имен тех, кто погибал в разные времена и в разных местах. Каждый коридор, каждый алтарь был уставлен множеством светильников, чтобы ни одно имя не

оказалось в тени. Высокие потолки и просторные помещения создавали ощущение покоя, тишины и легкой тоски, а в каждой галерее и в каждом молельном зале пылали вечные огни, повешенные в воздухе подобно плененным солнцам. Легенда гласила, что имя каждого погибшего когда-либо брата было выгравировано на стенах «Лазурного Когтя» — ударного крейсера, хранившего память о тысячах сражений, отражавшихся в бесконечном перечислении воинов прошлого. Многие надписи были добавлены совсем недавно, после того как Орден и «Коготь», пролив множество крови, разрешили противостояние, продолжавшееся уже долгие столетия.

Старший библиарий Мерчано из Ордена Воющих Грифонов преклонил колено над одним из таких имен, совсем недавно выгравированных на полу Обители Фүриозо. Оно принадлежало капитану Четвертой роты, павшему от рук князя демонов Периклитора в кровавой развязке той битвы. Слишком многие погибли под ударами чудовищного меча, слишком

многие лишились разума, не в силах справиться с отравой зла.

Но не Мерчано, ведь он выжил, ведь это он убил Периклitora.

--- Сколько вы потеряли? --- раздался голос, определенно не принадлежавший костогесантнику.

За спиной библиария, на гладкой дорожке, петляющей между украшенными гравировкой плитами, проложенной специально, чтобы Воющие Грифоны не ступали на имена павших собратьев, стоял мужчина. Взглянув на него, можно было бы предположить, что перед вами человек науки. Его редеющие каштановые волосы были зачесаны назад и уже седели на висках, а в глазах стояло несколько опустошенное выражение, говорящее о не столь давно пережитой утрате. Одет он был в глинополю артурированный плащ, наброшенный поверх черного костюма. На его груди не красовалась стилизованная литера J, но то, что этот человек разговаривал с Мерчано как с равным, однозначно выдавало его статус.

--- Не имеет значения.

--- У меня сложилось иное мнение.

--- Вам следует знать лишь то, ---
отрезал библиарий, --- что уничтожение
Периклитора стало одним из величайших
подвигов ордена за последнее время. Мы
достойно отомстили за многие былые
оскорбления. Но нам регулярно наносят и
новые. Все это касается лишь тех, кто
принадлежит ордену. Мы сами способны
держать свои клятвы.

--- Насколько я понимаю, Мерчано, вы
лично убили Периклитора.

Библиарий пронзил собеседника
испепеляющим взглядом. Вид у Мерчано
был весьма грозный: темная, продубленная
прожитыми годами кожа его лица была
испещрена шрамами; в черных глазах
застыло каменное выражение; с головы до
ног он был закован в массивную
энергетическую броню, выкрашенную в
золотой и темно-красный цвета ордена.
Доспехи были увешаны свитками с
клятвами, и некоторые из них, так и не
исполненные, он носил с тех пор, как
впервые взял в руки болтер, ---
бесчисленные строки обетов, обязательств

и присяг, связывающие Мерчано с Воющими Грифонами. Но, несмотря на все это, инквизитор даже не вздрогнул.

--- Зачем вы пришли сюда, Таггеуш?

--- Захотелось разузнать побольше о тех, кто пригласил меня в гости.

--- Вы нам не гость. Не будь вы инквизитором, вам бы и шагнуть на нашу землю «Когтя» не дали.

--- И все же я здесь, -- возразил Таггеуш, -- и, как положено инквизитору, крайне любопытен. В данную минуту я весьма впечатлен тем, с какой успешностью вы направляетесь к системе Обсидиана, вот только никак не могу понять, зачем это вам понадобилось. Издержки профессии, сами понимаете.

Мерчано не мог с уверенностью сказать, не издевается ли над ним Таггеуш. Впрочем, не столь уж и многое могло стутить библиария, повидавшего куда больше смертей, разрушений и трагедий, чем может представить себе простой человек.

--- Инквизитор, мы позволили вам тутешествовать с нами. И это уже честь.

какую Воюющие Грифоны оказывают далеко не каждому.

--- Мы поглетаем, --- перебил Тагдеш. --- Вскоре корабль вынырнет в секторе Сцефан.

--- Мы не выйдем из варп-пространства, пока не окажется в нужной нам системе, --- ответил Мерчано.

--- В самой системе Обсидуана? --- удивленно приподнял бровь инквизитор. --- Там же все будет кишеть орочьими кораблями.

--- Зеленокожим нечего противопоставить мощи ударного крейсера Космического Десанта, --- отрезал библиарий. --- Мы возникнем неожиданно и разгоним их. Воюющие Грифоны не дарят своим врагам такой роскоши, как возможность увидеть нас и подготовиться. Вам еще очень многое предстоит узнать о том, как воюют Астартес.

--- О, вы удивитесь, сколько я уже всего знаю, --- сказал Тагдеш.

Мерчано собрался было развернуться к инквизитору, но передумал и, сделав

несколько шагов, подошел к стене, украшенной фреской, изображавшей командора Воющих Грифонов -- воитель замер в величественной позе, над его головой сиял шипастый стальной нитб, а рука сжимала рукоять обоюдоострого боевого топора, чьи лезвия были выполнены в форме ястребиных крыльев.

-- Скажите, инквизитор, знаете ли вы, кем был этот человек?

-- Это был не простой человек, -- ответил Таггеуш. -- Вы указываете на Орландо Фүриозо.

-- Точнее сказать, магистра Фүриозо. Что вам известно о его гибели?

-- Я не...

-- Верно -- ничего. Бүдь вы хоть инквизитором, хоть еще кем, но мы никому не рассказываем о том, что происходит с нами. Магистр погиб от руки Периклитора, чье имя вам не стоит поминать перед кем-либо из моих собратьев. В тот день мы собирались отпраздновать пять тысяч лет с момента образования нашего ордена из сынов Жиллимана. Но предатели

заманили нас в западню. Отступники-Астартес. Их лидера звали Периклитор. Магистр Фүриозо сумел вышвырнуть их со своего флагмана, но корабль слишком сильно пострадал и рухнул на Ариос-Квинтус. Тогда периклиторовские выродки вновь напали на Воющих Грифонов и устроили бойню. Вожак предателей приковал тело Фүриозо к носу «Громого ястреба» и оставил того дрейфовать в кустосе так, чтобы мы увидели его, когда отправится искать своих братьев. Вельдорген пообещал отомстить, и клятву эту произносил каждый наш брат, пока мы наконец не исполнили ее. Да, инквизитор, я говорю о событиях, случившихся более чем три тысячи лет назад, но память о том убийстве по-прежнему ранит сердца Воющих Грифонов так, словно все это было только вчера.

--- Значит, вы убили Пери... предателя, --- сказал Таггеуш.

--- Нет, --- ответил Мерчано. --- Мы сражались так, как и подобает сыновьям Жиллимана и Императора. Подавляли восстания, убивали ксеносов, посылали

демонов обратно в варн. За это время мы
исполнили сотни, может, тысячи клятв, и
каждая из них пылала в наших душах
столь же ярко, как и обещание покончить с
Периклитором. Некоторые из них все же
остаются, и я даже выразить не могу,
какие муки совести мы испытываем из-за
каждой из них. Пришло время, и
Периклитор восстал вновь, на сей раз в
Оке Ужаса. За прошедшие тысячелетия он
совершил множество отвратительных
преступлений и был возвышен до ранга
демона. Воюющие Грифоны гонялись за ним
по всему Оку, преследуя и на зараженных
хаосом планетах, и в открытом космосе,
пока наконец не настигли и не вступили с
его армией в бой. Лишь память о гибели
Фүриозо, кровоточащая раной в наших
сердцах, заставляла нас биться, пока мы
не одержали победу. Периклитор, демон-
принц, чемпион Темных Богов, недооценил
самоотверженность Воюющих Грифонов,
стремящихся исполнить древнюю клятву.
Магистр Фүриозо не утер три тысячи
лет назад. Он упокоился в то мгновение,
когда Периклитор пал и отмщение

свершилось. Только тогда мы обрели право почитать память нашего погибшего брата. Теперь-то вы понимаете, инквизитор, с кем и о чем сейчас разговариваете?

--- Более чем, лорд-библиарий. И у меня итеются свои клятвы. Конечно, я приносил их только себе да еще Императору, но все равно обязан их выполнить.

--- Таковы, значит, пути Инквизиции?

--- Нет, --- мрачно устехнулся Таггеуш, --- вовсе не таковы. Но это мой путь.

--- Ну что же, --- произнес Мерчано, --- я уже удовлетворил ваше любопытство. Пришел и мой черед задавать вопросы. Так все-таки что же могло заинтересовать Инквизицию в системе Обсидуана?

--- Ничего, --- ответил Таггеуш. --- Инквизиции не существует. Есть только инквизиторы, каждый из которых выполняет свой долг перед Императором так, как считает нужным.

--- Хорошо. И что же тогда интересует там данного конкретного инквизитора?

Таггеуш посмотрел и посмотрел на
лик магистра Орландо Фүриозо, прежде
чем ответить:

--- Когда-то давным-давно я не сумел
исполнить свой долг.

--- Значит, вы ищете искупления? ---
спросил Мерчано.

--- Можно сказать и так. У меня
остались неоконченные дела. Все
остальное, лорд Мерчано, позволено
услышать лишь инквизиторским ушам.

--- Да будет так.

--- Как понимаю, ваше путешествие к
Банквалису также вопрос чести?

Мерчано кивнул на изображение
магистра:

--- Сам лорд Фүриозо дал слово. Если
мы не сдержим его, то наша миссия
окажется напрасной. Банквалис должен
быть освобожден, и сделать это обязаны
Воюющие Грифоны. Думаю, теперь вы
понимаете, почему столько моих братьев
отправилось со мной.

Инквизитор Таггеуш огляделся,
рассматривая Обитель Фүриозо --- зал,
посвященный погибшему магистру ордена.

Кроме них в помещении присутствовали несколько отрядов Воющих Трифонов, воздававших перед алтарями почести павшим героям или взглядывавшихся в имена и проводивших ритуалы очищения души и подготовки к предстоящей войне. Войско Мерчано насчитывало более трех сотен Астартес — огромная сила по стандартам Космического Десанта, особенно если учесть, что остальные воины ордена сейчас сражались в битвах, кипящих вокруг Ока Ужаса. По всей видимости, они действительно крайне серьезно воспринимали клятву, которую Фүриозо некогда дал Ванквалису.

— Мы все здесь потому, что верим, — сказал Тагдеш. — И потому, что уже не можем повернуть назад. На этом и строится Империя.

— Не могу не согласиться. Теперь же, инквизитор, если ваше любопытство удовлетворено, мне надо заняться ритуалами Гнева, ведь мы скоро прибудем в систему Обсидиана. Нам необходимо подготовиться и взрастить ненависть к чужакам в своих душах.

С этими словами Мерчано покинул Обитель Фүриозо, оставив Тагдеша в одиночестве. Если инквизитор и не понимал сейчас всей глубины целеустремленности и самоотверженности Воющих Грифонов, он поймет это, когда костодесантники обрушатся на головы зеленокожих и покажут тем, что Грифоны всегда держат слово.

Глава шестая

--- Как следует встречать
ксеноса на поле боя?

--- Чужаки боятся
благородства и чистоты наших
сердец. И встречать их должно
самой чистой и благородной
ненавистью.

Дениятос. Боевой
Катехизис

--- Что это за место? --- спросил Раек,
настороженно разглядывая резкие тени,
пересекающие поверхность астероида.
Снайперскую винтовку он перебросил за
спину и сейчас держал перед собой
болтерный пистолет, готовясь открыть
огонь, если хоть что-нибудь шевельнется.

--- Просто безымянный кусок камня, ---
ответил Уктинос.

За спиной капеллана возвышался
колоссальный диск Тиранкоса ---
заслоняющая костическую бездну громада

бурлящих голубых и зеленых газовых пятен. Все вокруг отбрасывало резкие, отчетливые тени в жестком, болезненно-ярком свете местного солнца, чьи лучи не встречали здесь сопротивления атмосферы. Раек и Уктинос находились на поверхности одного из многочисленных астероидов, круживших на орбите Тиранкоса. На этом естественном спутнике был построен завод по переработке в топливо газов, выкачиваемых с гигантской планеты. Астероид был достаточно мал, и горизонт обрывался непривычно резко, поверхность усеивали изгибы газоприемников и громоздкие цилиндры перерабатывающих модулей. Неподалеку от космогесантников виднелся глубокий неровный провал, похожий на след укуса некоего огромного зверя, обнаживший металлическое нутро планетоида.

— Что здесь могло понадобиться старому ордену?

— Возможно, что ничего. Наша задача и состоит в том, чтобы разобраться.

Раек опустил пистолет и припал на колени, чтобы приложить ладонь к красно-черному камню. Парень был прирожденным разведчиком, легко приспосабливающимся к любым условиям. Даже глухой шлем и герметичная скаутская броня не могли ему помешать почувствовать окружающую его среду. Присутствию на астероиде враги, Раек точно бы знал, где они затаились. Он даже смог бы предсказать траектории, по которым полетят их пули. Этот скаут перемещался незаметно даже под беспощадным, ослепительным светом Обсидиана, в чьих лучах купался астероид.

--- Наличествует гравитация, --- доложил Раек. --- Как минимум две трети стандартной терранской. Следовательно, машины продолжают работать. Но здесь давно уже никто не появлялся.

Иктинос подошел поближе к одному из газозаборников, чтобы разглядеть его внимательнее. Спутник был утыкан иглами, предназначавшимися для того, чтобы высасывать из верхних слоев атмосферы Тиранкоса сырье, которое в

последствии перерабатывалось в топливо или другие материалы. Узлы оказались сильно изношенными -- конечно, ржавчины здесь быть не могло, но металл разрушался от длительного воздействия солнечной радиации и столкновений с атмосферой планеты-гиганта.

-- Вполне возможно, здесь еще осталось топливо, -- произнес Уктинос. -- Можно попытаться дозаварить «Сломанный хребет».

-- Не исключено, -- отозвался Раек, -- но вот это мне очень не нравится. -- Скаут кивнул в сторону кратера, уходящего под землю на краю горизонта. -- Это не попадание метеора, не последствия боя. Скорее, все выглядит так, словно эту яму просто выкопали.

-- Тем более мы должны все проверить, -- сказал капеллан, начиная удаляться от стоящего за его спиной «Грозового ястреба».

Воронка уходила глубоко в кору астероида, и дно ее исчезало в непроницаемой тьме, куда не проникал даже жесткий свет Обсидиана. Ее стены

проходили прямо сквозь этажи перерабатывающей фабрики. Повсюду виднелись обломки техники и оплавленные валуны. Вглубь спускалась каменная лестница, которая, казалось, ни к чему не крепилась, но просто висела в пространстве.

--- Антиграв, --- произнес Раек. --- Кто-то построил все это специально. Кто-то вырыл этот котлован и спрятал что-то на дне.

Прежде чем шагнуть на первую ступень, скаут вновь взял пистолет на изготовку, чтобы успеть ответить на любую угрозу. Лестница оказалась вполне надежной. За Раеком последовал и капеллан, чье аугментированное зрение позволяло разглядеть, как неровная уродливая поверхность астероида стеняется отполированной гладью каменных стен.

--- Трон небесный, --- тихо прошептал Раек. Он увидел предупреждающий символ, возвышающийся возле лестницы и предупреждающий нарушителей от дальнейшего спуска. Знак подвергся

коррозии, но перепутать было невозможно.
Перед костодекантниками висело
изображение золотой чаши — герб
Успивающих Души.

--- Канеллан?

--- Угем гальше, сержант.

Раек продолжил спускаться во тьму.
Вокруг открывались потрясающие виды.
Весь астероид был вынтрошен изнутри и
заполнен восхитительными колоннадами
и арками, парящими в воздухе. Все это
выглядело так, словно кто-то разобрал
сотню древних храмов и в хаотичном
порядке разместил их убранство в этой
искусственной пещере. Элементы
конструкции постоянно перемещались и
перестраивались, двигаясь вокруг
центральной точки астероида, где
находилось строение из золота и
обсидиана, напоминающее гробницу.
Направление гравитации неожиданно
изменилось, как только Раек пересек
незримую границу, и стена вдруг стала
полом. Теперь гробница возвышалась над
его головой, опоясанная концентрическими
кругами постоянно изменяющихся этажей.

Повсюду виснелись изображения чаши. Была здесь и имперская аквила. Оба символа сопутствовали друг другу, пока Сарнедон не отрекся от Империи, а Орген не оказался обречен на изгнание. В пространстве проплывали вырезанные в камне лица — должно быть, изваяния Успивающих Души былых дней... они проявлялись на фоне затерших батальных сцен, выглядевших как изображения давних, проигранных оргеном битв.

— Что тебе известно? — спросил Раек.

— Я проверил архив оргена, прежде чем ты покинули «Сломанный хребет», — ответил капеллан. — Ни единого упоминания ни о Тиранкосе, ни о подобном святилище.

— Я спрашивал не об этом, — произнес скаут.

Иктинос повернулся к Раеку, встретив на того взгляд из-под глухого забрала. Сержант был шокирован. Конечно, он весьма старательно это скрывал, но все же было заметно, что на него давит неизвестность.

--- Капеллан, --- продолжил скаут, ---
зачем Сарнедон привел нас сюда? Мы ведь
тоже боевые братья, пусть и не видели
войны, расколовшей орден. Мы заслуживаем
правды.

Прежде чем Уктинос успел
ответить, в пространстве летающего
храма что-то зашевелилось. Улучшенное
зрение костюгесантников позволяло
разглядеть внезапных гостей во тьме
громогдных каменных блоков столь же
явственно, как и солнечным днем.
Пистолет Раека нырнул в кобур, и в ту
же секунду в его руках оказалась
снайперская винтовка --- отточенные в боях
рефлексy заставили скаута выбрать более
удобное оружие.

По стенам забегали огни
прожекторов. Заблестело серебро корпусов.
Сквозь пластины покрытых облупившейся
золотой и пурпурной краской доспехов
проступала серая мертвая плоть.
Загорелись красным огнем линзы глаз.
Покинули свои чехлы болтеры и мечи.
Стражи усыпальницы были повсюду.

--- Боевые сервиторы, --- произнес

Раек, наблюдая за тем, как все новые и новые тени отделяются от храмовых блоков.

Подобные облаку стальной саранчи, они устремились к космогесантникам, двинутые гудящими антигравитационными приводами. Меж колонн заметались красные лучи детекторов движения и тепла.

--- Похоже, кто-то не обрадовался нашему появлению, --- заметил скаут.

--- Нет, --- откликнулся Уктинос. --- Кто-то желает проверить нашу доблесть.

Бой уже начинался; на гудящих гесантников из-за каменных блоков обрушился ураган лазерных залпов. Раек метнулся в сторону. Уктинос извлек крозиус и плазменный пистолет.

--- Похоже, старый орган полагает, что ему еще есть что нам сказать, --- спокойно произнес капеллан, когда Раек открыл ответный огонь.

Вожак испустил рев, и орда двинулась вперед. Звери, населявшие джунгли, разбежались перед армией; даже

самые могучие хищники паниковали, заслышав воинственные крики орков и грохот многочисленных сапог. Органа, впитавшая в себя прибывшее с орбиты подкрепление, теперь могла похвастаться и примитивной бронетехникой, чьи гусеницы оставляли широкие прорехи в молодой поросли. Шагающие машины, вооруженные массивными пушками, заменяющими им руки, и похожие на огромные стальные бочки, месили грязь болот, управляемые безумными, жаждущими войны орками. Под ударами плетей погонщиков рычали боевые звери, состоящие, казалось, из одной лишь зубастой пасти и желудка. Многие и многие тысячи зеленокожих шли в наступление, в детском восторге перед грядущим кровопролитием размахивая оружием и стреляя в воздух.

Многие из бойцов заменили зубы грубыми золотыми протезами или же нанесли на тела боевую раскраску. Другие нацепили похожие на черепа маски, или же потрясали самymi огромными и пугающими пушками, какие только

смогли раздобыть, либо были обвешаны охотничьими трофеями, представляющими собой завяленные куски тел поверженных врагов. Каждый воин нес знак, отмечающий его принадлежность к тому или иному клану... но, сказать по правде, в этих джунглях кланов не было. Вожак создал единую армию из тех, кто на мирах туманности Гарона резал груг-гругу глотки. Теперь же они были одной ордой, сплотившейся ради войны. Только в ней орки были готовы отбросить все свои слабости и показать, на что способны.

Вожак, впервые с того момента, как спустился на Неверторн, позволил жажде крови овладеть им. Разразившись воинственным ревом, он зашагал впереди своей армии, потрясая огромной механической клешней, рыча и испуская струи пара из поршней, внедренных в его тело. Как и все прочие зеленокожие, он был природным убийцей, созданным для порочными богатами ради завоевания Галактики и уничтожения всякого, кто осмелится встать на его пути.

Подобно горному потоку орда

вливалась в образ. Среди густых зарослей постоянно попадались гниющие растения и останки животных, сорвавшихся с отвесных склонов в доходящую до пояса жижу. Над головами орков арочным сводом изгибались корни деревьев и скользили в темноте ядовитые змеи. Но зеленокожее войско продолжало идти и идти; оно было слишком сильно, чтобы отступить, испугавшись каких-то джунглей. Боевые машины опрокидывали стволы вековых деревьев, оставляя в грязи глубокие колеи. Путь стогли осилить не все — орки гибли, исчезая в трясине и становясь жертвами хищников. Но эти потери были всего лишь каплей в бескрайнем зеленом океане.

Войско возглавлял сам вожак, решительным шагом направлявшийся к далеким холмам. Там орки могли закрепиться и навести порядок в своих рядах перед последним кровавым броском к побережью. Вообще, орки были слишком увлечены мыслями о смертоубийстве и погромах, чтобы озадачиваться стратегическими вопросами, но вожак отличался от них. И только благодаря

ему зеленокожие могли предать огню
города Хирогрейва и завоевать Ванквалис.

Рядом пал орк... убитый выстрелом
из снайперской лазерной винтовки. По
густой листве забежали огоньки прицелов.
Раздался кашляющий звук, всколыхнулась
травка, и еще один боец рухнул в грязь,
лишившись половины головы.

Они были здесь. Люди. Но на сей раз
человечков не могли спасти ни закованные
в сталь громилы, ни даже сами
фальшивые боги. Вожак взревел, подобно
взбешенному зверю, каким он, впрочем, и
был, и зеленокожие устремились в атаку.

--- Хладнокровно и быстро,
Успивающие Души! --- прокричал Люко,
когда орда ксеносов возникла из черно-
зеленой утробы джунглей. Он чувствовал
их запах --- вонь гниющего мяса и
порохового дыма, запекшейся крови и
немых тел.

Рядом с Люко стоял Грэвус, сжатая в
деформированной руке топор, вокруг
которого потрескивало силовое поле. Люко
и сам уже изготовил к бою свои

энергетические когти, с кончиков которых
срывались синеватые электрические дуги.

--- Смотри не потеряй голову, брат, ---
предостерег Грэвус. --- Ты должен только
вытанить их на нас. Одна нога там,
другая --- здесь. Не стоит пытаться
перебить их всех в одиночку.

--- Не бери меня на слабо, --- хищно
осклабился Люко. --- А не то я вырежу всех
этих ксеносов лишь затем, чтобы
преподать тебе урок.

Но времени для дальнейшей перепалки
уже не оставалось. Из-за деревьев, скрипя
суставами и извергая пар, вышла боевая
машина, в три раза превышающая рост
обычного человека. Она вскинула руку и
окатила склоны пулеметным огнем,
вынуждая отряды Люко и Грэвуса залечь.
Вторую руку машине заменяла
завывающая циркулярная пила. Она
попыталась дотянуться до ближайшего
костогесантника и попутно срезала
высокое дерево, цеплявшееся кроной за
полог джунглей.

--- В укрытие! --- рывнул Грэвус,
спасаясь от града пуль и падающих с неба

обломков. — Этой гадиной займутся
стрелки! Убивайте зеленокожих!

Его отряд быстро собрался вокруг
командира, оцетинившись ревущими
цепными мечами, и подобно водонапорной
обрушился на темный поток наступающих
орков. С влажным хрустом клинков,
вонзающихся в плоть, штурмовики
схлестнулись с зеленокожими, и ксеносы,
не ожидавшие подобной бойни, бросились
врассыпную.

— Огонь! — прокричал Люко.

Хотя приказывать не было нужды —
весь тактический отряд уже вскинул
болтеры, проделывая опаленные дыры в
корпусе боевой машины. Огромная
стальная ланца опустилась на землю,
переталывая ногу брата Зальраса, и Люко
подхватил товарища, чтобы оттащить в
сторону... но только привлёк внимание
твари. Пока машина разворачивалась,
командир тактического отряда успел
разглядеть на ее цилиндрическом корпусе
грубые рисунки: стилизованные орочьи
черепа и сжатые кулаки, знаки боевых
побед и геральдические символы кланов. На

длинных кожаных шнурах, обмотанных
вокруг ног металлического чудища, были
прицеплены зубы и гниющие отрубленные
руки. Пила обрушилась вниз, и Люко едва
успел отпрыгнуть вместе Зальрасом,
прежде чем лезвие прочертило в земле
глубокую борозду.

Костические десантники отличались
от простых людей отнюдь не только
ростом и мощной броней. Главным было
то, что настоящим воином Астартес
никогда не овладевал страх. Страх
способен затуманить рассудок обычного
человека, вынуждая того совершать
безумные поступки — подставлять спину
врагу, пытаться спрятаться, искать
несуществующего противника... Но разум
костодесантников было не столь просто
обмануть. Несомненно, они знали это
чувство, но оно никогда не могло
завладеть ими всецело. Они научились
подавлять свой страх и управлять им,
никогда не позволяя, чтобы он захватил
власть над их помыслами. Люко понимал,
что сейчас куда безопаснее не пытаться
убрать, а вступить с противником

брукопашную, где броня и сила дают наибольшее преимущество. Поэтому он просто прокатился под стволом массивного пулемета и полоснул по сочленению ноги машины когтями-толнителями. Его пальцы опалил жар плавящегося металла, но десантник заставил себя не отдергивать руку. Клинки резали сталь так же легко, как обычный меч — плоть.

Машина зашаталась, гневно скрежеща механизмами. Люко едва успел отпрыгнуть, когда на него вновь упала увенчанная пилой лапа, отхватив кусок от наплечника. Капитан прокатился по грязи, ломая ветви толстого кустарника и, повинувшись инстинкту, скользнул за ствол массивного дерева. В то же мгновение раздался грохот выстрелов, и во все стороны брызнули щепки и сок.

Ломая ветви и обдирая листву, сверху упали воины отделения Грэвуса, с чьих плечей все еще капала орочья кровь, тышущие жаром прыжковые ранцы унесли штурмовиков прочь от разгневанных ксеносов, жаждущих отпущения за навших

собратьев. Сам Грэвус прокрүтил в воздүхе күльбит и приземлился за спиной боевой машины, на корпусе которой осталась глубокая прорезь, проделанная его топором.

Люко выкатился из үкрытия и вновь набросился на стальную махину, погрузив когти в ее ноги настолько глубоко, что почувствовал, как лопаются и рвүтся скрытые под броней сүхожилия. Машина застонала, выбивающиеся из сил двигатели выпустили облако пара...

Капитан вонзил когти в бок железного гиганта и начал подтягиваться, взбираясь все выше на корпус; энергетическое поле искрилось, вспарывая бронированную обшивку. Чтобы добраться до самого верха и отрубить голову, которая, искря, обрушилась в болото, Люко понадобились все силы.

Машина начала заваливаться, извергая огонь и дым из поврежденных двигателей. Люко спрыгнул в жижу; так же поступил и водитель -- вытазанный в саже орк с разорванной грудью, бешено сверкающими глазами и безүтной үлыбкой на морде. В руке ксенос сжимал связку

взрывчатых шашек, к которым был приотан дедонатор. Зеленокожий выдрал предохранитель и расхохотался, глядя на костодесантника.

Однако неожиданно выросший за спиной орка Грэвус схватил тварь могучей рүкой. Вновь взревел прыжковый ранец, и сержант взмыл к своде джунглей, унося с собой обезумевшего ксеноса. Вложив всю свою невероятную силу, Грэвус размахнулся и зашвырнул противника прямо в неровные ряды приближающихся зеленокожих, где тот и взорвался, унося с собой жизни десятков собратьев, разбросав вокруг обломки деревьев и оторванные конечности.

Когда с боевой машиной было покончено, Люко заставил себя подняться. Его отряд продолжал бой, и даже брат Зальрас, прислонившись к стволу перерубленного дерева, расстреливал зеленокожих, разбежавшихся от залитой кровью поляны, где недавний взрыв уничтожил многих их товарищей. Орки валились один за другим, но на место погибших тут же вставали новые, чьи

глаза пылали жаждой мщения.

Люко оглянулся на Грэвуса. Тот с головы до ног был вымазан орочьей кровью. Пока капитан сражался с военной машиной, штурмовики устроили бойню тем зеленокожим, которые пытались вскарабкаться по стенам оврага. Прыжковые ранцы позволяли обрушиться на головы врагов, нанести колоссальный урон и уйти, не попав в окружение.

--- Что ж, мне не пришлось убивать их всех самому, --- улыбнулся Люко. Такая благодарность за спасение была вполне в его стиле.

--- Полагаю, мы привлекли их внимание, --- заметил Грэвус.

--- Отводим парней, --- приказал Люко. --- Отделение! Огонь на подавление --- и отходим!

Успивающие Души растворялись в лесу, прикрывая свой отход плотным заградительным огнем, срезавшим листву с деревьев.

На место каждого павшего орка становились двое, а то и трое --- перешагивавших мертвое тело и

продолжавших рваться в бой. Люко отводил свое отделение обратно вверх по склону, истощая первые ряды противника, замедляя натиск, и хоть орки и извергали неистовые проклятия, момент уже был упущен. Зеленокожие продвигались все медленнее, перебираясь через трупы своих же собратьев. И те, кто вырывался вперед, становились отличными мишенями для людей Люко, расстреливавших орков из болтеров.

--- Работайте! --- взревел капитан. --- Шквальный огонь!

Тактическое отделение припало к земле. Бойцы Грэвуса взмыли ввысь на прыжковых ранцах, уносясь к излому холмов.

--- Искупление! --- пробасил голос, принадлежащий человеку, которого, как слышал Люко, называли Троксом, --- офицеру, возглавлявшему один из флангов штрафного легиона. --- Ущите его в глазах ксеносов! Вырвите его из их окровавленных план!

Повсюду вокруг засверкали, подобно грозе, алые всполохи лазерных выстрелов.

Сриста солдат 901-го, расположившиеся
вдоль склона, дружно открыли огонь. Лучи
срезали с деревьев кору, листья и ветви,
передовые отряды орочьей армии пали в
мгновение ока, их обожженные трупы,
лишившиеся рук и ног, валялись в
болотную грязь. Зеленокожие пытались
ответить, и по склону заплескали
фонтанчики земли, взбитой их
выстрелами, но ксеносы не имели
возможности прицелиться и действовали
неэффективно. Несколько солдат
штрафного легиона погибли, но эти
потери не значили ничего.

Бойцы Люко продолжали
отстреливаться, лежа на земле под
лазерным шквалом и пробивая бреши в
рядах пытающихся карабкаться по склону
орков. Пару раз солдаты 901-го
промахивались, но броня костодесантников
была создана руками одних из лучших в
Галактике мастеров, поэтому попадания
из гвардейских винтовок, смертельные для
незащищенного человека, оставляли
только темные росчерки на доспехах,
выкрашенных в цвета Успивающих Души.

--- Уничтожим грязь, обратную
взору Императора! --- завывал Трокс, в
порыве фанатизма ухитрившийся
перекричать даже грохот выстрелов. Его
ручной гранатомет рывнул, и среди орков
прозрел взрыв, от которого во все
стороны полетел смертоносный град
серебристых игл.

Заговорил тяжелый болтер, и вскоре
приближающаяся орда полностью скрылась
за завесой дыма и взрывов; в воздухе повис
туман от кипящей крови и раскаленной
земли. В дымке маячили ступные
силуэты --- особенно огромный и свирепый
орк вел за собой закаленных в боях
ветеранов, натереваясь обрушиться на
порядки 901-го. Пока десантники Люко
перестраивались, располагаясь среди
бойцов штрафного легиона, отделение
Грэвуса упало с небес, чтобы замедлить
продвижение зеленокожих. Поднялся и
опустился огромный топор, и
предводитель орков рухнул, рассеченный
практически надвое.

--- Люко на позиции! --- прокричал
капитан в вокс. --- Удерживает фланги!

Мы завязали бой и не даем им прорваться!

--- Отменная работа, капитан, ---
ответил ему голос Сарнегона. --- Не
позволяйте им прорваться. Если надо,
прогибайте линию, но не дайте им уйти!
Основные силы уже на подходе.

Черная вода, подобно поту, каплями
скатывалась со стен тюрьмы. На
«Сломанном хребте» хватало мест, где
можно было держать заключенных, --- по
правде говоря, почти любой из кораблей,
составлявших «скиталец», имел
собственную тюремную палубу, а
некоторые и вовсе, казалось, состояли из
одних лишь капер да помещений для
пыток. Многие из этих кораблей казались
чуждыми, в то время как другие
были вполне заурядно мрачными и
прозаичными, со свисающими со стен
кандалами и отверстиями в полу,
предназначенными для стока крови.
Тюрьма, сейчас использовавшаяся
Успивающими Души, представляла собой
просто аналог земных заведений ---
огромное помещение, отделенное от

остального корабля усиленными переборками и бронированными дверьми, с тускло освещенными, в потеках ржавчины коридорами, охраняемыми автоматическими турелями. Кое-где в углах до сих пор валялись почти истлевшие в прах серые кости, свидетельствовавшие о том, что корабль был полон узников в тот момент, когда его поглотил варн, но теперь здесь была заточена одна-единственная живая душа.

В последнее время брат Тейланос размышлял о том финальном моменте, когда безумие чуждого людям пространства варна прокатилось ядовитым облаком по этим коридорам. «Сломанный хребет» знал множество таких историй — в странно искривленных темных углах таились многочисленные кошмары, а коридоры полнили ужасы узников и их вопли, чье эхо, казалось, до сих пор блуждало среди почерневших от времени стальных стен.

Думать об этом было опасно. Даже мысли о подобных вещах представляли угрозу. Они разрушали сознание. Впрочем,

весь «Сломанный хребет» был сплошной моральной угрозой, и если бы не сила воли Успивающих Души, их разум подвергся бы порче и погиб. Но ордену хватало духа, чтобы противостоять этому тлетворному влиянию. Крики давно умерших людей могли погубить простых солдат, но не комогесантников. Успивающие Души были слишком сильны.

Когда острый нож вонзился в тугие переплетенные мышцы его гортани, Тейланос успел поддаться слабости и вообразить, будто варн вновь овладел тюремными коридорами, будто серебристые пальцы безумия вновь просочились в реальность и готовятся утянуть его в Улматериум.

Затем клинок скользнул сквозь плоть и погрузился в основание мозга. Последнее, что увидел Тейланос, — кричащие лица узников былых времен, приветствующих его как своего нового собрата.

Нисрий выдернул нож из шеи Тейланоса и позволил трупу упасть на палубу. Скаут казался слишком бледным и

чрезмерно тощит для того, чтобы
состоять в Космическом Десанте, да еще
и глаза его постоянно бегали от одного
предмета к другому.

Тигей опустился на колени и
рассмотрел зияющую рану на шее убитого
собрата — аугментированная кровь уже
запеклась по ее краям.

— Этот готов, — привычно коротко
произнес Тигей. — Другие есть?

— Я больше никого не ощущаю, —
отозвался Нисрий. Он обладал даром
ясновидения и со временем, вполне
вероятно, мог даже научиться
предсказывать будущее — исключительно
редкий талант... и чрезвычайно опасный.
Обучение Нисрия продвигалось довольно
медленно по сравнению с прочими
кандидатами в библиарию, поскольку уж
слишком необычен и рискован был его дар.
Но скаут уже видел грани пространства
времени, что позволяло ему действовать
быстрее, чем допускают законы физики. —
А если кто и есть, то вряд ли мы скоро с
ним столкнемся.

— Тогда надо торопиться, — сказал

Тигей. — Скамандр?

Лексиканий Скамандр прикрывал их со спины на тот случай, если скаутов засекут другие Испивающие Души, приставленные охранять тюрьму. Несмотря на то что он уже удостоился права носить полные доспехи костического десантника, Скамандр оставался человеком Тигея. К слову сказать, лексиканий так же являлся псайкером, но если дар Нисрия был утонченным и сложным, то Скамандр владел вполне простым искусством. Он был пирокинетиком, о чем явственно говорили следы ожогов вокруг глаз и на щеках. Его глаза обрели темно-красный оттенок, а из сочленений брони постоянно вырывался дымок.

— Все чисто, — произнес лексиканий. — Отойдите.

Скамандр подошел к входу одной из камер. Ее дверь представляла собой массивную металлическую плиту, почерневшую за прошедшие века, но способную простоять еще не одну тысячу лет. Псайкер приложил к ней руку в

бронированной перчатке, покрытой потемневшей, вспучившейся волдырями краской, и сталь под лапкою, зашипев, начала раскаляться, приобретая вишневым оттенком. Лицо Скамандра посуровело, а из глаз полыхнуло призрачным огнем — в то же время броня на его спине начала покрываться инеем, а вода, капая с потолка, обратилась в лед. Чтобы создать жар, пирокинетик должен был откуда-то черпать тепло, и он черпал его из собственного тела, источая вовне смертельный холод, пока металл плавился и расступался под его рукой.

Внутри катеры на скамье, выходящей из стены, сидел один единственный пленник. Увидев, как рушится дверь, он поднялся. Тусклый свет коридорных ламп упал на его лицо — это был Евмен, по приказу Сарнегона лишенный доспехов и заточенный здесь.

— Все готово? — спросил узник, когда дверь окончательно расплавилась.

Скамандр отошел назад, тяжело дыша, и платья, рвавшееся из его глаз, стало серым налетом льда.

--- Не совсем, сержант, --- приблизился
Тидей.

--- Где Раек? --- поспрашивал Евмен.

--- Отозван для изучения сигнала
бедствия, поступившего с Тиранкоса. Он
улетел вместе с капелланом.

Неожиданно Евмен мрачно улыбнулся:

--- Что ж, это нам только на благо.
Будь Иктинос на борту, нас ждали бы
неприятности. Вам пришлось кого-нибудь
убить?

--- Одного, --- ответил Тидей.

--- Его исчезновение скоро заметят, ---
произнес Евмен. --- Действовать надо
быстро. И обязательно связаться с
поверхностью. Есть новости оттуда?

--- Зеленокожие продолжают давить.
Сарпедон уже скоро отдаст приказ.

--- Стало быть, мы должны покончить
с этим до того, как он это сделает. ---
Евмен кивнул Скамандру. --- Рад видеть
тебя, скаут. Как дела в библиотеке?

--- Я уже лексиканий, --- ответил все
еще не пришедший в себя псайкер. ---
Тирандуан возлагает на меня большие
надежды.

--- Как и на меня, --- сказал Евмен. ---
Нисрий, поблизости никого?

--- Из тюремного корабля мы
выберется без проблем, --- ответил
провидец, чьи постоянно моргающие и
бегающие глаза выдавали, что он
вспатривается в невидимые псионические
потoki. --- Дальше мне не увидеть.

--- Зато вижу я, --- ответил Евмен,
выбираясь сквозь дытящуюся оплавленную
дыру, созданную талантом Скатангра. ---
Я даже знаю, чем все закончится.
Предупредите остальных. Мы начинаем.
Нисрий, займись этим. Скатангр,
останешься со мной. В первую очередь
следует нанести удар по мостику.

Орга рвалась через Змеящуюся
лощину, обрушиваясь на высоты за ней,
подобно приливной волне. Солдаты 901-го,
расположившись по краям оврага,
расстреливали орков и тем самым
направляли их к каменистому склону,
выходящему к холмам, которые
вздыгались над густой зеленой джунглей.

Успивающие Души и наиболее

беспособные подразделения 901-го
предпринимали диверсионные вылазки,
чтобы разделить приближающиеся
вражеские части. Перекрестным огнем
Люко и Грэвус положили сотни орков, пока
на другом краю обрыва Салк обустранивался
на затопленных камнях, служивших центром
сбора для всего 901-го. Число уничтоженных
зеленокожих уже не поддавалось подсчету,
но еще многие и многие тысячи ксеносов
продолжали штурмовать холмы. Линия
обороны штрафного легиона прогнулась, но
выдержала; Успивающие Души стояли
намертво, хотя и понимали, что ведут
всего лишь второстепенные бои, мало
влияющие на конечный исход сражения.
Настоящая битва должна была
развернуться тогда, когда орки достигнут
высот.

--- Открывай огонь, Лигрис! --- взревел
Сарнедон, сбрасывая вниз очередного орка.

--- Да, командор, --- отозвался Лигрис с
орбиты. --- Орудия готовы к бою. Удар
будет нанесен в течение ближайших
минут.

Сарнегон взмахнул психосиловым посохом, разрядив накопленный запас психической энергии в грудь пытавшегося поодобратся к нему со спины орку.

Отряд командора удерживал самую первую из возвышенностей, откуда можно было увидеть всю Эмеящуюся лощину и плотную зеленую реку ксеносов. Этот естественный коридор был полностью забит толкающимися орками, стреляющимися овладеть высотой, которую сейчас удерживали люди Сарнегона. Стоя на заросших мхом камнях, Успивающие Души опустошали боезапас болтеров, проделывая огромные дыры в телах тех орков, которые пытались вскарабкаться наверх.

Склон был не слишком высоким, а орки оказались чрезмерно настойчивыми — пока один из них падал вниз с простреленной головой, второй поднимался еще чуточку выше. Кроме того, орда не забывала обстреливать и Успивающих Души — тысячи стволов беспорядочно палили, наполняя воздух вокруг десантников горячей шрапнелью.

--- Они прорываются! --- крикнул Каррайдин, мастер-наставник новобранцев, командовавший отрядом скаутов и недавно обращенных бойцов ордена, оборонявших позиции 901-го и склоны. --- Удерживайте их! Всем стоять! Во имя Дорна и Императора, имейте мужество заслужить право носить символ потира на своих наплечниках!

--- Скоро заработает артиллерия, --- крикнул в вокс Сарнедон, сбрасывая со склона очередного орка. Ксеносы подобрались на расстояние удара мечом, и Испивающие Души уже готовились вступить в рукопашную схватку за вершину. --- Не позволяйте им подобраться к ванквалийцам. Нам нужен каждый стрелок!

Командор нанес удар одной из лап, пригвоздив орка к камню, прежде чем снести твари голову наверху посоха. В ту же секунду через трүн собрата перебрался еще один ксенос, но его сбросили в зеленые заросли три точных и быстрых выстрела одного из новичков Каррайдина.

Сарнедон уже собирался

поблагодарить толстого десантника, когда снизу донесся яростный, пугающий вой кого-то огромного. Натиск орков неожиданно усилился, заставляя Успивающих Души отступить. Зеленокожие начали бросаться прямо на болтеры и мечи, загавливая костодесантников телами. Сам магистр разил направо и налево, но в конце концов был вынужден откинуться на задние лапы и попытаться от склона, чтобы не оказаться в окружении. Теперь орки были повсюду — заслуженные ветераны с уродливыми торгатами, практически теряющимися за многочисленными ширатами — настоящее воплощение силы и жестокости.

Но за их спинами возвышался подлинный монстр. Он был огромен; он был выше не только любого орка на Неверторне, но и любого своего сородича, каких Сарнедон встречал в жизни. Его тело было наполовину заменено механикой, а в глазах полыхала ненависть, которая, как сразу понял командор, ни капли не походила на обычную звериную ярость.

других зеленокожих. Нет, она была очень и очень давней... столь же въевшейся в его плоть, как и застарелые шрамы. И о могуществе этого существа во многом говорило то, как оно легко разбрасывало других орков, прорываясь к Сарнедону.

Но магистр и сам был чудовищем. Вонзив когти всех своих лап в щели скамней, он присел и, точно копье, выставил перед собой посох. Взревев, подобно взбешенному быку, вожак пригнулся и бросился в бой, но Сарнедон стоял неподвижно.

Механическая лапа рассекла воздух со звуком падающего метеора. Командор же практически не сдвинулся с места, уходя от удара, но его увенчанный аквилой посох, на который орк налетел всем своим весом, прочертил глубокую рану в брюхе противника.

Посох этот был вырезан из весьма редкой психоактивной древесины и позволял проводить через себя большие объемы запасенной ментальной энергии. Стоило Сарнедону сосредоточиться и нацелить это оружие, как плоть

противника рвалась в ключья, а душа
отлетала. Именно так магистр поступил
и сейчас, вложив в удар все глубинные силы
своего разума до последней капли, пронзая
внутреннюю суть звериной души вожака
ослепительно-белым раскаленным копьем.

Но, как оказалось, это существо
обладало такой силой воли, с какой
Сарнегон никогда прежде не сталкивался,
и копьё просто сломалось. Орк выдернул
посох из раны и обхватил магистра
механической ланой. Успивающий Души
едва успел подставить руку и не позволить
клешне сойтись; из поршней твари
забил пар. Для человека Сарнегон обладал
исключительной силой, но вожак, казалось,
состоял из одних лишь мышц и ярости, и
командор понимал, что рано или поздно
стальные пальцы сойдутся и сокрушат
его ребра.

Один из поршней неожиданно лопнул;
локтевое сочленение орочьей лапы
взорвалось дымом и огнем. Тиски тут же
ослабли, и Сарнегон вложил все свои силы,
чтобы попытаться разжать
металлическую клешню и вырваться.

Вожак разгневанно взревел и, размахнувшись, отбросил командора. Предводитель Успивающих Душ пролетел по воздуху, сшибая ветви, потом врезался в дерево и покатился по земле, стараясь посохом зацепиться хотя бы за что-нибудь.

Наконец его падение остановилось, и Сарнедон быстро поднялся на все свои ловкие лапы. Он слышал, что вожак уже снова бежит к нему. Теперь магистру предстояло сражаться непосредственно в джунглях, покрывавших подножия холмов, и где-то совсем рядом, за его спиной, была ванквалийская артиллерия. Отступить дальше было нельзя; оставалось только держать позицию. Этот орк оказался одним из немногих, чья физическая мощь превышала его собственную, и Сарнедон понимал, что может проиграть в открытой схватке. Поэтому он прибег к

Агу.

Вожак был уже близко, и от его поступи сотрясались деревья. Сарнедон успел попробовать на вкус силу воли этого существа и знал, что тварь не напугает

такой грубый прием, какой поверг в дрожь зеленокожих под стенами Райтспайра. Но вожак должен был чего-то бояться. Как и любое разумное существо. Где-то в Галактике определенно имелось нечто такое, что повергнет в ужас гигантского орка, заставит того отвлечься на достаточный срок, чтобы Сарнедон успел покончить с ним.

Ксенос жаждал заполучить Ванквалис. Ему нужен был этот мир. Но если планеты вдруг не станет, все будет потеряно. Вот чего боялся вожак -- поражения. Пожалуй, это было одной из немногих вещей, которых боялся и сам Сарнедон.

Аг вырвался из души магистра, сотрясая ветви деревьев, но джунгли тут же испарились, уступив место голой выжженной земле. Солнце покинуло небеса, а всякая жизнь -- планету. Теперь и для Сарнедона, и для вожака Ванквалис представлял собой просто пустынный, никому не нужный мир, где во все стороны, сколько хватало глаз, простиралась мертвая твердь, озаряемая лишь светом

осуждающих звезд. Аг превратил
Банквалис в награду, не стоящую борьбы, в
место, где тысячи зеленокожих погибли
зря, став надгробным памятником
глубейшей неудаче вожака.

Гигантский орк был уже совсем
рядом, когда Аг заставил его узреть
ужасную истину о том, сколь бессмыслен
крестовый поход зеленокожих. Именно в
этом и нуждался Сарнегон. Нащупав
надежную опору задними лапами, он
оттолкнулся и бросился в атаку. Два
гиганта столкнулись с грохотом,
подобным грому.

Глава седьмая

--- Что есть величайший из грехов?

--- Величайший из них --- предательство, ибо этот грех обращен против самой души.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

Лорд Совелин Фалкен упал ничком, зарываясь лицом в грязь; в ушах звенело от взрывов. Извиваясь червею, он пополз по сотрясающейся земле к ближайшей мортире, но когда уже почти добрался, рядом что-то прогремело, и на несколько секунд весь мир погрузился во тьму и всепоглощающий гул.

Офицер заставил себя подняться на одно колено и оглядеться. Большинство Ванквалийских Стражей также предпочли найти укрытие от снарядов, раздиравших полоз джунглей и взрывавшихся среди артиллерийских

установок. Были и погибшие: одного обезглавило осколком; второй, без обеих рук, лежал, зарывшись лицом в траву. Третий пока еще был жив, хотя вся нижняя половина его тела и превратилась в отвратительное кровавое месиво. Его лицо стало белым, словно мел, а глаза распахнулись в паническом ужасе; жизнь постепенно покидала его, утекая в болотную грязь.

На краю поляны за деревьями замаячили ступные тени. Некоторые из них несли на себе увесистые пушки, чьи стволы, раскалившиеся от стрельбы, все еще светились в темноте. Оркам удалось вывести свою артиллерию из оврага и накрыть позиции Совелина, чтобы его Стражи не могли более вести огонь по основному скоплению зеленокожих.

— Построиться! — закричал Совелин. — Ко мне! В линию!

В ушах звенело, и он сам с трудом слышал собственный голос, но вскоре к нему стали сбегаться солдаты; их форму покрывал густой слой грязи, а лица были бледны от страха.

Он был их офицером. И с этим приходилось стираться. Если он не возглавит своих людей, все они обречены на гибель.

Стараясь бороться с подступающей паникой, Совелин приказал открыть огонь. Последовавшая схватка была отчаянной и жестокой; грохотали ружья орков, и вторил треск автоматических винтовок. Зеленокожие рассчитывали развернуть свои тяжелые орудия и дать еще один залп, но почти все, кто пытался это сделать, погибали. Неожиданно прямо среди людей возник ксенос, и Совелину пришлось лично вступить с ним в драку — у омерзительной твари была лишь половина лица, вместо второй на офицера смотрел почерневший, опаленный череп. Удар орка раздробил приклад винтовки Совелина, когда тот попытался защититься, и офицер повалился на землю. Зеленокожий вновь размахнулся огромным тясницким топором, и командир Стражей едва успел откатиться, чтобы жуткое оружие не раскроило ему голову. К сожалению,

двигался он недостаточно быстро, и теперь орк прижимал его к земле всем своим весом, пытаясь переломать ребра. Поддавшись панике, Совелин выдернул из кобуры лазерный пистолет и выпустил почти весь заряд прямо в брюхо ксеноса. Тварь задержалась и страшно выдохнула прямо в лицо офицеру; на секунду тот даже подумал, что эти жуткие клыки сейчас откусят ему голову.

Но затем орк безвольно обмяк и выпустил долгий предсмертный хрип. За тупую схватились чьи-то руки, помогая командиру сбросить ее с себя, — два ванквалийца оттащили труп ксеноса в сторону, и Совелин смог увидеть, какую дыру проделал в животе орка. Должно быть, выстрел перерезал твари позвоночник. Командир артиллеристов никогда прежде никого не убивал. Во всяком случае, не с такого расстояния.

— Нам надо... — произнес Совелин, пытаясь восстановить дыхание. — Надо перестроиться. Нужно что-то вроде расстрельной команды. Мы можем с ними справиться, но нельзя подпускать их

плотную.

К сожалению, на самом деле орки были повсюду. Сотни тварей. Может быть, даже тысячи. И где-то удалось прорвать оцепление, и теперь ксеносы стремились уничтожить артиллерию людей. Совелин понимал, что и он сам, и его бойцы уже обречены.

В голове офицера неожиданно раздался низкий гул, стремительно усилившийся до оглушительного рева, и мир переменился. Джунгли заслонил собой новый пейзаж — угрюмая и бескрайняя каменная пустыня, безжизненный и печальный мир под черными, как костос, небесами. Совелину не удалось сторгнуть это наваждение, и, оглянувшись, он понял, что то же самое видят и ванквалийцы, и орки.

Стрельба стихла, и люди попрятались, обхватив головы и пытаясь избавиться от обрушившихся на них иллюзорных образов.

Колдовство. Космический десантник, перепугавший орков у Райтспайра, находился где-то недалеко. Значит, здесь

были и другие Астартес, и у артиллеристов появился шанс на спасение.

Распрятившись, Совелин искал глазами новую винтовку, чтобы иметь возможность показать пример своим людям. Сосредоточиться никак не получалось, — наклонившись за оружием, он едва сумел его подобрать. Мир вокруг расплывался и качался, словно в пьяном угаре.

Сквозь лес лопилось настоящее чудовище, сцепившееся врыкопашную с костогесантником. Орк... такой огромный, что Совелин и представить себе не мог, что такие вообще существуют; половину тела ксеносу заменял плюющийся паром механический кошмар. Но сколь бы пугающим и мерзким ни был этот зеленокожий, в животе у офицера Стражей по-настоящему похолодело, когда он разглядел костического гесантника.

Астартес оказался мутантом. Вся нижняя половина его тела выглядела какой-то отвратительной насмешкой над природой; ноги ему заменяли восемь членистых лап, точно у паука или

скорпиона. Двигался этот воин со стремительностью и ловкостью, не свойственной человеку. Удар за ударом, шаг за шагом, десантник постепенно оттеснял орка обратно в джунгли. Остальные зеленокожие, еще недавно штурмовавшие позиции артиллерии, разразились испуганным воем, увидев, что мутант берет верх и вот-вот победит их предводителя.

Впрочем, орки вдруг стали самой последней из забот Совелина. Он неожиданно узрел страшную правду.

Мутант. Колдовство. Неожиданное появление на орбите Ванквалиса. Впервые офицер сумел отчетливо разглядеть изображение чаши на наплечниках Испивающих Души. Все стало понятно. По велению Совелина заструился чистый, леденящий душу ужас, куда более сильный, нежели он мог испытывать перед смертью или несущими ее орками.

Совелин был единственным, кто на самом деле понимал, что здесь происходит.

— Эй ты! — закричал офицер.

указывая на ближайшего из ванквалийцев. —

— Тащи сюда полевой вокс! Живо!

— Сэр?

— Мы должны предупредить
Хирогрейв, — пояснил Совелин. — Черная
Чаша вернулась.

Техногесантник Лигрис понял, что
что-то происходит, только тогда, когда
увидел нацеленное на него оружие.

Скауты окружили его на мостике. Их
было порядка тридцати человек, и Лигрис
инстинктивно почувствовал, что
командует ими Евмен, стоявший скрестив
руки на груди и глядевший на него с
холодной уверенностью в глазах. Со всех
сторон на техногесантника были
нацелены болтеры, и деться было некуда.

Лигрис отвел взгляд от обзорного
экрана, на котором отображались
змеющаяся лощина и зоны наведения для
орудий «Сломанного хребта».

— Евмен, что все это значит?

— Мы захватываем корабль, Лигрис, —
самоуверенно произнес командир скаутов.

Техногесантник был силен и прошел

множество сражений и под руководством Сарнедона, и во времена старого ордена. Но Евмен привел с собой слишком много Успивающих Души -- и скаутов, и полноправных космогесантников, среди которых были и такие, чей опыт не многим проигрывал Лигрису. Да и сам главарь мятежников являлся исключительным бойцом.

-- Но почему?

-- Ты и сам знаешь ответ, -- устехнулся Евмен. -- Все кончено. Мы забираем орден у Сарнедона. Мы должны сражаться с Империятом вместо того, чтобы терять братьев на Ванквалисе ради забытой Императором планетки.

-- Это предательство, -- уверенным голосом ответил Лигрис.

-- Знаю, -- столь же спокойно произнес Евмен. -- Вот почему мы и не собираемся оскорблять тебя, предлагая присоединиться к нам. Просто отойди от терминала и позволь нам принять управление, и мы сохраним тебе жизнь.

Техногесантник развернулся и направился к невысокой лесенке,

спускающейся на основную палубу мостика. Попутно он словно невзначай щелкнул переключателем на приборной панели, вознес безмолвную молитву, чтобы никто из мятежников этого не заметил.

— Ты же знаешь, Евмен, что я не могу тебе этого позволить.

— А ты знаешь, что выбор у тебя невелик. — Предатель щелкнул предохранителем болтера. — Так нам стрелять?

Лизрис торопливо обвел взглядом лица тех, кто прильнул к мятежу. Он узнал Скатандра и Нисрия — двух молодых рекрутов-псайкеров, на которых возлагалась надежда по восстановлению библиотеки. Среди прочих было и несколько опытных боевых братьев, хотя в основном все это воинство состояло из совсем юных новобранцев. Но сердце Лизриса застыло, когда он увидел белые доспехи аптекаря.

— Паллас? — произнес технодесантник, стараясь сдержаться, угрожающе в голосе. — Что ты делаешь?

Аптекарь был с Сарнедоном с

самого начала. Он сражался в звездном
форме, когда Агентус Механикус
похитили у ордена Конье Души, положив
тем самым начало цепи событий,
приведших к расколу среди Успивающих
Души и их отказу от Империи. Именно
Палласу удалось остановить чудовищные
мутации, грозившие уничтожить орден, и
сделать набор рекрутов снова возможным.
Паллас был одной из ключевых фигур среди
Успивающих Души, и все-таки он стоял
вместе с мятежниками.

Лизрис заставил себя отвлечься от
мыслей о Палласе. Где-то глубоко под
налубой, среди когитаторов и прочей
электроники, уже тигал красный
тревожный огонек, и техногесантнику
казалось, что он слышит гул
раскаляющегося и прогибающегося
металла.

--- Тебе не понять, Лизрис... --- произнес
апотекарий.

--- Это предательство, Паллас! Ты
предаете всех нас!

--- Я больше не верю, Лизрис! Не верю в
Сарнедона... не после того, что произошло с

Селлосом. Мы разваливается на части, но Сарнедон отказывается это видеть. Есть только один выбор: либо лятеж, либо стоять в стороне и наблюдать за тем, как редеют ряды Успивающих Души. К Евмену прижались многие, Лигрис, очень многие. И если дело дойдет до драки, то они победят. И у нас есть только один выход.

— Нет, — с угрозой в голосе произнес техногесантник. — Всегда есть другой путь.

— Довольно, — отрезал Евмен. — Убейте его.

Эти два слова были единственным предупреждением, прежде чем предатели начали действовать, но Лигрис успел укрыться за командной консолью, и болтерные заряды ударили в хрупкий механизм, окатив техногесантника искрами.

Сквозь решетчатое покрытие палубы он видел жаркое вишневое свечение раскалившегося металла. Раздался скрежет, и внешняя обшивка одного из когитаторов лопнула, выпуская облако перегретого пара.

Последний переключатель, активированный Лигрисом на приборной панели, перенаправил невероятное количество информации — данные со всех сенсоров и приборов «Сломанного хребта» — в один-единственный когитатор. Объем ее был столь велик, что перегруженное оборудование просто не выдержало, и за разрушением внешней оболочки последовал взрыв. Взметнулось пламя, и сквозь решетку палубы полетели бритвенно-острые осколки гата-кристаллов.

Люди Евмена были вынуждены искать укрытия. Тогда Лигрис выскочил из за терминала и бросился бежать к дыре, зияющей в решетке. Раздался грохот болтеров; заряды били и в панель управления, и в обзорный экран. Техногесантник прыгнул вниз, на груды гытящегося оборудования, и начал спускаться по ней, пока не ощутил под ногами твердую поверхность внешней сферы мостика. Действуя практически в полной темноте, Лигрис нащарил руками пустоту на том месте, где для подведения толстого пучка кабелей к когитаторам

была удалена одна из панелей пола. Ухватившись за провода, Лизрис выдрал их из креплений, освобождая пространство, достаточное, чтобы пролезть в лабиринт служебных тоннелей и вентиляционных труб, протянувшихся под мостиком.

— Отставить огонь! — донесся до техногесантника крик Евмена. — Вы повредите оборудование! Мы ослепнем!

Чем дальше продвигался Лизрис, тем тише становились голоса мятежников, и вскоре он уже выполз в более просторный туннель.

Под мостиком проходил глиняный служебный коридор, представляющий собой изгибающуюся стальную трубу, пронизывающую «Сломанный хребет» подобно ходу огромного червя. Лизрис использовал ее для прокладки кабелей от сенсоров и двигателей, разбросанных по всему «скитальцу», и при этом он был единственным Успивающим Души, кто знал, куда уходят ее многочисленные ответвления. Техногесантник продолжал уходить, пригибая голову, погружаясь все глубже во тьму. Где-то далеко позади

зротыхнули последние выстрелы из болтеров.

Евмен предал Испивающих Души... так же как и Паллас и Трон знает кто еще. И теперь «Сломанный хребет» находился в их руках. И как забрать его обратно, знал только Лигрис, но он не мог сделать это в одиночестве... одиночество -- вот верное определение ситуации, в которой он оказался. Поэтому пока он просто бежал, стрелясь во враг, царящий в сердце огромного «скитальца».

Евмен опустился на колени, чтобы заглянуть в оплавленную дыру над машинным залом, расположенным под мостиком.

-- Не имеет смысла, -- раздался за его спиной голос Палласа. -- Лигрис знает этот «скиталец» как свой собственный шлем. Он может прятаться вечно.

-- Может, но не станет, -- отозвался Евмен. -- Мы предали его. Да еще и ты припнулся к нам... а ведь он был знаком с тобой задолго до того, как Сарнедон увел нас с истинного пути. И это кажется ему

хүдишм из возможных зол. Он не станет просто прятаться, но станет искать способ навредить нам.

Лицо Палласа было скрыто под белым шлемом, что не позволяло прочитать эмоции апотекария.

— Может быть, и так, — произнес он. — Но найти его все равно будет непросто. И уж тем более бесполезно пытаться бежать за ним вслепую.

— Мне понятно, что тебе хочется защитить своего старого друга, — произнес Евмен. — Но мы предоставили ему возможность, и он отказался. Он должен умереть, апотекарий.

Прежде чем ответить, Паллас помолчал.

— Да будет так, — наконец произнес он.

— И нет никого, кто знал бы его лучше, чем ты. Возьми отряд и разыщи беглеца. И да, Нисрий, ты отправишься тоже. От тебя Лигрису не спрятаться.

— Никому не спрятаться от провидца, — прошептал Нисрий, обращаясь словно к себе самому. — Я в любом случае

увиджу его раньше.

Когда Паллас, сопровождаемый молодым псайкером, ушел, Евмен повернулся, чтобы оглядеть то, что осталось от мостика. Командная консоль продолжала сыпать искрами, а над дыркой в полу поднимался дым.

— Тигей, что у нас с системой нацеливания?

— Порядок, — отозвался тот, присев возле одного из терминалов. — Мы сумеем навести оружие. Точность будет невысока, но...

— Она нам и не требуется, — отрезал Евмен. — Бери в прицел высоты. И открывай огонь.

Совелин прижался спиной к огромному пню, пытаясь добиться связи от хрипящего статикой переносного воксала. Артиллеристы все еще продолжали удерживать поляну. Враги порой пытались обстреливать их из леса, но ванквалийцы выстроились в линию и укрылись позади пушек. Совелин собирался прикнуться к защитникам холма, как только сумеет

передать предупреждение. Пожалуй, командиру Стражей стоило гордиться тем, что его люди сохраняют дисциплину и выдержку даже перед лицом врага, что они сражаются с орками, вместо того чтобы побросать оружие и бежать. Но вокруг творилось такое безумие, что в душе Совелина просто не оставалось места для гордости.

Черная Чаша. От одной мысли об этом его начинало мутить. В детстве он, как и все остальные обитатели Ванквалиса, слышал множество страшных сказок об этих существах, но всегда полагал их всего лишь аллегорией, художественным описанием воплощения зла и скверны. Но Черная Чаша существовала на самом деле, и ее посланцы были прямо здесь, на Ванквалисе, на расстоянии одного выстрела.

--- ...дворец графини, --- произнес официальным тоном чей-то голос, переданный из далекого Хирогрейва. --- Если вы не записывались заранее, то, боюсь...

--- Нет! --- закричал Совелин. --- Нет! Я

--- лорд Совелин Фалкен! Командую ванквалийской артиллерией Неверморна! Послушайте, графиня... она приходится мне двоюродной бабушкой. Да, двоюродной бабушкой. Я часто отдыхал летом в ее особняке на побережье озера Феландин. Она никогда не верила, что я сумею пробиться в Стражи. Спросите ее.

--- Сэр, я...

--- Слушайте же, будь вы прокляты! Тут повсюду орки, и я, быть может, уже не успею повторить то, что хочу сказать!

--- Ладно, --- ответил незнакомец, явно из последних сил пытавшийся сохранять самообладание. --- Скажите мне, и я лично удостоверюсь, что ваше сообщение будет получено соответствующими представителями гота графини.

Совелин тяжело сглотнул и начал рассказывать секретарю о Черной Чаше.

Он уже почти закончил объяснять, когда с неба обрушился красно-белый столб огня, превративший всю артиллерию в пепел.

Все еще сжатая в руках трубку вокса, ошущая всем телом опаляющий жар,

Совелин в цепенящем ужасе смотрел, как ослепительный луч развеивает в прах Ванквалийских Стражей и оставляет от гранатометов и автоматических оружий только лужицы расплавленного металла. Кожа офицера вспухла волдырями ожогов, и он едва успел укрыться позади поваленного дерева, когда вокруг загудела плата.

--- Уже началось! --- Совелин не слышал собственного голоса и был почти уверен, что связь потеряна, но он должен был попытаться, должен был предупредить. --- Они привели флот! Они убивают нас!

Предательство свершилось. Носители Черной Чаши обманом вывели защитников Ванквалиса на нужные позиции --- и приступили к бою. Свернувшись в позу эмбриона среди этого пылающего ада, Совелин вознес молитву Императору, прося лишь одного --- прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как свершится отмщение.

Вложив в удар остатки сил, Сарнедон врезался плечом в грудь вожака.

Шаг за шагом командор теснил лидера зеленокожих, полностью перехватив инициативу и вынуждая гигантского орка отступать. Магистр разил безжалостно и стремительно, не позволяя ксеносам опомниться. Они сражались среди густых зарослей, опутавших холмы, на поляне, которую удерживали ванквалийцы, и на прогалине, взбегающей наверх.

Вожак встречал удары так, словно был не живым существом, но стеной из плоти и стали. Над ксеносом поднимался дым, из сочленений металлической лапы и из протезов, встроенных в тело, вырывались языки огня — тварь силилась противостоять Сарнегону.

Теперь, когда они схлестнулись в рукопашной, их борьба свелась к простому вопросу: кто сильнее? Под черно-зеленой шкурой вожака змеились тугие мышцы, глаза превратились в узкие щели, наполненные злобой, клешня обхватила тело Сарнегона, пока здоровая рука пыталась погрузить пальцы в глотку командора.

Сарнегон продолжал теснить врага.

хотя в ушах от натуги уже звенело. Он обонял запах крови, кипящей на раскаленных докрасна металлических протезах, внедренных в тело вожака, слышал, как тяжело бьется в груди огромное звериное сердце.

Сарнегону удалось заглянуть в глаза вожака. В их глубине затаилось нечто пугающе человеческое, напомиравшее магаистру о той ненависти, какую испытывал он сам к созданиям, вторгшимся на Ванквалис, чтобы жечь и убивать. И то, что это мерзкое создание могло испытывать чувства, схожие с человеческими, наполнило душу Сарнегона яростью и отвращением.

Вложив в последний рывок весь свой гнев, командор скинул орка с края отвесного обрыва. Вожак закричал, пытаясь ухватиться за что-нибудь своей стальной лапицей, но было уже слишком поздно. Клешня поймала только воздух, и гигант исчез в густых зарослях, простиравшихся внизу. Падение и проигрыш предводителя не могли остаться незамеченными другими орками.

и все вокруг наполнилось их жуткими криками отчаяния и ярости.

Оба сердца Сарнегона наполнились гордостью. Ему удалось победить сильнейшего из орков. Надежда на то, что у него получится защитить Ванквалис, становилась все более реальной. Зеленокожие впервые за это время дали слабину.

Словно отвечая на его мысли, небо за его спиной вспорол оженное копье. Сарнегон едва успел обернуться, чтобы увидеть, как в ревущем пламени, охватившем лес, гибнет артиллерия. Ударная волна чуть не сбросила в обрыв и самого командора, и других Успивающих Души, удерживавших высоту, пока он сражался с вожаком. Лазерная пика продолжала пульсировать, распространяя вокруг себя кольцо пожаров, разнося по ветру золу сгорающей листвы. Сарнегон замер на месте, прикрывая лицо рукой, чтобы защитить его от обжигающего ветра, налетевшего на джунгли.

--- Лигрис! --- закричал командор в вокс, который включил быстрее, чем успел

об этом подумать. --- Какого рожна ты
вытворяешь?

Орбита молчала.

--- Лизрис? Что с наведением? Лизрис,
ответь!

--- Сарнедон! --- раздался знакомый
голос. Он принадлежал Каррайдину,
кажущийся неуклюжим в своей громоздкой
бронь, терминатор бежал к командору
через лес. --- Лорд Сарнедон, это...

Каррайдин затолчал, когда в спину
его тяжелых доспехов ударил болтерный
заряд. Капитан развернулся и выпустил по
зарослям глиняную очередь из собственного
штурмового оружия. Ответный огонь не
утихал, и многочисленные попадания
оставляли на керамитовых пластинах
брони глубокие шрамы, пытаясь
проложить себе путь сквозь их толщу.

--- Капитан! --- окликнул Сарнедон,
укрываясь за ближайшим валуном.

--- Нас предали! --- Каррайдин
поторщился, и командор увидел кровь на
его губах. --- Они завладели кораблем. Мы ---
на очереди.

--- Кто на нас напал?

Из-за деревьев вылетел яркий сгусток плазмы, ударив Каррайгуна точно в живот. Раскаленная материя проела брешь в керамитовой пластине, сила удара отбросила капитана назад, так что его бронированные сапоги пропахали глубокие борозды в каменистой почве. Но он не упал, удержавшись на ногах благодаря своей удивительной силе. Когда плазма наконец остыла, стал виден глубокий оплавленный кратер в доспехах, защищавших живот терминатора. Потомо металлического запаха превратившегося в пар керамита, в воздухе повис страг горелого мяса.

— Мы сами! — отозвался Каррайгун, перезаряжая штурм-болтер.

Предательство! До Сарнедона наконец дошло, о чем говорил его товарищ. Предательство, зародившееся среди Успивающих Души. Его затуманило от одной мысли о том, что оно может оказаться единственным врагом, которого ему никогда не удастся победить.

Траг болтерного огня обрушился на капитана с новой силой, отрывая куски от наплечников и поножей. Словно бросая

вызов обстреливавшим его врагам, Каррайдин двинулся вперед, его силуэт был практически неразличим за вспышками взрывающихся зарядов. И Сарнедон ничем не мог ему помочь — покинув укрытие, командор только сам бы подставился под пули. Оставалось лишь наблюдать за тем, как капитан продолжает отстреливаться, хотя из зияющей раны на животе уже вываливались горящие внутренности.

Медленно, с мучительной гримасой на лице Каррайдин опустился на одно колено. Его рот распахнулся в беззвучном вопле, но капитан продолжал стрелять, пока раскалившийся добела болтер не взорвался прямо в его руках.

— Отступаем! — приказал Сарнедон остальным Успивающим Души, удерживавшим вершину. — Все за мной! Отходим!

Он попытался, стараясь двигаться так, чтобы его постоянно отделяло какое-нибудь укрытие от убийц Каррайдина. Несколько случайных выстрелов взорвались вблизи неподалеку от Сарнедона, но пока

что противник целился в терминатора.

Командор был вынужден смотреть на то, как его товарища в буквальном смысле рвут на части. Очередной болтерный заряд сумел пробить наплечник капитана, перебив руку. Брызнули искры, и под терминатором поглотилась бионическая нога. Демонировали боеприпасы, еще остававшиеся в сломанном оружии, и он лишился второй руки. Все еще продолжая вызывать кричать, Каррайдин начал медленно заваливаться на спину, точно рущащееся под собственной тяжестью одно из тех древних деревьев, что окружали его со всех сторон.

Как только терминатор упал, Сарнегон заметил воинов, приближающихся из глубины леса. Костодесантники — и скауты, и полноправные боевые братья, — в чьих руках тускло светились раскалившиеся от пальбы болтеры, направлялись к Каррайдину, чтобы добить его. Капитан все еще дышал и продолжал сыпать проклятиями и угрозами, когда над ним нависли фигуры в пурпурных доспехах.

Сарнегон был уже слишком далеко, чтобы увидеть последние мгновения жизни своего товарища, но, услышав отчетливый грохот болтеров, бьющих в упор по керамитовой броне, командор понял, что того больше нет.

Добравшись до относительно безопасных джунглей, Сарнегон увидел приближающихся Испивающих Души своего отряда. Они прикрывали его отход, пока он покидал каменистый пик. Предатели преследовали их по пятам, и время от времени между деревьями пролетали шальные пули.

--- Люко, --- передал Сарнегон по воксу, --- доложи обстановку.

--- Здесь все тихо, --- ответил Люко. --- Зеленокожим надоело подыхать зазря, и вся орда двинулась к высотам.

--- Готовься обороняться. Мы вынуждены отступить.

--- Отступить? Что случилось, командор?

--- Нас предали. Приготовься, Люко, теперь на карту поставлено куда больше, нежели просто орочья кровь.

Сарнедон переключил канал связи и вместе с верными ему десантниками отправился к позициям, занятым Люком. Один из Успивающих Души, брат Фарлутир, упал, когда его ногу пробил болтерный заряд. Лежащего на земле, его тут же добили прицельной очередью. Превосходная ликвидация --- быстрая и эффективная. Так убивают костические десантники.

--- Всем Успивающим Души! --- сказал Сарнедон в вокс. --- Всем верным сынам Розала Дорна! Приказываю отступить к позициям Люко! Повторяю: общее отступление. И будьте осторожны!

На экране затерцали руны подтверждений. Вспыхивали также и строчки вопросов: зачем отступить? кто обстрелял холмы? Кое-кто из офицеров не откликнулся вовсе --- скорее всего, они либо, как и Каррайдин, погибли, либо сами перешли на сторону мятежников.

Сарнедон выводил своих людей все дальше в лес, и вокруг стыкались темно-зеленые тени. Повсюду царил хаос --- орки, больше не встречавшие сопротивления.

поднялись по склонам и вступили в перестрелку с бойцами 901-го; отовсюду раздавались воинственные крики зеленокожих, готовящихся к новой атаке; во тьме грохотали болтеры, и брат шел на брата.

Предательство. Сарнедон едва мог в это поверить. И все же он слышал, как утирал Каррайдин, и знал, что убийцами были Успивающие Души. И «Сломанный хребет» обстрелял собственные же рубежи. Все это было в реальности и означало, что Сарнедон не справился со своими обязанностями, ведь мятежники сумели все спланировать и подготовиться к восстанию за его спиной.

--- Только что пришлось убить брата Геронта, --- доложил Люко. --- Одного из новых рекрутов. Он пытался застрелить Грэвуса со спины.

--- Это моя вина, --- произнес Сарнедон. --- Я обязан был научить их. И не сумел. Все из-за меня.

Евмен чувствовал себя на мостике как дома. Казалось, будто он был рожден

чтобы руководить сражением, разворачивавшимся на Ванквалисе. Привычная индустриальная атмосфера серых стен бронированной сферы и многочисленные боевые трофеи, свисающие с потолка, были для него вполне подходящим антуражем, еще сильнее подстегивавшим уверенность в собственных силах.

--- Задача выполнена? --- наклонился Евмен над воксом, встроенным в командную консоль.

--- Так точно, --- ответили с поверхности Ванквалиса.

--- Надеюсь, вы понимаете, скаут-сержант, что увидите, как он упал, --- недостаточно. Каррайдин самый живучий из проксов сын, какого я когда-либо встречал.

--- Он мертв, --- ответил вступивший в ряды Успивающих Души одновременно с Евменом, но до сих пор так и числившийся в скаутах Гекүлар. --- Я лично осмотрел тело. Хотя от него осталось не так уж много.

--- Хорошо, --- в голосе Евмена прозвучало явное облегчение. --- Каррайдин

представлял для нас серьезную угрозу. Мы и болтером пошевелить не могли, не наслушавшись басен о том, как Сарнедон ведет нас к земле обетованной. Убив Каррайдина, мы сделали первый шаг на пути к возрождению оргена.

--- Каким же будет следующий? --- спросил Текүлар.

Фоном звучали выстрелы, и связь забывалась помехами, наведенными бьющими с орбиты энергетическими копьями.

--- Убить Сарнедона.

--- Ха! Ну это ты, Евмен, уж как-нибудь сам.

--- Именно этим я и планирую заняться. А пока выводы своих людей из боя. Мы готовимся к новому залпу, и вам больше не требуется самим участвовать в бою.

Текүлар прервал соединение, и Евмен вновь посмотрел на экран, передающий изображение возвышенности на выходе из змеящейся лощины. Вершина самого низкого из холмов представляла собой огромный кратер --- там всего за какое-то

мгновение погибли десятки людей, и все, что для этого потребовалось, — просто приказать.

Евмен никогда не считал себя человеком, одержимым жаждой власти, но то, что столько народу было уничтожено по первому же его слову, не могло не впечатлеть. И конечно же, впереди ждало еще много, очень много смертей. Вот только Сарпедона простым приказом было не убить.

— Что сообщают остальные подразделения? — спросил Евмен.

— Все хорошо, — ответил Тидей, наблюдавший за несколькими встроеными в кафедры мониторами у дальней стены. Лигрис проделал отменную работу, и теперь все важнейшие системы «Сломанного хребта» можно было контролировать непосредственно с постика. — Успивающие Души отходят к восточной гряде. Текүлар готов сбросить их с обрыва.

— Восточная гряда?

— Там закрепился Салк, — улыбаясь, произнес Тидей. — Но наши большие пушки

уже давно наведены на цель. У штрафного легиона нет ни единого шанса.

— Однако эта база пригодится и нам самим. Мы сможем собрать там братьев, прежде чем планировать действия в джунглях. Кроме того, это будет местом, откуда мы сможем подобрать наших людей, как только те наладят оборону.

— Но 901-й еще не разбит, — заметил Тигей. — Существует вероятность, что они сумеют перегруппироваться и усложнить нам жизнь.

— Не думаю, что у них это получится, — холодно отрезал Евмен. Он щелкнул тумблером, и «Сломанный хребет» вновь пронзила грозь — по индукционным катушкам лазерных батарей заструилась энергия.

Пикт-экран перед лидером мятежников засиял, когда мощный импульс обрушился на поверхность планеты. На сей раз целью стали скальные утесы, поднимающиеся над змеящейся ложиной. Луч взрезал их, разбрасывая повсюду обломки, разлетающиеся, подобно пылающим

метеорам. К небѣ поднялся столб белесого дыма, и можно было не сомневаться, что внезапная смерть настизла несколько сотен зеленокожих, всех Успивающих Души и солдат, оказавшихся неподалекѣ.

Утес согрознулся, и в образ, стиная деревья, встретила каменная река. В течение долгих минут все вокруг словно замерло, и лишь дымные столбы нарушали покой долины.

Затем возникло какое-то шевеление, сначала едва заметное, но вскоре стало казаться, будто по глиняному каменному языку, протянувшись к образу, ползут многочисленные муравьи. Это были орки — вначале всего несколько сотен, но за ними последовали и тысячи других. Обрушившийся утес образовал пологий склон, идеальную дорогу для зеленокожих, позволявшую наконец овладеть высотами, за которые уже погибло столько их собратьев. Орда встретилась вперед, и весь склон оказался облеплен темными телами — многотысячная армия ксеносов, ранее запертая в образе, получила возможность подняться и устроить

настоящий аг солдатом, которые недавно не давали им поднять головы.

--- С 901-м покончено, --- заявил Евмен, наблюдая за тем, как орки овладевают высотами. --- Как и с этой планетой.

Большинство людей вряг ли остелилось бы приблизиться к кордону костических десантников, стоящих на страже возле командного пункта Астартес. Но генерал Варр --- как был, перемазанный грязью и кровью --- решительно направился к кольцу Успивающих Души, затерших в карауле среди глухих джунглей к западу от оврага.

На плечо генерала опустилась закованная в броню лагонь. Успивающий Души посмотрел на него, и испачканное лицо Варра отразилось в линзах шлема костодесантника.

--- Стоять, --- приказал Астартес.

Варр уже собирался возмутиться, когда услышал знакомый усталый голос:

--- Пропусти его, брат Каллид.

Говорил определенно Сарнедон, но в его интонациях исчезли нотки былого

бесстрашия и самоуверенности, какие Барр слышал, когда они еще только планировали операцию в Этеящейся долине.

Как только тяжелая рука исчезла с его плеча, генерал, уже осторожнее, зашагал сквозь густые заросли, пока не вышел на заболоченную поляну, куда с высоких крон непрерывно падали крупные капли воды. Стоявшие там Успивающие Души явно ждали боя, и стволы их болтеров успели нацелиться на Барра, прежде чем космогосантники удостоверились, что он не представляет угрозы. А в самом центре поляны стоял сам Сарнедон.

Генерал замер на полушаге. Ему и прежде доводилось видеть поджавшихся скверне и лутировавших солдат, и порой те пытались прятаться даже среди его собственных людей — щупальца вместо рук, лишние глаза, рудиментарные хвосты, чешуйчатая кожа и даже куда более странные вещи. Но никогда он еще не встречал издевательства над природой, так явно и бросающегося в глаза, как

восемь паучьих лап Сарнегона, соединяющихся с экзоскелетом, под которыми бугрились темные мышцы.

--- Трон небесный, --- пробормотал Варр --- вот и все, что пришло ему в голову.

Генерал словно лишился дара речи. Он не ощущал ни отвращения, ни даже страха --- только холодное, ошеломляющее изумление: соединение в одном теле костического десантника и чудовищного мутанта казалось настолько немыслимым, что Варр просто не мог поверить своим глазам. Но спустя мгновение командор приблизился к нему.

--- Генерал, --- произнес Сарнегон, --- думаю, теперь вы понимаете, почему я общался с вами только через Люко. Никогда не угадаешь, как отреагирует человек, увидев меня.

--- Вы знаете, зачем я пришел, --- заговорил Варр, страхивая с себя оцепенение. --- Ваши десантники бросили этих людей, а ваш флот уничтожил артиллерию ванквалийцев. И теперь зеленокожие творят что хотят. Я

потерял по меньшей мере тысячу человек, а половина выживших разбросана по всей долине. Даже сумею собрать их, я буду радоваться, если у меня останется хотя бы половина прежней армии. И, командор, я требую ответов.

— Наш орден предали, — объяснил Сарнедон. — Кто-то решил занять мое место. Один из моих собственных людей. Среди Испивающих Души зародился мятеж. Предатели захватили корабль и пытаются уничтожить всех, кто участвовал в высадке. Надеюсь, генерал, ваше любопытство удовлетворено?

— Предательство? — Варр выглядел потерянным. — Но вы же костические десантники! Неужели даже самые лучшие воины Императора могут поднять бунт? Вы... вы воодушевляете людей! Я видел выражение в глазах своих солдат, возникшее, когда они узнали, что на их стороне сражаются сами Ангелы Смерти. У них наконец появилась надежда отстоять эту планету. Но нет... У Ванквалис, и все мои люди погибли только потому, что вы ничем, по сути, не

отличается от того отребья, что
стоит под моим началом. Проклятие!
Вы даже хуже их -- пускай мои парни
убийцы и воры, но они хотя бы все на одной
стороне!

Сарнедон понявился и распрямился; и
теперь стало заметно, что он почти в два
раза превосходит Варра в росте.

-- Прошу вас, генерал, не пытайтесь
говорить так, словно вы понимаете, кто
мы такие.

-- Многие вас боготворят, --
продолжал Варр. Он уже полностью
оправился от изумления, и гордость, все
еще сохранявшаяся в его душе, не позволяла
генералу отступить даже перед
Сарнедоном. -- И знаете что? Вы --
воплощение воли Императора! Вы должны
защищать Империум!

-- Нет, -- мрачно отрезал командор. --
Не мы.

Варр помедлил, прежде чем
произнести:

-- Так вы не имперцы?

-- Давно уже нет, -- сказал Сарнедон и
указал на свои мутировавшие ноги. -- Вряд

ли бы Умнериум согласился, чтобы его
покой стерегли такие, как мы, верно?

--- Тогда... кто вы?

Сарнедон опустился на землю,
подобрав под себя ноги так, чтобы не
казаться выше обычного Астармес.

--- А вот это, генерал, куда более
сложный вопрос, чем вы можете
предполагать.

--- Вы --- отступники.

--- Если коротко, то да. Мы отвергли
Умнериум. Теперь мы повинемся одному
лишь Императору, но не приказам лордов
Терры. Темные Силы пытались обратить
нас и подчинить своей воле, но мы ушли от
них, поскольку нам не по пути с врагами
Императора. И мутации, которые ты
видишь, возникли в ходе той борьбы. ---
Командор посмотрел прямо в глаза
Барру. --- Инквизиция убивала людей за
куда меньшее, нежели вы только что
услышали. Понимание того, что верные
сыны Императора способны взять и уйти, ---
опасное знание.

--- Я многое повидал, --- произнес
генерал. --- И в список самых странных

вещей вы все же не понагаете.

Сарнедон позволил себе улыбнуться.

— Что ж, в конце концов, вы и сами числитесь отступником, — сказал он. — В некотором роде.

— Инквизиции очень не понравилась отвага моих людей, — с горечью в голосе согласился Варр. — Тяжелые уланы Кар Дүниаша. Элитная, хорошо вооруженная кавалерия. Для меня было честью командовать ими. Тогда мы прибыли к системе Азриппины и вступили в бой... не знаю, с чем именно нам приходилось сражаться. Даже описать не могу. Должно быть, с демонами.

— До того как мы порвали с Империей, — произнес Сарнедон, — мне часто говодилось сталкиваться с подобным. Имперская Гвардия сражалась против слуг Темных Сил, а Инквизиция потом решала, что эти люди видели слишком много.

— Они приговорили их к смерти, — продолжил Варр. — Решили казнить. Инквизиторы приказали мне вывести своих людей в пустыню, чтобы

расстрелять всех с орбиты. Мои уланы должны были погибнуть только потому, что не испугались и не бежали, как все прочие, но приняли бой и встретились с Великим Врагом лицом к лицу. Я не подчинился приказу — увел парней в горы и укрыл в пещерах, где их не могли достать бомбы.

— И за это вас осудили. Что ж, вполне в духе Инквизиции. Мне это знакомо.

— Ха! Если бы все было так просто, командор. Им пришлось высадить целый полк штурмовиков, чтобы попытаться прикончить нас. И ты показали подонкам, где раки зимуют. Война в горах длилась несколько месяцев, прежде чем им удалось уложить последнего из моих солдат. И когда меня захватывали в плен, я успел забрать еще несколько жизней. Вот почему меня отправили в штрафной легион. Вот почему не пристрелили сразу. Я унизил их, и они решили унижить меня в ответ.

— И им удалось?

Барр пренебрежительно отмахнулся.

— На все, — равнодушно произнес он, —

воля Императора. И в любом случае, даже если вы и в самом деле говорите правду, утверждая, что служите Ему, это никак не отменяет того факта, что половина ваших Астартес придерживается совсем иных взглядов. И мои люди по-прежнему не смогут покинуть планету, поскольку их со всех сторон окружили орки.

— Боюсь, я не смогу сказать то, что вы жаждете услышать, — сказал Сарнедон. — Мой орден расколот войной. Я не могу одновременно сражаться с собратями и защищать Ванквалис, как не могу и помочь 901-му. У меня нет ни малейшего желания видеть, как погибают ваши люди. Но к сожалению, эту битву вам придется вести без нас. Моим десантникам скоро надлежит выдвигаться в путь, чтобы выследить предателей и расправиться с ними, пока они еще не успели убраться с планеты. И более чем вероятно, что от моего ордена уцелеет лишь малая часть. Поверьте, Барр, будь у меня такая возможность, я с радостью бы помог вам, но отныне вам предстоит полагаться только на собственные силы.

Покачив головой, генерал направился к краю поляны, чтобы возвратиться к бойцам 901-го и попытаться вместе с ними вырваться с Неверморна.

--- Как и всегда, --- произнес Барр напоследок.

Глава восьмая

--- Как узнать, что битва
выиграна?

--- Следует помнить, что
есть лишь одна битва и нет ей
конца.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

Лазерный импульс прошinel возле
самой головы Раека, но космогесантник
успел нырнуть под защиту каменной
скалы. Она причудливым образом
изгибалась, выступая из стены храма,
обращающегося по орбите вокруг
позолоченного обсидианового саркофага в
центре этой безумной гробницы. Астартес
удалось проглатать уже половину пути
наверх, цепляясь за архитектурные
выступы и уворачиваясь от летящих в
него лазерных выстрелов. Боевые
сервиторы были очень старыми, а это
значило -- очень хорошими: быстрыми и

точными, с когитаторами нацеливания куда более качественными, нежели имелись у громоздких моделей, с которыми Раек сражался на тренировочных палубах «Сломанного хребта».

Скаут чуть отклонился в сторону и проворным движением вскинул оружие, тут же наведя огонек прицела на лоб преследующего его сервитора. Красные лампы глаз противника мигнули, фиксируя Раека как цель, но уже в следующую секунду пуля, выпущенная из снайперской винтовки, ударила точно в лоб из антигравитационных модулей машины. Сервиторов защищали бронированные корпуса, но эти устройства оставались ничем не прикрытыми, и, утратив способность летать, машина катнелась устремилась к изгибу пола, полированная поверхность которого осталась далеко внизу.

--- Укатинос! --- крикнул Раек.

--- Почти на месте, --- спокойно отозвался капеллан. Он был где-то выше, поднимаясь по постоянно изменяющимся

элементом конструкции тило вездесущих боевых сервиторов.

Неожиданно в уголке глаза Раека замерцала рүна. Входящий вокс-вызов, который скаут не мог проигнорировать.

--- Сержант, --- произнес Евмен, и в голосе его звучали властность и самоуверенность, явственно различавшиеся даже сквозь шум на заднем плане.

--- Евмен, --- ответил Раек, --- мы сейчас под огнем.

--- Уже началось, --- сообщил главарь мятежников. --- Мы подняли восстание.

--- И ты хочешь, чтобы я...

--- Именно. И принеси мне что-нибудь такое, без чего капеллан не может жить. Уктиноса трудно прикончить. Не дай ему ни единого шанса.

--- Шанса, Евмен? Не уверен, что мне известен смысл этого слова.

--- Главное, действуй быстро. Я собираюсь увести «Сломанный хребет» из этой системы сразу же, как только представится возможность.

--- Будет сделано. До связи.

Раек прервал вокс-соединение. Евмен

был абсолютно прав: первых
костодесантников ордена, созданных волей
Императора, было крайне непросто убить,
и Уктинос был куда более живучим, чем
большинство из них. Но неважно, какими
сверхчеловеческими талантами обладал
капеллан, — от пули в глаз он умрет
точно так же, как и любой другой.

Снайперу пришлось прервать эти
размышления, поскольку все его мышцы
неожиданно напряглись, повинувшись
инстинкту. Он от рождения обладал
чутьем, приводившим его в состояние
полной боевой готовности даже при
малейшей опасности, даже при одном
только намеке на нее.

В этот раз инстинкт пробудила
внезапно наступившая тишина. Стрельба
прекратилась.

Боевые сервиторы неподвижно
застыли, огни прицелов угасли. Безвольно
повисшие лазерные винтовки казались
сложенными лапками парящих в воздухе
насекомых. Затем мертвые стражи стали
постепенно разворачиваться и
возвращаться к металлическим нишам.

врезанным в стены.

Все еще не опуская винтовки, Раек настороженно огляделся. Раздалось шипение, на ниши опустились крышки, и вновь воцарилась режущая слух тишина.

— Капеллан, — окликнул скаут, — что случилось с оборонительными системами?

— Я их отключил, — отозвался Уктинос откуда-то сверху. — Теперь нам ничто не угрожает.

Раек распрямился, по-прежнему держа винтовку перед собой. «Вот в том, что тебе ничто не угрожает, — подумал он, — ты сильно ошибаешься».

Капеллан был где-то там, выше. Скаут-сержант продолжил свое восхождение, осторожно выбирая путь в траторно-гранитном лабиринте, держа оружие на сгибе руки так, чтобы при необходимости молниеносно вскинуть винтовку и тут же выстрелить. Он прыгнул и подтянулся на очередной проплывающий мимо кусок камня — это оказался фрагмент арки, перевернутой вверх ногами, так что теперь Раек, можно сказать, сидел на изгибе

полутесяца.

Скаут даже мог видеть Уктиноса, стоящего на обсидиановом выступе гробницы, вокруг которой двигались все эти конструкции. Раек поднял винтовку, прицелился и в другой ситуации даже выстрелил бы, перебив врагу позвоночник или вогнав пулю в затылок. Но Уктинос носил особую энергетическую броню, и убить его можно было, лишь попав в одну из уязвимых точек — глазную линзу, крошечный участок чуть выше кадыка или сочленение руки (пуля, вошедшая под определенным углом, могла поразить разом оба сердца), — и только это гарантировало смерть капеллана. Пока скаут размышлял, Уктинос успел скрыться внутри склепа, и момент был упущен.

Но Раек был терпелив. Он мог выжидать несколько дней и даже недель, прежде чем сделать решающий выстрел. Единственное, что он запомнил из своего детства, — обжигающий жар солнца пустыни, под которым он лежал долгими часами на горячем песке, глядя в прицел винтовки и обшаривая горизонт в поисках

обычи. Он успел стать лучшим охотником своей планеты, прежде чем прибыла Имперская Гвардия, забравшая жизни многих мутантов его племени — грузей и родных. Именно тогда он научился искать уязвимые точки, чтобы убивать гвардейцев. Ему не понадобилось много времени, чтобы понять: даже дисциплинированный солдат спешит на выручку своему кричащему товарищу, которому проделали дырку в брюхе или колене. И кроме того, он научился бить точно в глаз.

Им не удалось найти Раека. Он был совсем еще юн, когда весь его народ канул в песках, но выжил и привык убивать. За ним посылали целые отделения, а затем и взводы, но так и не смогли его взять. Именно Уктинос, услышав легенды о невидимом убийце, отправился в пустыню и нашел его. То, что капеллан сам стал теперь его целью, ничего не значило для Раека; во всяком случае, не больше, чем жизнь любого из тех гвардейцев, которых он прикончил с нескольких километров среди песчаных дюн.

Раек с легкостью запрыгнул на следующий уровень парящего разрушенного храма и оказался достаточно близко, чтобы видеть узкий проход в склеп, озаренный внутри бледно-голубым сиянием. Отполированный обсидиан стен был украшен позолоченной символикой старозакона — потир Успивающих Души, стилизованные изображения костических десантников, скорее похожие на иероглифы, рассказывающие некую историю, нежели на портреты Астартес. Эти образы были окружены каким-то текстом, но снайпер не сумел распознать язык.

Скаут-сержант направился к гробнице. Удво он ступил на карниз перед дверным проемом, как поле гравитации вновь переместилось. Если раньше сержанта притягивало к внутренней поверхности сферического помещения, то теперь он надежно стоял на полу, словно склеп был совершенно обычным зданием, возведенным на твердой почве какого-нибудь нормального мира.

Склеп оказался весьма

вместительным и куда большим, нежели
казалось при взгляде снаружи.
Складывалось впечатление, что
пространство внутри астероида не
подчиняется привычным законам. Даже
усиленное зрение Раека не могло пронзить
темноту в глубине помещения. Снайпер
стоял с головы капюшон скафангра ---
атмосфера была вполне пригодной для
дыхания, и ему не хотелось, чтобы лишняя
экипировка мешала целиться.

--- Канеллан? --- окликнул он,
рассчитывая по голосу вычислить
местоположение Уктиноса. Но ответа не
было.

Когда коридор закончился, стало
светлее. Внутри склеп оказался даже еще
больше; высокий свод изгибался над
нелогичным переплетением лестниц и
подвесных мостков. Библиотека. Многие и
много тысячи книг наполняли
протянувшиеся на несколько миль
стеллажи и шкафы, выполненные из
золота и черного хрусталя. В высоких
колоннах были вырезаны полки, битком
забитые свитками, а под потолком висели

огромные кадильницы, озарявшие все
вокруг теплым янтарным светом.

У дальней стены возвышалась
пятиметровая золотая чаша, по бокам от
которой на обсидиановой стене были
изображены два костогесантника.
Находились в зале и боевые сервиторы,
толчливо затершие на страже в разных
краях библиотеки, парящие над
стеллажами или же под золотыми
ребрами сводчатого потолка.

Уктиносу было известно, как
отключить сервиторов. Библиотека была
защищена сложнейшими системами
безопасности, но капеллан вошел сюда,
словно к себе домой. Он определенно знал
обо всем еще до того, как отправился на
астероид.

Прежде Раек считал предателем
себя. Но, возможно, это Уктинос предал
весь орден.

Снайпер водил стволом винтовки,
оглядывая проходы между стеллажами и
колоннами, пытался найти капеллана на
высоких подвесных мостках и в глубокой
тени нижнего уровня. Воздух в помещении

был сухим и прохладным; несомненно, эти условия поддерживались, чтобы сохранить книги, многие из которых выглядели весьма и весьма старыми. Раеку никак не удавалось засечь хоть какое-нибудь движение, если не считать равномерного раскачивания камильниц под потолком и следующих за ними теней, текущих по полу подобно водам какого-то странного моря.

--- Рекрут, --- раздался голос сзади, --- теперь ты понимаешь, что значит быть Испивающим Души?

Раяк оцепенел от неожиданности, его нервы были напряжены до предела. Уктинос стоял прямо у него за спиной. Это было нелепо. Никому и никогда еще не удавалось вот так подкрасться к снайперу. Должно быть, что-то в этой библиотеке притупило его чутье, отвлекло.

--- Мы, рекрут, следуем традициям столь же древним, как сам Император, --- продолжал Уктинос спокойным, ровным, почти заволаживающим тоном. --- Наш орден не просто какая-то там армия. Это инструмент в руке Императора.

протянутой над всем Империятом. Мыслишком долго блуждали впотьмах, но теперь свободны и можем наконец приступить к исполнению финальной части плана.

Раек чувствовал Уктиноса кожей спины — тот стоял совсем близко, скрываясь в тени прохода. Можно было прыгнуть назад и ткнуть стволом прямо в злотку капеллану или же прокрутиться на месте, надеясь выстрелить раньше, чем тот успеет отскочить. Шла бы речь об обычном человеке, скаут-сержант и секунды бы не промедлил, но Уктинос обладал скоростью и реакцией костического десантника и за свою жизнь накопил немалый боевой опыт.

Предатель безмолвно выругал себя. Ему стоило все это предвидеть, стоило хотя бы предположить, что капеллан может догадываться. Проклятие, надо было быть просто умнее!

— Но детали ускользают от тебя, рекрут. Ты пока не понимаешь, что все это значит. Будущее сокрыто от тебя. У в этом неведении ты так и останешься.

Судьба ордена будет написана без тебя.

Скаут-сержант бросился на пол, одновременно разворачиваясь так, чтобы его винтовка смотрела прямо в солнечное сплетение Уктиноса. Благодаря врожденным рефлексам Раека течение времени словно затеделось, а библиотека угрожающе застыла. В поле зрения возникла черная броня капеллана, скалящийся белый череп шлема, его ядовито-зеленые сияющие линзы.

Но Уктинос оказался проворнее. Он схватил Раека за горло и отобрал у него винтовку. Задыхаясь, скаут-сержант задержался, пытаясь высвободиться из сжимающей его шею руки, закованной в кератит.

— Если бы ты только понял, — продолжал Уктинос, не обращая внимания на потуги Раека, — то утонул бы сейчас, чтобы я позволил тебе присоединиться к мне. Но тебе это не суждено.

Неожиданно Уктинос отпустил и скаута-сержанта, и винтовку. С грохотом повалившись на пол, Раек протянул руку к оружию. Но капеллан двигался молниеносно

и уже сжимал в руке крозиус. Затерцал
ореол силового поля, озаряя обсидиан и
позолоту стен жестким синева-белым
свечением. Затем Уктинос взмахнул
оружием, и время снова затеделось.
Раеку оставалось только смотреть, как
крозиус прочерчивает четкий, плавный
полумесяц, опускаясь на его голову.

Серповидный клинок с хрустом
врезался в висок предателя, начисто срезав
верхнюю половину черепа. Отрубленный
кусок головы отлетел в сторону и с
влажным хлопком врезался в один из
нижних шкафов. Труп распластался на
черном каменном полу, пачкая его кровью.
Рука Раека застыла, не дотянувшись лишь
пары сантиметров до винтовки.

Уктинос посмотрел на лежащее у его
ног тело. Определенно имел место латекс
— к тому же давно была предсказана еще
одна война внутри ордена, которая будет
угрожать исполнению великого плана. Было
даже несколько жаль убивать этого
новобранца. В конце концов, орден
нуждался в свежей крови, чтобы

продолжить свою историю. Но Уктинос должен был выжить. Он остался единственным капелланом, и от него слишком многое зависело.

Он обвел библиотеку взглядом, тяжесть знаний, хранящихся здесь, камнем лежала на душе Уктиноса. Чужие люди, постигни они тающееся в этих книгах, впали бы в отчаяние и рыдали бы, не в силах отделаться от кошмарных образов того, что случилось бы, стань это известно всем гражданам Империи. Но Уктинос не знал страха. Он обладал верой. Той самой редчайшей добродетелью — искренней, чистой, абсолютной верой.

Подойдя к ближайшему из шкафов, Уктинос снял том с верхней полки. Потир, изображенный на обложке, красноречиво говорил о том, что содержится под ней. Капеллан открыл книгу и приступил к чтению, позволяя благословенной истине течь сквозь него, подобно крови.

Зал Командоров был украшен монументальными скульптурами, изображающими Воющих Трифонов

далекого прошлого — командоров и
магистров, управлявших орденом в дни
самых достославных сражений. Статуи
заполняли просторное помещение, и их
вырезанные из драгоценных камней глаза
были обращены к стоящему посреди зала
огромному тактическому голомату,
выполненному в виде круглого стола.
Изваяния легендарных военачальников
должны были служить присутствующим
офицерам напоминанием об умирении
гордыни и о том, что опыт даже павших
героев может многому научить.

— Засада, — заявил Мерчано. — Это
единственный вариант.

Он стоял, нависая над голоматом,
проецировавшим сейчас трехмерную карту
Неверторна, узкую полосу моря и
побережье Хирогрейва. Изображения ульев
сияли, подобно бриллиантам, и их размеры
недвусмысленно указывали, что
миллиарды людей погибнут, если орочий
поток сумеет преодолеть водную преграду.

— Разведка установила, что
зеленокожие высадились здесь, —
продолжал Мерчано. Над картой

замерцали индикаторы --- яркие красные
шарики, обозначающие места, где орочьи
астероиды упали в джунгли Неверморна. ---
Первой их целью стал Палатиум. Войска
Планетарной Обороны были полностью
уничтожены, и теперь ксеносам
противостоит только штрафной легион.
Думаю, эти парни в лучшем случае
сумеют ненадолго задержать орду.

--- Джунгли --- излюбленное поле боя
орков, --- заметил капитан Дарион из
Девятой роты. Его красно-золотая броня
была украшена драгоценными камнями,
каждый из которых напоминал о победе
над каким-либо достойным противником. ---
Боюсь, они даже удовольствие от этой
войны получают.

--- Вот почему, --- ответил Мерчано, ---
мы просто отгадим им Неверморн.

В Зале Командоров раздалась
удивленные голоса. Сейчас присутствовала
почти дюжина офицеров, обладающих
высоким статусом в иерархии Воющих
Трифонов, и каждый из них мог
похвастаться камнями побед и носил на
своей броне многочисленные свитки клятв.

Мерчано командовал всем войском и лично возглавлял ветеранов Первой роты. Дарион говорил от лица Девятой -- практически полностью состоявшей из штурмовых отрядов (он и сам был видным штурмовиком, в чьем послужном списке числились многие сотни убийств). Девятой ротой, в которую до недавнего времени входили одни лишь рекруты и скауты, командовал капитан Борганор. Кровавые батальоны, приведшие орден на порог Периклитора, позволили большинству этих юных Астартес стать полноправными космогаситниками, и теперь Девятая была столь же закалена в боях, как и остальные.

-- Отдать материк чужакам? -- переспросил Борганор, жилистый и славящийся своей живучестью ветеран, чье тело было просто напичкано бионикой, заменившей потерянные в многочисленных войнах органы.

-- Орки -- примитивные существа, капитан, -- пояснил Мерчано, -- их действия легко предугадать. Сейчас они устроят марш-бросок к побережью и

соберутся там, чтобы ударить по Хирогрейву. -- Магистр подсветил береговую линию. -- Вот здесь они и высадутся. Тут легче всего переправиться. Поскольку Стражей больше нет, орки будут полагать, что сопротивление им не попытаются оказать разве что разрозненные группы ополченцев.

-- Но там будем мы, -- понял капитан Дарион.

-- Вот именно. В момент высадки орки будут наиболее уязвимы. Мы встретим их на берегу и накроем огнем. Мелководье будет завалено трупами, и им придется отступить обратно в море. Тем самым мы избежим изматывающей, бессмысленной борьбы в джунглях и закончим с врагом одним ударом. Это пожелает Робаута Жиллимана и Кодекса Астартес.

-- Но существует определенный риск, -- заметил капитан Борганор. -- У нас будет лишь одна попытка. Зеленокожим не хватит ума ни на что, кроме простого массированного вторжения всех сил на Хирогрейв. И если мы их не остановим...

--- Остановим, --- прервал его
Мерчано. --- Наш орден дал клятву. И мы ее
сдержим.

--- Действуя так, орки рискуют куда
больше, нежели мы, --- сказал Дарион. --- У
они за это заплатятся.

--- Согласен, --- произнес Борганор. ---
Да, это путь Жиллимана.

--- Нет, --- раздался голос из дверей
Зала Командоров. --- Это не его путь.
Жиллиман никогда не уступал врагу ни
пяди земли. Он никогда не разбрасывался
жизнями имперских граждан.

Взгляды офицеров обратились к
инквизитору Таггеушю. Каким бы
социальным статусом он ни обладал, он
все равно был всего лишь обычным
человеком, ничтожным для стоящих
вокруг него Астартес.

--- Вам никто не давал права голоса, ---
резко произнес Мерчано. --- Жиллиман
принес бы в жертву миллиард людей, если
бы это позволило спасти миллиард и еще
одного. И вам это известно не хуже, чем
мне.

--- Бесспорно, лорд-библиарий, ---

погтвердил Тагдеш, приближаясь к
голоматю. -- Жертва. Десятки тысяч
беженцев из Палатиума и прочих
поселений Неверторна сейчас прорываются
к морю. И без нашей помощи они обречены.
Это граждане Империи, те самые
жители Ванквалиса, которых вы
поклонялись защищать. Орген уже давно
должен быть там, в джунглях, и
обеспечивать безопасность беженцев.

-- Ваш тон, -- угрожающе произнес
Дарион, -- заставляет предположить, что
вы обвиняете нас в недостатке отваги.
Инквизитор, вам следовало бы понять,
что это не самая здравая идея -- делать
подобные заявления в компании Астартес.
-- Рука капитана опустилась на рукоять
меч, висящего в набедренных ножнах.

Мерчано поднял ладонь в
припугивающем жесте:

-- Дарион, нет повода для драки.
Просто представления инквизитора о
чести отличаются от наших. Для него
это понятие включает необходимость
выполнить свою задачу любой ценой, не
считаясь с клятвами и долгом других

людей, лишь бы успех сопутствовал
самому религиозному фанатику.

Таггеуш ничем не ответил на
вызывающий взгляд Дариона.

--- Лорд-библиарий, факт остается
фактом: если орки сумеют скопить силы
на Неверморне, их, вполне возможно, будет
уже не победить. И с каждым часом все
больше земель в джунглях...

--- В моем подчинении три роты
лучших воинов, какие когда-либо были у
Империиума! --- рявкнул Мерчано. ---
Никакой зеленокожий скот не сумеет
украсть у нас победу! И вы понимаете так
же ясно, как я, что война в джунглях
станет простой растратой жизней боевых
братьев. В Инквизицию никогда не брали
таких глупцов. Так зачем вы здесь,
Таггеуш? Вам же плевать и на
Ванквалис, и на его жителей. Что вы
надеетесь найти на Неверморне?

Таггеуш надолго погрузился в
задумчивое молчание, стоя под
обвиняющими взглядами Воющих
Трифонов.

--- Эту информацию, --- произнес он

наконец, --- положено знать только
Цнквизиции.

Борганор обрушил кулак на
столешницу золотата.

--- Довольно этих глупостей! --- взревел
капитан. --- Цнквизитор должен
радоваться уже тому, что ему позволили
присутствовать. Надо затанить орков в
западню.

--- Да, --- подтвердил Мерчано. --- Мы
подготовим засаду, и зеленокожие умрут.
Цнквизитор Таггеуш, теперь мне
очевидно, что вы преследуете цели, никак
не совпадающие с нашими. И ваши
полномочия здесь не действуют. Ваши
коллеги слишком далеко, а для нас вы
ничем не отличаетесь от простого
стертного. Я надеялся, что мы можем
прийти к взаимопониманию, но, похоже, вы
неисправимы. Будьте благодарны, что я
вообще не выбросил вас за борт.

--- Уходите, --- мрачно проворчал
Дарион. --- Мое терпение не безгранично.

Таггеуш обвел остальных взглядом, и
на всех лицах увидел одно и то же злое
выражение.

— Что ж, ладно, — сказал он. —
Командуйте своей битвой, лорд-библиарий.
Развернувшись, инквизитор покинул
Зал Командоров.

Мерчано же и его капитаны вновь
переключили все свое внимание на
золотат, чтобы в деталях продумать, как
лучше организовать западню и
уничтожить во имя Императора десятки
тысяч зеленокожих.

Банквалис обладал спутником,
взиравшим на Неверторн с небес
жутковатым зеленым глазом с огромным
темным кратером вместо зрачка. Его
призрачные лучи почти не проникали
сквозь толщу листвы, падая неровными
световыми пятнами на грязные темно-
фиолетовые доспехи Успивающих Души,
пробирающихся через болото.

— Чертов сброд, — устало произнес
сержант Салк. — Боюсь, все это навсегда
останется на моей душе.

Его отряд тихо и неторопливо
держал путь мимо корней и трясин,
направляясь к небольшому холму.

Закованные в броню ноги по колену увязали в жиже.

— Стало быть, надо и нам оставить ил на память пару шрамов, — отозвался брат Каррик, таскающий на себе громоподобный тяжелый болтер. — Чтобы все по-честному.

— Визуальный контакт, — доложил брат Трескэн, залегший на вершине холма и встатривавшийся в даль. Вобразившись по склону, Салк устроился рядом и проследил за взглядом товарища.

Посреди широкой просеки в джунглях возвышалась крепость. Она казалась очень старой и, быть может, была возведена во времена первых колонизаторов Неверторна, когда гом Фалкен еще только начинал прорубаться сквозь первозданные заросли к своей безмятежной жизни, — ветхое цилиндрическое строение из артированного роккрита с торчащей, подобно ребрам скелета, ржавой арматурой и зубчатой короной оборонительных сооружений. Барр и Сарнедон полагали, что крепость вряд ли привлечет внимание орков, никогда не

славившихся длительным удержанием
укрепрайонов или возведением постоянных
лагерей. Но сейчас отряд Салка
преследовал вовсе не зеленокожих.

--- Есть движение? --- спросил сержант.

--- Пока не вижу, --- ответил Трескэн,
наблюдая за зданием в прицел болтера.

--- Секунду, --- отозвался Каррик,
плюхаясь рядом в грязь. --- Вон там. К юго-
западу. Огонек.

Салк тоже увидел. Светился
лазерный прицел одной из тех снайперских
винтовок, которыми орден обычно
экипировал лучших стрелков среди
скаутов. Пятнышко света скользило по
пышной зелени зарослей, обступивших
крепость со всех сторон, и, проследив
взглядом узкий алый луч, Салк нашел
рекрута, укрывшегося в практически
непроглядной тени одного из выступов
укреплений.

--- Это они, --- произнес Трескэн,
сплевывая в грязь. --- Предатели.

--- Они неплохо окопались, --- заметил
Каррик. --- Вы только посмотрите на это
здание.

--- Все равно есть обходной путь, ---
ответил Салк. --- Он всегда есть, если
только укрепления строил не сам Дорн.

--- Будь у нас «Сломанный хребет», мы
бы их легко выкурили, --- сказал Трескэн, и
голос его угрожал от ненависти. --- Надо
бы их всех сжечь да оставить гнить в
этой грязюке.

--- Они наши братья, --- напомнил
Каррик.

--- Были нашими братьями, ---
прошипел Трескэн. --- А теперь они ничем
не лучше тех мерзких ксеносов, за чьи
головати мы сюда пришли.

--- Понимаю, --- попытался
защищаться Каррик. --- Но еще совсем
недавно мы сражались плечом к плечу.

--- Еще совсем недавно, брат, мы
сражались и за Имперу́м.

--- Они одновременно и предатели, и
братья, --- сказал Салк, наблюдая за тем,
как скаут-снайпер перемещается вдоль
стены и внимательно следит за
джунглями. --- Мы допустили ошибку и
позволили всему этому произойти. Один из
нас принял решение, которое повлекло за

собой всю цепочку событий, и все мы согласились с ним.

--- Ты имеешь в виду Сарнегона? --- спросил Каррик.

--- Один человек не может нести вину за случившееся, --- ответил Салк.

--- Скажи это мятежникам, --- посоветовал Трескэн, но уже не таким ядовитым тоном. --- Сарнегон --- вот кто им нужен. Каррайдин стал всего лишь предупреждением. Они убьют командора, едва представится такой шанс.

--- Не гүтаю, --- возразил Каррик. --- При первой же возможности они сорвутся с этой планеты и бросят нас. Ну разве что дадут по нам пару прощальных залпов со «Сломанного хребта».

--- Что ж, значит, мы должны сделать все, чтобы такой возможности у них не возникло. --- Сержант переключил вокс на командную частоту. --- Говорит Салк. Отделение вышло на крепостной периметр.

--- Вы их нашли? --- раздался в ответ голос Сарнегона.

--- Предатели окопались. Укрепления в

плохом состоянии, но все же достаточно серьезные.

--- Если получится, оглядите со всех сторон. Необходимо знать все входы и выходы. Но не попадайтесь им на глаза.

Салк бросил взгляд на крепость, темнотой-серая громада которой вырисовывалась в бледно-зеленом свете свирепого глаза луны, взиравшего на Ванквалис.

--- Командор, они понимают, что мы придём.

--- Знаю, --- несколько отстраненно откликнулся Сарнедон. --- Но мы должны сделать это. Отправляю остальных к тебе, пора готовиться к штурму. Уже поутру они могут сбежать.

--- Принято. И, командор...

--- Да, сержант?

--- Нам известно, кто или руководит? Кто все это устроил?

--- Могу лишь догадываться, сержант, как, впрочем, и ты. Но лишь когда я увижу все собственными глазами, только тогда смогу быть уверен в истинности своих суждений.

--- Почему мы не предугадали, что это произойдет?

Сарнедон ответил не сразу, и, сказав по правде, молчание его излишне затянулось.

--- Сержант, пытаясь найти ошибки в своих былых решениях, мы сейчас ничего не добьемся. Но наш долг --- все исправить.

--- Понял, --- сказал Салк. --- Попробуем обойти кругом и разузнать все об этом месте.

--- Прекрасная работа, брат, --- отозвался Сарнедон. --- Скоро мы присоединится к вам. Будьте готовы, штурм начнется на рассвете.

Глава девятая

--- Что делает нас
Астартес?

--- Наша аугментация и боевая экипировка --- ничто по сравнению с преодолением наших страхов. Вот что ставит нас выше других людей.

Дениятос. Боевой
Катехизис

Той ночью звезды над Хирогрейвом отражались в лужах крови. Весь город дрожал от страха, и зачастую страх этот вызревал в смертоубийство. Одна из главных площадей улья, куда сходились центральные улицы, стала тому свидетелем, как и холодная зеленая луна, безучастно глядящая, как паника приводит к гибели жителей Ванквалиса.

Граждане набились на площадь и практически лезли друг другу на головы. У стен и углов образовались настоящие

зрұды человеческих тел — люди пытались
взобраться как можно выше по гладким,
неприсутным стенам. Те же, кто все еще
оставался на запруженных улицах,
старались локтями проложить себе
дорогу, и крики толпы были слышны даже
на балконе, вознесенном высоко над ней. Но
жители ұлья все продолжали прибывать,
изливаясь нескончаемым потоком из своих
догов, шагая прямо по телам
соотечественников на пути к уже и без
того переполненной площади. На стенах,
скрываясь за зубчатыми укреплениями,
стояли на огневых позициях охранники
дота Фалкен, в молчаливом ошеломлении
наблюдавшие, как многие и многие тысячи
людей гибнут в давке.

— Почему они это делают? —
спросила Устенисса.

— Прошел слух, что на планету
прибыл кардинал, — ответил камергер,
стоявший на балконе рядом с графиней. —
И что он благословит каждого, кто
пройдет мимо его трона, и дарует
искупление грехов. Население верит, что
он находится прямо за той стеной, в храме

Царской Души.

--- И это так?

--- Нет, госпожа, конечно же нет. Мы даже не знаем, кто может стоять за этими рассказами.

Графиня тяжело вздохнула и покачала головой.

--- Отправьте туда подразделение дворцовой стражи, --- распорядилась она, --- с водометами и газовыми гранатами. Пусть разгонят толпу, оттеснят людей обратно на улицы и начнут очищать площадь.

--- Слушаюсь, моя госпожа.

--- И продолжайте говорить людям, чтобы те оставались в домах. Может быть, хоть кто-то послушается, --- Истенисса взмахнула рукой, обводя территорию под балконом, где многие и многие ее подданные гибли под натиском тел своих же соседей. --- Я же должна править из этой башни, но представьте, какая после всего этого тут поутру будет стоять вонь.

--- Мы справимся. Прошу разрешить мне откланяться, моя госпожа.

— Да, возвращайтесь к своим
обязанностям.

Камергер оставил ее одну на балконе, выйдя через одно из огромных окон, дающих прекрасный обзор улья, где продолжала разворачиваться кровавая трагедия. Это был далеко не первый случай, когда волнения охватывали города Хирогрейва. Совсем недавно прополз слух, будто в принадлежащий готу бункер, расположенный в улье Сценгалиан, массово завозится продовольствие и оружие. Взбунтовавшиеся граждане разорили правительственный конвой, и на улицах разгорелась настоящая война. Ее угли все еще продолжали тлеть в коридорах рвущихся к небу почерневших от возраста жилых башен, кажущихся звоздяти, вознанными в труп города.

Зародилась очередная секта, предвещающая скорый конец света, и ее сторонники провозгласили орков посланниками Императора, явившимися, чтобы истребить грешников Ванквалиса... Эти фанатики взрывали гота и устраивали резню на улицах улья Ластран

и колоний Эшкоат, стремясь убить как можно больше людей и поселить в душах сограждан священный ужас перед приближающейся зеленокожей ордой. В каждом городе находились такие, кто, поддавшись паническому настроению, выходил с ута и убивал и себя, и собственные семьи, только бы прекратить весь этот кошмар. Вооруженные драки и стародерство распространялись быстрее, чем любая эпидемия. Орки успели посеять смерть среди жителей Хирогрейва, еще не ступив на континент.

Графиня Усленисса отвернулась от омерзительного зрелища и, покинув балкон, направилась к приемным покоям. Они утопали в роскоши пушистых ковров и дорогих гардин, позолоте и антикварной мебели. Повсюду красовались великоленные gobelены, выполненные в стиле, которым славился дом фалкен. Хотя эти помещения и были полностью обставлены и там ителась даже кровать под балдахинот, но служили они исключительно для встреч с дипломатами и членами семьи, сама же

графиня предпочитала жить в куда более скоротных комнатах, располагавшихся этажом ниже. Несколько детей остались наблюдать за безумством, творящимся внизу, хотя их мертвые мозги и не были способны понять суть происходящего.

Внутри Устениссу уже ждал слуга, облаченный в форменную одежду изумрудно-зеленого и ярко-оранжевого цветов. Графиня же планировала посвятить некоторое время анализу ситуаций, сложившихся в каждом из крупнейших городов Хирогрейва, и была вовсе не рада тому, что ее отвлекают.

--- Что тебе нужно? --- грубо спросила она.

Устенисса неожиданно для себя вспомнила, что не спала уже достаточно давно, и это не лучшим образом сказывалось на ее настроении.

--- Госпожа, лорд Совелин связался с вашим двором. Он просил сообщить, что дело не терпит отлагательств.

--- Совелин? Что-то не припоминаю этого имени.

--- На тот случай, если вы забыли его,

он проинструктировал нас напомнить о
летнем отдыхе на озере Феллагин.

— Ах, тот Совелин. Да... да, один из
отпрысков Альтелассы. Вступил в ряды
Стражей, хотя этот тощий болезненный
мальчишка и пистолет-то поднять мог с
трудом. Так, говорите, он еще жив?

— Во всяком случае, был жив еще
полтора часа назад, госпожа, — ответил
посыльный. Он был молод и явно не
испытывал великой радости от того, что
ему приходится доставлять все более и
более печальные вести. Дети,
сопровождающие графиню, тихо зашипели
на слугу, высовываясь из-под ее юбок.

Истенисса нетерпеливо протянула
ладонь:

— Что ж, давай посмотрим, что он
там хотел сказать.

Посыльный вручил ей свернутый лист
бумаги, на котором было записано
сообщение лорда Совелина Фалкена. Глаза
графини забежали по строкам послания, в
котором из-за звуков выстрелов и грохота
взрывов оказалось слишком много
пропущенных слов.

Когда она дошла до упоминания о Черной Чаше, ее пальцы напряженно сжали бутазу, а лицо стало еще более бледным и напуганным маской мертвеца; кожа, казалось, окончательно истончилась, обтянувшись череп.

--- Черная Чаша, --- пробормотала графиня и услышала, как задержались губы у нее за спиной.

--- Они здесь? --- спросил посыльный и сам испугался того, что заговорил, не получив на то позволения.

При других обстоятельствах Устенисса бы жестоко наказала его, но сегодня его реакция была понятна. Каждое дитя Хирогрейва знало о Черной Чаше из сказок о чудовищах страшного прошлого планеты, чудовищах, с которыми и рядом не стояли никакие еретики или культисты. Проповедники использовали Носителей Черной Чаши как аллегорию зла и скверны, а матери рассказывали своим чадам о том, как от этих отвратительных существ родились все беды. Остальные граждане могли только догадываться, но графиня доподлинно

знала, что эти легенды родились не на пустом месте. Черная Чаша и ее сторонники нанесли Ванквалису такую рану, что истории о них будут рассказывать вечно.

— Немедленно установите связь с «Лазурным когтем», — приказала графиня. — Думаю, обстоятельства вполне подходящие, чтобы прибегнуть к услугам астронаута. Теперь речь идет не об одних только зеленокожих. Сами Темные Силы обратили взор на наш мир, и мы обязаны предупредить союзников. Пошевеливайтесь!

Посыльный опрометью бросился к выходу, и Устенисса осталась наедине с посланием Совелина. Кто бы мог подумать, что этот жалкий сопляк, изгнанный в артиллерийские войска, сыграет важную роль в возвращении Черной Чаши? Похоже, Император порой и в самом деле совершает свой выбор вслепую.

Крики, доносившиеся с площади, стали громче, к ним присоединился грохот выстрелов и рокот моторов

бронетехники. Графиня закрыла окна, чтобы заглушить шум, одновременно пытаясь обдумать, как она сообщит старшему библиарию Мерчано о том, что Воющим Грифонам предстоит столкнуться с куда более опасным противником, нежели зеленокожие.

В джунглях зачинался рассвет, и лучи солнца Ванквалиса, пробивающиеся сквозь густые кроны, окрашивали все в темно-зеленые тона. В этом свете пурпурная броня Успивающих Души, выстроившихся полумесяцем напротив южной крепостной стены, стала казаться черной.

--- Мы на позициях, --- раздался в воксе голос Салка, расположившегося со своими людьми на западном крае построения.

--- Готовы к бою, --- эхом откликнулся капитан Грэвус, отвечавший за восточное направление.

--- Хорошо. Не забывайте, что вы двое контролируете наши фланги. Если предатели пойдут в контратаку и сумеют обойти вас, то нас окружают и

раздавят.

--- Если мимо меня пройду, значит, я уже мертв, --- ответил Грэвус. И это было вовсе не бравадой, а всего лишь констатацией факта.

--- Испивающие Души, --- сказал Сарнедон, переключив вокс на общий канал связи, и обвел взглядом остальных Астартес, похожих в броне, выкрашенной расцветом в черный цвет, на жуков. Воины прятались между изгибающимися высокими арками корней и в густом кустарнике, укрывались позади массивных стволов корявых деревьев. --- Каждая новая битва становится для нас также и новым испытанием. И Неверторн нас подвергает суровейшей проверке из всех мыслимых. Сегодня врагом стали наши собственные братья... они одни из нас, но в то же время --- предатели, которых мы обязаны победить. И пусть вас не одолевают сомнения --- ваш долг убить их, уничтожить тех самых костических десантников, с которыми мы неоднократно бились плечом к плечу. Среди вас есть и такие, кто застал

первую войну, расколовшую наш орден. И каждый знает о том, на что нам пришлось пойти, чтобы ее завершить. И это сражение не менее ужасно. Но все же в бою Астартес не должен знать страха и сомнений. Вы должны помнить, что предатели сейчас говорят себе точно те же слова. И когда на нашу долю выпадет хоть немного мирного времени, мы обязательно отпразднуем победу и достойно потянем каждого, кому сегодня предстоит умереть. Это путь Розала Дорна и Императора. Быстро и хладнокровно, Успивающие Души! Выдвигается.

Весь строй, двигаясь как единое целое, устремился к темной громаде крепости. За годы, прошедшие с момента постройки, фортификации значительно погрузились в болото и теперь были окружены трясинами, достаточно глубокими, чтобы поглотить и затянуть любого, кто был слабей костодесантника. Когда Сарнедона, бегущего рядом с теми, кого он все еще мог называть братьями, глубоко погружались в грязь и тох.

Успивающие Души двигались в густой тени, отбрасываемой крепостью. Первые лучи солнца едва успели позолотить зубцы ее укреплений, но острые, улучшенные аугментикой глаза лятежных скаутов наверняка успели заметить приближение войнства Сарнегона, и сражение должно было начаться задолго до того, как ему удастся добраться до стен.

С южной стороны здания выднелись остатки широкой рокрытовой дороги, ведущей к высоким воротам из пластали, потрепанным веками. Именно к ним и направлялись Успивающие Души, хотя этот проход лятежники наверняка охраняли с особой тщательностью. Если Сарнегон натеревался прорваться и встретиться с предателями лицом к лицу, ему бы пришлось сражаться на их территории и по их правилам.

Это казалось безумством. Ни один генерал, пребывая в здравом рассудке, ни за что бы не согласился на такую авантюру. Но Сарнегон не был полководцем Имперской Гвардии, которому приходилось считаться со слабостями и

недостаточной дисциплинированностью своих солдат. Он был костическим десантником, как и все, находившиеся под его началом. Тактическое безумство, готовность броситься в драку, на которую не отважился бы ни один нормальный командир, — вот что служило одним из важнейших отличий Астармес.

Что вполне ожидается, вскоре нависающую над головами десантников листву пронзили первые пули, бесследно исчезая в болотной жиже и гнили. Снайперы пока что были, не имея возможности нормально прицелиться. Один из Испивающих Души пошатнулся и упал, но товарищи по отделению тут же подхватили его и потащили вперед, неизвестно, живого или мертвого. Движение, возникшее среди укреплений, говорило о том, что предатели готовятся к битве, собираясь и выжидая мгновения, когда штурмовики окажутся в зоне досягаемости болтеров.

Сарпедон неоднократно оказывался в подобной ситуации. Нужная дистанция на подсознательном уровне была известна

каждому костогесантнику — незримая граница, за которой работа артиллерии и дальнобойных винтовок сменялась рукопашными схватками, одиночными выстрелами, короткими очередями и поисками укрытий.

Новый шквал огня. Упал еще один боевой брат. Со стороны укреплений прилетела ракета, взметнув фонтан черной грязи. Зона болтерной досягаемости стремительно приближалась, и Успивающие Души уже отстегивали оружие, готовясь открыть огонь. Ментальные силы Сарнегона не позволяли принимать теленативные сигналы или читать мысли, но даже его незначительных талантов хватало, чтобы ощутить то напряжение, то бешеное возбуждение, что затеняли костическим десантникам обычный человеческий страх. Те же чувства определенно испытывали и предатели, и джунгли разве что не вибрировали от их совместных эмоций. Командор понимал, что собирается вступить в бой с собственными братьями, сражающимися

потому, что они верят в свою правоту
столь же искренне, как и он сам.

Атакующие десантники пересекли
незримую черту.

--- Огонь! --- приказал магистр, и голос
его утонул в грохоте дружно грянувших
болтеров. На крепостные стены обрушился
град огненной шрапнели.

Мятежники падали. Огонь из них
зашатался и рухнул с укреплений. Шум
стоял невообразимый. К предателям, уже
оборонявшим фортификацию,
присоединялись все новые и новые братья.

--- Подрывники --- вперед! --- крикнул
Сарнедон в вокс.

Несколько отрядов побежали к
стенам, пока остальные Успивающие
Души прикрывали их, прячась за
изрешеченными выстрелами пнями и
переплетениями твердых, словно камень,
корней.

Но ответный огонь оказался слишком
плотным. Предателям удалось
перетанцевать на свою сторону очень многих
Успивающих Души. Подрывники были
вынуждены искать укрытие, а Сарнедон

терял все больше и больше людей. Брат Фокрис погиб и повалился в грязь с расколотым шлемом в ту самую секунду, когда нажимал на спусковой крючок ракетной установки. Стоявший рядом с командиром брат Уракат упал, лишившись ноги, оторванной попаданием из тяжелого болтера. Сам Сарнегон подобрал под себя паучьи лапы, чтобы суметь укрыться под защитой массивного поваленного дерева; выстрелы мятежников вокруг него взбивали фонтаны болотной жижи.

Ближайшее отделение подрывников, возглавляемое сержантом Салком, лежало в этой грязи ничком и было все еще цело лишь благодаря небольшому холмику прямо перед ними. Подобраться к крепости они не могли. Как, впрочем, не мог и никто другой. Вырубка, отделяющая джунгли от крепости, стала нейтральной полосой, и предатели вели слишком плотный огонь, чтобы это расстояние могли преодолеть даже костодесантники.

Если бы речь шла о каком-то другом противнике, Успивающие Души просто

бросились бы на штурм — хладнокровно и быстро, как учил в своем «Боевом Катехизисе» воин-философ Дениятос. Столкнувшись с простыми бунтовщиками или грязными ксеносами, они бы пошли в бой, не обращая внимания на стрельбу, и победили бы благодаря неожиданности и скорости нападения. Но против других костических десантников эта тактика была бесполезна. В Галактике просто не существовало более опасного противника.

За грохотом выстрелов Сарнедон услышал гул двигателей. Устретив взглядом вверх, командор увидел сквозь густую листву проблески пламени, ослепительно яркого в предрассветном небе, рвущегося из дюж воздушного судна.

Не давая никому опомниться, «Грозовой ястреб» спикировал вниз, застучал носовыми орудиями и накрыл укрепления огнем. Спустя мгновение распахнулся боковой люк, и в его проеме возникла фигура, закованная в черную броню с белым, как кость, шлемом. Уктинос.

Капеллан покинул боевую машину,

уверенный, что госпехи защитят его при падении с высоты. И едва он выпрыгнул, как «Громовой ястреб» взревел моторами и устремился к крепости.

Предатели поспешили спрятаться за огромными рокрытовыми плитами укреплений, но успели далеко не все. «Громовой ястреб» врезался в крепость и со скрежетом покатился на бронированном брюхе по верху стены. В поврежденном челноке вспламенился боекомплект, затем вспыхнуло и топливо, и тогда над рокрытом расцвел величественный оранжево-черный цветок взрыва.

--- Вперед! --- закричал Сарпедон, едва стрельба по нему прекратилась.

Успивающие Души снова пошли в наступление, отряды подрывников стогли оставить свои укрытия и побежать к стенам. Командор услышал воинственные крики собратьев. Он чувствовал, как нагревается контур эгиды, встроенный в его броню, накапливая мощный заряд ментальной энергии.

Страх. Главное оружие Сарпедона. Библиарий мысленно погрузился в самые

темные глубины своего сознания, чтобы
отыскать там эмоцию, наиболее близкую
к тому страху, каким были прокляты
нормальные люди.

К крепости приближался сам
примарх Рогал Дорн, чья золотая броня
буквально излучала ненависть к
предателям. С неба, взрывая кроны
деревьев, пикировали огромные,
внушающие ужас золотые орлы. Из
пылающих обломков «Громового ястреба»
выбирались герои прошлого, погибшие,
чтобы орден обрел свободу, — и среди них
был Дениятос, воин-философ, несколько
тысяч лет назад написавший трактат о
пути Испивающих Души.

Мятежники, как и все члены ордена,
были привычны к Агу, и их разум мог
сопротивляться наведенным Сарнедоном
галлюцинациям, да и без
соответствующих тренировок
костодесантники были не из тех, кого
легко напугать. Библиарий вложил в свой
дар еще больше сил, и в глазах навших
героев загорелось яростное пламя, а
примарх теперь был даже выше, чем

крепость, где засели предатели, и от его гнева содрогались джунгли.

Отделение Салка прижалось к стене возле ворот, где от вражеских выстрелов их защищали выступающие карнизы укреплений. Сарнедон увидел, как сержант присоединяет к створу большое металлическое устройство. Другие подрывники тоже спешили добраться до крепости, хотя часть бойцов по-прежнему была прижата огнем тех предателей, кто не покинул своих позиций.

Уктинос бежал сквозь грязь и светопреставление под градом болтерных зарядов. Его доспехи были помяты и испачканы, но от него исходили все те же уверенность и спокойствие, что и раньше.

--- Капеллан! --- окликнул его Сарнедон, укрываясь за иссеченным пүлями валүном, чтобы сконцентрировать все свои силы на Age. --- Раг видит тебя живым. Я боялся, что предатели сумеют до тебя дотянуться.

--- Я бы сказал, что они попытались, --- ответил Уктинос. --- Подослали ко мне одного из скаүтов. Но

ему не повезло.

--- Тебе известно, кто или руководит?

--- Есть подозрения.

--- У?

--- Евмен.

Евмен. Ну конечно же! Тот был прирожденным лидером --- отважным, ответственным, умным и безжалостным. Скауты ценили его, поэтому столько новобранцев и присоединилось к лямке. Кроме того, Евмен умел убеждать. В будущем его ждала офицерская карьера. Командор даже полагал, что у парня есть все шансы возглавить орден, когда его самого не станет.

Что ж, если Сарнедон не справится, то именно это и произойдет. Евмен станет командовать Испивающими Души, впадшими в грех предательства.

--- Готово, --- раздался в воксе голос Салка.

--- Мы на месте, --- эхом откликнулся сержант Даргалис, который провел свой штурмовой отряд сквозь ураганный огонь и закрепился с другой стороны ворот.

Сарнедон проверил статус остальных

передовых групп. Некоторые так и не смогли выйти на позиции и были вынуждены укрываться от стрельбы. Кто-то не отвечал вовсе. Но и имеющихся сил должно было хватить.

--- Действуйте! --- приказал командор.

Дружно прогремели два взрыва. Земля затряслась, и в трясину повалилось несколько деревьев, еще прежде ослабленных многочисленными попаданиями. Ворота скрылись в облаке пыли и водяного пара. С неба дождем посыпались куски роккрита, и даже улучшенное зрение космодезистника не позволяло разглядеть ничего сквозь плотную завесу дыма.

--- Вперед! --- крикнул Сарнедон.

Сопровождаемый Уктиносом и остатками Успивающих Души, едва заметными в этом неожиданно опустившемся на болото жарком тумане, командор перепрыгнул через поваленный ствол и устремился к уничтоженным воротам. Стрельба стихла --- грохот болтеров, все еще раздающийся на флангах, казался бесконечно далеким. Дым

и пыль, накрывшие нейтральную полосу, заставили шум битвы ненадолго прекратиться.

Предатели, засевшие на стенах, стремительно приходили в себя после взрыва мощных мин. Прямо сейчас они уже снова занимали позиции, проверяли болтеры и готовились встретить прорывающихся сквозь дым бывших собратьев, оставшихся верными прежнему предводителю. Аг начинал ослабевать, фигура Розала Дорна расплывалась, а пылающие силуэты героев прошлого теперь казались всего лишь смутными тенями.

Сарнегон слишком хорошо их подготовил. Любой другой враг уже бежал бы в панике. Но только не лютые Успивающие Души.

Командор видел перед собой стену — темное пятно, проступающее сквозь серую завесу оседающей пыли. Ворота были полностью снесены с петель, массивные ржавые створки лежали искореженными на разбитом растрескавшемся рокекрите. Укрепления над ними также были уничтожены и,

осыпавшись вниз, образовали груды обломков в проходе. На нее уже взбирались закопанные в броню фигуры, готовые принять бой.

На одном из предателей, сжимающем в руках двуручный силовой меч, Сарнедон разглядел высокий воротник-эгиду. Это был Библиарий, один из братьев-псайкеров, человек, прошедший с Сарнедоном путь от ранних битв на Квиксиан Обскура к Войне Оргена.

Сарнедон выбежал на открытое пространство.

--- Греск! --- крикнул он.

Библиарий посмотрел на него и поднял руку, призывая не стрелять остальных предателей, уже готовых открыть огонь из-за развалин укреплений.

--- Командор! --- отозвался Греск. --- Хотя ты и не можешь больше называть меня братом, но мы все-таки Успивающие Души. И у нас есть обязательства друг перед другом. Мне вовсе не хочется, чтобы ты погиб здесь. Ты все еще можешь отступить, и это сражение не понадобится.

--- Греск, ты прекрасно понимаешь, что я не могу на это пойти, --- ответил Сарнедон. Вокруг него уже занимали позиции верные ему Испивающие Души, окружая грудь обломков, выискивая противника за рокрытовыми плитами и в воронках от взрывов. --- Так или иначе, но все закончится здесь. Однако ты прав, у тебя есть обязательства. Обязательства объяснить почему.

--- Это началось уже давно, --- сказал Греск. В жутковатом затишье среди боя его голос звучал словно громовые раскаты. --- Еще до того, как мы узнали, кто мы есть, до того, как был уничтожен Абракасас. Посмотри, куда ты завел нас. Мы торчим в этом Императором забытом мире, защищая Империум, который ты сам же и учил презирать. В Трейвенхолде нас едва не погубили наши собственные братья. Мы с трудом смогли совладать с проклятием Абракасаса, а на Стратикс Лютина до нас почти добралась Инквизиция. Твои приказы ведут нас к самоуничтожению. Нам не уцелеть, если ты останешься у власти. И мы отбираем

ее у тебя так, как ты сам вырвал ее из рук
Горголеона.

--- Мы? Под «мы» ты подразумеваешь
Евмена, --- произнес Сарнедон.

--- Евмен сумел сплотить скаутов
прямо у тебя под носом. После того, что
случилось в Грейвенхолде, он заслужил
доверием всех новобранцев. Он
талантливый человек и руководит нами
так, словно был рожден для этого. Он
побил тебя на глазах всего ордена. И те,
кто присягнул ему, просто встали на
сторону победителя.

Вокруг двух библиариев снова
нарастало напряжение. Один знак, одно
слово --- и оба войска устроят друг друга
кровавую баню, сойдясь в рукопашной, --- то,
что лучше всего умели делать
костические десантники. Сарнедон видел,
как пальцы воинов медленно тянутся к
спусковым крючкам и переключателям
прыжковых ранцев. Люди ждали только
сигнала. Греск был мастером Ускорения ---
ментального дара, позволяющего
подхлестывать метаболизм союзников,
давая тем возможность двигаться с

удивительным проворством и ловкостью. В предстоящем сражении этот талант мог стать решающим.

--- Я думал, что ты погиб, --- сказал Сарнедон, --- потому что и представить себе не мог, что ты прилкнуешь к этому сброду. У тебя все еще есть шанс отречься от этого безумия, пока мы еще не сцепились.

--- Сарнедон, ты не понимаешь, --- ответил Греск, и в его словах прозвучала искренняя горечь. --- Мне бы не хотелось видеть, как ты умрешь, но Евмен жаждет твоей крови. Моей задачей было как можно дольше продержатъ тебя здесь. Заставить тебя штурмовать эти стены, удерживать оборону столько, сколько получится, только бы задержать тебя на достаточный срок. То, что случится потом, будет уже вовсе не сражением. Уходи. Ты понимаешь меня?

Сарнедон неожиданно осознал, куда завел своих людей. Выйдя под стены крепости, они лишились прикрытия плотного полога джунглей --- Успивающие Души стояли посреди вырубки прямо под

зеленовато-серым небом.

--- «Сломанный хребет», --- произнес
Цктинос.

--- Отступаем! Вселенная
подразделениям! --- приказал Сарнегон. ---
Уходим!

Успивающие Души не были привычны к приказам об отступлении. Не нашлось бы в Галактике такого костического десантника, который бы с легкостью согласился бежать с поля боя. Но Сарнегон все еще оставался магистром их ордена, и воины начали отходить, возвращаясь по изуродованному битвой пространству, расплескивая болотную грязь и перепрыгивая поваленные деревья. Командор оглянулся, чтобы увидеть, как Греск поворачивается к ним спиной и уходит обратно в крепость.

С неба ударило первое лазерное копье, глубоко войдя в землю там, где еще совсем недавно стоял Сарнегон. На него обрушилась волна раскаленного воздуха, и магистр едва сумел устоять на ногах, когда почва под ним заходила ходуном. Второй луч, яркий, словно само солнце,

нашел свою цель, и командор увидел, как в сторону отлетает тело десантника, перерезанное пополам мощным лазером.

Бомбардировка, обрушенная на вырубку, просто изумляла своей мощью. Продолжай Успивающие Души штурмовать ворота, их бы всех развеяло в пыль. И даже несмотря на предупреждение Греска, слишком многие воины погибли, разорванные на части лазерными столпами, вырастающими перед крепостью.

--- Капеллан! --- Сарнедон силился перекричать грохот. --- Сражение окончено! Отводи людей в джунгли!

--- Так точно, командор, --- ответил Уктинос.

Капеллан давно стал священным символом ордена, причем в некотором роде даже более важным, нежели магистр. Если Успивающие Души и были готовы сейчас за кем-то следовать, так это за ним.

Продолжая убегать по просеке, озааряемой пульсирующими лазерами, бьющими с зависшего на орбите «Сломанного хребта», Сарнедон

неожиданно понял, что и сам уже давно
подумывает поставить во главе ордена
кого-нибудь более подходящего... того же
Уктиноса например. В этом Греск был
абсолютно прав: нынешний магистр чуть
не привел Успивающих Души к гибели. Он
и сам видел, что едва не уничтожил орден
только потому, что был слеп, когда
думал, будто знает истинный путь. У
если он и в самом деле ошибался, а
предатели были правы, то Сарнедон не
заслуживал больше права командовать
Успивающими Души.

--- За Жиллимана, сына Императора!
За отца-основателя!

Слова Мерчано эхом подхватили
сотни Воющих Грифонов, собравшихся на
просторной палубе Часовни Боевого Клича
--- величественного храма войны,
использовавшегося экипажем «Лазурного
когтя» в качестве площадки для
инструктажа перед операциями. Пол здесь
был украшен многочисленными военными
трофеями --- фрагментами брони ксеносов,
осколками раздавленных черепов

предателей, препарированными трупами
тварей, --- словно запаянными между
предметными стеклами,
отполированными за тысячелетия
сапогами Воющих Грифонов до идеальной
гладкости.

--- Во имя клятвы и слова! Во имя
чести, вселяющей страх в сердца! Воющие
Грифоны, как должно поступить с
обещаниями давно павших братьев?

--- Сдержатъ их! --- грянул дружный хор
отрядов, рот, старших офицеров; и громче
всех звучал голос самого Мерчано, гордый
и возвышенный, словно у проповедника.

--- Даже если это будет стоить нам
жизни? --- кричал он, одновременно
подстегивая своих людей и оскорбляя их
этим вызовом.

Неразборчивый рев, раздавшийся со
всех сторон, был лучшим и единственно
возможным ответом.

--- А если вашим душам будет грозить
гибель и тела ваши будут изломаны?
Сдержите ли вы свои клятвы, о Воющие
Грифоны, наследники Жиллитана?

Собравшиеся вновь разразились ревом.

еще более грозным и настойчивым. Стремление Воющих Грифонов к соблюдению древних обетов граничила с маниакальной одержимостью. Пламя, горевшее в сердцах костодесантников, отражалось и в их глазах. Лишь беспощадная дисциплина удерживала воинов от тлестей, от того, чтобы выместить всю кипящую в их жилах энергию в бессмысленном и беспощадном кровопролитии.

— Воющие Грифоны, пришла пора приносить обеты!

Капитан Дарион встал перед собравшимся войском, подняв меч как можно выше, чтобы все увидели его. Рядом возник сгорбленный писарь-сервитор, доставивший несколько чистых пергаментов и пару электроперьев, закрепленных в манипуляторах, торчащих из его пустых глазниц. Этот секретарь должен был зафиксировать все клятвы, принесенные Воющими Грифонами, в соответствии с традициями ордена поочередно подходившими к капитану. Каждое слово, данное здесь, считалось

священным, и вернуться, не сдержав его, было большим позором. Порой кстодесантники по нескольку лет, а то и десятилетий не могли воссоединиться со своими братьями, пытаясь выполнить обеты, данные перед битвой. Кое-кто до сих пор странствовал по Галактике, стремясь либо сдержать обещания, либо погибнуть.

— Что все это значит? — раздался голос запыхавшегося Таггеуша, вбежавшего в украшенный боевыми трофеями зал Часовни Боевого Клича. Инквизитор прямо на ходу натягивал глиняный плащ.

Мерчано повернулся к незваному гостю и презградил тому путь, чтобы чужак не видел ритуала, столь важного для оргена.

— Я ни секунды не сомневался, что вы явитесь, — заявил Мерчано, хотя в его голосе вовсе не было радости. — Мы начинаем высадку на Неверторн.

— И что изменилось? — спросил Таггеуш.

— Наша клятва, данная Ванквалису, куда серьезнее, нежели просто обещание

защищать эту планету. Древний враг
вернулся и, вполне возможно, действует
сообща с зеленокожими или даже
манипулирует ими. И этот недруг должен
быть уничтожен.

--- О ком вы говорите?

--- А вот это, инквизитор, --- покачал
головой Мерчано, --- не дозволено слышать
даже вашим ушам.

--- Постойте, лорд-библиарий, ---
сказал Таггеуш, --- в происходящем
замешаны силы, природы которых вы
можете не понимать.

--- Инквизитор, вы утомляете меня
своей болтовней. И какие бы цели вы ни
преследовали на Ванквалисе, они не
имеют ничего общего с необходимостью
выполнить наше обещание. Это одна из
самых старинных...

--- Вы ищете Грааль Проклятых, ---
произнес Таггеуш.

Мерчано споткнулся на полуслове. За
его спиной Воющие Грифоны, обступив
капитана Дариона, продолжали клясться,
что принесут вражескую голову, или
отомстят за павшего собрата, или

окажутся первыми, кто ступит на поверхность Ванквалиса.

--- Впрочем, вы можете называть его и иначе, --- заметил инквизитор. --- У него множество имен, но все они суть одно и то же. Прошу вас, лорд-библиарий, вы не можете просто взять и...

--- Вы ничего не знаете о Черной Чаше! --- взревел Мерчано. --- Какого бы черта вам ни понадобилось на Ванквалисе, но вы не постесняетесь вмешиваться в нашу работу!

--- О, лорд-библиарий, поверьте, я весьма многое успел узнать об этой самой Черной Чаше... во всяком случае, куда больше, нежели любой живущий на этом свете человек. И я просто не имею права позволить вам отправить этих людей на войну, в которой вы ничего не понимаете.

--- Позволить? Инквизитор, вы вообще не имеете здесь права голоса! Мне плевать на то, есть у вас этот жетон или нет! Черная Чаша суть зло, уже посетившее Ванквалис много столетий тому назад и обещавшее вернуться. Время пришло, и скверна должна быть

уничтожена. Никакого изучения, никаких плененных, никаких переговоров — только расправиться с ними раз и навсегда с помощью старого доброго болтера и ценного меча.

— Лорг-библиарий, вы и понятия не имеете, с чем столкнулись. — Зрачки Таггеуша расширились от страха.

— Вот в этом-то, инквизитор, мы с вами и отличается. Мне незачем понимать своего противника. Моя задача — всего лишь уничтожить его. И лучше вам, Таггеуш, не пугаться у нас ноггами, чтобы не попасть в список врагов.

Мерчано развернулся и направился к своим людям, уже слыша, как воины клянутся сразить Носителя Черной Чашы в честном поединке или же выйти на побережье Хирогрейва и провозгласить свободу жителей материка.

— Я даю вам последнюю возможность, лорг-библиарий, — произнес Таггеуш.

Мерчано оглянулся, опустив ладонь на рукоять силового топора.

— Инквизитор, вы предлагаете нам отпустить Черную Чашу? Многие из моих

братьев убили бы вас не задумываясь, едва бы вы озвучили эту мысль. Так как вы предполагаете, мне позвать их или же вы предпочтете решить этот вопрос лично со мной?

На секунду библиарию показалось, что Таггеуш сейчас выхватит оружие из-под полы своего плаща и примет вызов. Мерчано даже забыл о клятвах Воющих Грифонов; для него в зале остались лишь он и инквизитор — двое мужчин, готовых решить свои разногласия по старинке.

— Что ж, надеюсь, вам удастся исполнить свои обеты, — произнес Таггеуш, неожиданно понятившись от библиария, словно любой другой смертный. — И пусть Воющим Грифонам сопутствует победа.

Мерчано ничего не ответил, но просто воссоединился с остальными Астартес, чтобы и самому принести клятвы, которые должны были быть записаны и сохранены в соответствии с уставом ордена.

Мерчано пообещал, что Ванквалис будет спасен. И что Черная Чаша исчезнет

уже навсегда.

Глава десятая

--- Как отличить нам
друга от врага?

--- В конце времен лишь
боевые братья останутся
нашими друзьями.

Дениятос. Боевой
Катехизис

--- А я-то уж думал, брат, что ты
равно испустил дух! --- с нескрываемой
радостью, которую не могла отрачить
даже трагедия в Этеящейся лощине,
воскликнул Сарнедон.

Его голос отразился эхом от стен
пещеры, где Успивающие Души
оборудовали временный штаб. Командор
разговаривал по воксу, и сигнал был весьма
слабым, поскольку поступал с зависшего на
орбите «Сломанного хребта».

--- Сказать по правде, командор, еще
чуть-чуть, и ты бы оказался прав, ---
ответил Лигрис. --- Но на все воля

Императора, и я еще жив.

--- Где ты сейчас?

--- В руинах «Покинутой надежды», ---
ответил технодесантник. Его голос
хрипел, искаженный старинной вокс-
аппаратурой и атмосферой Ванквалиса. ---
Эту часть «Сломанного хребта» до сих пор
исследовал только я. Евмен и его люди
пытаются меня выследить, но я слишком
хорошо знаю это место.

Сарнегон обвел взглядом пещеру:
примитивные рисунки на стенах и черепки,
изображенные над входом. Она была
сокрыта в самой глубине джунглей ---
темная, сырая, заросшая мхом и
лишайниками, не видевшая представителя
разумной расы уже много веков подряд.

--- Что ж, Лигрис, у нас дела обстоят
не лучше, --- произнес командор. --- На земле
предателями руководит Греск. Они сумели
захватить древнюю крепость. Повсюду
слоняются орки. Проще говоря, тут сущий
бедлам.

Снаружи, прячась за природными
укрытиями в виде валунов и деревьев,
держали вахту Успивающие Души. Воины

обрабатывали раны, счищали с брони и
оружия грязь джунглей, совершали
персональные военные ритуалы. Их изрядно
потрепало, и поражение, так же как и
победа, было связано с весьма конкретными
традициями — молчаливые, уединенные
молитвы, стыд и гнев, надежды на то, что
Император даст еще один шанс исправить
ошибки, клятвы отомстить. В глубине
пещеры располагались руины небольшого
алтаря, а может, даже и саркофага
древнего предка ванквалийцев, где
апотекарий Карендин вправлял сломанные
конечности и занимался переливанием
крови.

— Библиарий Греск? Храни нас Трон,
я и подумать не мог, что он обратится
против тебя. Да и Паллас...

Вначале Сарнегон и сам был
шокирован тем, что Паллас примкнул к
восстанию Евмена, но, вообще-то, это было
вполне понятно.

— Теллос, — произнес командор. —
Паллас считал его своим другом. А я
подвел и Теллоса, и всех остальных.

— Мне удастся отслеживать

коммуникационные линии «Сломанного хребта», -- продолжил Лизрис, -- Евмен готовится забрать предателей с поверхности. Лишившись моей поддержки, они потратят как минимум пару дней на то, чтобы суметь задействовать варп-двигатели. Как только им это удастся, Евмен вышлет «Грозовые ястребы», чтобы подхватить и Греска, и всех прочих.

-- Стало быть, победу необходимо одержать за этот срок, -- произнес Уктинос, стоявший рядом и внимательно изучавший наскальную живопись. Стены были украшены примитивными изображенными батальными сценами -- гутаноидные фигуры сражались, стоя на грудах черепов. -- Иначе Евмен бросит нас подыхать здесь, среди бандитов и ксеносов.

-- А это значит, что у нас есть преимущество, -- сказал Сарнедон.

-- Как так? -- Уктинос даже отвернулся от стены.

-- Нам известно, чего хочет Евмен. Он намеревается вывезти остальных предателей с Неверторна. И до того он не сможет удрать. Это наш шанс вытащить

их из норы и заставить драться на нашем поле.

--- Значит, Сарнедон, ты еще не оставил надежду, --- произнес Уктинос.

--- Никогда Успивающий Души не станет пасовать перед опасностью, --- несколько резковато ответил командор. --- Это я привел орден на Неверморн и теперь не успокоюсь, пока не выведу его отсюда. У тебя, должно быть, плохо меня знаешь, если сомневаешься.

--- Ты винишь себя, --- сказал Уктинос. И это был вовсе не вопрос, но констатация факта. Капеллан еще не бросал Сарнедону вызов, но опасно подошел к этой грани.

--- Командовать --- значит принимать ответственность, --- ответил командор. --- Куда бы ни пришел орден, туда его завел я. Какие бы преграды ни вставали у нас на пути, я обязан справиться с ними. --- Интонации Сарнедона были резкими, и, казалось, он вот-вот потребует от Уктиноса извинений, но затем взгляд командора смягчился, и лидер Успивающих Души предпочел уйти от прямого конфликта. --- Этому меня научил Теллос.

Надеюсь, в конце концов он все-таки понял. Я должен был внимательнее относиться к нему, как и к Евмену, и к Палласу, и к Греску, и ко всем тем, кто сейчас восстает против меня. Я мог остановить все это еще давно... и просто обязан остановить сейчас.

--- Евмен не верит, что ты способен руководить орденом. --- Уктинос не ведает жалости. --- И скажи, со всеми этими сомнениями в твоей душе, откуда тебе знать, что он ошибается?

--- Это мой орден, --- заявил Сарнедон. --- Я отнял его у Горголеона и спас от скверны. Я избавил нас и от проклятия Абраксаса, и от Инквизиции. Я вывел Испивающих Души из Грейвенхолда. Нет и не было никого, кто был бы более достоин права командовать. У меня нет сомнений, Уктинос. И нет на свете ничего, что помешало бы мне спасти орден и исполнить план Императора. Это требует от меня лично проследить за тем, как будет завершено начатое мной... а стало быть, я должен остаться магистром.

В течение нескольких долгих мгновений два костических десантника сверлили друг друга глазами, точно готовясь сцепиться. Сарнедон не намеревался отступить, но и во взгляде Уктиноса из-под шлема-черепа читалось, что он не поспешит признать собственную неправоту.

--- Это и мой орган тоже, --- произнес наконец капеллан. --- И ты --- мой магистр. Я буду с тобой до самого конца. И в моей душе нет сомнений.

--- Командор, капеллан! --- Голос Лизриса, раздавшийся из voxа, определенно выражал облегчение, что хотя бы этого конфликта удалось избежать. --- Хотелось бы знать план.

--- Ах да, план, --- ответил Сарнедон. --- Лизрис, у меня для тебя имеется пара заданий. Во-первых, нам необходимы снимки крепости и ее окрестностей. Топографические данные. Сумеешь раздобыть?

--- Конечно, --- отозвался технодесантник. --- Я могу получить удаленный доступ к когитаторам, хотя и

не слишком наголо.

--- Во-вторых, скажи, у тебя есть доступ к взлетно-посадочным палубам?

--- Только к основным. И попасть туда будет не просто. За мной, вообще-то, охотятся, и ангары будут охраняться, но в моем распоряжении имеется несколько потайных дверей.

--- Хорошо, --- сказал Сарнегон. --- Мне нужно, чтобы ты уничтожил «Грозовые ястребы».

На нижних уровнях «Лазурного когтя» шла торжественная церемония в честь павших Воющих Грифонов. Величайших из героев поминали в таких местах, как Обитель Фүриозо, но за души простых боевых братьев, погибших ради свершения какого-либо подвига, молились на Палубах Памяти. Здесь были воздвигнуты мемориальные плиты, посвященные десяткам воинов ордена, окруженные империальными и гранитными скульптурами, изображающими десантников во всей их красе и регалиях. Каждая из композиций напинала о

Воюющих Трифонах, погибших в одной из войн или во время переломных моментов в истории ордена. Каждая из них связывала десантников с их прошлым.

Сейчас Taggeуш как раз шел по одному из таких залов, казавшемуся молчаливым и величественным каменным лесом. Со всех сторон на инквизитора взирали изваяния костогесантников.

Он успел изучить планировку «Лазурного когтя» еще в самом начале этого путешествия, поскольку понимал, что однажды может настать день, когда ему придется пробираться по кораблю тайком в поисках пути к спасению, уходя от преследователей. Он успел разузнать, что на «Когте» имеется ангар для резервных челноков и что сложнейшая электроника, встроенная в его печать инквизитора, скорее всего, сумеет открыть нужную дверь и позволит узнать один из них. Да, Taggeуш был инквизитором и потому привык всегда готовиться к наихудшему из возможных вариантов.

Он прошел мимо статуи Воющего

Трифона, сжимающего в каждой руке по
ценному мечу и устремившего в пол
печальный взор. В дальней стене виднелась
перекрытая массивными дверями арка,
ведущая к ангару. Еще пара минут, и
Таггеуш оставит «Лазурный коготь»
позади.

--- Инквизитор, --- раздался за его
спиной глубокий голос с командными
нотками.

Провернувшись на пятках, Таггеуш
увидел стоящего вдалье костического
десантника. Закованный в броню,
выкрашенную в золотые и алые цвета,
этот ярко выделялся на фоне серого
катенного леса. Судя по знакам различия и
обилию нанесенных на доспехи клятв,
этот воин принадлежал к отделению
Мерчано и был одним из ветеранов ---
глазами и ушами старшего библиария.

--- Никогда от них не спрячешься, ---
проборотал Таггеуш. --- Чертовы
Астартес. Клянусь, порой мне начинает
казаться, что они способны видеть даже
сквозь стены.

--- Инквизитор, --- продолжал Воющий

Трифон, --- распоряжением старшего библиария Мерчано вам запрещается покидать пределы отведенной вам каюты.

--- Неужели? И по какой же причине?

--- Он вам не доверяет.

--- Что ж, во всяком случае, лорд-библиарий честен, --- кисло улыбнулся

Таггеуш. --- А вы кто такой?

--- Рельнон, --- ответил десантник. ---

Мерчано отправил меня и еще нескольких братьев, чтобы отыскать вас. В последнее время вы начали избегать встреч с остальным экипажем, и я полагаю, что библиарий имеет все основания для недоверия.

Таггеуш осторожно перемещался, стараясь держаться так, чтобы от Рельнона его отгораживала мемориальная плита.

--- Я представляю здесь власть бессмертного Императора Человечества, --- заявил инквизитор, --- и Агентус Астартес обязаны повиноваться ей, нравится им это или нет. Одно мое слово способно обречь на гибель целые миры, --- обрат Рельнон, а властителей --- на

рабские цены.

--- Мы не собираемся оспаривать полномочия Инквизиции. Но здесь и сейчас вы просто обычный человек, да к тому же еще и одинокий. И власть исходит не от вашей печати, а вот от этого, --- погладил костодесантник ствол болтера, закрепленного у него на груди. --- Вы пытались сбежать, и это служит доказательством того, что ваши намерения противоречат планам Воюющих Грифонов. И более того, вы враг. Поскольку вы все еще остаетесь нашим гостем, лорд Мерчано посоветовал вначале попытаться взять вас живьем. Буду искренен, наш орден не часто бывает столь любезен со своими врагами.

--- Всеми виной то, что вы дали клятву, которую не способны сдержать, --- отозвался Тагдеш. --- Скажите, брат, что вам известно о Черной Чаше?

Эти слова несколько сбили Рельнона с толку --- костодесантник определенно ожидал, что инквизитор либо сдастся в плен, либо попытается атаковать, но не станет задавать лишних вопросов.

--- Черная Чаша --- это демон, ---

ответил Воющий Грифон. -- Порождение Варна, изгрудка Темных Сил. А Носители -- поклоняющееся ему отребье рода человеческого.

-- Когда-то давно они уже посещали Ванквалис и обещали, что однажды вернутся, -- сказал Таггеуш. -- Никто не знает ни куда они ушли, ни что с ними случилось, но память о Черной Чаше настолько глубоко отпечаталась в сознании жителей Ванквалиса, что это, видно, и в самом деле было нечто ужасное. Верно?

-- Инквизитор, что бы вы сейчас ни говорили, это никак не отменяет...

-- Брат Рельнон! -- крикнул Таггеуш. -- Так я прав?

Десантник не ответил. Вместо этого он сдернул болтер с груди и положил палец на предохранитель.

-- Его еще называют Граалем Проклятых, -- сказал инквизитор. -- Почти в половине Галактики отсюда, в скоплении Скорпанэ. А на Филакс Минор -- Обсидиановым Черепом. Там, кстати, рассказывают, что это кубок, вырезанный

из головы демона, и что любой испивший
из него будет жить вечно. Мерчано и
понятия не имеет, что здесь происходит,
как не знает этого и никто другой в
Галактике. И только мне удалось хоть
немного приблизиться к разгадке.

— У меня есть приказ, — произнес
Рельнон.

— Понимаю, — с некоторой грустью
ответил Таггеуш. — Но скажите, кем бы я
стал, если бы не попытался вначале
переубедить вас?

— Вначале?

— Вы прекрасно понимаете, о чем я.

— Без этого вполне можно обойтись,
инквизитор, — вздохнул Рельнон.

— Только если бы наша Галактика
была идеальной.

Костогесантник начал действовать
первым. Его рефлексы были куда
отточенней, нежели у любого обычного
человека, и Таггеуш едва успел упасть на
колени, когда над его головой просвистела
выпущенная из болтера короткая очередь,
расколовшая мемориальную плиту за его
спиной. Еще несколько выстрелов пришлось

в статую, и на пол рұхнұл обломок каменного меча, выдернутый из рұк изваяния.

--- Если получится, Тагдеш, я возьму тебя живым, но и о смерти твоей особенно жалеть не стану! --- закричал Рельнон.

Следующий выстрел чуть не лишил инквизитора ноги --- он едва успел нырнуть за статую.

Тагдеш сунул руку за пазуху своего широкого плаща и извлек модифицированный автоматический пистолет, украшенный бронзой и серебром. Передернув затвор, инквизитор дослал в ствол мощный патрон, а затем выкатился из укрытия, одновременно открывая огонь. Стрелял он вслепую, и пули летели по совершенно произвольным траекториям. Рельнону не понадобилось много времени, чтобы понять, что они не способны пробить его силовую броню, и костодесантник вновь вышел на открытое пространство, пытаясь взять на прицел свою жертву.

Щелкнув селектором, инквизитор отправил в ствол один особенный патрон ---

наследие археотехнологий, очень древнее и
очень дорогое. Начинка пули была
настолько сложной, что ее давно уже
никто не мог воссоздать. Когда за его
спиной стояла вся мощь организации,
Таггеуш мог себе позволить полностью
зарядить свой пистолет такими
боеприпасами, но те дни давно прошли. Он
берег эту последнюю пулю для особого
случая, и теперь, когда его жизни угрожал
Рельнон, инквизитор решил, что время
пришло.

Перекатившись от одной плиты до
другой, он выстрелил. Эта пуля тоже
пошла в молоко, но затем древние
технологии навели ее на цель, и заряд,
описав широкую дугу, устремился к
гесантнику.

Рельнон бросился в сторону, но было
уже слишком поздно — в его броне
образовалась глубокая дыра. Воющий
Трифон закричал от гнева и боли, когда
его изувеченная рука безвольно повисла, а
пуля принялась метаться под доспехами,
подобно разъяренному жуку, попавшему в
ловушку. Кровь костогесантника окропила

подножие нависшего над ним изваяния.

--- Предатель! --- взревел Рельнон, открывая неистовую пальбу и содрогаясь всем телом от многочисленных ран.

Заряды болтера разлетались пылающим веером. На пол начали падать статуи с подрубленными ногами, покатились по палубе отстреленные каменные головы.

Таггеуш низко пригнулся; прочная ткань его плаща прекрасно защищала от металлической шрапнели и кинжально-острых осколков обсидиана.

Унквизитор уже давно был одинок в этой Галактике и научился не доверять оружию, которое нельзя носить с собой постоянно, как привык и не считаться с расходами, когда речь заходила о приобретении чего-нибудь еще более смертоносного. Он понимал, что рано или поздно работа на дело Императора приведет к тому, что вопрос его выживания будет зависеть от того, сумеет ли он справиться с враждебным костическим десантником.

Таггеуш сделал еще несколько

выстрелов, расходуя уже совершенно обыкновенные патроны. Рельнон стоял на открытом пространстве, и пули били в его грудь и живот, но смогли разве что высечь несколько искр из брони.

Наконец боек пистолета сухозащелкал -- магазин был пуст. Тагдеш отбросил ставшее бесполезным оружие и извлек из-под плаща богато украшенную рукоять меча. Спустя мгновение из нее выплыл мерцающий клинок, и силовое поле создало вокруг него причудливые завихрения в воздухе. Рельнон исчез из виду -- теперь сражающихся мужчин отделяли друг от друга несколько метрических плит.

-- Надо было сразу тебя прибить! -- кричал Воющий Грифон, и его голос угрожал не столько от боли, сколько от гнева. -- Мерчано не стоило позволять тебе подниматься на борт! Надо было просто выбросить тебя через чертов воздушный шлюз!

-- Скажи я вам тогда правду, вы именно так бы и поступили, -- заметил Тагдеш, продолжая красться за

статуи, сжимая в руке меч. Он слышал
поступь Рельнона, находящегося буквально
в нескольких метрах от него. -- Я делаю
то, что должен. И ложь моя идет на благо
великой правды.

-- Мой Император правит с Золотого
Трона, -- парировал десантник, -- а ты и
тебе подобные восседаете на троне лжи.

Оба пытались отвлечь внимание друг
друга и получить тем самым
преимущество. Инквизитор настороженно
прислушивался к лязгу, с которым
бронированные сапоги Рельнона ступали
по полу. Теперь противников разделяли
только две статуи.

Таггеуш первым сорвался с места и
выскочил в проход между двумя плитами.
Ему навстречу бросился косяк десантника,
распрямляясь во весь свой рост и заноса для
удара боевой нож.

Свое фехтовальное мастерство
инквизитор перенял у культистов смерти,
служивших лорду Голдо, когда сам
Таггеуш еще ходил у того в младших
дознавателях. Стремительным, резким
движением он отразил удар, остановив

вражеский клинок, метивший в его сердце, и посмотрел в лицо Воющему Трифону — инквизитор видел ненависть в глазах огромного воина, обонял запах крови, сочащейся из многочисленных ран.

Клинок в руке Таггеуша распался на десятки мерцающих осколков, запорхавших в воздухе подобно рою смертельно опасных бабочек. Рельнон понялся, когда их мономолекулярные пластины вспороли керамит его доспехов, оставляя глубокие порезы на лице, вонзаясь в тело и выходя из спины. Затем заряд в осколках начал заканчиваться, и они один за другим попадали на пол, хотя последний еще долго кружил вокруг отмахивающегося костодесантника. Таггеуш поспешил воспользоваться выигранным временем и, откатившись в сторону, пробежал мимо трех скульптурных композиций, за последней из которых и укрылся.

Не удержавшись, инквизитор поднял взгляд и посмотрел на лицо возвышающейся над ним статуи. Это было изображение воина с высоким воротником и искусно украшенным силовым мечом

библиария. На секунду Таггеуш вспомнил о древних традициях Воющих Грифонов и о том, сколь многие из них он нарушил, солгав Мерчано о причинах, заставивших его взойти на борт «Лазурного когтя». Унквизитора даже посетила шальная мысль, а не хоронят ли Грифоны своих мертвецов под этими мемориальными плитами? Быть может, там лежат саркофаги, хранящие скелеты костических десантников, слепо вззирающие на него сейчас своими пустыми глазницами и проклинаящие за осквернение их последнего пристанища.

Таггеуш отогнал от себя посторонние мысли. Сейчас было не время и не место для сомнений. Рельнон наверняка уже успел вызвать подкрепление. Действовать надо было быстро.

— Унквизитор! — крикнул десантник. — Ты не сможешь убить меня! Ты же простой человечиска. А мы — правая рука Императора. И таких, как я, на этом корабле целых три сотни. Ты заперт, точно крыса в клетке. Конечно, мы предадим тебя суду и обязательно казним.

но обещаю, твоя смерть будет быстрой и
неунизительной. Сдавайся. Второй
возможности у тебя уже не будет.

--- Имперские инквизиторы никогда не
просят о второй возможности, --- ответил
Таггеуш.

Конечно, эти слова были пустым
звукот, просто ему захотелось заполнить
хоть чем-то звенящую от ненависти
пустоту. Казалось, оба противника
понимали, что очень и очень скоро смерть
заберет одного из них.

--- Не знаю, какие планы ты строишь
насчет нас, --- произнес Рельнон, --- или что
искал на этой планете, но это определенно
не имеет ничего общего с делом
Императора.

Костогесантник снова пришел в
движение, преследуя инквизитора.

Таггеуш услышал, как противник
щелкает селектором болтера, --- Рельнон
больше не собирался рисковать, вступая в
рукопашную.

Меч уже восстанавливался, осколки
растаяли и, подобно ртути, потекли по
полу обратно к рукояти, но Таггеуш

понимал, что второй раз тот же трюк не
пройдет. Клинок этот он раздобыл у
последователей ксенокульта,
действовавшего на галактическом
востоке, и с тех пор никогда не
расставался с этим оружием, зная, что
рано или поздно оно спасет ему жизнь. Как
только меч восстановился, инквизитор
деактивировал его и убрал обратно в
чехол.

--- Умри!

Рельнон мчался к нему, прорываясь
прямо сквозь лес статуй. Обсидиановые
изваяния Воющих Трифонов с ужасающим
грохотом валились на пол, раз за разом
оглушительно кашлял болтер.

Таггеуш даже не шелохнулся. Он даже
не пытался спрятаться или откатиться в
сторону -- все это было бы бесполезно.

Вокруг него вспыхнули яркие, почти
ослепительные огоньки. Конверсионное
поле, создаваемое археотехнологиями,
сокрытыми в древнем атүлете под его
плащом, было способно защитить от трех
или даже четырех очередей, выпущенных
из болтера. Это устройство также

появилось у Тагдеша еще в те времена, когда он мог рассчитывать на поддержку собратьев-инквизиторов, и опять же, уже тогда он понимал, что однажды оно дарует ему несколько лишних секунд жизни.

Он нашарил пальцами небольшой, кажущийся совсем безобидным, похожий на монетку кружок и, сорвав его с пояса, вдавил большим пальцем кнопку взвода. Пока силовое поле продолжало искривляться, спасая Тагдеша от гибели, миниатюрная граната врезалась в статую и взорвалась.

Изваяние библиария разлетелось на куски, обрушив на голову брата Рельнона град каменной шрапнели. Так и не причинив инквизитору вреда, десантник рухнул на пол, не добежав буквально нескольких шагов, и болтер покатился по плиточному покрытию палубы.

Свет конверсионного поля угас, и Тагдеш заторгал, привыкая к вновь воцарившемуся полумраку. Он посмотрел на Рельнона, который бился в конвульсиях, хрипел, но все равно пытался дотянуться до болтера.

Каменный силовой меч, который прежде сжимал памятник, вонзился в грудь и пригвоздил его к полу. Тагдешу хватило даже безлого взгляда, чтобы понять: обломок пробил легкие и разорвал достаточно внутренних органов, чтобы прикончить даже Астармес.

Рельнон утирал. Он был весь перемазан кровью, вытекающей из нескольких десятков небольших ран. Она струилась и по его губам, и по подбородку, выбрасываемая легкими, все еще пытающимися дышать.

— На все воля Императора, брат Рельнон, — произнес Тагдеш, прежде чем отвернуться от утирающего и направиться к дверям ангара.

Давным-давно, когда он был еще всего лишь юным дознавателем, фанатично преданным делу Инквизиции, он не смог бы принять убийство верного слуги Императора как необходимое зло. Но с тех пор Тагдеш стал намного мудрей.

Внутри обветшавшей крепости

царила полнейшая разруха. Со стен свисали выцветшие знамена завоевателей Ванквалиса, предков дома Фалкен, покрытые сырыми потеками от неперестанно заливающего сквозь дыры в потолке дождя. Ткань полотнищ местами была разорвана и оплетена корнями и лишайниками, пробравшимися в здание. Скауты и те костические десантники, кто перешел на сторону Евмена, держали караул, стоя по краям зала, некогда служившего командным центром для войск Фалкенов, покорявших тогда еще девственные джунгли Неверторна. Сержант Текүлар охранял проход — толстые металлические двери давно проржавели насквозь, и через дыры можно было видеть заполненные затхлой водой ямы в рассыпающемся рокрытовом покрытии двора.

— Скаутам наверху удалось установить антенну, — доложил Текүлар.

— Уже вижу сигнал, — отозвался библиарий Греск, сидящий в центре зала перед полевым воксом, достаточно мощным, чтобы иметь возможность

связаться со «Сломанным хребтом», даже не выходя из крепости. -- Мостик? Мостик, ответьте. Говорит Греск.

-- Евмен на связи, -- раздался из динамиков голос. -- Я следил за вашими действиями с орбиты.

-- Тогда вам уже известно, что нам удалось взять верх над Сарнедоном. Мы сможем удерживать укрепления еще как минимум сутки, прежде чем он произведет перегруппировку своих войск и попытается снова напасть... если, конечно, не постелится на этот шаг. Мы ждем эвакуации.

-- Вот это-то, библиарий, меня и смущает.

-- О чем ты говоришь, Евмен? Мы же победили.

-- Испивающие Души были отброшены обратно в джунгли. А это означает, что они по-прежнему живы. Греск, приказ был четким. Ты должен был удерживать их под стенами и не позволять прорваться в ворота, чтобы мы могли уничтожить их орбитальной бомбардировкой.

-- Евмен, я сделал что смог. Сарнедон

бежал прежде, чем «Сломанный хребет» успел открыть огонь. И я подал сигнал к обстрелу сразу же, как...

--- Да, Сарнедон бежал, Греск, а должен был продолжать бой. Не могу найти причин, с чего бы он вдруг передумал штурмовать ворота. Я видел, как вы с ним разговаривали, спокойно стоя друг против друга, хотя должны были сцепиться не на жизнь, а на смерть. И тогда я задал себе вопрос, почему же это Сарнедон отказался от своей затеи и почему десантник, поклявшийся мне в верности, ведет переговоры с тем, кого я приказал убить? Сдается мне, что ответ на этот вопрос может быть только один.

Греск вздохнул. Он был подлинным ветераном ордена, --- быть может, его псайкерские способности и не были так сильны, как у того же Сарнедона, но зато за ним стоял опыт многих десятилетий. Однако в этом новом мире от них все равно проку было мало. И старый орден, и Успивающие Души Сарнедона ощущали единство, сплоченность ради общей цели. Теперь же вокруг было только

предательство. Евмен был ветераном интриг, а Греск — зеленым рекрутом.

— Достаточно и того, — заявил библиарий, — что Сарнедон останется в джунглях. Скорее всего, ему никогда не удастся покинуть планету, а если он даже и сумеет, все равно к тому моменту мы будем уже далеко.

— Ты отпустил его.

— Да, Евмен, отпустил. Быть может, ты еще не очень хорошо понимаешь, чем живет наш орден, но тебе следует знать, что на свете существует такое понятие, как «верность», и оно не так-то легко забывается. Эти люди были твоими братьями по оружию. Их незачем убивать.

— Напротив, это совершенно необходимо! — Гнев в голосе Евмена был очевиден, несмотря даже на помехи орбитальной трансляции. — Сарнедон наш враг! Неужели ты полагаешь, что орден уверует в наши цели, если мы станем так просто отпускать врагов?

— Евмен, я присоединился не потому, что верю в твои цели, — ответил Греск. —

Я сделал это исключительно по той причине, что не мог больше смотреть, как Успивающие Души идут к своей гибели. И только это смогло заставить меня поднять оружие против Сарнегона. Я сделал это ради спасения ордена. И ты не сможешь заставить меня убивать моих собственных братьев, Евмен. Настолько далеко моя верность не распространяется.

--- Значит, ты вовсе не верен мне, --- угрожающим тоном произнес Евмен.

--- Послушай, это вовсе не то, что я...

--- Сарнегон должен умереть. И если ты, библиарий Греск, не способен это принять, то в будущем Успивающих Душ тебе нет места.

Греск уже собирался ответить, когда услышал какое-то движение у себя за спиной. Оглянувшись, он увидел нависшего над ним сержанта Текулар и отряд скаутов, растянувшийся полукругом. Их болтеры были сняты с предохранителей.

--- Так как порешим, Греск? --- спросил Текулар.

--- Я не...

--- Все ты понимаешь. Если

собираешься утянуть за собой кого-то из нас, можешь попытаться. Или же ты сделаешь все быстро.

Греск немного помолчал, взглядываясь в лица скаутов. Все они были совсем юными рекрутами из недавно посещенных Испивающими Души миров — детьми угнетенных и измученных народов. Библиарий даже не знал их имен.

— Что ж, — произнес он. — Если вы верите, что выполняете работу Императора, так тому и быть. Не теряйте времени.

Геклар поднял болтер, и его примеру последовали скауты. Конечно, Греск, скорее всего, успел бы убить многих из них, но в этом не было смысла. Библиарий даже не мог сказать теперь, на чьей он стороне, и такая смерть казалась ничем не хуже любой другой.

Стоя на мостике, Евмен услышал, как в старой крепости на Ванквалисе прозвучал болтерный залп. Но лицу командира мятежников нельзя было с уверенностью определить, испытал он

хоть какие-то эмоции при звуках зарядов, ломающих керамитовую броню и взрывающихся в плоть, или когда раздался грохот закованного в доспехи тела, повалившегося на пол.

— С ним покончено, — прозвучал голос Текулара.

— Держите меня в курсе, — произнес Евмен, прежде чем прервать связь.

На мостике установили новое оборудование, и теперь недавний скаут стоял, окруженный гудящими когитаторами, а также мерцающими дисплеями и пикт-экранами, служившими единственным источником света в погруженной в темноту сфере. Лицо Евмена озарялось красными и зелеными бликами, но главный экран был отключен — лютенежник не желал, чтобы его отвлекала от размышлений лишняя информация.

Двери открылись, и в зал вошел Тидей — тот самый Тидей, что был вторым после Евмена, когда они вели отряд скаутов по Грейвенхолду, и который сохранял тот же статус и сейчас. Более

того, все сообщения, поступавшие к Евмену, вначале проходили через руки его заместителя. В конце концов, новый магистр ордена просто не мог позволить себе тратить время на каждую мелочную проблему.

--- Хорошо, что ты пришел, --- произнес Евмен. --- Мы уладили ситуацию в крепости. Пора нам уже убираться из этой проклятой системы. Готовьте двигатели к варп-переходу. И отправьте «Грозовые ястребы» за братьями, оставшимися на планете.

--- За этим я и пришел, Евмен, --- ответил Тидей, и в голосе его прозвучали неуверенные нотки. --- На летные палубы проник посторонний.

Сгорбившись возле одного из челноков, технодесантник прикрепил взрывчатку к керамитовому покрытию прямо над двигателем. Лизрис знал устройство «Грозовых ястребов» как свои пять пальцев и был способен даже самым слабым зарядом, предназначенным для технических работ, уничтожить главный

топливный контур и превратить боевую машину в бесполезный хлам. И что куда важнее, он знал на «Сломанном хребте» прекрасно сохранившуюся инженерную палубу, где можно раздобыть необходимые для саботажа инструменты.

Раздался приглушенный звук взрыва, выведшего из строя очередной «Громоподобный ястреб», и на пол летной палубы со звоном посыпались опаленные кусочки металла. Но правде сказать, ангар скорее напоминал арену для боев, одну из стен которой по какой-то невообразимой причине затенял огромный люк воздушного шлюза. Над основной палубой поднимались ряды зрительских кресел с отдельными ложками для особо важных персон и туннелями, уходящими к лабиринту камер и клеток, используемых Испивающими Души в качестве складов для хранения запчастей и топлива. Что на самом деле происходило на этой арене, до того как корабль вплавился в общий остов, оставалось одной из многих тысяч тайн «Сломанного хребта».

Техногесантник

поместил

детонатор в центр круглого заряда и щелкнул активатором. Затерцал огонек, оповещающий, что устройство готово, --- еще один тумблер запускал таймер.

--- Лизрис, --- раздался слишком знакомый голос за спиной техногесантника, тот развернулся на месте, вскидывая болтер, но говоривший успел укрыться за одним из выведенных из строя «Грозовых ястребов».

Всего на летной палубе находилось более дюжины боевых машин, огни из которых перешли по наследству от старого ордена, а другие были захвачены на тирах-кузницах и полях сражений, и массивные бронированные корпуса челноков закрывали обзор.

Техногесантник узнал голос в ту же секунду, как услышал, и внутри у него все похолодело.

--- Лизрис, они окружили тебя. Люди Евмена уже идут. Они будут здесь буквально через несколько секунд.

--- Все равно они опоздают, --- откликнулся техногесантник. --- Моя работа завершена. Предатели будут

заперты на Ванквалисе так же, как вы планировали запереть Сарнегона. Так что, Паллас, дружки Евмена могут теперь убивать меня, сколько им вздумается.

Паллас вышел из-за «Протового ястреба» — гениальный аптекарий, талантливый ученый и хирург, сыгравший ключевую роль в спасении Успивающих Души от мутаций, насланных демон-принцем Абраксасом. С ним умерла бы частичка сути Успивающих Души.

— Нисрий уже близко, — сказал Паллас, — и ты не сможешь долго от него прятаться. А за ним идут и другие. Евмен способен заполнить всю эту арену верными ему воинами.

— И ты ожидаешь, что я сдамся? — Лигрис не разжимал ладони на рукояти оружия.

Когда-то аптекарий заслуживал безоговорочного доверия, но теперь стал врагом. Технодесантник разрывался между желанием убить собеседника и говорить с ним так, словно тот до сих пор оставался его братом.

— Нет, — произнес Паллас, поднимая

правую руку, заключенную в перчатку
нартециума, содержащую десятки
крошечных игл и хирургических
инструментов, необходимых для полевых
операций. Из нее выдвинулся единственный
серебряный шип.

--- «Милость Императора».

Лизрис поперхнулся от
неожиданности. «Милость Императора»
оказывалась тем космогесантником и их
союзникам, кто получил слишком
серьезные раны, от которых уже нельзя
было оправиться. Острый шип,
выстреливаемый мощной пружиной,
вонзался в основание черепа, обеспечивая
быструю и безболезненную смерть.

--- Паллас, ты не можешь...

--- Я не знаю, что они с тобой
сделают, --- торопливо прервал его
апотекарий. --- Мне известно, что в
библиотеке Нисрий тренировался
открывать сознание пленников и
проводить дознание. Они как минимум
постараются заставить тебя говорить.
Им необходимо получить как можно
больше информации о «Сломанном

хребте», и ты единственный, кто ею владеет. Я не могу вернуться к Сарнедону, во всяком случае не сейчас, но могу предотвратить страдания друга. В моих силах все это закончить.

— Нет, Паллас, — покачал головой Лигрис, — я не сдамся и не предам свой орден.

— Тогда держись со мной! — рявкнул апотекарий, но в голосе его было больше печали, нежели злости. — Если утреши ты, то я буду считать, что избавил тебя от страданий. Если я...

— То избавлен от страданий будешь ты, — закончил техногесантник. — И тебе больше не придется нести ответственность за сделанный выбор. Не придется смотреть в глаза своим друзьям, зная, что ты их предал. Я бы с тобой так не поступил.

— Будь ты проклят, Лигрис! Это единственный выход! Евмен не допустит, чтобы все это прошло безболезненно для нас обоих!

— Паллас, ты сам привел себя в эту ловушку. И только ты можешь найти свой

выход из нее.

Апотекарий взревел в отчаянии и гнев, и Лигрис был уверен, что увидит слезы в его глазах, когда Паллас отвел назад перчатку нартециума и бросился в атаку. Техногесантник успел упасть на палубу буквально за долю секунды до того, как стальной шип «Милости Императора» мог бы вонзиться в его череп; в результате клинок глубоко вошел в борт «Грозового ястреба».

Серворука, вмонтированная в ранец Лигриса, вытянулась, сжалась на голове Палласа и рывком развернула того спиной к техногесантику. В ответ аптекарий ударил локтем назад, и оба воина повалились на пол, борясь за свои жизни в тени «Грозового ястреба».

--- Ну же! --- крикнул Паллас. --- Закончи все сейчас!

Лигрис опрокинул аптекаря на спину и взгромознулся сверху. Боевые инстинкты заставили его приставить ствол болтерного пистолета к лицу противника.

Палец техногесантника опасно

напрягся на спусковом крючке. Паллас был врагом. Но ведь и братом тоже. Прежние методы отличия одного от другого здесь не действовали. И, поскольку аптекарий был уже повержен и ждал смерти, Лизрис просто не знал, что ему делать.

Паллас же почувствовал эту неуверенность. Он ухмыльнулся и сбросил техногесантника с себя, полоснув клинками, выброшенными пружиной из нартециума. Лизрис откатился в сторону и едва успел подняться, пошатываясь и опираясь на борт челнока, когда вновь пришлось уворачиваться от удара. Пытаясь сохранить равновесие, техногесантник вцепился в выступ турбины, и перчатка нартециума заскрежетала по керамиту брони, высекая искры.

Не останавливаясь, Паллас провел подсечку и сбил соперника с ног; вытавший из рук Лизриса болтер покатился по палубе.

--- Никому из нас не суждено спастись, --- произнес аптекарий. --- Все кончено. Если ты не готов избавить меня

от мучений, то я избавлю тебя, брат.

«Милость Императора» уже была взведена и готова к удару, и Лигрис, распростертый на полу и обезоруженный, практически не имел возможности защищаться.

Прогрел взрыв — это практически в паре сантиметров от головы Палласа сработал заряд, взведенный техносантником буквально секунду назад. Апотекарий рухнул на палубу, на мгновение скрывшись в облаке искр и осколков; из разрушенного двигателя вырвались клубы дыма. «Громовай ястреб» накренился, нависая над лежащим под ним Палласом.

Лигрис поднялся на ноги и подобрал болтерный пистолет. Он видел металлические осколки, глубоко вонзившиеся в лицо и шею апотекария, пробившие броню на груди и наплечнике. Лицо старого десантника почернело от копоти, из многочисленных порезов сочилась кровь. Паллас едва заметно подергивался — он был без сознания, но еще не мертв. Как и рассчитывал

техногесантник, взрыв обезвредил его противника, но был не настолько мощным, чтобы покончить с костическим гесанником.

Но палубе загрохотали тяжелые сапоги — Нисрий и прочие лютыежники прибыли, чтобы окружить и убить Лигриса. Но тот слишком хорошо знал летнюю палубу «Сломанного хребта»... знал так, как никто другой.

Оставив Палласа лежать на полу, чтобы его могли найти остальные, Лигрис отбежал и, наклонившись над решеткой водостока, выдернул ее серворучкой. В следующее мгновение он уже спрыгнул в трубу и оказался в темноте складских помещений, некогда использовавшихся в качестве камер для гладиаторов, или рабов, или хищных ксеносов, содержащихся здесь перед тем, как выставить их на потеху толпы. Техногесантник еще помнил те дни, когда помогал очищать эти клетки, вынося из них ветхие черепки, сложенные в доходявшие до самого потолка пирамиды, — память о тех временах, когда этот корабль еще не слился со

«скитальцем». Лизрис немного потел, прежде чем опустить за собой решетку.

Рядом открывался широкий трапный коридор, ведущий к уже давно опустевшей топливной барже в глубине «Сломанного хребта». Лизрис с легкостью смог бы по памяти нарисовать карту туннелей и труб и потому знал, что, если потребуется, будет скрываться здесь дни, недели и даже годы.

--- Конца не будет, --- заявил он себе, прежде чем снова раствориться во мраке.

Глава огуннацатая

--- Кого мы можем назвать союзниками в бесконечной войне против скверны?

--- Никого, кроме самих себя, наших душ и дисциплины, наших тел и оружия в наших руках.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

В холмах над Змеящейся лощиной бурлила оживленная деятельность. Клань собирала своих бойцов, и орочьи крики далеко разносились над джунглями --- каждый из родов гордился своими славными традициями, особенными боевыми кличатами и песнями, собственными жестокими воинскими церемониями --- от причинения самим себе ритуальных увечий до кровавых жертвоприношений. На одной вершине тысячи орков дружно распевали, наблюдая

за тел, как древний, угрюмый годати
шаман загадет на внутренностях
зарезанного раба. На поляне,
превратившейся в бойцовский ринг,
сражались два могучих воина, решая давно
назревший конфликт и пытаясь порвать
друг друга глотки огнито только руками
и зубами.

Над высотами развевались знамена
десятков разных племен: сжатый кулак;
меч, пронзающий череп; стилизованное
изображение ружья — с деревьев свисали
всевозможные стяги, разрисованные
красками и кровью. В естественных для
себя условиях кланы давно бы сцепились,
воюя друг с другом, поскольку именно для
этого и были рождены орки. Но на
Неверторне они действовали заодно. Былая
вражда выражалась лишь в отдельных
потасовках да единичных убийствах, но
полномасштабные стычки пресекались.
Сейчас ненависть зеленокожих была
направлена вовне, на людей, подобно
тараканам размножившихся на планете.

Вожак знал, что без него орда давно
бы распалась на множество враждующих

фракций и люди опять одержали бы победу. Человечество стало действительно опасным врагом, что, впрочем, делало их также и замечательным противником, поскольку орки не различали эти два понятия. Не имело значения, сколько солдат ты убьешь, Империя всегда была готова прислать корабли, набитые еще большими числом людишек, жаждущих мести. Человечество распространялось подобно сорной траве, подобно моровому поветрию, и казалось, что мир невозможно очистить от него. Для зеленокожих эти создания были уже не простыми, но самыми любимыми врагами, каждая стычка с которыми неизменно доставляла глубинное удовольствие. Оркам нравилось воевать с людьми, потому что победой и в самом деле можно было гордиться.

И вожак собирался очистить от этого врага всю планету. Он собирался сделать с обитателями Ванквалиса то же, что Империя уже совершил на бесчисленном количестве орочьих миров. Ему было совершенно безразлично, что

станет с этими местами потом, -- важна была только победа. И она причинит такую боль, что память о вожаке сохранится в веках. Он обретет бессмертие, обещанное богаты великим воином, -- он будет жить в человеческих сердцах, в которых поселит нескончаемый страх.

Решительным шагом гигант пересекал возведенный на скорую руку лагерь. Орга собралась практически полностью -- присутствовали многие и многие тысячи орков. Уже к рассвету все они будут жаждать войны. Чудаковатые инженеры, охваченные безумным вдохновением, либо чинили старые боевые машины, либо мастерили новые из поваленных деревьев и украденных запчастей. Медики, столь же сумасшедшие, занимались ранеными, заменяя конечности и удалая пострадавшие органы, -- вопли их пациентов топили в грохоте боевой техники и ритуальных песнопениях.

Вожак шел по лагерю, почти не обращая внимания на восторженные крики

и шумные приветствия. На одном дереве он заметил распятого человека, которого истязали орки и рабы. Другие вражеские солдаты, уже мертвые, либо свисали с ветвей, либо лежали, сваленные в стергающие кровавые груды. Впрочем, их товарищи по-прежнему удерживали джунгли и, хотя понесли большие потери в предыдущих сражениях, все еще располагали значительными силами.

Конечно, с точки зрения остальной орды, люди бежали от орков, словно побитые псы, и потерпели разгромное поражение, но вожак знал, что противник уже выслал разведывательные отряды и следит за его армией, что далеко не все боевые столкновения зеленокожим удалось выиграть. Командир человеческой армии был достоин уважения как противник уже хотя бы потому, что категорически отказывался признать поражение. Но орда все равно была слишком велика, и можно было быть уверенным в том, что любой, кто попытается противиться воле ее лидера, погибнет, пригвожденный к дереву, утопленный в грязи или заточенный до

смерти любым другим способом. Пленный солдат наконец испустил дух, и рабы тут же, стащив на землю, принялись разделять его труп на мелкие куски.

Чуть дальше деревья расступались, позволяя окинуть взглядом всю протяженность джунглей, отделяющих орду от северо-западного побережья. Существом более эмоциональным этот вид показался бы захватывающим дух — потрясающий зеленый пейзаж, лишь кое-где нарушаемый проступающими сквозь густую листву скальными вершинами и темными лентами извилистых рек Неверторна. Но вожака мало волновали подобные глупости. Во всех открывающихся взгляду красотах его интересовала лишь конечная цель — побережье, узкая серая полоска на самом краю горизонта. Уже очень скоро орочью жажду войны станет невозможно сдерживать, они начнут требовать битв, и вожак воспользуется этим моментом, чтобы направить орду к далекому морю. Он знал, что навыков его инженеров и местной древесины вполне хватит для

того, чтобы осуществить переправу.

И они захватят Хирогрейв. До сих пор орда успела лишь едва распробовать вкус войны, вступая в скучные перестрелки с малочисленными войсками, предпочитавшими бежать при появлении зеленокожих или устраивать засады. Но в городах Хирогрейва ждали миллионы — даже миллиарды — людей, испуганных и готовых к забой. Человеческим войскам больше нечего было противопоставить орде. Вся увертюра должна была занять не более нескольких дней, а затем орки смогут подлинно насладиться убийствами.

Вожак повернулся к своим войскам, распевающим гимны и валящим лес. Никто из орков не мог в полной мере понять, что движет их предводителем. Им была чужда почти священная ярость, кипевшая в его душе. Он не мог успокоиться до тех пор, пока весь Хирогрейв не утонет в крови. Быть может, в этой финальной бойне они наконец осознают, что орки живут, чтобы убивать.

Сила, с которой десантный модуль
врезался в землю, наверняка бы переломала
простому человеку все кости, но старший
библиарий Мерчано даже на мгновение не
сбилсЯ, декламируя «Молебен ненависти».

--- ...ибо Враг столь же внутри нас,
сколь и вовне, и потому мы должны
стремиться к полнейшей победе, ---
продолжал вещать библиарий.

Командное отделение сидело, склонив
скрытые под шлемати головы, внимая его
словам. Одно из мест, снабженных
гравикомпенсаторами, пусто было,
поскольку брат Рельнон погиб, пытаясь
препятствовать побегу с «Лазурного
когтя» инквизитора-отступника

Таггеуша.

--- И только в победе прославляет мы
Императора. И только подлинная
ненависть способна даровать нам ее.

--- Только подлинная ненависть, ---
эхот отозвался дружный хор голосов.

В ту же секунду сработали взрывные
болты, и спускаемый модуль раскрылся.

Мерчано понадобились считанные
секунды на то, чтобы отстегнуть ремни и

выпрыгнуть наружу, сжимая рукоять силового молота. За ним, готовя к бою болтеры и ценные мечи, последовали и остальные — восемь ветеранов Воющих Грифонов, чья броня была испещрена клятвами и метками убийств.

Десантный модуль упал точно там, где и планировалось, — на склоне невысокого холма неподалеку от змеящейся лощины. Заросли здесь были не такими густыми и не препятствовали безопасному раскрытию створок. Многие модули уже приземлились, и выбравшиеся из них Воющие Грифоны формировали боевые порядки и разворачивали оборонительный периметр среди высоких деревьев.

Мерчано тут же оценил обстановку. В джунглях легко было оставаться незамеченными, но в то же время они ослепляли и самих космодесантников, позволяя врагу неожиданно окружить Воющих Грифонов. В этих условиях залогом победы становилась скорость, поскольку неприятель наверняка испытывал определенные затруднения.

перемещающаяся по столь сложному ландшафту.

--- Лорд-библиарий, --- окликнул капитан Дарион, подбегая к отделению Мерчано. --- Периметр обеспечен. Враги не обнаружены. Показания сенсоров четкие.

--- Тогда нам стоит сниматься отсюда и двигаться как можно быстрее, пока орки не обратили на нас внимания и не начали преследовать.

Дарион протянул информационный планшет, на который была выведена топографическая карта района.

--- Последний анализ выявил присутствие кострических десантников примерно в семи километрах отсюда, --- произнес капитан и указал яркую отметку на схеме. --- Если зайти с востока, то у них за спиной окажутся труднопроходимые территории --- болота и река.

--- Они обороняют какие-либо укрепления?

--- Никак нет. Просто джунгли.

--- Значит, они не собираются задерживаться здесь надолго. И это даже хорошо, что наши враги называют себя

костическими десантниками. Они
сражаются по тем же правилам, что и
мы. А это значит, что мы сумеет
просчитать каждый их шаг.

Рядом врезались в склон еще
несколько модулей, вздымая фонтаны
грязи. Створки раскрылись, и наружу
высыпало еще больше Воющих Трифонов.
Капитан Борганор высвободился из ремней
и принялся собирать вокруг себя бойцов
Десятой роты. Непогалеку начали
приземляться спускаемые челноки ---
прямоугольные коробки, значительно
превышающие размерами десантные
модули, падающие с орбиты, подобно
кометам. В небо взмыли стаи птиц,
нанужданных хрустом ломающихся ветвей и
шелестом осыпающейся листвы.

Челноки, опустившиеся в джунгли, не
несли в себе десантников. Когда их люки
откинулись, стали видны бронированные
борта боевых машин, выкрашенных в цвета
ордена и отмеченных геральдическими
символом в виде разъяренного грифона ---
такого же, какой красовался на наплечнике
каждого из высадившихся Астартес.

Заведя моторы, бронетехника начала выкатываться из железных коробов. Бронетранспортеры класса «Рино», танки «Хищник» и личный «Лендрейдер» самого Мерчано. Дополнительно на планету были доставлены бульдозерные ковши и усилители лобовой брони, необходимые для преодоления густых джунглей Неверторна.

— Я уже подумывал, — произнес капитан Дарион, — что Воющие Трифоны никогда не сумеют исполнить некоторые клятвы. Мне казалось, события, связанные с Черной Чашей, настолько древние, что нам уже никогда не представится возможности поквитаться.

— Что ж, теперь ты станешь лучше понимать путь Воющих Трифонов, — откликнулся Мерчано. — Границы, неприступные для обычных людей, не смогут сдержать нас. И если мы что-то обещаем, то исполним, даже если для этого придется сразиться с самим временем. Дарион, мы никогда не опускаем рук. Не отступаем ни перед кем и ни перед чем.

— Разумеется, — сказал капитан. —

Как я понимаю, вы также поклялись и
выследить Таггеуша?

--- Нет, --- произнес Мерчано. --- Когда я
прикончу его, это станет простой
местью.

Тем временем бронетехника успела
приблизиться к их позициям, и отряды
костических десантников уже
распределялись по «Рино» и
«Лендрейгерал». К командному отряду
подкатился их особенный «Лендрейгер
Крестоносец», ощерившийся стволами
автоматических болтеров, установленных
на боковых турелях, и сержант Оссекс
приказал бойцам занимать места.
Мерчано, забравшись внутрь последнего,
сел напротив экранов, куда выводились
данные, поступающие от других отрядов.
Судя по показаниям одного из пиктов,
высадка и подготовка к отправлению
заняла от силы несколько минут ---
скорость, о какой офицеры Гвардии могли
только мечтать.

Воюющие Грифоны были лучше любой
армии и в прошлом, и в будущем
Банквалиса. И они прибыли сюда с

миссией, исполнить которую требовал от них долг и священная ненависть, горевшая в сердце каждого истинного костического десантника. Когда его боевая машина, ревя моторами, встала во главе колонны, Мерчано уже не сомневался, что его орден, прежде чем покинуть Ванквалис, как минимум растопчет Черную Чашу.

Те же самые снимки поверхности планеты, какие использовал Мерчано, готовя своих Воющих Грифонов к нападению, были выведены на пикт-экраны перед Таддеушем, чей челнок летел над джунглями, почти касаясь крон деревьев. Реактивная струя срывала листья с ветвей, пока инквизитор, направляясь к месту сражения, пытался успокоиться и убедить свои руки не дрожать. Где-то там, внизу, под зеленым сводом лежали тысячи тел, оставшихся от уже разыгранных боев за Ванквалис. Где-то там продолжали сопротивляться орками тысячи людей и обладающие сверхчеловеческими способностями костические десантники, которых при

любом исходе ждала смерть. От холмов, изрытых кратерами орбитальной бомбардировки, все еще поднимался дым, и, пока челнок пролетал мимо, Таггеуш успел различить на земле обугленные трубы и усеивающие склон обломки артиллерийских орудий.

Инквизитору приходилось держаться предельно малой высоты, чтобы не стать мишенью для «Громовых ястребов» Воющих Грифонов. Да и орки вполне могли облагать собственными летательными аппаратами, что было не такой уж редкостью, несмотря на всю примитивность используемых ими технологий. Но в любом случае главную опасность представляли именно костические десантники Мерчано. Таггеуш угрожался нажать себе нового врага, и притом одного из самых опасных. Конечно, многие инквизиторы в этой Галактике с удовольствием прикончили бы его при первой возможности, так же как и многочисленные сотрудники Экклезиархии и половина Агентств Механикус. Но вряд ли кто-то из них мог

сравниться с лордом Мерчано.

Пилот-когитатор осуществлял основную работу по управлению челноком, так что Таггеушу оставалось только отслеживать данные, поступающие с «Лазурного когтя». Воющие Грифоны вычислили свою жертву — скопление костодесантников, пересекающих прореху в джунглях, оставленную падением ороczego астероида. Да, челнок позволял получить доступ к информации, собранной «Лазурным когтем», — конечно, экипаж корабля тут же запретил ему доступ, как только обнаружил утечку, но у Таггеуша еще оставались козыри в рукаве. Та же самая инквизиторская печать, что помогла открыть ворота ангара, содержала мощную программу цифрового взлома, позволившую в считанные минуты проникнуть в корабельные когитаторы с черного хода и видеть все, что видят Воющие Грифоны. Долго это продолжаться не могло, но Таггеуш в этом и не нуждался.

Но всей видимости, Грифоны полагали, что нашли самого ненавистного

из всех мыслимых врагов — костических десантников Хаоса, преступных Астартес, последовавших в варн за Темными Богам. Мерчано враг ли стал бы долго раздумывать, прежде чем попытаться завязать бой, а это означало, что Таггеушу нужно поторопиться, чтобы прибыть на место первым.

К несчастью, это лишало его возможности выбора места посадки. Инквизитору предстояло приземлиться прямо посреди толпы беглых костодесантников и надеяться на то, что джунгли простят его за столь беспардонное вторжение.

Перед собой он видел легкий дымок, все еще поднимающийся от глубокой борозды, прочерченной на склоне холма. В самом начале орочьего вторжения на Неверторн один из астероидов, несущих первую волну зеленокожих, ушел мимо цели, потерпел крушение и врезался в землю под достаточно тупым углом, чтобы снести вершину холма, оставить просеку среди деревьев и подлеска и уже только потом взорваться. Таггеуш

заложил вираж и, окончательно отобрав управление у пилота-когитатора, запустил дюзы обратного хода, до предела сбрасывая скорость и заставляя машину спикировать прямо сквозь полоз джунглей.

По корпусу захлестали тугие ветви, и к моменту приземления в густом кустарнике челнок оказался весьма серьезно потрепан, но инквизитор и не планировал пользоваться этой машиной, чтобы покинуть Ванквалис. Но правде сказать, ему неслыханно повезет, если он вообще сумеет убраться с этой планеты. Враги поджигали его повсюду, и Таггеуш не мог с уверенностью сказать, не встретит ли на поверхности одного из старых недругов.

Инквизитор серьезно рисковал, делая ставку даже на то, что Сарнедон не пристрелит его сразу же, как увидит.

--- Орбитальные челноки типа «Онагр», --- произнес Сарнедон. --- Хлам. Их на «Сломанном хребте» целая флотилия, хотя мы никогда ими не пользовались. Полностью лишены брони и нуждаются в

посагочной полосе. Мы уже давно потеряли наши старые «Собиратели скальпов» и «Молоты», а поднять в воздух машины ксеносов Евмен без помощи Лигриса не сумеет. Поскольку «Грозовые ястребы» были выведены из строя, мятежникам не остается ничего, кроме как пытаться летать на этой рұхляди.

— Но «Онаграм» ты узнаешь предателей, когда они появятся, — сказал капеллан Уктинос.

Успивающие Души расположились в зарослях на краю леса. Впереди простирался почерневший от взрывов склон. В воздухе повис тяжелый запах гари и дыма, все еще поднимавшегося к небу. Астартес Сарнегона укрывались под защитой опаленных деревьев и успели с ног до головы перетазаться в золье, занимая наиболее удобные огневые позиции. Теперь их болтеры и то, что осталось от тяжелого вооружения, могли накрыть открытый склон перекрестным огнем.

— Это единственное место, где может приземлиться Евмен, — произнес Сарнегон, — «Грозовые ястребы» сумели бы

оставить его в самую гущу леса, но
«Онаграм» придется садиться здесь.
Значит, лятиежники будут пробираться
сюда пешком, а грузиться в челноки,
чтобы покинуть планету, ил предстоит
пог нашим огнем.

— Моя стая с ними разберется, —
сказал Уктинос. — Вряд ли ил еще
выпадет такая замечательная
возможность отомстить своему врагу.

Капеллан и прежде использовал
выражение «моя стая», и составлявшие ее
костодесантники уже стояли за его
спиной, проверяя снаряжение. Уктинос
возглавил группу Успивающих Души, чьи
офицеры погибли в ходе различных войн,
ведшихся орденот, и они были всей душой
преданы своему новому командиру. У
теперь, прибыв на Ванквалис и
воссоединившись с ними, он первым делом
провел ритуалы и молебны, к которым его
бойцы относились с фанатичной
серьезностью. «Стая» стала чем-то вроде
особого ударного подразделения — почти
три десятка костодесантников,
единственной целью в жизни которых

стало истребление врагов. Бүдү Сарнедон более решителен как магистр ордена и вызывая он такое же почитание со стороны Испивающих Души, восстания можно было бы избежать и Ванквалис уже был бы очищен от орков.

--- Говорит Люко, --- услышал библиарий вызов вокса, --- у нас компания.

--- Где?

Сержант находился позади фронтовой полосы и руководил резервом, в задачи которого входило при необходимости затыкать бреши в боевых порядках и встречать лютеев, если те рискнут пойти впроклятую.

--- Упадёт прямо на вас в любую секунду.

Сарнедон услышал, как что-то врежется в деревья. Испивающие Души развернулись к незваному гостю, нацелив болтеры на густые зеленые заросли позади обугленных деревьев. С неба, ломая ветви, падала массивная тень, и вскоре магистр увидел корпус, раскрашенный в красные и золотые цвета.

Челнок рухнул неподалеку от

выстроившихся костогесантников, пробороздив носом черную от копоти землю, полыхая жаром дюз. Он был небольшим и пугатым — одноместное суденышко, использовавшееся чиновниками и офицерами для перелетов между кораблями. Если не считать красной и золотой красок, все опознавательные знаки либо обгорели, либо были сожраны ветвями. Взлететь снова челнок определенно уже не мог.

Кораблик с ужасающим скрежетом прокатился на брюхе мимо горелых деревьев, за которыми укрывались Успивающие Души, и исчез из виду в непроницаемой темноте джунглей.

— Ждать! — приказал Сарнедон по воксу. — Никому не стрелять!

Прошло несколько минут. С той стороны, где упал челнок, слышался приглушенный хлопок — должно быть, взорвался топливный бак. Отделения, оборонявшие фланги, докладывали о том, что не видят противника.

Наконец из-за деревьев выступила чья-то фигура. Сарнедону показалось, что он

даже слышит, как пальцы его людей
ложатся на спусковые крючки.
Новоприбывший был человеком --- не
костическим десантником, а самым
обычным смертным, облаченным в
длинный потертый плащ. На Сарнегона
неожиданно нахлынули воспоминания.
Конечно, человек этот постарел со
времени их последней встречи, но был все
еще узнаваем. И если честно, командор
надеялся, что их пути никогда больше не
пересекнутся.

--- Отставить огонь, Успивающие
Души, --- приказал Сарнегон. --- Опустите
оружие.

Магистр покинул укрытие и пошел
навстречу, перебираясь через поваленные
стволы и обгоревший кустарник. Спустя
несколько минут незванный гость
приблизился настолько, чтобы командор
окончательно удостоверился, что человек,
идущий от места крушения челнока,
знаком ему по Стратикс Люмина.
События тех дней, казалось, произошли
целую вечность назад, когда Успивающие
Души еще не утратили своего единства и

не обращали оружия против собственных братьев.

--- Инквизитор Таггеуш, --- кивнул Сарнедон.

--- Боюсь, командор, у нас не осталось времени на любезности, --- произнес человек. --- Хотя, должен признаться, я благодарен вам за то, что вы решили не убивать меня.

--- Раньше времени спасибо не говорят, --- заметил Сарнедон.

В последнюю свою встречу они объединили усилия, чтобы справиться с мутантом Темурактом, правившим мерзлой тундрой Стратикс Лютина. Но союз был вынужденным, родившимся исключительно ввиду появления общего врага, а до того Таггеуш старательно выслеживал Испивающих Души и пытался их уничтожить.

--- Инквизитор, я надеялся, что мы никогда больше не встретимся.

--- Ваш орден и в самом деле умеет запутывать следы, --- откликнулся Таггеуш, подходя ближе.

Теперь Сарнедон видел, насколько же

постарел его собеседник. Волосы инквизитора поседели и начали редеть, а в глазах появилось несколько затравленное, усталое выражение, какое магистр не раз видел у пожилых служителей Империи.

— Пришлось попомнить, чтобы выследить вас.

— Значит, Инквизиция все еще не оставляет надежд добрать до нас?

— Инквизиция? Понятия не имею. Видите ли, лорд Сарнедон, прошло уже немало времени с тех пор, как я встречался с дружелюбным мне инквизитором. Я стал чем-то вроде изгоя, — Таггеуш улыбнулся, но как-то не слишком весело. — Полагаю, теперь мы кое-чем похожи. Пытаясь выследить вас на Стратикс Люмина, я успел разозлить довольно-таки многих высокопоставленных лиц, и они этого не простили. Теперь я пребываю в автономном плавании. Упомянув Инквизицию, распорядилась уничтожить все записи об Успивающих Души, самостоятельно найти вас было очень сложно. Более того, встретились мы лишь благодаря случаю.

— И что же тогда привело вас, Саггеуш? На Стратикс Люмина мы заключили соглашение, и я рассчитывал, что оно будет выполняться.

— Лорд Сарнедон, вы же понимаете, кем стали для Империи Успивающие Души. Да ведь само знание о том, что где-то существует мятежный орден Космического Десанта, уже опасно. Уничтожение соответствующей информации было вызвано тем, что одна только память о вас могла свращать умы. А уж то, что вы отреклись от нашего общества по доброй воле, но вовсе не из-за сил варна или ксеносов, — такое, лорд Сарнедон, способно заставить сойти с ума даже инквизитора! Любой скажет: ткань Империи затрещит по швам, если Агентус Астартес однажды обретет свободу и независимость! Вот почему я остался один, когда начал искать вас. Мое начальство заявило, что лучше будет все просто забыть во благо Империи, но теперь я понимаю, что они банально боялись даже упоминаний о вас, боялись, что мне удастся найти вас и что знания,

обретенные мной в процессе, уже нельзя
будет уничтожить.

— И что потом? Так вы, Тагдеш,
знались за нами из пустого любопытства?
Чтобы потом рассказывать коллегам, что
нашли тех, на чей след так никто из них
и не смог выйти?

— Вначале так и было, — ответил
инквизитор.

— Командор, — окликнул капеллан
Уктинос, — скауты на западном фланге
доклаживают о подвижных целях.

— Предатели?

— Скорее всего. Но точно не
зеленокожие.

— Убедитесь, что парни наблюдают и
за небом. Выводите всех людей на огневые
позиции. У нас остался последний шанс.

— Предатели? — спросил Тагдеш.

— Как ни противно в этом
признаваться чужаку, — сказал Сарнедон, —
но среди нас появились те, кто полагает,
что управится с орденом куда лучше меня.

Магистр положил ладонь на плечо
инквизитора и повел его под защиту
опаленного огнем леса.

--- Тогда, боюсь, я мог опоздать, --- с отчетливо прозвучавшей в голосе печалью и разочарованием произнес Тагдеш.

--- Опоздать? Прошу вас объясниться. Предатели будут здесь с минуты на минуту, так что постарайтесь изложить все быстро.

--- Привычные методы не могли помочь в ваших поисках, ведь даже память о существовании вашего органа была удалена из архивов Империи, --- ответил Тагдеш. Он говорил тихо и торопливо. --- Пришлось опробовать несколько нестандартный подход. Я принялся искать следы, оставленные вами в мифотворчестве примитивных народов, способных сохранять определенные сведения в обход имперской цензуры. И кое-что мне действительно удалось узнать.

--- Что именно?

--- Легенды, командор. Легенды об Успивающих Души. Весьма древние, насчитывающие уже несколько тысяч лет.

--- О старом органе, стало быть?

--- Возможно. Так, на планете вечной зимы, расположенной на восточных

границах, я услышал сказания о Граале Проклятых, используемом в качестве символа мрачными, закованными в доспехи воинами, поглощающими души людей. Определенная связь прослеживается.

--- Никогда не слышал, чтобы орген сражался в тех местах, --- заметил Сарнегон.

--- Как и я, --- ответил Таггеуш. --- Но Грааль Проклятых --- не единственное упоминание. Также мне удалось выследить культ Пожирателя Душ, исповедуемый каннибалами, обитающими неподалеку от Шторла Гнева Императора. Он охватил сразу несколько миров, а ведь этим примитивным племенам понадобится много веков на то, чтобы освоить костические путешествия. Стало быть, кто-то посеял среди них эти лифы, оставив в сердцах людей достаточно глубокий шрам, чтобы старые сказки превратились в религию.

--- Значит, старый орген произвел впечатление на несколько диких миров, --- произнес Сарнегон. --- Что ж, это далеко не первый случай, когда визит Астартес

продолжает жить в легендах отсталых народов. Не понимаю только, почему это привело вас сюда.

— Вы все поймете, Сарнедон, если задумаетесь.

— Вызывает Салк, — раздался в воксе голос сержанта, расположившегося на противоположном краю линии обороны. — Мои люди заметили несколько инверсионных следов в небе. Похоже, Евмен выслал челноки.

— Предатели уже совсем близко! — отправил Сарнедон сигнал по всем отрядам. — Заканчивайте молитвы и готовьтесь к драке. На сей раз им придется сражаться на нашем поле, и они будут уязвимы, пытаясь удрать. Они не щадили нас, пока их защищала крепость. Теперь ты имеешь полное право отнестись к ним так же.

До магистра долетали отзвуки негромких молитв, раздающихся вдоль всего строя. Космогесантники читали избранные места из «Военного Катехизиса» и боевых псалмов, более старых, чем даже сам орган.

--- Подумайте же, Сарнедон, --- снова заговорил Таггеуш, --- что могло привести нас обоих на один и тот же забытый Императором мирок?

Успивающие Души напряглись в ожидании битвы, и все они, кроме самого Сарнедона, уже успели занять назначенные позиции. Но тут магистр осознал, что слова Таггеуша не лишены смысла.

--- Ванквалис имеет схожие предания, --- произнес командор.

--- Черная Чаша, --- потрачев, подтвердил инквизитор. --- Фонтан, откуда изливается все зло мира. Рассказывают, будто он плавает в варне, распространяя по Галактике заразу Хаоса. Носители Черной Чаши --- огромные воины в броне --- используют ее изображение в качестве герба, и однажды они спустятся с небес, чтобы завоевать Ванквалис. Кто-то, связанный со старым орденом, уже побывал в системе Обсидуана много лет назад и совершил нечто такое, что навсегда оставило след в памяти жителей этой планеты. Я явился сюда, чтобы изучить легенды, связанные с Черной

Чашей, но в итоге узнал, что сюда прибыли и Успивающие Души. Поэтому мне пришлось высидеться, чтобы предупредить вас.

--- Кто-то привел нас сюда, --- сказал Сарнедон. --- Нами манипулировали.

--- Где-то поблизости враг. Мне многое пришлось принести в жертву, чтобы выследить вас, так что врагом можно считать и меня. Но есть в мире вещи похуже, чем орден отступников. У этого тот, кто способен заставить такой орден плясать под свою дудку.

Магистр лихорадочно соображал. Трудно было принять то, что он только что услышал от Таггеуша. К тому же это могло оказаться ловушкой, ведь Инквизиция часто прибегала ко лжи... но этот человек уже однажды отпустил Сарнедона, и была в нем прямота, с которой тоже не следовало забывать. Успивающие Души вновь оказались в ситуации, подготовленной кем-то из прежнего ордена, которую командор не мог понять. Эта мысль разбудила в Сарнедоне давно уснувшую ярость, не напотивавшую с

себе с тех самых пор, как был повержен демон-принц Абраксас, обещавший ему невероятное могущество в обмен на вечное служение.

--- Этот орден никому не принадлежит, --- угрожающим тоном произнес магистр. --- Мы не станем оружием в чьих-то руках.

--- Знаю, --- согласился Таггеуш. --- Вот почему вы и должны жить.

В душе командора вновь, как прежде, разгорелось пламя гнева. Предательство Евмена почти сломало его, но теперь Сарнедон был действительно взбешен. После всего, что им пришлось пройти, после всех тех жертв, что были принесены на алтарь свободы Успивающих Души, где-то все еще существовал враг, полагающийся, что сможет использовать их в своих целях. Ничто во всей Галактике --- ни бесчинства Хаоса, ни тлен Империи, ни даже предательство Евмена --- не было способно разбудить в Сарнедоне это чувство, кроме понимания, что его люди воспользовались.

--- Ванквалис потерян, --- сказал он. ---

Покончив с предателями, мы покинем планету и сделаем все, чтобы выследить тех, кто полагает, будто Успивающие Души станут повиноваться их воле. Мы не познаем покоя, пока этот враг не будет повержен.

--- Боюсь, что все может оказаться не столь просто, --- сказал Таггеуш. --- Чтобы прибыть сюда, мне понадобилась помощь, и мои «грузы» заинтересованы в Черной Чаше не меньше моего.

--- О чем это вы? --- Сарнедон развернулся к инквизитору.

--- Визуальный контакт! --- раздался в воксе голос сержанта Салка. --- Приближается бронетехника!

--- Бронетехника? Но у предателей не было танков, --- пробормотал Сарнедон.

--- Это не мятежники, --- сказал Салк.

Командор побежал по обугленному лесу к противоположному краю расчищенного пожаром склона, где уже возникли темные очертания машин, сгорающих деревьев. Танк подпрыгнул, переваливаясь через поваленный ствол, и упавшие на броню

солнечные лучи позволили разглядеть красную и золотую раскраску. Впереди шел БТР «Рино», за ним следовал «Хищник», автоматическая пушка которого разворачивалась к позициям, занятым Успивающими Души. Затем из тени джунглей появились и другие машины, на которых Сарнедон смог разглядеть герб в виде атакующего грифона.

--- «Друзья», говорите? --- обратился командор к подошедшему сзади инквизитору.

--- Воюющие Грифоны, --- ответил тот. --- Они полагают, что сражаются с Носителями Черной Чаши.

--- Вы вооружены?

--- Всегда, --- устехнулся Таггеуш, вынимая автоматический пистолет из-под полы плаща.

--- Тогда вставайте в строй, --- приказал Сарнедон.

Капеллан Уктинос выкрикивал последние слова военного псалма, призванного защитить души костических десантников от грехов отчаяния и поражения. Каждый Успивающий

Души готовился встретиться лицом к лицу с врагами, которые, как понимал командор, не остановятся, пока все его люди не будут мертвы.

Несмотря на рев моторов «Лендрейгера», вокруг Мерчано установилась полная тишина — духовное затишье перед бурей, последние секунды перед тем, как начнется бойня.

Топор — тот самый, что сразил Периклитора, — казался непривычно тяжелым, словно на нем повисли все деяния былых дней. Его обух был украшен изящными письменами псайк-контура, проходившего через все оружие и позволявшего Мерчано вкладывать в удар свои ментальные способности и вырывать из тел врагов их души. Этот топор в течение многих поколений передавался от одного библиария к другому и, как всякая другая реликвия Воющих Трифонов, нес собственный груз клятв и обязательств — безжалостность по отношению к любой скверне и разврату, неприлиричность и нетерпимость к любому оступившемуся.

бугь то хоть один из боевых братьев, и всепоглощающее стремление поглотить корни истреблять врагов Императора.

Топор служил символом клятв, принесенных Воющими Грифонами еще несколько тысяч лет назад. Мало было удержатъ верх на Черной Чаше, отбросив ее Носителей обратно во тьму и не дав им получить то, что они искали на Ванквалисе. Хотя обычный солдат и считал бы это победой, для Грифонов это стало бы непростительным поражением. Орген должен был найти и уничтожить саму Черную Чашу, разбить ее на осколки, развеять их по ветру и истребить всех ее последователей до последнего человека. Все, кроме тотального уничтожения, считалось бы неприемлемым. Те лорды Библиарии, что владели топором прежде, служили примером подобной неприличности. И Мерчано был обязан сделать все, чтобы превзойти своих предшественников.

— Вижу врага! — раздался в воксе голос технодесантника Тола, находящегося в головном «Хищнике». —

Это Астартес!

Мерчано покосился на пикт-экран, передававший изображение с танка Тола. На зернистой темной картинке среди обуглившихся деревьев были видны воины в темно-фиолетовых доспехах, чем-то напоминавшие рой гигантских жуков, --- энергетическая броня, костические десантники, прячущиеся во тьме. Библиарий даже видел белые наплечники с золотой чашей на них, настолько отчетливо бросающейся в глаза, словно отступники гордились своим грехопадением. Отвращение, которое испытал Мерчано, мог затмить разве что его гнев.

--- Все закончится здесь и сейчас, --- заявил библиарий, и командный отряд дружно склонил головы в безмолвном согласии, а брат Родриго сжал древко знамени Первой роты, готовясь развернуть его.

--- Воющие Грифоны, --- возгласил Мерчано на общей частоте, --- время молитв и сборов прошло. Очистите свой разум и будьте готовы внимать душой

гнез Императора. Перед нами Черная Чаша, до краев наполненная злом, и мы повинемся глани Императора, приказывающего пойти и покончить со скверной! В этот час мы исполняем клятвы, данные нами тысячи лет назад, и принимаем на себя великую ответственность. Ярость и ненависть должны кипеть в наших сердцах! Смерть Черной Чаше! Месть во имя Императора! Победу Воющим Грифонам!

Даже бронированный корпус «Лендрейдера» не смог заглушить одобрителльные крики, раздавшиеся после этих слов, когда целых три роты лучших воинов Галактики устремились к лесу, где их ждали Носители Черной Чаши.

Глава двенадцатая

--- Какое мы имеем право судить других людей?

--- Вопрос стоит иначе: имеем ли мы право предполагать, что кто-то из них невиновен?

Дениятос. Боевой
Катехизис

Бронированный клин Воющих Грифонов врезался в ряды Успивающих Души с грохотом, от которого содрогнулись джунгли. Влажные ветра дождевых лесов вдруг стали обжигающими и сухими от жара, исходящего от открывших огонь орудий, установленных на машинах. Снаряды, выпущенные «Хищниками», взрывались среди черных деревьев, и во все стороны разлетались закаленные пламенем пожара щепки, разящие не хуже стальной шрапнели. Лазерные пушки плевались во тьму

широкими алыми лучами, разваливая пополам стволы и оставляя глубокие пылающие борозды в земле. Передовой отряд танков огневой поддержки «Ураган» накрыл позиции отступников ковром ракет, прокладывая путь для «Рино».

Тем временем клин уже входил прямо в зубастую пасть боевых рубежей Успивающих Души. Едва первые машины пересекли незримую черту, как в воздухе загудели начиненные взрывчаткой болты. Один за другим вливаясь в броню танков. Заряды, выпущенные тяжелым болтером, порвали гусеницу одного из «Хищников», машина развернулась, пропав в земле полуметра, и выстрелы продолжали бить в ее борт, сдирая краску.

Ракетная установка, заряженная бронебойным снарядом, поразила массивный «Лендрейдер», подорвав боекомплект одного из боковых тяжелых болтеров, и находившимся внутри костическим десантникам пришлось спасаться бегством из пылающих обломков. Перестрелка была настолько яростной, что в считанные секунды опаленный склон

покрылся оспинами воронок, а от горелого леса, где укрывались Успивающие Души, остались лишь пни да поваленные деревья, иссеченные шрапнелью.

Небо заволокло дымом, и казалось, что на Ванквалис снова опустилась ночь, озаряемая лишь багряными всполохами лазерных выстрелов и ослепительными взрывами. Тьма окутала джунгли... и в этой тьме гибли люди, чья смерть была разделена вспышками на отдельные, резко сменяющиеся кадры, точно старинная плёнка-запись. Вот понявился назад Успивающий Души, в грудь которого ударил тяжелый болтерный заряд; вот пал Воющий Грифон, на которого рухнул «Рино», опрокинутый набок попаданием ракеты, из разогранного кузова которого высыпали воины. Трупы падали на поваленные стволы или в черную сажу, устилающую склон.

Первый БТР, отчаянно забывая мотором и переползая через завалы и тела Успивающих Души, погибших в первые секунды боя, достиг оборонительных рубежей. Верхний люк «Рино» распахнулся,

и наружу вырвался отряд Воюющих Грифонов, принявшихся стрелять, еще даже не успев прыгнуть на землю. Но два бойца так и не покинули машину — меткие попадания из болтеров разметали их головы фонтанами крови и керамики. Еще один повалился в грязь, лишившись руки, оторванной выстрелом из плазматрона. Но все-таки Воющие Грифоны прорвались в порядки врага, и теперь сражение превращалось в резню, в которой костическим десантникам не было равных.

Ряды Успивающих Души дрогнули, но устояли, хотя в драку устремлялись все новые и новые отряды противников. Капитан Люко проревел приказ, и резерв бросился в бой, перепрыгивая через навших собратьев, чтобы сцепиться с атакующими. Ценные мечи скрежетали, разрубая керамику, приглушенно бухали болты, взрываясь в живую плоть.

Воюющих Грифонов становилось все больше, они вели плотный огонь по остаткам Успивающих Души, мешая тем потоком своим раненым. Над полем брани на прыжковых ранцах протчались

итурмовики и, включив ценные мечи, ринулись в самую гущу сражения. Воины, вооруженные энергетическим оружием, разили направо и налево, раскидывая врагов. Офицеры с обеих сторон призывали подчиненных сражаться до победного конца.

Позади наступающих костогесантников развернулось знамя Первой роты — пробитое пулями полотнище, на котором был изображен грифон, попирающий лапами отбратительных чудищ. Лорд Мерчано высадился из «Лендрейдера» во главе своего командного отряда, и одно только осознание присутствия старшего библиария словно прибавило его воинам сил. Он вскинул топор над головой, и исходящий от оружия свет озарил его, подобно неожиданно пробившемуся сквозь тучи солнцу... а затем Мерчано бросился в бой.

В некотором отдалении от этого рубежа Сарнедон командовал обороняющимися Успивающими Души, приказывая своим Астартес держаться и

верить, что боевые братья, действующие в центре, сумеют сдержать удар. Командор даже не пытался призвать на помощь пугающие галлюцинации Ада, поскольку понимал, что Воющие Грифоны ничего не боятся. Даже сама Черная Чаша, изливающая на поле боя тизамы зла и Хаоса, только пригала бы противнику уверенности в своей правоте.

Сарнегону приходилось бороться с нестерпимым желанием лично принять участие в сражении, но он должен был находиться здесь и делать все возможное для того, чтобы Испивающих Души не смогли окружить дисциплинированные и не ведающие усталости Грифоны, приближающиеся с флангов. Крозиус арканум, сияющий подобно маяку, указывал командору, что капеллан руководит сражением там, где его людям приходилось сложнее всего. И даже с такого расстояния можно было слышать, как Уктинос распевает слова молитвы посреди какофонии битвы.

Сарнегон огляделся, пытаясь оценить ситуацию во тьме и хаосе боя. Командор

поставил инквизитора позади первой линии и только сейчас сообразил, что Таггеуш теперь находится практически в самой гуще сражения, где сверкала энергетический молот командира Воющих Грифонов.

--- Таггеуш!

Инквизитор, спрятавшийся за изрезанным попаданиями стволом, не выпуская автоматический пистолет, услышал свое имя даже сквозь грохот побоища. И от этого голоса кровь застыла в его жилах, поскольку кричал явно Мерчано.

Таггеуш рискнул высунуться из укрытия. Совсем рядом лежало тело погибшего Грифона --- ранец воина взорвался, и огромный костодесантник рухнул ничком с окровавленной дырой в спине. Вокруг было много трупов, повисших на поваленных деревьях или же наполовину погружившихся в грязь. Астартес сражались друг с другом не на жизнь, а на смерть, и это зрелище потрясало воображение --- обладающие

нелогичной силой и реакцией гиганты сошлись в рукопашной. И в самой гуще тел сверкал, рассекая воздух, топор Мерчано, раз за разом поднимаясь и обрушиваясь на врагов в творящемся хаосе.

Инквизитор достал меч ксеносов, и клинок загудел, стремясь как можно скорее распасться на осколки и убивать. Таггеуш прекрасно понимал, что ему вовсе не место в этой битве, где сцепились костические десантники. Лишь немногие подкованные в вопросе единоборств и крайне опытные инквизиторы могли сравниться с Астартес, а некоторые так и вовсе были сильнее. Но Таггеуш определенно не принадлежал к их числу. Как и говорили Воющие Грифоны, он был всего лишь простым смертным. Впрочем, он понимал, что от него уже не зависит, придется сражаться или нет.

--- Таггеуш! --- вновь проревел Мерчано.

Командир	Воющих	Грифонов
прорывался	вперед,	расшивывая
Успивающих	Души и	угрожающе
размахивая	энергетическим	топором.

Инквизитор застыл на месте — даже сквозь трак и дыт он видел, насколько искажено гневом лицо Мерчано и какая ненависть кипит в его глазах. Благодаря улучшенному зрению костического десантника и внутреннему чутью псайкера, лорд-библиарий увидел Таггеуша, скрывающегося в тени, и тот обругал себя последними словами за глупую попытку спрятаться.

Кто-нибудь другой, скорее всего, бросился бы бежать, и если говорить откровенно, то и Таггеуша посетила такая мысль. Но в то же время, в отличие от большинства, он понимал, что, поддавшись панике и попытавшись удрать, он просто подставит спину. Проще уж сразу лечь на землю и позволить себя пристрелить. Поэтому инквизитор вышел из укрытия и уверенно распрямил плечи, не выпуская из рук меч и пистолет, глядя, как к нему приближается огромный командир Воющих Грифонов.

Грохот сражения стал вдруг приглушенным и далеким, доносящимся будто из другого мира, поле боя — лишь

размытым эскизом, а костические десантники — призрачными тенями. На всем Ванквалисе не было никого, кроме Мерчано и Таггеуша.

Не успев даже задуматься, инквизитор открыл огонь, и пули, выпущенные его автоматическим пистолетом, расцвели созвездием ярких искр на броне библиария. Но Мерчано даже не заметил этого, и Таггеуш едва успел отпрыгнуть в сторону, чтобы не угодить под удар топора, вспыхнувшего псионическим огнем, прежде чем вонзиться в пень за спиной инквизитора.

Ударная волна заставила Таггеуша упасть на землю. Он быстро перекатился и вскочил на ноги, практически вслепую, стреляя по нависшему над ним темному силуэту.

— Ты погубил моих боевых братьев! — кричал Мерчано. — Ты предал нас! Вступил в сговор с врагом!

— Нет здесь никакого врага! — крикнул инквизитор в ответ. — Как нет и Черной Чаши! Вас обманули!

— Опять лжешь? Ты, в чьей душе

осталось место лишь коварству!

Мерчано размахнулся топором и ударил на уровне своего пояса. Таггеуш пришлось упасть на одно колено, чтобы отразить выпад мечом, --- оружие столкнулось с такой силой, что чуть не вывернуло руку инквизитору. В следующую секунду Таггеуш вскочил и вонзил свой клинок в тело библиария.

Меч вошел прямо под рукой Мерчано, с удивительной легкостью вспоров кератин энергетической брони. Затем оружие ксеносов активировалось и, расправившись на десятки стальных осколков, принялось резать кости и мышцы костогесантника. Подобно рою металлических насекомых, они вылетели через пробоины в доспехах и кровожадно загудели в воздухе.

Мерчано взревел от боли. Таггеуш провернул рукоять и почувствовал, как подлезвием крошится кератин. Повреждения, нанесенные мечом, уже давно вывели бы из строя кого угодно, даже большинство Астартес. Но лорд Мерчано был тем самым воином, который снял голову

Периклитор у и успел за свою жизнь победить все мыслимые поля сражений. Ему доводилось переживать и худшее, но тем не менее побеждать. Крохотный огонек надежды, все еще тлевший в душе Таггеуша, окончательно угас, когда огромный библиарий схватил его за шиворот и одной левой оторвал от земли.

Затем костогесантник размахнулся и отшвырнул инквизитора, вложив в бросок всю свою мощь. Выронив и меч, и пистолет, Таггеуш закружился в воздухе, ломая ветки собственным телом. О землю он ударился с такой силой, что из легких вышибло весь воздух, а мышцы словно онемели.

Инквизитор старался не потерять сознания. Он приземлился уже за чертой деревьев, посреди открытого пространства. Рядом ревел мотора «Рино», лишившийся одной гусеницы. Из распахнутого люка уже высаживались Воющие Грифоны. Сунув руку под плащ, Таггеуш принялся нащупывать еще один из многочисленных предметов, составлявших его вооружение.

Его лагерь сжалась на небольшом
металлическом шарике, и инквизитор
извлек вещицу из-под плаща. Это должно
было сработать.

Мерчано уже бежал к нему, и
Таггеуш бросился навстречу, врезавшись в
противника, и попытался прикрепить к
его броне свою магнитную гранату. Даже
если ему предстояло погибнуть,
инквизитор собирался хотя бы убить
командира Воющих Грифонов и тем
самым поточь Успивающим Души
избежать полного уничтожения и найти
их подлинного врага. Раздался хруст
костей и треск рвущихся сухожилий. Но
телу Таггеуша прокатилась волна
ужасной, леденящей боли, заставляя его
забиться в агонию.

Затем библиарий ослабил хватку, и
граната выпала из искаленной руки
инквизитора. Мерчано презрительно
покоился на нее и отбросил ногой в
сторону, прежде чем схватить Таггеуша
за горло. Смертоносный заряд откатился
слишком далеко, чтобы его мог видеть
инквизитор.

— Вы и понятия не имеете... —
прохрипел Тагдеш. — Никто из вас... вы не
понимаете, с кем сражаетесь...

Мерчано с силой припечатал его к
наклонному борту «Рино». Инквизитор
едва ощутил, как ломаются его ребра,
столь сильна была боль в изуродованной
руке и столь велико отчаяние.

— Во имя клятв правосудия, —
заговорил лорд-библиарий, не обращая
внимания на слова своей жертвы, — я
объявляю тебя предателем интересов
Воюющих Грифонов и личным врагом
Императора. В мире не найти наказания
достаточно сурового, чтобы покарать
твою дерзость. Мы можем только
попытаться, что Император
удовлетворится одной лишь твоей
смертью.

— Властью, данной мне Священной
Имперской Инквизицией... — прохрипел
Тагдеш, хотя уже ни на что не надеялся.

Мерчано только устехнулся и занес
топор над головой. Сложные узоры,
покрывающие его поверхность, зажглись
огнем его ненависти, когда лезвие

вонзилось в тело инквизитора. Последнее, что увидел Таггеуш, — собственную кровь, забрызгавшую искаженное гневом лицо библиария.

Сарнегон считал погибших. Это давно стало для него машинальным действием, одной из обязанностей командира. Оценив потускневшие раны на границе зрения, он понял, что в неустойчивой рукопашной схватке, кипящей в центре построения, уже лежали порядка тридцати трупов Испивающих Души. Они не могли себе позволить потерять даже одного-единственного десантника, и внутри у магистра все выворачивалось наизнанку, когда он видел, как в этой грязи и копти гибнет будущее ордена.

Сам Сарнегон находился чуть в стороне от того места, где Воющие Грифоны пытались прорвать оборонительные порядки, и окружающие его бойцы продолжали поддерживать собратьев неустанным огнем, обстреливая почти неразличимых в дыму и кружащейся саже врагов. В ответ били танки, и

встречный болтерный огонь
приближающихся Воющих Грифонов
становился плотнее с каждой минутой.
Вскоре рукопашная должна была
завязаться по всей линии.

Никогда прежде Сарнедон не
предавался такому отчаянию. Он бывал в
крайне опасных переделках, видел смерть
и грехопадение Успивающих Души. Но ему
еще не доводилось ощущать, чтобы оба его
сердца сжала ледяная лапоть такого ужаса,
какой он испытал, глядя на трагедию,
разворачивающуюся в обугленном лесу.

--- Люко! --- крикнул командор в воск,
заставляя себя отринуть чувства,
неприемлемые для костического
гесантника. --- Докладывай!

--- У них преимущество в живой силе и
технике! --- ответил капитан; и в
динамике слышалось шипение его когтей-
толний и рев болтеров его отряда. Люко
действовал в самом эпицентре битвы,
пытаясь заткнуть брешь, пробитую в их
рядах бронемашинами Воющих Грифонов.

--- Мне нужен честный ответ, ---
сказал Сарнедон. --- Мы сможем удержать

эти позиции?

Молчание Люко показалось магистру затянүвшимся.

--- Никак нет, --- ответил наконец капитан. --- Не здесь. И не против таких сил.

--- Тогда үводи своих людей.

--- Слушаюсь, командор.

Мимо головы Сарнегона проүдела еще одна болтерная очередь, перемалывая и без того жалкие остатки кустов за его спиной. Магистр пригнүлся еще ниже, поджимая под себя мүтировавшие ноги. А если подняться и үдарить сейчас, подүмалось ему, если повести Успивающих Души в бой против Воющих Грифонов? Да, они все падут, но никто и никогда үже не узнает, насколько далеко зашло падение Сарнегона. Все завершится здесь и сейчас, и ему не придется никому объяснять, каким образом орден оказался разделен предательством и был застигнут посреди забытых Императором джүнглей.

Он заставил себя отказаться от этой мысли, стер ее начисто из своего сознания. Что бы ни происходило, он оставался

костическим десантником и имел перед
своими людьми обязательства,
непонятные простым солдатам.

--- Успивающие Души! --- крикнул
Сарнедон по всем каналам связи. --- Мы
отступаем! Передовые отряды отходят,
тыловые прикрывают!

Магистр поднял собственный болтер,
готовясь присоединиться к боевым
братьям. С каждой минутой гибли все
больше и больше воинов, и раз этот
жалкий клочок леса нельзя было удержать,
гибли они зря.

Успивающие Души обратили свои
болтеры на центр построения, когда
передовые отряды, отмеченные рунатами
капитана Люко и капеллана Уктиноса,
вышли из неустойчивой драки. Воющие
Трифоны пытались преследовать их, но
Сарнедон повел остальных своих людей
ближе, атакуя противника со спины и
накрывая массированным болтерным
огнем. От леса там практически ничего и
не осталось --- только изуродованная
выжженная земля, затянутая порохом
дым.

Как только его бойцы сумели отступить под защиту джунглей, Сарнедон отыскал взглядом командора Воюющих Грифонов, сражавшегося в самой гуще схватки. Несколько Успивающих Души попали в окружение буквально за секунду до того, как их братья открыли заградительный огонь, и теперь гибли, из последних сил сопротивляясь яростному натиску врага. Силовой топор взлетал и опускался, отсекая конечности, и Сарнедон разглядел на его обладателе высокий воротник библиария. До ушей магистра долетал разъяренный рев его коллеги и противника, видящего, как Успивающие Души сбегают по склону, скрываясь во тьме оврага, за которым лес становился слишком густым, чтобы танки могли продолжать преследование.

На измазанном кровью лице командора Воюющих Грифонов Сарнедон видел выражение той же неукротимой решимости, с каким и сам каждый раз шел в бой. На секунду он даже задумался, сумеет ли противник разглядеть эти черты и в нем... но затем вспомнил, что в

глазах любого честного солдата Империи выглянут всего лишь обратительным мутантом, мерзкой тварью, отмеченной печатью богов Хаоса, и врагом Императора.

Отступая под градом болтерных зарядов и проклятий, Испивающие Души скрывались от разъяренных Воющих Трифонов в глубине джунглей.

Неестественная ночь, вызванная битвой, постепенно расступалась, но на ее место уже шла настоящая. Животные, населявшие джунгли Неверморна, постепенно возвращались на привычные места, откуда их несколько часов назад прогнали грохот выстрелов и хаос боя. Уже пробежали по ветвям юркие шестиногие ящерки, отыскивали свои гнезда летающие создания, похожие на крылатых змей. Узлрудно-зеленые жуки грызли изрезанную пулями листву, восстанавливая свои жилища, раздавленные танковыми гусеницами и тяжелыми сапогами. В сгущающейся темноте раздавались трели крошечных

птиц с ярким оперением и крики обезьяноподобных зверей, карабкающихся обратно в кроны деревьев. Крупные хищники и травоядные, занимавшие более высокие уровни экосистемы, возвращались куда медленнее, испуганно обходя участок, где разбили лагерь Воюющие Грифоны.

Кости́ческие десантники разместились в лесу у подножия холма, где недавно сражались с Испивающими Души. Джунгли были здесь настолько густыми, что вряд ли бы кто-то, кроме Астартес, смог через них прорубиться. Земля сочилась влагой, и дождь, пришедший вместе с вечерними сумерками, срывался с густой листвы миниатюрными водопадками. Элеи-амфибии скользили в лужах, порой порываясь обернуться вокруг керамитовых поножей несущих вахту Грифонов.

— Проклятие! — проворчал Борганор. Бойцы его Десятой роты обеспечивали огневое прикрытие остальным братьям, и было очевидно: капитан возмущен тем, что не смог по-настоящему поучаствовать в штурме и встретиться с врагом лицом

к лицу. — Как они смеют называть себя
костюгосантниками? Подлинные Астартес
остались бы и продолжали сражаться. А
теперь нам придется гоняться за ними по
всем этим треклятым джунглям.

— Они поняли, что ты их просто
раздавим, — произнес лорд Мерчано. —
Носители Черной Чаши далеко не глупцы.
Они бегают от правосудия уже несколько
тысяч лет и научились понимать, когда
сила не на их стороне. Да и вспомни, как
еретики всегда цепляются за жизнь, даже
если понимают, что смерть неизбежна.
Они оттягивают ее приход всеми
мыслимыми путями, словно пара лишних
дней свободы как-то очистит их души от
греха.

Борганор и Мерчано расположились
на небольшой полянке, ограниченной
стенками невероятно огромного пня с
выгнувшейся сердцевинной. С одной стороны
каскадом постоянно стекала вода, и
внутри образовался неглубокий, всего по
лодыжку, водоем, затянутый сверху
болотными растениями с цветами
удивительной раскраски. Командор

проводил приличествующие Воющему
Трифону ритуалы по обслуживанию своей
экипировки и очищал священный топор от
скверны Черной Чаши. Оружие было по-
самую рукоять измарано в крови
предателей и теперь нуждалось в
подобающем сакральном отовении, прежде
чем его снова можно будет использовать
во имя исполнения клятв Воющих
Трифонов. Топор лежал перед Мерчано на
отшлифованном водой камне, и библиарий
неторопливо, тщательно угалал с
изящных узоров запекшуюся кровь.

В нормальных условиях ритуал
также требовал снять и освятить всю
броню, но Неверторн был слишком коварен,
чтобы рисковать, лишая себя защиты. Под
успехами его кожу украшали бесконечные
строчки рун — куда мельче и плотнее
начертанные, нежели те, что были
выставлены напоказ. Они напоминали о
наиболее важных клятвах, наиболее
древних из них, об обещаниях, данных
задолго до того, как сам Мерчано взял в
руки болтер. Клятвы служить
Императору, почитать свой орган и

хранить свою душу от скверны, которую
мог повлечь за собой псайкерский дар.
Каждая татуировка была глубоко вбита в
его плоть так, чтобы каждый раз,
чувствуя в бою боль, библиарий бы
вспомнил о них и чтобы их никогда уже
нельзя было свести с его тела.

Одна из клятв, начертанная на
высоком готике поперек бочкообразной
грудь, была совсем недавно обновлена. Она
содержала имя демон-принца
Периклитора, но теперь ее пересекала
черта. Обет был исполнен. Однако
оставались и другие, столь же древние,
касающиеся Неверторна. Их не было нужды
выставлять на всеобщее обозрение, ибо они
были выбиты на самой душе Мерчано.

--- Будь у нас возможность
использовать бронетехнику, мы бы давно
уже пришли по их головы, --- с горечью в
голосе произнес Борганор. --- Уже сейчас мы
бросали бы их тела к ногам гота Фалкен.

--- Капитан, мы и сами можем
использовать те преимущества, которые
дают джунгли, --- заметил Мерчано, не
подняв глаз и продолжая счищать с

топора кровь инквизитора Таггеуша. ---

Тебе ведь знакома эта среда?

--- Конечно.

--- Тогда ты должен понимать, что перед нашим врагом простираются болота. --- Мерчано взмахнул рукой, показывая на льющие с неба потоки. --- Вода стекает в те низины со всех джунглей. И Черной Чаше предстоит преодолеть топи, чтобы уйти от нас.

--- Значит, мы можем последовать за ними, --- произнес Борганор. --- Стыдно в этом признаваться, но меня действительно смущает такой выбор места для драки.

--- Ты забываешь, капитан, что мы не одиноки. Пусть врагу помогают джунгли, но у нас свои преимущества. На нашей стороне сам Император и благословенная помощь Его слугителей.

В проломе пустотелого пня появился сержант Оссекс.

--- Лорд-библиарий, --- доложил он, --- мы сумели связаться с генералом. Его командная частота подключена к нашей вокс-сети.

--- Отлично, --- отозвался Мерчано, разглядывая свежую клятву, начертанную на наручах брони его подчиненного. Это было обещание отомстить за смерть брата Рельнона. Но иля, упоминавшееся в ней, уже было перечеркнуто. Инквизитор Таггеуш убил Рельнона, но сам потом пал от руки библиария. Воюющие Грифоны быстро справились с этим обязательством.

--- Они уже контактировали с противником? --- спросил Борганор.

--- Никак нет, --- ответил Оссекс. --- Похоже, они даже не подозревают о подлинной природе нашего врага.

--- Разумеется, --- заметил Мерчано. --- Носители Черной Чаши являют собой слишком большую моральную угрозу, чтобы о них можно было говорить обычным людям.

Лорд-библиарий пощелкал переключателем вокса, пока не нашел недавно добавленную в список частоту.

--- Генерал, --- произнес он, --- с вами говорит лорд Мерчано, старший офицер Воюющих Грифонов.

--- Генерал Глейван Варр 901-го
штрафного легиона на связи, --- ответил
ему усталый голос, сопровождаемый
шипением помех, --- вокс у него определенно
недотягивал даже до стандартов
Имперской Гвардии. --- Так говорите, вы
представляете Воющих Грифонов? Я не
думал, что Ванквалис и одной-то армии
Астартес достоин, а тут сразу две.

--- На этой планете нет других
костических десантников, кроме нас, ---
отрезал Мерчано.

--- Командор Сарнедон с вами бы
поспорил, --- сказал Варр. --- Он... и его
Успивающие Души.

--- Так вот, значит, как они себя
именуют, --- бросил библиарий, и его голос
наполнился ядом.

Варр потеглил.

--- Похоже, я чего-то не знаю, ---
осторожно произнес он.

--- Куда больше, генерал, чем вы
можете себе представить. Твари, которых
вы именуете Успивающими Души, на
самом деле предали Императора.

--- Они отступники, --- сказал Варр. ---

Преследуемые Империятом. Да, именно это они мне и сказали.

--- Тогда вы должны были уничтожить их! --- прорычал Мерчано.

--- У нас тут, вообще-то, возникла проблемка с орками. --- Помимо усталости, в голосе Варра звучала и изрядная доля цинизма. --- Сражение еще и с крестовниками десантниками из-за каких-то принципов стоит в списке наших приоритетов не на первом месте.

--- Генерал, речь идет не о простых дезертирах. Испивающие Души присягнули Губительным Силам --- темным божествам варна, поставившим свою печать на их тела. Они прибыли, чтобы поработить эту планету и принести ее в жертву своим покровителям, и воспользовались вашим безразличием, чтобы сделать штрафной легион оруженосцев своей воли. Это все проделки Хаоса, генерал, и вы будете считаться его агентом, если только не покаетесь и не позволите нам уничтожить врага.

Генерал Варр молчал весьма долго, и в воксе были слышны лишь шелест дождя

да приглушенные неумолчные звуки
джунглей.

--- Хаос, значит, --- произнес он.

--- Хаос, --- подтвердил Мерчано. --- Он
умет лишь лгать. И, поверив его лжи, вы
вступаете на путь, ведущий к скверне.
Враг прибыл на Ванквалис, и он куда
страшнее, нежели безумствующая
зеленокожая орда.

--- Мы сражались с ним бок о бок, ---
заметил Варр, --- и расправились с
несколькими тысячами орков...

--- Просто они сами желают
заполучить этот мир. Носители Черной
Чаши, вне всяких сомнений,
воспользовались вторжением орков, чтобы
высадиться на Неверторне. Будь прокляты
эти зеленокожие, но теперь истинный враг
показал свое лицо и должен быть
уничтожен.

--- Что ж, лорд Мерчано, как я
понимаю, вы берете под свое командование
все имперские войска на Ванквалисе?

--- Вы поняли меня верно. И, объединив
наши усилия, мы разделаемся с Черной
Чашей раз и навсегда. Где вы находитесь.

Барр?

--- Мы разбили лагерь на высотах примерно в двух километрах к северо-западу от выхода из Этеящейся лощины, --- ответил генерал. --- Все еще продолжаем собирать тех, кто пережил сражение. Здесь располагаются примерно две тысячи здоровых солдат и еще от пятисот до тысячи укрылись где-то между нами и врагом. Разведчики докладывают, что зеленокожие двигаются на север от холмов, а это значит, что ксеносы уже направляются к побережью.

--- Сейчас у нас есть заботы и поважнее, чем орки, --- сказал Мерчано. --- Предатели сбежали от наших Воющих Грифонов к болотам, лежащим на юге от разрушенной крепости.

--- Я понимаю, о чем вы, --- отозвался Барр. --- На моих картах эти территории помечены как гиблое место. Никому там не пролезть, и даже орки обошли их стороной.

--- Именно там мы и раздается с Черной Чашей. Мои люди подойдут с востока. Вы же соберете свой 901-й и

перекресте западный край. Предатели
покажутся заперты.

--- Оставив свои позиции, мы
предоставил оркам полную свободу
действий, --- заметил Варр. --- Этак они
достигнут моря в три дня, не встретив
никакого сопротивления.

--- Генерал, --- мрачно произнес
Мерчано, --- мой орден поклялся защищать
Банквалис очень много лет назад. Едва до
нас дошел слух о вторжении зеленокожих,
как я поднял своих людей и привел их сюда,
чтобы очистить джунгли от ксеносов. Но
Воюющие Трифоны всегда знали, что рано
или поздно Черная Чаша вернется, и пока
она не будет уничтожена, все прочие
вопросы могут подождать. Ксеносы
ненавистны мне не меньше, чем вам, и
даже больше, ибо я сражался с ними во всех
уголках этой Галактики. Но, поверьте, я
не лгу, когда говорю, что пусть лучше все
жители Банквалиса до последнего
человека погибнут от рук орков, чем из
этих джунглей выйдет живым хоть один
Носитель Черной Чаши. Даже и не
думайте спорить со мной или пытаться

спрашивать, что именно движет нами. Мы ни перед чем не остановимся, когда речь идет о соблюдении клятв. Ни перед чем.

--- Мои люди выйдут на указанные позиции за полдня, --- сказал Варр. --- Если это, конечно, приказ.

--- Приказ, генерал! --- Мерчанс прервал соединение.

--- Штрафные легионы, --- с отвращением произнес Борганор. --- Худшие из худших. Отребье, недостойное милости Императора.

--- Ты прав, отребье, --- согласился библиарий. --- Но с кем послабее зеленокожие уже бы разделались. Среди этих парней хватает закоренелых и матерых убийц. К тому же нас мало волнует, будет ли 901-й стоять и держать бой или же бросится прочь, поджав хвосты. Главное, что они замедлят продвижение Черной Чаши. И как только мы сойдемся в рукопашной, наш враг будет обречен. Протянет ли 901-й достаточно, чтобы помочь нам в бою, мне все равно.

--- Что ж, хотя бы в смерти они на

что-то сгодятся, — сказал Борганор. — Во всяком случае, так от них будет пользы больше, чем при жизни.

— Прикажи капитану Дариону подтягивать патрули и готовиться выступать. Как только штрафники выйдут на позиции, мы захлопнем капкан.

Борганор отсалютовал и покинул площадку, оставив Мерчано заканчивать ритуал очищения.

Вскоре все завершится, и Воющие Трифоны сдержат еще одну древнейшую клятву. Уже к следующему закату на теле Мерчано будет перечеркнуто очередное имя, чтобы всякий раз, испытывая боль, он вспоминал тот день, когда пала Черная Чаша.

Глава тринадцатая

--- На какие уступки мы можем пойти, когда это необходимо для победы?

--- Понятие уступок и компромиссов чуждо Астартес. Погибнуть, но не отступить --- это и есть победа.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

За двойной драмой орочьего похода к побережью и погони Воющих Трифонов за Успивающими Души остались незамеченными многие другие, разворачивавшиеся прямо сейчас в джунглях Неверторна. Крошечные отряды штрафников сражались с разрозненными группами зеленокожих --- обе стороны были отрезаны от основных войск и вынуждены вести локальные войны во имя собственного выживания. Многие беглецы становились жертвами обитающих в

зарослях хищников, исчезая в жвалах
огромных насекомых или погибая в
удушающих объятиях щупалец животных,
прячущихся под землей. Тысячи отдельных
повестей можно было написать о том, что
вершилось в стороне от посторонних глаз.
Люди и орки погибали и героически, и
глупо, уступая силам природы или же
нанизывая друг друга на ножи.

И одна из этих повестей рассказывала
бы о небольших устаревших грузовых
мелноках, спустившихся с неба на исходе
ночи. Они неуклюже приземлились на
изрытом воронками склоне, и из леса тут
же высыпали Испивающие Души,
присягнувшие Евмену и возглавляемые
сержантом Текларом. Они с некоторым
удивлением наблюдали за схваткой между
Воющими Грифонами и воинами
Сарнегона, постигаясь над тем, что их
врага атакуют имперские костические
десантники.

Бесшумно и быстро тяжёлые
Астартес погрузились на «Онагры», с
трудо́м оторвавшиеся от земли. Они
скрылись в небе, когда первые серовато-

зеленые лучи солнца осветили край горизонта, и встретились к «Сломанному хребту», чтобы наконец навсегда оставить эту никчемную планету.

Даже мутировавшие ноги Сарнегона начинали уставать от путешествия через стергящую вязкую жижу. Вонь стояла невообразимая, поскольку утилизирующие животные приходили сюда, чтобы испустить дух и лежать, разлагаясь, в этом царстве тлена и гнили. Деревья, растущие здесь, казались костлявыми рукавами, в отчаянии тянущимися из болота. Покрытые слизью корни изгибались над головами десантников, образуя арки и туннели. Испивающие Души шли уже несколько часов, понимая, что Воющие Грифоны не отстанут ни на шаг.

--- Командор, --- раздался в воксе голос Салка, ушедшего вперед. Отделение сержанта включало в себя нескольких закаленных ветеранов, и Сарнегон все чаще и чаще использовал их в качестве разведчиков. --- Визуальный контакт. Примерно в полукилометре от нас.

--- Воюющие Грифоны?

--- Нет. Похоже, это 901-й.

--- Всем подразделениям ---
остановиться, --- приказал Сарнегон.

Оставшиеся Успивающие Души численностью примерно в две сотни бойцов прекратили месить грязь и затерли, стараясь держать свое оружие как можно выше. Магистр также остановился и прислушался к звукам болота: гудели насекомые, ухали гнездящиеся среди уродливых деревьев птицы, приглушенно булькала вода.

--- Я могу связаться с ними, командор, --- предложил Салк.

--- Нет, сержант, --- ответил Сарнегон. --- Мы не знаем, на чьей они теперь стороне. Воюющие Грифоны запросто могли взять командование полком.

Магистр захлюпал через трясину, направляясь к могучему дереву, возвышающемуся над болотом на высоких корнях, чем-то напоминавших паучьи лапы, и взобрался наверх --- карабкаться по деревьям Сарнегон умел теперь не хуже

какого-нибудь жука, вонзая глинные когти
ног в кору.

С этой позиции его улучшенное зрение
позволяло разглядеть сквозь туман
противоположный берег и край леса.
Солдаты штрафного легиона очень хорошо
замаскировались, вымазавшись грязью и
успеv изготовить импровизированный
камүфляж, и определенно готовились к
бою. Они ждали, что с болот к ним выйдет
враг, которым могли быть только
Успивающие Души.

Между костогесантниками и
позициями 901-го виднелись остовы каких-
то огромных машин, наполовину ушедших
в грязь, еще несколько таких же лежало на
берегу — ржавеющие обломки среди
оплавленных каменных глыб. Вот и все,
что осталось от орчьего астероида,
который протакнулсv мимо цели и
врезалсv в оставшийсv позади холм, —
должно быть, взрыв раскидал посадочный
модуль ксеносов по всему болоту и долине.
Увиденное неожиданно напoтнило о том,
что именно вторжение зеленокожих
привело Успивающих Души на Ванквалис,

но теперь Сарнедону приходилось думать совсем о другом, и с каждой минутой все важнее становились вопросы банального выживания.

--- Их отправили сюда, чтобы задержать нас, --- произнес командор. --- Бедные обреченные грешники.

На берегу возникло движение. Из зарослей выкатывались и влетали в воду «Химеры» --- грубые бронемашины пехоты, используемые Имперской Гвардией. Подернутой ряской безмятежной поверхности побежала рябь...

--- Они собираются атаковать, --- сказал Сарнедон. --- Успивающие Души! Построение в линию!

Позади него костодесантники растянулись в широкий ряд, и каждый из них казался якорем, надежно удерживающим остальную строй. Сарнедон присоединился к ним, сбжав по стволу и прыгнув обратно в воду. Засасывающая грязь затедлила продвижение «Химер» 901-го, и одна из них безнадежно увязла. Верхний люк распахнулся, и наружу посыпались солдаты. Жижга доходила

людям до грюди, но штрафники изо всех сил старались держаться.

Один из них закричал, заметив Успивающих Души. Сотни солдат уже стояли в воде, изготовив к бою лазерные винтовки, несколько тяжелых орудий и даже плазмаганов.

Быть может, отвага толкает их на битву с нами, подумал Сарнегон. Или же эти люди отчаялись выбраться с планеты и теперь просто ищут доброй драки перед тем, как все завершится.

Магистр увидел головную «Хитеру» — командирскую машину, обвешанную антеннами и мощными передатчиками. Из нее тоже выгрузились бойцы, открывшие огонь, едва успев показаться в воде.

--- В атаку! --- раздался крик капитана Люко, ведущего передовой отряд Успивающих Души сквозь лазерный шквал.

Броня космических десантников была практически неуязвима для винтовочных штрафников, и вся эта пальба в лучшем случае могла поцарапать наступающих Астартес. Едва услышав, как первый раз

равкнули болтеры, Сарнегон слотя голову
бросился к командирской «Химере».

Ряды 901-го стремительно редили.
Десятки бойцов погибли в первые же
секунды, повалившись на броню своих БТР
или рүхнуv в сметающуюся с кровью
болотную грязь. Сарнегон воспринимал
происходящее как не итеющее к нему
отношения, бүгто смотрел пункт-запись,
находясь далеко-далеко от этого места.
Грохот выстрелов казался тихим, едва
слышным. Утирала его союзники, люди,
прибывшие освобождать Ванквалис, и было
чүдовищно несправедливо воевать против
них. Но выбора не оставалось ни у одной из
сражающихся сторон. Уничтожение 901-го
было неизбежно --- это была грязная,
жестокая работа, с которой следовало
покончить как можно скорее, забыв об
эмоциях... так, словно казнишь боевого
брата.

В командирскую «Химеру» ударил
плазменный заряд, прожигая ей ее бок, и из
верхнего люка вырвалось пламя. Люди,
прятавшиеся под защитой брони, бросились
кто куда, неуклюже ковыляя в грязи. Их

силуэты ярко вырисовывались на фоне пожара.

Сарнедон и Варр увидели друг друга одновременно. Опаленный языками огня, вырвавшись из его машины, генерал стоял, обнажив клинок — богато украшенную саблю, которую, скорее всего, забрал у погибшего ванквалийского артиллериста, чтобы заменить оружие, сломавшееся под стенами Райтспайра.

— Отходим! — закричал Варр людям за своей спиной, не отводя своего взгляда от командора. — Отдайте приказ! Всем отступить и удерживать берег!

Вокс-оператор, тащивший свой тяжелый ранец через всю эту грязь и темноту, передал распоряжение остальным отрядам 901-го. Но сам Варр не последовал за своими людьми, когда те побежали прочь от приближающихся гигантов, закованных в энергетическую броню.

— Варр! — окликнул его командор.

— Сарнедон, — ответил генерал, — цепочка командования поменялась. Теперь мы стали врагами.

--- Знаю.

--- Будь у меня хоть какая-то возможность все исправить, я бы воспользовался ею. Надеюсь, вы верите мне. Но я служу Империи, а на Ванквалисе это предполагает подчинение лорду Мерчано.

--- Я верю, Варр. И если это хоть что-то значит для вас, то знайте, я и сам бы хотел этого избежать.

Генерал принял боевую стойку, высоко подняв саблю.

--- Покончим со всем быстро, --- произнес он.

Сарнедон выхватил силовой посох. В считанные секунды библиарий преодолел разделявшее их расстояние, и его оружие встретилось с клинком Варра.

--- Воюющие Грифоны? --- спросил Евмен.

--- Да, герб был именно таким, --- ответил сержант Теклар. В полутраке архива Успивающих Души лицо его казалось еще более худым и жестоким, чем обычно.

Евмен развернул установленный на подвижном креплении пикт-экран. Большую часть библиотеки ордена по-прежнему составляли те гата-стеки, которые удалось забрать с потерянного флота, оставленного Сарнедоном после первой Войны Ордена. Их разместили на мозаичном полу вдоль украшенных потускневшими фресками стен корабельной церкви.

На экран была выведена история Воющих Грифонов.

--- Наследники Ультратаринов, --- пробормотал Евмен себе под нос. --- Кровь Жиллимана, примарха, как раз и пригудавшего всю эту затею с Империиумом. Очень надеюсь, что его сыны понесут серьезные потери, прежде чем доберутся до Сарнедона.

--- Никогда особенно не увлекался историей Империиума, --- произнес Текүлар.

Евмен развернулся к нему.

--- Тогда начинай прямо сейчас, --- посоветовал командир мятежников. --- Врага надо знать в лицо. --- Он снова посмотрел на экран. --- Грифоны --- всего

лишь очередные домашние собачонки. По приказу Терры на задних лапках прыгать готовы. К моменту, когда они покончат с Сарнедоном, нам стоит убраться как можно дальше.

Края глаза Евмен заметил, что к нему приближается еще один Испивающий Души -- Паллас, чье лицо все еще было багровым от ожога. Апотекарий пришел в себя после взрыва буквально за минуту и перерыл все летные палубы в поисках Лизриса, но тот сумел уйти.

-- Пристыковался последний «Онагр», -- доложил Паллас. -- Все, кто верен тебе, теперь находятся на борту.

-- Хорошо, -- откликнулся Евмен. -- Что насчет раненых?

-- Есть несколько, -- ответил Паллас, -- но ничего такого, с чем не справится апотекарион, если мне выделят помощников.

-- Лизрис?

-- Все еще скрывается.

-- Он сбежал от тебя, Паллас, -- произнес Евмен.

-- Не спору, -- сдержанно согласился

апотекарий. -- Он сумеет победить меня.

-- Ты повел меня, -- сказал командир мятежников. -- Я ожидаю большего от своих офицеров.

-- Я найду его, Евмен.

-- Разумеется, рано или поздно так и будет. Но этого мало. Мне нужна его голова, и срочно. -- Евмен выключил пиктоэкран и активировал вокс. -- Тигей? Весь орден уже на борту. Сколько тебе еще нужно, чтобы вывести нас в варп?

-- Еще сутки как минимум, -- ответил Тигей.

В переговорном устройстве отчетливо слышался шум моторного отделения. Многие корабли, сплавившиеся в «Сломанный хребет», имели функционирующие варп-двигатели, соединенные вместе таким образом, чтобы «скиталец» мог перемещаться между системами.

-- Сутки? -- Лицо Евмена стало еще более мрачным, чем прежде. -- Изволь объяснить.

-- Лизрис повредил соединения между плазменными генераторами и катушками

накопителей. Все можно починить, но это требует времени. Остановить нас ему не удастся, но вот задержать — вполне.

Евмен злобно покосился на Палласа, чья оплошность позволила технодесантнику свободно перемещаться по всему «Сломанному хребту».

— Время становится решающим фактором. Мы должны уйти в варп, как только будут исправлены двигатели.

— И куда прыгнем? — спросил сержант Текулар.

— Не имеет значения, — ответил Евмен, выключая вокс. — Главное, подальше от этой проклятой системы. А там уже продумает наш следующий шаг.

Евмен знаком приказал Текулару следовать за собой и направился обратно к тостнику, чтобы подготовить систему «Сломанного хребта» к отправлению.

Апотекарий Паллас еще несколько минут продолжал стоять, окруженный дата-стеками, хранящий память обо всем, что он предал. Он повернулся спиной к старому ордену, объединившись с Сарнедоном, а теперь отрекся и от него.

самого. Во всем архиве не осталось ничего, что Наллас мог бы назвать своей историей.

Затем он тоже покинул зал, направившись в апотекарион, где его ждали боевые братья, пострадавшие при обороне лесной крепости. Их связывало общее предательство, и теперь Наллас был обязан поточь им... ведь они были его боевыми братьями. Сарнедон же, как и другие Успивающие Души, оставшиеся на Ванквалисе, должен был быть забыт навсегда.

Драться Глейвана Варра учил отец. И именно это позволило урокам хорошо запомниться. Отец сражался в составе 31-го полка Локразийской легкой пехоты — славного древними традициями подразделения, относившегося к своим мечам с не меньшей серьезностью, чем к огнестрельному оружию. Боевой стиль локразийцев, текучий и стремительный, сочетал в себе элегантность со стертоносностью. Варр-старший был человеком добродушным, но прекрасно

понимал, сколь опасной может быть Галактика, и особенно для его сына, собиравшегося, как и он, сделать военную карьеру. Каждое неловкое парирование, каждый непродуманный выпад богато награждались синяками, и уже к совершеннолетию будущий генерал владел искусством меча не хуже ветеранов Локразийской легкой пехоты.

Однажды отцовский полк отправился на подавление мятежа и так и не вернулся. Но в памяти Варра навсегда сохранились все эти выпад и блоки, финты и добивающие удары.

Но сейчас от них практически не было толку. Сарнедон был огромен и обладал настолько молниеносной реакцией, что даже отец Варра не смог бы сейчас ничего поделать.

В очередной раз отразив удар психосилового посоха, генерал оценил состояние своей сабли — она была помятой, зазубренной, согнутой и вряд ли пригодной для использования в качестве оружия. Он пошатнулся, и тут же рукоять посоха врезалась в его спину, вынуждая

распластаться в грязи. Барр едва не выронил саблю. Он нырнул, нашел ногой дно и рывком распрямился. Его глаза залепила вонючая жижа, и генерал даже не мог видеть своего противника.

Его отец сейчас наверняка бы прокрутился на месте, описав мечом эффектную дугу с такой точностью и скоростью, что поймал бы противника врасплох и перерезал бы тому глотку. Барр так и поступил, вкладывая весь свой вес, всю свою силу в удар, нацеленный туда, где, по его предположению, должен был находиться Сарнедон.

Клинок разлетелся вдребезги. Сломалось также и запястье самого Барра, и рука онемела от боли. Подняв взгляд и старгивая грязь с ресниц, он увидел, что сабля переломилась о предплечье Сарнедона.

И генерала не слишком утешило осознание того факта, что лицо его противника выражало подлинное сожаление, когда психосиловой посох пронзил грудь Барра.

Безжизненное тело сползло с посоха в
воду, гнилая болотная жижа заполнила
дыру в груди генерала. Сарнедон
молчаливо смотрел, как тот погружается
в окровавленную грязь.

--- Командор, --- раздался голос
капитана Люко, --- 901-й отступает.

--- Генерал Варр погиб, --- ответил
ему Сарнедон.

Люко кивнул в сторону позиций
штрафного легиона.

--- Значит, --- произнес он, --- они
лишились командира. Дайте приказ, и мы
просто сметем их.

Сарнедон проследил за взглядом
товарища.

--- Этим мы ничего не добьемся, ---
возразил командор. --- Их отправили сюда
не расправиться с нами, а задержать нас.
Даже если мы просто побежим сквозь них,
они выполнят эту задачу. И Воющие
Трифоны ударят нам в спину.

--- Командор, --- осторожно спросил
Люко, на лице которого явственно
читались сомнение и настороженность,
редко посещавшие костических

десантников, -- ты же не собираешься
сражаться с Воющими Трифонами в этом
болоте?

-- Нет, -- ответил Сарнедон. -- Это
был бы слишком роскошный подарок для
Мерчано. Скажи, капитан, мы все еще
можем связаться со «Сломанным
хребтом»?

-- Не уверен, -- протянул Люко. -- Мы
ничего не слышали от Лигриса с того
самого...

-- Я говорю не о Лигрисе, -- отрезал
командор. -- Мне нужен Евмен.

Евмен распорядился, чтобы его
оставили одного и выключили все
сторонние каналы связи, поскольку никто,
кроме него, не должен был участвовать в
этих переговорах. На мостике появлялось
все больше и больше оборудования, чтобы
новый повелитель мог командовать и
«Сломанным хребтом», и Успивающими
Души без посторонней помощи.

Он подошел к капитанской кафедре,
за которой смотрелся настолько
естественно, словно всегда стоял за ней.

--- Доброго дня, командор, --- произнес Евмен.

На обзорном экране возникло лицо Сарнедона. За спиной низвергнутого магистра были видны ветви уродливо изогнутых деревьев, торчащих среди гнилых болот. Командор с головы до ног был вымазан в какой-то слизи и крови генерала Варра.

--- Предлагаю переговоры, --- сказал Сарнедон.

--- Какой смысл? --- засмеялся Евмен. --- «Сломанный хребет» в наших руках. Варри двигатели уже заряжаются. Мы снимемся с места менее чем через час. Разве ты можешь нам предложить хоть что-то, чем ты нуждается?

--- Выживание, --- произнес Сарнедон. --- Будущее.

--- Не глупаю, что это наше выживание поставлено на карту.

--- Проклятие, Евмен, неужели ты совсем не понимаешь, что происходит? Я не единственный твой враг. Воюющие Трифоны не остановятся, пока все Испивающие Души не будут уничтожены.

И это касается и твоих, и моих людей. Даже если тебе удастся покинуть систему, этот враз сядет на хвост. Ублагодаря численному перевесу уничтожит вас.

--- Это мы еще посмотрим.

--- Евмен, не стану делать вид, будто ты мне не омерзителен. --- Судя по выражению лица, командор с трудом сдерживал гнев. --- Ты предал и меня, и все, ради чего я сражался. Но я не могу позволить Успивающим Души погибнуть. Все они остаются моими боевыми братьями, и я не допущу, чтобы Воющие Грифоны победили только потому, что мы оказались разделены. Отбрось свою гордыню хотя бы на секунду. Ты сам прекрасно понимаешь, что я говорю правду. Если мы не объединим усилия, Грифоны перережут нас по одному.

--- Слышу слова того, кому в затылок дышит смерть, --- подался вперед Евмен. --- Еще раз спрашиваю: что ты можешь мне предложить?

--- Орген.

После слов Сарнегона повисла

неловкая тишина. Евмен глубоко задумался, и темноту вокруг него нарушало лишь мерцание сигнальных лампочек когитаторов и мониторов.

--- Орген, --- повторил Евмен. ---
Успивающие Души.

--- Они перейдут под твое начало, --- сказал Сарнегон. --- Я добровольно сложу полномочия. И ты станешь новым магистром Успивающих Души. В твоих руках окажется все --- тайны «Сломанного хребта», братья, остающиеся со мной, и все остальное.

--- Ты же знаешь, что они никогда не станут сражаться за меня.

--- Зато они подчиняются мне. А я присягну тебе.

--- И этим ты собираешься купить свою жизнь! --- На лице Евмена расцвела широкая мальчишеская улыбка. --- Тебя больше ничего не волнует. Только собственная шкура. Словно животное.

--- Да, словно животное, --- подтвердил командор. --- Если тебе будет угодно так это определить. И я сдержу свое слово, если ты поможешь нам победить Воющих

Грифонов.

--- Надо еще придумать, как вытащить тебя с этой планеты, --- задумчиво нахмурился Евмен.

--- В этом тебе поможет Лигрис, --- подсказал Сарнедон. --- Если ты, конечно, поторопишься.

Евмен посмотрел изображению собеседника прямо в глаза:

--- Ловлю тебя на слове. И помни, однажды я уже победил тебя. И сумею сделать это снова.

--- Я всегда держу обещания, --- трачно отозвался Сарнедон. --- Нет ничего, на что бы я не пошел ради выживания Успивающих Души. Можешь даже убить меня, если это доставит тебе удовольствие. Только сохрани орден. Даже если мне придется потерять все, что мне дорого, чтобы спасти его, я соглашусь.

--- Да будет так, --- произнес Евмен. --- Я принимаю твое предложение. Мы объединились против Воющих Грифонов. Но с этой минуты я становлюсь магистром Успивающих Души. Постеешь обмануть --- и все твои боевые братья обречены.

Плечи Сарнегона поникли, и, должно
быть, впервые за свою карьеру
технодесантника он чувствовал
себя действительно раздавленным.

--- Выведи наш разговор на весь
корабль, --- попросил командор. --- Лигрис
услышит. И тогда мы сможем покончить
со всем этим.

Евмен поспешил переключить канал
связи на вокс-трансляторы, раскиданные по
всему «Сломанному хребту».

--- Сделано, --- ухмыльнулся он,
нисколько не сомневаясь в том, что
отныне является единственным
магистром ордена. --- Я не стану убивать
тебя, Сарнегон. Я просто унижу тебя.
Разрушу все, во что ты верил, и заставлю
тебя смотреть на это.

--- Нисколько не сомневаюсь. Но мое
слово прочно.

Сарнегон обратился к Лигрису по
внутренней связи «Сломанного хребта»,
призывая технодесантника явиться к
Евмену и помочь настроить и
откалибровать точное вооружение
громадного «скитальца».

В голосе командора звучали ничем не
прикрытые скорбь и признание поражения.
Впервые за долгое время Евмен мог
позволить себе расслабиться за
капитанской кафедрой и просто слушать,
наслаждаясь унижением того, из чьих рук
вырвал власть.

Глава четырнадцатая

--- Чемү могут научить нас
ксеносы?

--- Они могут научить нас
ненависти.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

В безмолвном гневe лорд Мерчанс
наблюдал за тем, как над джунглями
распускаются ослепительно-оранжевые
цветы разрывов. Он стоял на затишeлых
катнях у подножия холма, глядя на
заболоченную низину, и со своей позиции
мог видеть желтоватую грязную листву
деревьев, простирающих ветви над
топями, и темную растительность,
затянутую оливково-зеленым покрывалом
стергящие воды. Где-то там продолжала
скрываться цель Воющих Грифонов ---
Носители Черной Чаши, возглавляемые
Сарнедоном. И ведь Астартес Мерчанс
были уже близки к тому, чтобы

разделаться с врагом в этой грязи и вечном сумраке.

Очередной взрыв разметал деревья прямо возле позиций Трифонов. Он пришелся по самому краю болота, где как раз сейчас бы уже шли войска Мерчано, не начнись эта бомбардировка. Раз за разом с неба били мощные энергетические конья и тяжелые снаряды. Охваченный пожарами лес заволгло дымом -- казалось, будто перед Воющими Трифонами выросла огненная стена.

--- Очередная поглость, --- пробормотал лорд-библиарий себе под нос. --- Очередная трусость. Предатели настолько забыли о чести, что даже бой принять не могут.

--- Лорд, --- положил капитан Дарион, выходя из-за катней позади Мерчано, --- мне пришлось отозвать передовые отделения. Они утверждают, что мы не можем продолжать наступление, пока бомбардировка не завершится.

--- Я пришел к тому же выводу.

--- Прицельность обстрела просто исключительна. При обычном

орбитальном ударе снаряды ложились бы по всей долине. Должно быть, Черная Чаша обладает очень древними технологиями, раз может настолько уверенно стрелять по нам в непосредственной близости от своих людей.

--- Осторожнее, капитан, ты начинаешь восторгаться путями врага, --- угрюмо откликнулся Мерчано. --- Никогда не стей заявлять, что кто-то превосходит нас в силе. Мы воины Императора, и ничто не устоит перед Его могуществом, дарованным нам. --- Библиарий отвернулся и вышел на связь с «Лазурным когтем»: --- Говорит лорд Мерчано. Прием.

--- «Коготь» на связи, --- ответил ему флаг-лейтенант Скарлфан.

Он принаглежал не к костическим десанникам, а к тем неаугментированным людям, которые обслуживали Воющих Грифонов, управляя их костическими кораблями и трудясь в мастерских и аптекарione.

--- Мы находимся под орбитальным обстрелом. Откуда он исходит?

--- Сенсоры выявили очень большой

корабль, — доложил Скарлфан. — Он вышел на низкую орбиту и до сих пор прятался от нас на противоположной стороне планеты. Для своих габаритов обладает весьма впечатляющей маневренностью. Огонь открыл буквально пару минут назад.

— С ним можно справиться? — спросил Мерчано.

— Сомневаюсь, что наша флотилия сумеет успешно выполнить эту задачу, — произнес Скарлфан. — Противник обладает значительными запасами вооружения, а размеры не допускают эффективного нацеливания. Мы не можем с точностью установить уязвимые точки.

— Мне необходима максимально подробная информация, — заявил лорд-библиарий. — Полные сканы. Можете рискнуть даже «Лазурным когтем», но подкрадитесь как можно ближе.

— Уже выполняет, — отозвался Скарлфан. — Высылаю полученные сведения на ваш планшет.

Мерчано снял цифровой планшет с тяжелого пояса своей брони. Экран засветился, показывая схему вражеского

корабля. Тот оказался огромным, асимметричным и уродливым. Вокруг изображения плясали графики и колонки цифр.

--- «Костический скиталец», --- произнес Мерчано.

«Скитальцы» образовывались из затерявшихся в варне кораблей, сплавившихся вместе в бесформенную груду металла, уродливую пародию на настоящий звездолет. Время от времени варн выплевывал такие «скитальцы» в реальное пространство, и обычно они кишели ксеносами, преступниками и даже демонами. Не было ничего удивительного в том, что Носители Черной Чаши путешествовали именно так.

--- Признаки жизни?

--- Сканирование почти завершено, --- ответил Скарлфан. --- Объем органики не превышает пока даже одного процента.

--- Чертова штукавина пуста, --- произнес Дарион.

А вот это было уже странно. «Костические скитальцы», эти летающие разносчики скверны, практически всегда

были заражены либо порождениями варна, либо ксеносами -- как правило, совершенно безмозглыми созданиями, движимыми лишь голодом. Но громада, зависшая на орбите Ванквалиса, была, если так можно выразиться, чистой.

-- Похоже, что Черная Чаша не любит делить с кем-либо свое жилое пространство, -- заметил Мерчано. -- Значит, они там одни. Капитан, насколько хорошо ты знаешь Кодекс Астармес?

Во взгляде Дариона читалась явственная обида.

-- Как свои пять пальцев! -- заявил капитан.

-- Тогда ты должен быть знаком с рекомтендуемой тактикой высадки на «костический скиталец».

-- Абордаж? Конечно, лорд-библиарий.

Мерчано обвел рукой заболоченную долину, все еще сотрясаемую болбардировкой.

-- «Скиталец» остелился выйти на низкую орбиту только сейчас. Стало быть, Черная Чаша намеревается покинуть

Ванквалис, вернуться на борт и бежать. Именно в этот момент они окажутся наиболее уязвимыми. И что куда более важно, мы сможем атаковать их, когда они соберутся в одном месте. Все до единого, и даже их звездолет. Тем самым мы гарантированно покончим с ними навсегда.

— Лорд-библиарий, мало что может сравниться по опасности со штурмом вражеского корабля, — с настороженностью в голосе протянул Дарион.

— Я знаю одно, капитан: если мы позволим врагу ускользнуть, разве не подвергнем весь мир опасности куда большей, нежели та, что, вероятно, грозит Воющим Грифонам? Разве не отзовется болью в душе каждого из наших собратьев понимание того, что орден выгнел, как враги собирают свои вещички, но даже не попытался исполнить клятвы, требующие полнейшего уничтожения Черной Чаши? Штурм «скитальца» — это отчаянный ход, но в своей жизни костическим десантникам не приходится делать подобный выбор.

Правда, многие командоры и в самом деле согласились бы отпустить Носителей. Но никого из них здесь нет.

--- Конечно, лорд-библиарий, --- сказал Дарион. --- И я согласен. Но действовать надо, оценив все риски.

--- И это моя работа --- свести их к минимуму, --- произнес Мерчано. --- Поэтому мы не должны остаться одни. --- Библиарий включил вокс. --- Генерал Варр? Ответьте. Лорд Мерчано на связи.

--- Варр погиб, --- раздался в ответ грубый, хриловатый голос, доказывающий невозможности отличающийся от выдающих благородное происхождение интонаций Варра.

--- Кто говорит? --- требовательно спросил Мерчано.

--- Действующий генерал Күллек, --- ответили ему.

Говоривший определенно был и сам стущен сказанным.

--- Действующий генерал? --- Библиарий даже не пытался скрыть своего недоверия. --- Что за чушь?

--- Варр погиб, --- сказал Күллек. ---

Мне пришлось забрать его сапоги.

--- Вы оказались старшим по званию?

--- В штрафных легионах не существует такого понятия. Но я тот, кто сейчас раздает приказы, что делает меня главным. Действующим генералом, как я уже сказал.

В голосе Куллека звучали противные злорадные нотки, словно смерть и разрушения, обрушившиеся на Ванквалис, представляли для него лишь спортивный интерес. Впрочем, учитывая, что штрафные легионы и в самом деле имели довольно упрощенную структуру командования, Куллек, скорее всего, не лгал. И раз уж ему хватило ума до сих пор оставаться в живых, то пусть себе и дальше бежит в чужих сапогах. Хотя, конечно, Мерчано было крайне неприятно полагаться на человека, наверняка осужденного за какое-то ужасное преступление против Императора.

--- Хорошо, --- сухо отозвался Мерчано. --- Вы вступили в контакт с противником?

--- Все еще ожидает, --- ответил

Күллек. — Генерал приказал отступать после первой же стычки, но сам так и берегү и не вышел. Парни начинают нервничать. Не слишком-то весело сидеть и ждать, пока тебя обстреляют. Они хотят настоящей драки.

— Значит, их желание исполнится. Император нуждается в 901-м. Скажите мне, действующий генерал, участвовали ли ваши люди когда-нибудь в абордаже?

В воздухе пахло солью и мокрыми после дождя катнями. Хотя перед ним по-прежнему простирались зеленые заросли джунглей, вожак уже наслаждался чувством победы. Людишки пытались остановить его и сами лезли под орудия, только бы остановить оргу. Пытались, но не сумели. Затем с неба упали настоящие машины убийства, закованные в броню, но даже этим лучшим воинам Человечества не удалось устоять. Им не помогли дешевые фокусы с призывом фальшивых богов, которые должны были напугать зеленокожих и прогнать с Ванквалиса. Во всех случаях побеждали

орки.

Обычно вожак позволял убежать вперед только охотникам и разведчикам, но теперь, когда победа была близка, он и сам лопнул сквозь густые заросли с остервенением, свойственным каждому орку. Механическая рука вырывала корни деревьев, оказавшиеся на пути, и сокрушала гниющие поваленные стволы. Он рвал лианы, пытающиеся опутать его ноги и замедлить шаг. Пар и дым вырывались из его механического корпуса, в тонке жарко горело платя.

Он чувствовал соленый запах моря и наэлектризованность воздуха, предвещающую грозу. Джунгли, словно в страхе, расступались перед вожаком, кроны деревьев колыхались в мощных порывах ветра, и вниз дождем сыпались сорванные листья и поломанные ветви. Внезапно прямо перед лидером зеленокожих вырос непроницаемый барьер из узловатых, прочных, точно железо, деревьев. Он протянулся в обе стороны, преграждая путь.

Вожак испустил яростный рев. Из

сочленений огромной металлической
клешней вырвался пар, когда гигантский
орк в гневе заиграл искусственными
мышцами. С пылающими яростью глазами
он бросился прямо на заросли, раз за разом
обрушивая на преграду стальной кулак.
Брызнула во все стороны кора, начала
разлетаться щепками древесина... Наконец
вожак сумел раздвинуть два ствола,
чтобы протиснуться между ними, и те
затрещали, точно ломающиеся ребра
врага. Из земли поднялись корни, и с
жутким скрежещущим звуком деревья
повалились в разные стороны, роняя
листву.

Сквозь образовавшуюся брешь ворвался
прохладный влажный ветер. Вожак
услышал крики птиц, согнанных с
насиженных мест грохотом падающих
стволов. Над головой он видел серое небо,
затянутое тучами.

Вожак продолжал рваться вперед,
шагая по каменистому склону.
Температура воздуха начала падать,
по дул соленый ветер. Наконец, после столь
долгого заточения, орда вырвалась из

зеленой клетки джунглей.

Заросли обрывались возле высокой каменной гряды, похожей на рубец. Сразу за ней начиналось море. Буря набирала силу, вздымая его воды пенными валами. На горизонте оно встречалось со столь же угрюмым серым небом. Волны разбивались о катни, орошая солеными брызгами и поглесок, и самого вожака.

Зеленокожие достигли той цели, ради которой сражались и гибли на Ванквалисе. Море. Взгляд вожака был устремлен к горизонту, где за беснующимися водами едва заметно проглядывала полоска суши. Не так уж и многое отделяло Неверморн и орков от Хирогрейва — континента, усеянного городами, где было полно презренных людишек, прямо просящихся под орочий нож. Наконец-то вожак смог по настоящему увидеть вожделенный берег. Хирогрейв, где зеленокожие смогут сполна отплатить за все и где боги получают достаточно крови.

Стоя на возвышенности, вожак окинул побережье взглядом. Листва джунглей,

нависавших над скалистыми утесами, была чахлой и коричневатой из-за соленых брызг. Кое-где были видны восхитительные водопады, обрушивающиеся в море и исчезающие в белой пене, ревущей у подножий утесов.

В километре или двух дальше берег изгибался, защищенный гвүтя скалистыми выступами, похожими на тянущиеся груг к гругу руки и образующими волноломы. Там в море вело себя много тише и гжүнгли подходили почти к самому краю черного песка.

Быть может, впервые за всю свою долгую жизнь вожак расплылся в довольной широкой улыбке. Его изборожденное морщинами лицо выражало радость, казавшуюся просто нелогичной для существа, которым движет лишь ненависть и злоба.

Этот мыс был последней целью оргы на Неверторне. Именно здесь много поколений назад люди впервые высадились на зеленом континенте. Теперь о тех временах напоминали лишь развалины нескольких каменных построек да

полуразрушенный маяк, стоявший заброшенным с тех пор, как костогром Палатиута обеспечил куда более безопасные пути перевозки. Впрочем, на данный момент упомянутый город был предан огню.

Вожак видел, что орки уже начинают строить лодки, укрывшись под защитой волноломов в ожидании сигнала к наступлению на Хирогрейв. Гениальность и мастеровитость зеленокожих не знала границ, когда речь заходила о подготовке к резне и завоеваниям, — орда была готова трудиться не покладая рук, стаскивать к берегу толстые стволы и извлекать моторы из своих военных машин, чтобы создать неказистую флотилию, способную пересечь небольшое море, разделяющее два континента. За время пути немало число орков погибнет, когда их разорвут на части вышедшие из строя двигатели или когда потонут их корабли, но все это не имело значения. Зеленокожих все равно останется в избытке, чтобы, высадившись на Хирогрейве, сделать победу неизбежной.

Все было кончено. Орки уже могли

праздновать свой триумф. Человеческие города ничто не могло спасти от разграбления. Оставалось только последовать зову крови.

Все больше и больше зеленокожих выходило из джунглей и взбиралось на острые каменные выступы, чтобы окинуть взглядом расстилающееся перед ними море. Они завывали и улюлюкали, посылали угрозы в сторону далекого Хирогрейва и стеялись над людьми, даже не представляющими, насколько скоро на их головы обрушится гибель. Орки, уже находившиеся на пляже, суетились у подножия утесов, обустраивая временный лагерь. Плюющиеся дымом машины были согнаны к самому краю воды, и рабы, понукаемые плетью, вылезали из своих клеток, чтобы заняться строительством кораблей. Орга действовала быстро, не уделяя ни малейшего внимания вопросам безопасности и комфорта, так что флотилия, созданная безумными мастерами из осадных машин, должна была спуститься на воду самое большее через два или три дня.

На мгновение вожаку захотелось
сбежать вниз по склону, чтобы все
зеленокожее воинство преклонилось перед
ним. Ему хотелось кричать и
вдалбливать в их головы те причины, по
которым он привел их сюда. Он мог бы
рассказать им о том вероломстве, с
которым люди сумели отнять Ванквалис
у орков, поведать о богах и о том, как те
зывают к возмездью. Мог бы попытаться
вселить в их души ту же
самоотверженность и одержимость, что
заставили его привести орду на эту
планету, сметая любые преграды на своем
пути.

Но они бы все равно не поняли. Все
было куда проще — так же как отдельные
орки от рождения обладали познаниями в
технике или примитивной медицине,
вожак имел гены лидера и был способен
продумывать стратегические планы и
видеть скрытые истины, остававшиеся
незамеченными его собратьями. Они
просто не знали, что это такое —
неустанно преследовать свою мечту,
борясь с любыми невзгодами, способными

встретиться на пути, лишь бы прийти к конечной цели. Им и не надо было этого знать, все равно войско скоро пересечет море и уничтожит Хирогрейв, поскольку все зеленокожие были рождены для одного — вечного кровопролития.

Уже ничто не могло остановить оргу, она продолжила бы движение и без приказов. Да даже сам вожак, приди ему в голову такая безумная мысль, не сумел бы теперь спасти Хирогрейв от разрушения.

Единственным безопасным местом в городе осталась небесная яхта, принаследжавшая одному из наследников дома Фалкен, чей трүн, без всяких сомнений, сейчас лежал под дождем среди развалин Палатиута. Узкий корабль, широкие крылья которого ловили воздушные потоки, грациозно парил над шпилями улья. Внутренние помещения были невелики, но комфортабельны, и их, во всяком случае, хватило, чтобы графиня сумела забрать с собой катергера, экипаж и нажей. Летящее укрытие никогда не спускалось, за исключением редких

случаев, когда требовалась дозаявка.
Роскошные пассажирские апартаменты
постоянно наполняли гул турбин и звон
ветра, разбивающегося о крылья.

Лорд Совелин Фалкен припал перед
Устенисой на одно колено. Его плечи
наконец распрянулись, словно он сбросил с
себя тяжкий груз. Несмотря на то что
после появления на побережье Хирогрейва
артиллерист как минимум попытался
привести себя в порядок, он по-прежнему
был небрит, а его парадная форма была
изодрана и прожжена. В любой другой день
Совелина просто прогнали бы прочь, сочтя
его облик неподобающим для аудиенции с
графиней.

— Моя госпожа, — голос командира
артиллерии грожал, — я прибыл с вестями
из Неверторна.

Устенисса Фалкен распрянулась и
посмотрела на своего гостя сверху вниз.
Даже в этой обстановке, куда менее
величественной, нежели та, к которой она
привыкла, графиня продолжала излучать
авторитет власти и непрекращаемого

--- Стало быть, ты прогелал долгий
путь, --- произнесла она.

Устенисса успела переодеться в
траур, чтобы выразить, насколько ее
печалит положение, в котором оказались
города Хирогрейва, --- прежний роскошный
наряд стенило черное платье с алой
оторочкой, а под глазами графини были
нанесены при помощи косметики темные
крѳги, подчеркивавшие ее скорбь из-за
последних событий. За ее спиной через
узорчатые окна пассажирской каюты был
виден дым пожаров над шпилями
охваченного беспорядками города.
Недовольство населения росло, все чаще
выплескиваясь в виде столкновений между
разъяренными, напуганными гражданами и
личной стражей дома Фалкен. Стычки
эти иногда перерастали в кровавые
побоища, из которых люди Устениссы
далеко не всегда выходили победителями.
На яхту сагились в спешке, опасаясь, что
до нее может добраться обезумевшая
толпа.

--- Я шел от самого Палатиута, ---
продолжал Совелин, не поднимая глаз от

пола. — Мы сражались бок о бок с Имперской Гвардией, пока нас не предали Носители Черной Чаши. Тогда мне пришлось пробиваться к побережью и отслеживать перемещения зеленокожих.

— Я никогда не думала, что ты сумеешь хоть в чем-то сравниться с прочими членами дома, — произнесла графиня. — Мне мыслилось, ты окажешься бесполезным для нашего мира и всегда будешь держаться в стороне от огней битвы. И уж точно я никогда бы не поверила, что тебе удастся вырваться из Палатиута, когда этого не смогли даже такие люди, как мой супруг.

Лорд Совелин поежился, не зная, как правильно ответить.

— К сожалению, моя госпожа, — произнес он.

— Но ты выжил. Так скажи, какие вести ты принес?

— Госпожа, я прятался на берегу и наблюдал. Ждал орков. И они пришли. Они лопотились сквозь джунгли словно... словно одно огромное чудовище, сметая со своего пути могучие деревья. У заброшенной

пристани мне удалось найти старое судно, держащееся на плаву, и на нем я успел отправиться к Хирогрейву. Зеленокожие уже вышли к морю, хотя их изрядно потрепала Имперская Гвардия. Нет никаких сомнений, что ксеносы скоро вторгнутся на Хирогрейв. И это вопрос ближайших дней, моя госпожа.

Графиня погрузилась в молчание. Она отвернулась к окну и взглянула на город, чьи улицы были охвачены пожарами, расчертившими тьму сложным огненным лабиринтом. Засуетились дети, направляя длинную траурную вуаль, ниспадающую по черному платью. У дальней стены, время от времени выпускающие струйки холодного пара, расположились портативные ювенантные модули, более новые и менее эффективные, нежели те, что были установлены во дворце.

--- Посмотри на меня, Совелин, --- произнесла Устенисса.

Лорд поднял голову, но все еще не решался встретить ее взгляд.

--- Неужели ты пересек весь Неверторн, а затем и море, после чего

отчаянно добивался разрешения подняться на мою яхту только для того, — сказала графиня, — чтобы сообщить, что все мы обречены?

— Нет, моя госпожа. Я прибыл, чтобы сообщить, когда появятся зеленокожие. Если встретить их на берегу, мы сможем прогнать врагов прочь. В момент высадки они будут наиболее уязвимы.

— Я знаю это, Совелин. И это с самого начала был единственный реалистичный план по защите Хирогрейва. Но посмотри сам!

Устенисса указала на простершийся пог нили город. Проследив за ее взглядом, лорд увидел языки пламени, пылающие во мраке. Внезапно мощный взрыв сотряс один из погруженных в темноту шпилей, и здание начало заваливаться набок, точно погрубленное гровосеком дерево.

— Граждане Хирогрейва обезумели от страха, — продолжала она. — Сутасшедшие пророки слоняются по улицам, предвещая конец света, и им верят. Даже малейшая сплетня способна толкнуть людей на мятеж. Телохранителям пришлось

запахать меня в эту проклятую
летающую штуковину, потому что они
уже не могли обеспечить безопасность в
моем собственном тронном зале. И с
каждой минутой, Совелин, число убитых
растет... убитых! Они кучами лежат на
улицах. Войска, все еще верные дому, уже
не способны навести порядок. С тех пор как
Стражи погибли в Палатиуме, нам
недостает людей, чтобы одновременно
давить беспорядки и сражаться с орками
на побережье. Это просто выше наших сил.

--- Похоже, госпожа, теперь вы
убеждаете меня, что все мы обречены.

--- Все-таки встреча с зеленокожими
серьезно повлияла на тебя, Совелин, ---
строго посмотрела графиня на своего
молодого родственника. --- Ты совсем забыл
о манерах. Я не виню тебя за то, что ты
принес скверные вести. В конце концов,
это твой долг. Но как я могу отрицать,
что они не обещают нам ничего, кроме
катастрофы? Кажется, ты также
упомянул о Черной Чаше?

Совелин вздохнул.

--- Даже не знаю, --- произнес он. --- Я

сбежал от них.

--- Проще говоря, ты, сверкая пятками, побежал к морю. И даже не попытался остаться и принять бой.

--- Госпожа, к тому моменту я остался один! Я понимал, что мне нечего ил противопоставить. Поэтому я сосредоточился на том враге, которого мы можем одолеть собственными силами, --- на зеленокожих.

Графиню его слова определенно не впечатлили.

--- Черная Чаша обречена, --- сказала она. --- На наш зов откликнулись Воющие Трифоны. Когда-то давно они поклялись уничтожить Носителей. Но зеленокожие остаются проблемой.

--- Моя госпожа, --- произнес Совелин, --- прошу разрешения откланяться. Когда вы снова понадобится дозаяправка, я хотел бы сойти на землю. Я отправлюсь к морю и сделаю все возможное, чтобы организовать оборону. Это лучший шанс одержать победу над орками. Возможно, мне удастся набрать ополченцев в прибрежных городах. Во мне кровь рода

Фалкен, на мне форма Стража. Быть может, мое личное присутствие поможет что-то изменить.

--- Что именно, лорд Совелин? Исход битвы или твой собственный статус? Неужели ты думаешь, что, попытавшись встать на пути орков, ты как-то искупишь свое позорное бегство от Черной Чашы?

Совелин распрямился во весь рост, и усталость не позволила ему сдержать гнев.

--- Госпожа, я чуть не погиб! --- закричал он. --- Я снова и снова оказывался на самом краю смерти. Мне приходилось ползать в зловонной грязи, чтобы не попасться на глаза зеленокожим. Я шел и днем и ночью, чуть не утонул, пока не попытался добраться до Хирогрейва, чтобы защитить свою планету и свой род! Чего еще вы от меня хотите?

Графиня посмотрела на Совелина поверх собственного царственного носа, оставшись совершенно равнодушной к этому эмоциональному взрыву.

--- Мне хотелось бы, лорд Совелин,

чтобы погиб ты, а на твоем месте сейчас
бы стоял мой муж --- один из
главнокомандующих ванквалийскими
Стражами. Да, именно этого. Так что
можешь проваливать на свое побережье,
раз уж именно так собираешься окончить
свои дни. А я должна остаться и сделать
все возможное, чтобы мои люди перестали
убивать друг друга в страхе перед орками,
которые еще даже не появились.

Лорд Совелин не ответил. Он только
поклонился, развернулся на каблуках и
вышел из импровизированного тронного
зала, оказавшись в кают-компании, откуда
мог сойти на землю при следующей
остановке.

Графиня же вновь повернулась к окну
и посмотрела на город. Там, далеко внизу,
по-прежнему продолжали полыхать улицы
улья.

Корабль ксеносов спускался сквозь
листву, откусывая ветви своими черными
стальными челюстями. Всполохи
непрекращающейся бомбардировки
отбрасывали странные тени на его

переливающийся темный корпус.

Внутри челнока, расположившись в кокпите, сидел Лигрис. Испытывая самые дурные предчувствия, он все-таки воспользовался разрешением на вылет. Никто из Успивающих Души не верил, что Евмен и в самом деле позволит техногесантнику вернуть их на борт «Сломанного хребта». Все видели за этим шагом очередную уловку предателей. Только Сарпедону удалось убедить Лигриса воспользоваться этим изготовленным неведомой расой челноком, спрятанным в глубинах «скитальца», и вылететь к болотам Ванквалиса, рискуя угодить под огонь орудий.

Успивающие Души, стоящие в гнилой воде, сорвались с места, направляясь к кораблю, зависшему на высоте груди; генераторы антигравитации, изготовленные ксеносами, позволяли машине парить в воздухе, даже незначительно не тревожа поверхность воды. Вскоре первый десантник уже подтягивался, чтобы забраться в грузовой отсек челнока.

Последним собирался подняться на борт Сарнедон, наблюдавший за посадкой своих Астартес, -- корабль ксеносов не был вооружен и обладал весьма слабой броней, поэтому эвакуацию следовало проводить максимально быстро и не дожидаясь, пока 901-й или Воющие Грифоны решат испытать на них тяжелое вооружение. Командор не испытывал ни малейшей радости от осознания своей уязвимости -- костические десантники никогда не подвергали себя такому риску, но выбора не было.

-- Надеюсь, Сарнедон, что это того стоило, -- заметил Люко, чей отряд выполнял функции прикрытия, готовясь дать отпор и штрафникам, и Воющим Грифонам, если те подберутся достаточно близко, чтобы помешать отлету.

Командор покосился на стоящего рядом с ним капитана. Тот придал лицу предельно воинственное выражение, словно наслаждался происходящим. Сарнедон же не чувствовал подобной самоуверенности.

-- Орген должен выжить, -- произнес

он. -- Мы и без того принесли слишком много жертв.

-- Нет, Сарнедон, больше никакого порядка. Он умер, когда ты прикончил Горголеона. У нас остались только принципы, ради которых мы сражаемся и умираем и без которых превратились бы всего лишь в одну из многочисленных банд отщепенцев, убивающих людей без всякого повода. Евмен не верит в то, во что веришь ты. И если он получит власть, Испивающие Души прекратят свое существование.

-- Если мы не станем сотрудничать с Евменом, нас будут преследовать, точно дичь, и в конце концов прикончат на этой планете, -- возразил Сарнедон. -- Разве лучше будет умереть?

-- Да! -- взорвался Люко. -- Что это за альтернатива, если мне придется жить в бесчестье, убивая во имя целей, в которые я никогда не верил? Если придется повиноваться тому, кто предал меня? Да лучше сдохнуть, чем сражаться за это!

-- Тогда уходи, капитан, -- сказал Сарнедон, махнув в сторону челнока, куда

грузились Успивающие Души. --- Скорее всего, эти парни последуют за тобой. Веди их обратно в болота и сражайся до последнего. Если это то, чего ты хочешь, можешь отречься от меня и погибнуть так, как тебе нравится.

Люко не смог сразу найтись с ответом. В течение долгих жутких секунд он просто смотрел в глаза Сарнедону, пытаясь понять, в самом ли деле тот готов разрешить подобный исход.

--- Я подчинюсь, --- наконец сказал капитан. --- Поскольку лишь так я обретаю надежду отомстить за Каррайдина и братьев, погибших от руки Евмена. И еще потому, что я по-прежнему считаю тебя своим магистром.

--- Командор, капитан, --- окликнул сержант Салк, подходя к ним, --- все наши на борту, и Лизрис готов отправляться. Пора.

Втроем они пробрались через трясину к зависшему в воздухе челноку. Почти две сотни Успивающих Душ набились внутрь грузового отсека.

прижатаясь друг к другу бронированными телами. Одной ракетой, выпущенной 901-м, одной болтерной очереди со стороны Воющих Грифонов, одного промаха «Сломанного хребта» хватило бы, чтобы покончить с ними. Вся эта ситуация была крайне неприятна Сарнегону: тяжёлая Императором проклятая планета, полная беззащитности. Впервые со смерти Торголеона Успивающими Души командовал кто-то другой, кто мог приказывать уничтожить их всех.

Командор погрузился на корабль последним. Темный, кажущийся жидким металл соткнулся под ним, образуя странным образом изгибающийся пол, чем-то напоминающий панцирь жука. Сарнегон ощутил на себе взгляды остальных. Астартес — к этому моменту каждый из них знал о выборе, сделанном их лидером, о том, что он добровольно передал командование ордену Евмену. Сарнегон оставался их братом и командором, и никто не осмелился задать те же вопросы, что Люко, никто не подверг его действия сомнению. Но командор явно видел

осуждение в их взглядах, ранящее куда
больнее иных слов.

Молчал и Уктинос, хотя именно от
него Сарнедон ожидал попыток
опротестовать передачу власти Евмену.
Командор даже готовился к поединку с
капелланом, для которого традиции и
принципы органа были особенно важны. Но
Уктинос молчаливо согласился с
происходящим и погрузился на челнок,
чтобы вернуться на «Сломанный хребет».
Сарнедон понимал, что только благодаря
этому примеру ему удалось убедить
остальных Успивающих Души принять
сделанный выбор.

— Лизрис? — спросил по воксу
Сарнедон.

— Готовы к взлету, — отозвался
техногесантник из кокпита — кокона
жидкого металла, чьи стены текли,
подобно ртути.

— Рад слышать твой голос.

— А я рад, что все еще могу
услужить, Сарнедон, — ответил Лизрис. —
Еще раз скажу, что все готово к пуску.

— Тогда улетаем.

Корабль ракетой взлетнул в небо, и на плечи магистра обрушились мощные перегрузки. На обратный путь к «Сломанному хребту» должно было уйти меньше часа, и командор понимал, что скоро ему придется выдержать еще одну битву.

Для начала им предстояло схлестнуться с лордом Мерчано и Воющими Трифонами. А затем, если удастся выжить, его ждала встреча с правосудием Евмена.

Глава пятнадцатая

--- Как сражаются
Успивающие Души?

--- Их кровь холодна, словно
межзвездное пространство, они
действуют быстрее, чем
вылетают заряды из их
болтеров.

Дениятос. Боевой
Катехизис

Уже несколько часов царило затишье.
А если судить по тому, как прошли
последние дни, над побережьем повисло
напряженное, предвещающее бурю
безмолвие.

Зеленокожие закончили
строительство своей разномастной
флотилии, и Хирогрейв уже понес первые
потери, когда орочьи катапульты
перебросили мощные заряды через море. Но
конечно, все это казалось мелочью по
сравнению с тем, что орда собиралась

устроить, ворвавшись в перенаселенные города.

Тем временем на Хирогрейве все больше людей гибло от рук своих же сограждан и солдат семьи Фалкен. Один из ульев был охвачен масштабным восстанием только потому, что какой-то ребенок заявил, будто видел призраки имперских святых, требовавших покаяния от граждан Ванквалиса. Конторы переписчиков населения подверглись нападению разъяренной толпы, решившей, что там прячут запасы провизии и оружия. Целый округ оказался во власти пожаров; гвардейские части, и без того выбивавшиеся из сил в попытках сдерживать мародеров и нарушителей спокойствия, были вынуждены позволить городу гореть.

Сквозь джунгли продолжали прорываться изолированные группы штрафников и ванквалийских Стражей, порой сталкиваясь с орочными бандами, отставшими от остальной орды. Кто-то так и не смог дойти до берега и погиб, сгинув в зыбучих песках или попав на зуб местным хищникам.

Потери обеих сторон исчислялись тысячами, но это теперь не имело значения. Ситуация на Ванквалисе давно миновала черту, за которой одна конкретная жизнь теряла всякую ценность. Все стороны, будь они на орбите или на поверхности планеты, готовились к следующей и завершающей стадии.

Момент настал, и по всему корпусу «Лазурного когтя» распахнулись голодные зевы пусковых шлюзов. Из них вырвались потоки серебристых семян — абордажных шлюпок, устрелившихся прямо к уродливому и бесформенному «костическому скитальцу».

— Приветствую тебя, Сарнегон, — возгласил Евмен, и в голосе его звучала властность. — Давно не виделись.

Главарь мятежников вместе со своими людьми стоял посреди арены, переоборудованной под летнюю палубу. К нему прилкнули более двух сотен Успивающих Души, включающие и совсем зеленых новобранцев, и закаленных в боях ветеранов. Был среди них и апотекарий

Паллас. Ремонт «Громовых ястребов», размещенных в этом зале, был в полном разгаре. Еще очень многое предстояло сделать, чтобы исправить повреждения, причиненные Лигрисом, и вернуть Успивающим Души былую мобильность.

Сопровождаемый своими людьми, командор выпрыгнул из люка шарообразного челнока на палубу. За ним спустился и Лигрис, выбравшись из кокпита, чтобы присоединиться к братьям, выстроившимся за спиной Сарнегона.

Тот ничего не ответил Евмену. Да и нечего было говорить. Кому принадлежит власть, было ясно без лишних слов.

--- Твои люди обеспечат безопасность восточной части, --- заявил татежник. --- Там расположены моторное отделение и архивы. Я буду командовать западом и носовым отсеком, включая мостик. Ни тебе, ни твоим людям не дозволяется даже близко подходить к ним, иначе мои воины откроют огонь на поражение. Ты меня понял?

--- Понял, --- ответил Сарнегон.

Он просто кожей чувствовал гнев, исходящий от Успивающих Души, выстроившихся за его спиной. На секунду командору даже показалось, что все закончится здесь и сейчас, что десантники сценятся и будут сражаться, пока никого из них не останется в живых. Но в следующее мгновение капеллан Уктинос встал возле Сарнегона и отсалютовал Евмену. Тот ответил тем же, и командор почувствовал, что его люди хоть немного, но расслабились.

— И что дальше? — спросил Сарнегон. — Предположим, мы победим Воющих Грифонов. Какая судьба ждет нас?

— Чтобы подумать над этим, у меня еще полно времени, — ответил Евмен. — Те, кто присягнет мне, смогут остаться. Что делать с остальными, я решу, когда ты уберется из этой системы.

Вперед шагнул капитан Люко:

— Скажи, Евмен, что могло подвигнуть тебя на такое?

Сарнегон опустил ладонь на плечо товарища, удерживая того от необдуманных поступков.

--- Я потню наш разговор в
Грейвенхолде, капитан, --- улыбнулся
Евмен. --- Ты еще болтал о том, насколько
тебе ненавистна война, что вся твоя
бравата --- лишь маскировка и что ты
продолжаешь сражаться через «не хочу»
только потому, что должен защищать
то, во что веришь. Так вот и я верю и
сражаюсь за свои убеждения. Ничего
больше. Все-таки я костогесантник. Если
мы перестанем отстаивать свою веру,
кем же мы станем?

Сарнедон услышал тихий щелчок
предохранителя, активировавшего когти-
толнии Люко, и тихий гул
разогревающихся генераторов силового
поля. Капитан весь подобрался, и командор
понял, что его друг готовится броситься в
бой.

--- Акулы во тьме! --- прогремел из вокс-
динамиков сигнал, поданный с мостика
«Сломанного хребта», и Сарнедон узнал
голос Тидея --- одного из бойцов скаутского
отделения Евмена. --- Уклон в тридцать
градусов. Угуг прямых курсом!

--- Подлет? --- отозвался Евмен.

--- Двадцать минут, может, меньше.

--- Болтать больше некогда. Сарнедон, отправляй людей на позиции. Всех остальных занять назначенные места. Мостик, задействуйте все оборонительные системы. Необходимо отогнать абордажные шлюпки!

Снаружи «Сломанный хребет» выглядел поистине чудовищно. Свое имя «скиталец» заслужил за характерные выгнутые очертания. Десятки кораблей сплавились воедино, превратившись в гротескную махину, из которой местами выступали биологические наросты, напотинающие вывалившиеся кишки, а кое-где сверкали стальными ребрами обнаженные скелеты погибших звездолетов. Поверхность «Сломанного хребта» была покрыта ржавчиной и чем-то, напотинающим торские раковины, крылья и скопления сенсоров торчали под немыслимыми углами. Из глубоких разломов, наводящих на мысли о свежих ранах, порой начинал сыпаться мусор. Десятки двигателей «скитальца»

плывались огнем во всех направлениях. Орудийные башни вращались, точно глаза хателеона.

Косая имперских штурмовых шлюпок плыл к чудовищному кораблю, начиная раскручивать огромные буровые установки, расположенные сразу под аквилатами, венчавшими их носы. Более тридцати шлюпок, набирая скорость, зацепили верхние слои атмосферы Ванкваласа и устремились к своей цели, уворачиваясь от огня орудий «Сломанного хребта».

Основное вооружение «скитальца» — торпедные установки и крупнокалиберные защитные орудия мало годились для установки столь небольших атакующих шлюпок, поэтому вся энергия была перенаправлена на оборонительные системы. С приближением абордажных шлюпок над броней «Сломанного хребта» всплывало все больше и больше орудийных башен, и вскоре «скиталец» открыл шквальный огонь. Вспыхнуло и тут же исчезло защитное поле первой лодки, когда в нее разом ударили несколько лазерных импульсов. В черноте костюса расцвел

белый бутон ядерного взрыва, угасший уже в следующую секунду, оставив в напотинание лишь обугленные обломки и тела.

Погибла еще одна шлюпка, а затем и третья. Но остальные продолжали рваться сквозь загадительный огонь, скрываясь в тени «скитальца», зависшего на фоне ослепительно-яркого Обсидиана.

Первая абордажная команда, врезавшаяся в «Сломанный хребет», погибла, когда ее бур скользнул по обледеневшей броне, и капсула разбилась о «скиталец». Но за ней последовали и другие, взрываясь во внешние слои корпуса и проталкиваясь с помощью пылающих моторов все глубже. Словно клещи, они присасывались к «Сломанному хребту». Впервые с того дня, как Сарпедон и его Испивающие Души изгнали ксеносов, «скиталец» оказался наводнен чужаками.

Евмен вел своих воинов через тьму по древним коридорам и орудийным палубам «Махария Виктрикс». Древний корабль являл собой один из наиболее опознаваемых

компонентов «Сломанного хребта». Повсюду виднелись знаки принадлежности к Империи. Из мрака возникали золоченые орлы, а на стенах, покрытых вековым слоем пыли, все еще виднелись слова молитв.

--- Текүлар, на тебе фланги! --- приказал Евмен, когда его отделение добралось до главной оружейной палубы «Махария Виктрикс».

Огромные орбитальные пушки, давно заклиненные ржавчиной в одном положении, казались древними памятниками войны и занимали сразу несколько этажей, скрываясь в полутраке. Текүлар поспешил собрать своих людей и вместе с ними растворился во тьме.

--- Мостик, --- передал Евмен, --- есть данные, откуда они полезут?

--- Никак нет, --- откликнулся Тигей. --- Но точно появятся в вашем секторе. К сожалению, сенсорное покрытие в этом месте оставляет желать лучшего.

--- Будь ты проклят, Тигей, что я, по-твоему, должен... --- Евмен сбился на полуслове. --- Тишина!

Все затерли, прекратив обследовать палубу, и стволы болтеров задержались, изучая темноту.

Евмен напряженно прислушивался. Его окружали привычные звуки «Слотанного хребта» — скрежет металла о металл, отдаленный гул турбин и шумы, являвшиеся обыденными для наиболее горячих частей «скитальца». Но за ними было слышно тихое жужжание, словно на корабль проникли какие-то насекомые.

— Сверлят там! — крикнул Евмен, указывая в направлении мощного орбитального лазера, расположенного у дальней стены.

Успивающие Души выстроились в боевой порядок и двинулись в указанном направлении, подняв оружие.

Евмен нацелил в вычисленную им точку свой гвуствольный модернизированный штурмовой болтер. Его он обнаружил в оружейной ордена, скрытой в глубинах «Слотанного хребта», — должно быть, болтер некогда получил в награду кто-то из Успивающих Души, удостоившихся капитанского

звания, а может, даже и великий герой
прошлого, но Евмен полагал, что имеет
полное право владеть этим болтером,
поскольку отныне возглавлял орден. Более
того, нового магистра даже забавляла
ирония того, что он сжимал в лапони
символ Империи, ведь стволы
располагались под крыльями золотого
орла.

Евмен и его космогесантники
поражались с первой из огромных лазерных
установок, чей генератор уходил к самому
потолку оружейной палубы. Когда
«Махария Виктрикс» впервые отправился
на войну, для обслуживания этой пушки
требовалось не менее сотни человек,
которые бы крутили тяжелые колеса,
наводя ее на цель, или же поливали
генератор водой, чтобы тот не перегрелся
и не расплавился от накапливающегося в
нем заряда. Но теперь могучий корабль
прошедших времен был безмолвен и
заброшен, многие элементы его
конструкции давно демонтировали, чтобы
использовать их для восстановления
других механизмов «Сломанного хребта».

«Махария Виктрикс» был столь же никчем и искалечен, как и Император, которому когда-то служил.

Теперь до Евмена стали долетать и новые звуки — голоса, восклицающие в гневе и каком-то диком веселье... улюлюканье и стех... песнопения. И, судя по тому, что было написано в архивах органа, это нисколько не напоминало Воющих Трифонов.

— Всем укрыться! — приказал Евмен.

Успивающие Души попрятались за необъятными машинами лазерного оружия. Голоса незваных гостей звучали все отчетливей, и вскоре тьме озарила яркая вспышка взрыва, разметавшего в стороны ржавые металлические пластины и поднявшего в воздух многовековой слой пыли. Ее угдушливое облако накрыло весь зал, подобно плотному туману.

Из темноты стали возникать чьи-то тени. Первым не выдержал Евмен, открыв огонь из обоих стволов.

Перепрыгивая через падающие тела, отчаянно сквернословя, сквозь клубящиеся облака пыли рвались две тысячи бойцов

901-го штрафного легиона, стреляясь
дотянуться до Успивающих Души.

Уловка сработала. Лорд Мерчано
погрузил всех штрафников на abordажные
шлюпки «Лазурного когтя» и направил их к
противоположной стороне «костического
скитальца». Учитывая, что джунгли по-
прежнему кишели орочными бандами,
пилоты «Грозовых ястребов» испытывали
удачу, когда забирали 901-й с болот. Но
Мерчано был готов пойти на любой риск.
Штрафники создавали возможность
тактических ходов, недоступных, пока
костические десантники действовали
сами по себе. Гвардейцев можно было
использовать в качестве пушечного мяса,
завалить противника трупами, пока к
нему приближаются настоящие ударные
войска.

— Вы уверены, что они проникли на
борт? — спросил Мерчано.

Он стоял на мостике «Лазурного
когтя», обустроенного вокруг алтаря,
посвященного всем когда-либо погибшим
Воюющим Грифонам. Жертвенник стоял на

вершине невысокой пирамиды, где также располагался капитанский пост, терминалы старших офицеров были размещены уровнем ниже, а младший персонал занимал ниши у ее подножия.

--- Вне всяких сомнений, --- откликнулся флаг-лейтенант Скарлфан, который, поскольку был простым человеком, казался карликом рядом с лордом-библиарием. Он был худощавым, обладал пронзительным взглядом, копной седых волос и служил ордену уже много лет. Впрочем, сколь бы ни были велики его заслуги, но его статус оставался ничтожным по сравнению с крестовыми рыцарями-десантниками. --- Несколько шлюпок успели подстрелить, но в основной своей массе они достигли цели.

--- Наблюдается ли какая-либо активность внутри «скитальца»?

--- Его структура слишком сложна для детального сканирования. Но мы фиксируем применение легкого вооружения в точке проникновения.

--- Значит, противник увяз в драке. 901-й долго не продержится, да и

Успивающие Души скоро разгадают нашу уловку. Выводите «Коготь» на цель.

--- Слушаюсь, лорд Мерчано, --- отозвался Скарлфан. --- Постан навигации и наведения! Угел курсом на сближение! Щиты правого борта поднять!

--- Братья, --- произнес Мерчано, обращаясь по воксу ко всем отрядам Воюющих Грифонов, застывшим перед своими офицерами на десантной палубе и возносящим молчаливые молитвы перед последней битвой, --- укрепите свои души. Черная Чаша стогла бежать от нас на Ванквалисе, пытаясь уйти от правосудия. Но мы загнали их в угол, точно крыс, на их же собственном корабле и теперь готовы уничтожить. Пора им убедиться, что Воюющие Грифоны всегда держат свое слово!

«Лазурный коготь» неторопливо и величественно выплыл из плотной завесы грозowych туч, повисших над Ванквалисом, и, оставляя за собой туманный шлейф, скользнул в безвоздушное пространство. Конечно, на самом деле корабль двигался с

максимальной скоростью, какую экипаж
остеливался выжимать из двигателей, но,
благодаря размерам и расстоянию,
казалось, что «Козоть» приближается к
«Сломанному хребту» с нахальной
медлительностью.

Воющие Грифоны покинули орбиту
сразу же, как выпустили абордажные
шлюпки, набитые солдатами 901-го...
покинули, чтобы нырнуть в верхние слои
атмосферы Ванквалуса. Полет сквозь
грозовые тучи был кратковременным, но
довольно рискованным. Впрочем, Мерчанс
счел риски приемлемыми, раз это
позволяло незаметно подкрасться к
«Сломанному хребту» и выйти прямо под
его днище.

У Испивающих Души вполне хватило
времени, чтобы открыть огонь по
шлюпкам, на которых к «скитальцу»
летели бойцы 901-го. Но в этом случае
расстояние было настолько мало, что
далеко не каждый наводчик противника
успел заметить приближение
выкрашенных в цвета Воющих Грифонов
штурмовых капсул и боевых челноков.

выпущенных с «Лазурного когтя».

Два корабля обменялись залпами, и «скиталец» лишился всех своих нижних орудий. Приказ Мерчано был однозначен: сделать все, чтобы абордажные группы добрались до цели, даже если это поставит под угрозу сам «Лазурный коготь». Когда боевая баржа приблизилась и открыла плотный огонь, наводчикам «Сломанного хребта» пришлось отвлечься от штурмовиков.

Один за другим десантные торпеды врезались в подбрюшье «костического скитальца». Засверкали лазерные резак, разбрасывая алые брызги плавящегося металла, прокладывая путь сквозь толщу внешней обшивки. Ревели двигатели, заставляя абордажные капсулы проникать все глубже, подобно лесному хищнику, пытающемуся достать свою жертву из норы.

Затем «Лазурный коготь» принял всем корпусом несколько мощных залпов и начал заваливаться обратно в атмосферу Ванквалуса. Боевая баржа выполнила свою работу, и теперь все зависело только от

Воюющих Грифонов, которым предстояло открыть второй фронт в финальном сражении против Черной Чаши.

Лизрис оставался единственным, кто действительно понимал внутреннее устройство «Сломанного хребта», хотя и его знания были далеко не полными. И все, что было ему известно, хранилось в виде на скорую руку зарисованной карты в его цифровом планшете. Сарнедон взглянул на экран через плечо техногесантника и увидел схематичные изображения многочисленных кораблей, сплавившихся в единый остров. Были нанесены на карту и куда более странные, до сих пор остающиеся неизученными фрагменты, которых на «Сломанном хребте» было немало.

Освещение на украшенной позолотой роскошной орбитальной яхте было довольно скудным, поскольку большую часть энергии забирали сейчас боевые палубы. И расписные стены излучали отраженным зеленоватым светом, исходящим от цифрового планшета.

--- Они стыкуются к нижним
налубам, --- сказал Лигрис. --- Так передают
с мостика. Должно быть, Грифоны провели
сканирование и пытаются добраться до
варн-двигателей.

--- Это позволит им взорвать весь
треклятый «скиталец», --- произнес
Сарнегон.

--- На их месте, --- заметил Лигрис, ---
я бы так и поступил. Стандартный
тактический прием при проникновении на
«костический скиталец». В полном
соответствии с Кодексом Астартес.

Сарнегон обвел яхту взглядом. Когда-
то она была просто дорогой игрушкой
какого-нибудь безмерно богатого или
могущественного гражданина, и
алаяноватые, абсолютно безвкусные
украшения на ее стенах резко
контрастировали с ржавчиной, постепенно
убивавшей древнее судно. Командору
вспомнился тот день, когда они с
Лигрисом вот так стояли в этом
помещении и сквозь обзорный купол в
потолке наблюдали за тем, как уносится
прочь их старый флот.

Яхта, зажатая между несколькими важными компонентами «Сломанного хребта», служила чем-то вроде перепутья, где было вполне разумно разместиться в ожидании абордажных команд. Успивающие Души, хранившие верность Сарнедону, заканчивали проверку своей экипировки, а кое-кто молча внимал капеллану Уктиносу, служившему предбоевой молебн.

— Есть новости от Евмена? — спросил Сарнедон.

— Его люди вступили в бой на «Махария Виктрикс», — ответил Лизрис. — Похоже, 901-й высадился там в полном составе.

— Разделяй и властвуй, — тихо пробормотал командор. — Мерчано принес штрафников в жертву, чтобы отвлечь половину наших бойцов. Снова все по Кодексу Астартес, но на сей раз враг проявил слачку. Покажи-ка мне архив.

Картинка на экране цифрового планшета стенилась. Архив ордена являлся вотчиной самого Сарнедона и лежал на пути абордажной группы, направлявшейся

сейчас к варп-двигателям.

--- Ум придется пройти здесь, ---
произнес Лизрис. --- Но я не уверен, что мы
сумеет их остановить. Особенно если они
бросят против нас все свои силы.

--- Вообще-то, я имел в виду другое.

--- Сарнедон, ты что-то придумал?

--- Возможно. Люко!

Капитан оторвал взгляд от своих
когтей-толний, лезвия которых до того
начищал со всей мыслимой
тщательностью.

--- Да, командор? Пора выщипать
Грифонам перышки?

--- Для этого еще будет время. Пока
же твой отряд должен руководить
обороной архива. Надо, чтобы Грифоны
увязли там. Тем временем я возглавлю
остальные силы и пройду через
медицинское судно вот здесь. --- Сарнедон
провел пальцем по лабиринту палуб
«Сломанного хребта» и указал на один из
наиболее примечательных элементов
«скитальца», выступающий в костос прямо
возле гигантских цилиндров основных варп-
генераторов.

--- «Провозвестник гибели»? --- спросил
Лизрис.

--- Уменно. Попытавшись обойти
капитана Люко, засевшего в архивах,
Воюющие Грифоны вынуждены будут
воспользоваться этим коридором. Там мы
и примем бой.

--- Разволю себе наглость и поспорю,
командор, --- заявил капитан. ---
«Провозвестник» далеко не самое
подходящее место на «Сломанном хребте»,
чтобы пытаться держать оборону!

--- У него есть и свои плюсы, Люко.
Доверься мне. Теперь поговорим о твоей
роли... Воюющие Грифоны бросят против
тебя силы, достаточные, чтобы ты не
смог ударить по основной их армии с
тыла. Твоя задача --- вовремя отступить и
позволить им занять архив, но затем ты
должен удерживать их там как можно
дольше.

Люко улыбнулся. Эту часть плана он,
во всяком случае, понял.

--- С превеликим удовольствием,
командор.

--- Тогда собирай парней и выдвигайся.

Капеллан!

--- Какие будут распоряжения? ---
прервал свой речитатив Уктинос.

--- Ты и твоя стая идете со мной к
«Провозвестнику гибели». Мне пригодится
твоя помощь.

--- Конечно. Успивающие Души,
подъем! Орген нуждается в вас.

Люко отсалютовал и повел свой
небольшой отряд к архивным помещениям.
Остальные костогесантники отправились
за Сарнедоном и Уктиносом, приготовив к
битве и оружие, и свои сердца. Стая
повсюду следовала за капелланом, подобно
студенткам, влюбленным в своего
учителя, и перенимала все его привычки. У
Сарнедон был даже рад этому, поскольку не
был уверен, что одного только его
авторитета хватит, чтобы заставить
бойцов выполнять условия сделки,
заключенной с Евменом.

Напряжение было столь очевидным,
что казалось почти осязаемым.
Успивающие Души уже сталкивались с
Воющими Грифонами и знали, что враг
превосходит их числом и вооружением. Но

у Сарнегона на «Сломанном хребте»
имелся союзник, о котором Мерчано и не
подозревал.

На его стороне был «Провозвестник
гибели».

--- Подыхайте! --- орал Евмен. ---
Подыхайте, твари!

Штурмовой болтер плясал в его
руках, разрывая тела врагов на части.
Отовсюду неслись крики и завывания.

Грохот выстрелов оглушительным
эхот отражался от проржавевших стен
«Махария Виктрикс», сливаясь в
монотонный гул. Успивающие Души
использовали в качестве укрытия одно из
орбитальных орудий, отстреливаясь из-за
танковых блоков или же забравшись
наверх, чтобы удобнее было
прицеливаться. Солдаты штрафного
легиона раз за разом бросались в атаку,
ведомые обезумевшими кровожадными
таньяками, которые плевать хотели на
град болтерного огня.

Пришел черед новой волны. Евмен
выстрелил, и еще один гвардеец упал на

колени, зажимая руками развороченную
грудную клетку. В следующую секунду
утирающий был растоптан сапогами
напирающих сзади товарищей.
Штрафники потеряли уже под тысячу
человек, и пространство между лазерными
установками было усеяно изуродованными
трупами, но на место каждого погибшего
вставали новые бойцы, все продолжавшие
изливать на оружейную палубу и даже
отпихивавшие друг друга в борьбе за право
первыми погибнуть от болтеров
костических десантников. Сотне солдат
удалось прорваться к установке, за
которой прятались Астартес. Евмен
пристрелил ближнего, начисто снеся
противнику голову. Будто бы обретя
собственную жизнь, взметнулся в воздух
ценной меч, вспоров еще одному гвардейцу
живот и намотав на себя кишки. Двигаясь
по инерции, штрафник сделал еще
несколько шагов, так что клинок вышел у
него со спины, и только потом, выкашляв
кровь на доспехи Евмена, осел
бесформенной грудой. Молодой магистр
провернул рукоять и страхнул труп.

прежде чем проломить череп следующему
неприятелю тяжелым прикладом своего
болтера.

Невзирая на грохот выстрелов, сквозь
шум битвы проникал уверенный голос. Он
читал строки из Имперского Кредо,
убеждая солдат 901-го покориться воле
Императора, открыть свои души
справедной ярости, отбросить временные
ценности долгой жизни и стяжательства
во имя благословенного
самопожертвования. И, что невероятно,
штрафники, похоже, и в самом деле
верили. Они шли на смерть с такой
готовностью, что космодесантники
просто не успевали убивать их.

Где-то наверху расцвела яркая
вспышка. Евмен едва успел вскинуть
взгляд, чтобы увидеть, как Скамандр ---
толстой библиарий, начинавший в его
собственном отраде, --- поднимает руки и
обрушивает по боковой части оружия
огненный водонаг. Гвардейцы, пытавшиеся
вскарабкаться наверх, превратились в
живые факелы. Стараясь сбить с себя
языки пламени, они падали на палубу, по

которой уже растекалось пылающее озеро. Во все стороны разбежались обезумевшие от жара и боли люди, кто-то просто корчился в тучах и кричал, к запахам древней пыли и дыма от выстрелов примешался еще и запах горелого мяса.

Шквал болтерных очередей позволил отогнать бойцов 901-го от лазерной установки; изувеченные тела падали и катились по скользкой от крови палубе. Но гвардейцы сразу же укрылись за следующим оружием, унося с собой тех раненых, которых смогли подхватить, хотя многие их товарищи так и остались извиваться в тучах и утирать на грязном полу. Голос проповедника никак не утолкал, продолжая гнать свою паству в атаку. В стенку орбитальной пушки раз за разом с шипением взрызались лазерные импульсы, а люди Евмена старались выцелить опротивело высунувшиеся головы.

Рядом с командиром усталопонустился Теклар, и Евмен оглядел позиции Успивающих Души — несколько боевых братьев, убитые или тяжело

раненные меткими выстрелами
гвардейцев, лежали на палубе.

— Дайте мне врага, которого можно
напугать, — произнес сержант, — и мы
расстреляем их в спину. Но ведь этим
маньякам ничего не страшно!

— Им нечего терять, — объяснил
Евмен. — Когда погибает кто-то из нас,
мы лишаемся того, кого сложно будет
заменить. Но жизни этих людей не стоят
ни гроша, и они сами это понимают. На их
место уже завтра придут миллиарды
других. Они явились сюда умирать.

— Не уверен, что у нас хватит
патронов, чтобы исполнить их желание, —
заметил Теклар.

— Тигей! — вызвал Евмен мостик
«Сломанного хребта». — Что у нас там?

— Грифоны уже на борту, — прозвучал
ответ. — Они стогли подвести свой
корабль вплотную и высадиться на нижних
палубах. Сейчас направляются к позициям
Сарнегона.

— Значит, они пытаются добраться
до моторных отсеков, — сплюнул Евмен. —
А мы вынуждены тут возиться с этим

сбродом.

--- Что будем делать, командир? ---
спросил Текүлар.

Евмен рискнул выглянуть из укрытия. В его сторону тут же встретились несколько алых росчерков, выпущенных лазерными винтовками.

--- Будь я проклят, если меня сумеют провести столь жалким трюком. Тигей, насколько ты можешь управлять «Махария Виктрикс»?

--- Без Лигриса на мостике мы почти ни на что не способны.

Евмен снова посмотрел на позиции 901-го. Штрафники определенно готовились к новому массированному натиску. Всякий раз, бросаясь под огонь болтеров, они выигрывали, даже если теряли под сотню бойцов, ведь Успивающие Души увязли в этом бессмысленном кровопролитии, вместо того чтобы преследовать Воющих Трифонов. Между гвардейцами ходил крупный мужчина, гладко выбритая голова которого, перепачканная кровью, делала его похожим на чудовище из страшных

сказок. Он отчаянно сквернословил, раздавая приказы, и солдаты подчинялись ему так, словно те исходили из уст самого Императора. 901-й явно не собирался отступить или снижать интенсивность атак.

--- Это плохо, --- произнес Евмен. --- Постарайся ввести в строй как можно больше систем «Виктрикс», а затем доложишь мне. --- Молодой магистр переключился на общий канал связи. --- Успивающие Души! --- прокричал он. --- В следующий раз, как они пойдут в наступление, мы должны выбежать им навстречу! Всем готовиться к рукопашной! Скатангр, ты наше мощнейшее оружие. Вложи в удар все свои силы. Остальным приказываю проверить ножи и ценные мечи. Начинаем по моей команде!

Над оружейной палубой прокатился воинственный клич, и 901-й вновь поднялся в атаку.

--- Будьте вы прокляты, --- прошипел Евмен, глядя, как огромный гвардеец воодушевляет своих людей, опять начав

распевать молебны. — Скот. Псы. Мы
уничтожим вас всех.

Мерчано стал первым Воющим
Грифом, шагнувшим на палубу
«скитальца». Он выкатился сквозь
пробитую его абордажной торпедой дыру во
внутренней обшивке, вскочил и огляделся.

Его окружал просторный зал,
погруженный во тьму. Судя по высоте
потолка и размерам помещения, лорд-
библиарий оказался в грузовом отсеке,
скорее всего принадлежавшем остаткам
гражданского судна. «Скиталец»
образовался из многочисленных
звездолетов, спаянных в единое целое по
какому-то капризу течений варпа, и
Воющие Грифоны сумели высунуться в
необитаемой и плохо защищенной области.
Мерчано вскинул руку, и сопровождающие
его Астартес рассыпались по залу,
обшаривая темноту прицелами болтеров.

— Все чисто, — произнес капитан
Дарион, проникший в ангар через еще одну
пробоину.

Бреши во внутренней обшивке

появлялись одна за другой, открывая проход для костогесантников, прибывших на abordажных торпедах.

--- Они где-то рядом, --- сказал Мерчано. --- Наш враг далеко не глуп. Нам уже жгут.

Библиарий сверился с показаниями портативного ауспика. Устройство было настроено на поиск областей с высокими энергетическими и тепловыми сигнатурами, которые, судя по анализу, проведенному «Лазурным когтем», должны были соответствовать параметрам варп-двигателей «скитальца». Воющие Грифоны высадились недалеко от намеченной цели, но генераторы наверняка находились под защитой наиболее опасных и отвратительных Носителей Черной Чашы.

--- Дарион, берешь на себя левый фланг. Борганор --- правый. Я с Первой ротой иду по центру. И будьте осторожны, Воющие Грифоны, враг коварен. Вперед!

Три роты костических десантников, проникших на борт «скитальца» с выпущенных «Лазурным когтем»

абордажных модулей, действовали с уверенностью и четкостью, воспитанными в них тщательным изучением Кодекса Астартес и службой под началом лорда Мерчано. Воюющие Грифоны неуклонно шли к своей цели — вначале через лабиринт почти раздавленного корабля-фабрики, затем мимо залитых водой келий костлического монастыря, а после и по давно затершим залам анатомических театров покрытого вековой пылью медицинского судна. Повсюду десантники видели напоминания о прошлой жизни составляющих «скитальца». Вот завещание солдата, выцарапанное прямо на стене над койкой за время, пока его баржа проваливалась в варп. Вот несколько потемневших от времени скелетов, сцепившихся друг с другом, — глубокие порезы на их костях свидетельствовали о том, что перед смертью экипажем костлического госпиталя овладело безумие.

«Скиталец» был проклят. Как и все его обитатели. Лорд Мерчано вел свои отряды по запутанным коридорам, все больше укрепляясь в своей убежденности,

что такое место в качестве убежища
могут выбрать лишь прислужники Врага.

— Я что-то вижу, — раздался в воксе
голос капитана Дариона. — Смахивает на
жилые помещения. Есть свет. Территория
прибрана. Впереди что-то вроде храма.

— Похоже, мы их нашли, — произнес
Мерчано.

Прямо перед ним вздымались огни за
другой несколько арок, выходящих в тускло
освещенный зал с позолоченными
скульптурами вдоль стен и высокими
обзорным куполом во весь потолок. Судя по
всему, этот фрагмент некогда относился
к частному судну какого-то весьма
богатого человека. За долгие годы
роскошное убранство потемнело и оплыло,
но помещение оказалось очищено от
мусора, и лорд-библиарий обратил
внимание на то, что вмонтированные в
стену динамики и вокс-коммуникатор
установлены сравнительно недавно. Кроме
того, пульт управления обзорным куполом
определенно подвергся ремонту и, скорее
всего, функционировал.

— Они были здесь, — заявил Мерчано.

— Я чувствую их. Глаз псайкера никогда не
лжет. Они уже близко. Вперед, безл
шагом! Оружие к бою! Стреляйте во все,
что движется! Не раздумывая!

Сам библиарий уже сжимал в руках
силовой топор, но куда большую опасность
представлял его собственный разум,
выкованный и отточенный в ходе
изнурительных тренировок в библиотеке
органа. Мерчано был готов к нанесению
удара и, пожалуй, являл собой самое
мощное оружие Воющих Грифонов.

— Библиотека, — раздался в воксе
голос Дариона. — Архив. Тут повсюду
дгата-стеки... Движение! Вижу цель!

Оттуда, где сейчас находился
капитан, донеслись первые звуки
выстрелов.

— Вперед, Воющие Грифоны! Надо
зайти с фланга и окружить противника! —
проревел Дарион, подгоняя своих людей.
пока центральная рота еще только
бежала через увядающую роскошь яхты.
Перестрелка становилась все более и более
отчаянной.

За яхтой открывался просторный зал.

величественный в своей суровой простоте. Мощные колонны из черного металла подпирали ребристый панцирь потолка. В дальней стене зияли разверстые пасти трачных темных туннелей. В центре помещения стояли массивные стальные блоки, деформированные возрастом, с которых в бесчисленном количестве свисали кандалы и усеянные шипами ошейники. Здесь когда-то держали пленных, прежде чем отправить в один из тех путающих проходов, и в воздухе по-прежнему пахло страхом, сохранившимся с давних времен.

Егва сделал первый шаг по палубе тюремного корабля, Мерчано сразу же понял, где оказался и почему все вокруг выглядит столь фундаментально неправильным, отличающимся от нормы.

Противник и в самом деле был неглуп и хорошо выбрал поле для битвы. Но в то же время предложил Мерчано площадку, которая вполне подходила и Воющим Грифонам. И это должно было стать последней ошибкой Носителей Черной Чаши.

— Они здесь! — закричал сержант

Оссекс.

Командный отряд в то же мгновение развернулся в боевой порядок, укрылся позади увешанных цепями стальных блоков, часть которых под гнетом лепрухнула на пол, и нацелил болтеры на густые тени, лежащие у дальней стены.

А затем Мерчано увидел их. В полутраке темно-фиолетовая броня врагов казалась черной, точно у гигантских жуков, но не было никакого сомнения ни в том, что это костические десантники, ни в том, что на их наплечниках изображены потир.

--- Вперед! --- крикнул Мерчано, высоко поднимая психосиловой топор и направляя свой псайкерский дар через рукоять, чтобы лезвие сияло синевато-белым огнем, подобно маяку освещающим путь Воющим Трифонам.

--- За Жиллимана! За Императора! --- продолжал орать лорд-библиарий, перепрыгивая через поваленную колонну и обрушивая оружие на первого попавшегося противника.

Глава шестнадцатая

--- Какой прок Галактике от наших битв, если мы погибнем?

--- Галактика продолжит жить, ведь без крови, пролитой Астармес, она бы давно рассыпалась в прах.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

О Черных Кораблях по Империи ходило множество легенд, страшных историй, рассказываемых приглушенным шепотом. Суровые космические бродяги, всю жизнь свою бороздившие межзвездное пространство, любили под выпивку рассказывать другим завсегдатаям таверн, как однажды повстречали один из таких кораблей, когда тот вышел из варпа --- бесшумный и пугающий, точно призрак. Еще с той поры, как Человечество создало первый варп-двигатель, матросня любила

придумывать байки о всевозможных странностях, увиденных ими в дальних уголках Галактики, и страшилки о Черных Кораблях отличались от прочих только одним. Те и в самом деле существовали.

Империя требовала от своих миров исполнения трех повинностей. Во-первых, они должны были платить десятину. Во-вторых, никогда не приветать на своей территории врагов. И в-третьих, что, вполне вероятно, было особенно важно, планетарные правительства были обязаны отслеживать наличие у граждан псайкерских способностей, а тех, у кого они выявлялись, передавать в руки агентов Империи. В качестве последних как раз и выступали представители Инквизиции, чьи оперативные сотрудники проверяли, насколько тщательно конкретные миры относятся к своим обязанностям по вычислению псайкеров, а также Агентство Астра Телепатика, проверявшие пойманных колдунов на пригодность к использованию на благо Империи. Те же, кто оказывался слишком слабым, чтобы

устоять перед соблазнами варна, или те, кто, напротив, был чрезмерно силен, чтобы его можно было контролировать, переправлялись на Терру, и больше их никто и никогда не видел.

Именно для этих целей и служили Черные Корабли. Из миллионов псайкеров, оказавшихся у них на борту, выживали единицы, которых впоследствии учили противостоять искушениям и безумию Хаоса, являвшихся поглощенным бичом всякого, кто обладал этим даром. Остальных содержали на полных ужаса и боли тюремных палубах, заковав в подавляющие ментальные способности кандалы. Многие узники знали, что им никогда не вернуться оттуда, куда их везет Инквизиция. Другие, зачастую происходившие с диких миров, просто не могли понять, где они оказались, поскольку никогда и не слышали об огромной костической империи, и сходили с ума от ужаса. Чные из них пытались даже устраивать бунты, но неуязвимые для колдовства охранники и псайк-дознаватели Агентус Астра Теленатика крайне редко

упускали возможность учинить над непокорными пленниками расправу, которая показалась бы жестокой даже по меркам Империи.

Правда о существовании Черных Кораблей не подлежала распространению среди гражданского населения. И только высокопоставленные чиновники знали о них что-то, потому рассказываемых шепотом легенд, хотя даже губернаторы могли лишь догадываться, что происходит на борту этих звездолетов или где те появляются в следующий раз. И никто, даже сами инквизиторы, несшие свою тяжкую службу на Черных Кораблях, не знал, что же происходит с органами отбракованных псайкеров, когда тех доставляют на Терру. Известно было лишь, что Галактику бороздят тысячи подобных кораблей, идущих по долготу, полностью ужаса маршруту от священной прародины Человечества и обратно, везущих богатый урожай псайкеров в самое сердце Империи. На стенах каждого такого звездолета за многие тысячи лет скопились следы псайкерских страданий,

агонального ужаса и тук бесконечных испытаний. Многие пленники так и утирали на Черных Кораблях, и их души навсегда оставались здесь, блуждая по мрачным коридорам. Другие же источали столь мощную злобу и страх, что те проникли в самую суть Черных Кораблей и их эмоции эхом звучали в этих стенах.

Не раз и не два эти суда так и не возвращались на Терру. Порой причиной тому становились нападения пиратов, не слишком обеспокоенных страшными слухами, ходившими вокруг Черных Кораблей, а порой их уничтожали и попутные крейсера ксеносов. Бывало и так, что звездолет просто сбивался с пути во время варп-перехода, и тогда даже самые лучшие системы сдерживания не могли помешать хищникам Хаоса поселиться в телах столь драгоценного груза. В этом случае псайкеро́в ждала незавидная участь — пирующие чудища рвали на части их души, пожирая пленников заживо. Кошмарные события, разворачивавшиеся на заблудившихся звездолетах, не могли представить или вынести ни один

нормальный человек. «Провозвестник
гибели» как раз и являлся таким
пропавшим в Варне Черным Кораблем.

Сарнедон ощущал, как боль сочится
по влажному черному полу, стекает по
похожим на огромные кинжалы стальным
колоннам и капает с ребристой
поверхности высокого свода.
«Провозвестник гибели» когда-то был
наполнен перепуганными мужчинами,
женщинами и даже детьми — псайкератами,
переправляемыми на Терру, — а затем
заблудился в Варне, и немыслимо древнее
судно окончательно стало юдолью ужаса и
страданий.

Воюющие Грифоны бежали через зал,
стреляя из всех стволов. Люди Сарнедона
встретили их плотным заградительным
огнем, и уже в следующую секунду битва
начала уносить жизни. Валились на
палубу Грифоны, падали убитые первыми
выстрелами Успивающие Души. Сарнедон
укрылся за массивной глыбой, оторвавшейся
некогда от ребристого потолка, и
оглянулся в направлении высокого арочного

прохода, уводящего к комплексу тюремных камер --- темному лабиринту, чьи коридоры, казалось, противоречили правилам геометрии и логики.

--- Салк! Удерживайте фланги! Остальным отступить! --- приказал командор.

Сержант Салк со своими людьми закрепился на фланге среди стальных обломков, некогда составлявших часть потолка. Успешные знаками печатей псайканы, они обрушились, когда «Провозвестник» беспомощно болтался в варне.

Десятки Успивающих Души встретились туда, в то время как остальные вернулись к Сарнедону и теперь обстреливали проходы.

Командор увидел лорда Мерчано, узнав того по яркому свету, исходящему от лезвия топора. Над головой библиария Воющих Грифонов сверкал энергетический ореол. В это мгновение Сарнедон мог думать только об этом противнике --- они наконец-то встретились лицом к лицу, и командор понимал, что другого шанса

справиться с Грифонами не будет. Если, конечно, шанс вообще был.

Противники уже пошли в рукопашную, перепрыгивая через пыточные блоки и врезааясь в самую гущу Успивающих Души. Те не оставались в стороне и тоже бросались навстречу своим врагам. Последовал общему примеру и сам Сарпедон, схлестнувшись с офицером, который вращал силовым мечом так, словно держал в руках легкую шпагу. Судя по ленткам на наплечнике красно-золотой брони, богато украшенной знаками героических побед, командоры противостоял ротный капитан.

Клинок с гулом встретился в горло одного из Успивающих Души, но был остановлен взмахом силового посоха, и Сарпедон оказался между капитаном и намеченной им жертвой.

Воющий Грифон не носил шлема. Он был подлинным ветераном, его обветренная кожа несла на себе печать возраста, казавшегося просто невыносимым для костического десантника; а с его изборожденного шрамами и явно

неоднократно зашивавшегося черепом висали жидкие пряди седых волос. Капитан дернул мечом, отводя в сторону силовой посох, и ударил командора коленом в грудь. Тот присел на задние лапы и был вынужден резко вскинуть в воздух передние, чтобы их не отсекло энергетическим клинком.

--- Капитан Борганор, Десятая рота, --- процедил сквозь зубы Воющий Грифон. --- Приятно убить тебя.

Время словно остановилось. Сарнедон погрузился в самые черные глубины своего сознания, в первобытный трек, кипящий псайкерской мощью. Теперь он мог слышать крики тех, кто погиб на «Провозвестнике гибели», чувствовать всю глубину ужаса, в которой тонул разум. Используя свой грубый дар, Сарнедон подхватил эхо этих голосов, этих обезумевших душ, чья кровь насквозь пропитала стены Черного Корабля.

Именно по этой причине командор и выбрал «Провозвестник гибели» в качестве поля битвы. Ментальный след, оставленный бывшими узниками,

значительно усиливал собственные способности командора. Здесь Ад обрел особую власть.

Боль узников закружилась темными облаками, из которых выплыли бледные, визгливо завывающие призраки умерших. Зловеще оскаленные лица зияли черными, бездонными провалами глаз. Борганор закрутился на месте, пытаясь отбиться от привидений, скривившись от ярости и отворачиваясь. Сарнегон воспользовался моментом и перехватил силовой посох, точно копье. Тяжелое навершие врезалось в грудь капитана и, пропустив через себя псайк-энергию командора, вспыхнуло черным огнем. Воющий Грифон отлетел назад, ударился о стойку с кандалами и сполз на пол.

Борганор попытался поднять меч, но Сарнегон наступил на его запястье бионической передней лапой, а затем размахнулся посохом и обрушил его на голову противника, оставив на лице капитана глубокую рану. Из каменной плиты протянулись призрачные руки, стелющиеся силуэты начали возникать из

темноты вокруг командора.

Взревев в слепой ярости, Борганор высвободил руку и, вскочив, стал бесстысленно размахивать мечом, не зная, с кем сражаться, — с тенями или с Успивающим Души. Сарнедон прокрутился на задних лапах, а остальные обрушил на спину врага. Когда Воющий Грифон потерял равновесие и начал падать, командор перехватил его руку и вывернул ее, ломая в локте.

Капитан рухнул на палубу, травмированная рука безвольно повисла, изогнувшись под невероятным углом. Силовой меч с лязгом покатился по полу. Присев на своих паучьих лапах, Сарнедон подобрал оружие противника. Когда Борганор попытался подняться, командор перерубил его левую ногу его же собственным мечом, легко прошедшим сквозь кератин и кость. Отсеченная конечность упала на трапезный пол, заливая его темной кровью.

Зал наполнял грохот выстрелов. Все больше и больше Воющих Грифонов перепрыгивали через импровизированные

укрытия Успивающих Души и вступали в драку. Мутация Сарнегона настолько очевидно бросалась в глаза, что атакующие Астартес выбрали его в качестве основной цели, и библиарику пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы избежать болтерного шквала.

--- К арке! --- закричал командор. --- Живо! Салк, держи фланг, остальным --- отступить через арку! Уходим к тюремным блокам!

Сквозь дым и вспышки выстрелов Сарнегон все же смог разглядеть, что Салк по-прежнему удерживает свои позиции. Несколько десятков Успивающих Души самоотверженно вели прицельную стрельбу, не отступая ни на шаг, в то время как остальные братья стремительно бежали от вражеского огня. Воюющие Грифоны продолжали наступать, словно не замечая рвущихся болтерных зарядов. И врагов было слишком много, чтобы остановить их.

Два костодесантника уже подбежали к Борганору и оттаскивали своего капитана прочь от передовой.

— Колдун! — кричал он вслед Сарнедону, вокруг которого таяли поднятые Агом призраки. — Мутант! Ты можешь убить меня, сломать, но никогда тебе не удастся совратить истинного сына Императора!

Командор даже и не подумал оспаривать это утверждение. Он просто побежал следом за остальными Испивающими Души через иссеченную выстрелами арку к лабиринту тюремных блоков. Спустя мгновение Сарнедон уже оказался в темном помещении с красными от ржавчины стенами; в пол были вмонтированы кандалы, позволявшие приковывать людей так, чтобы те стояли на коленях, глядя на мрачный алтарь. Здесь псайкеро́в заставляли поклоняться их повелителю — Богу-Императору, который был единственным, кто знал, что ждало их на Терре.

В голове Сарнедона звенели их крики, умоляющие защитить от варна или помочь вырваться с Черного Корабля, куда их и привела воля Императора. Вдоль коридора тянулись однотестные клетки,

сочащиеся болью и отчаянием. В сторону уходило боковое ответвление с железными фиксирующими каркасами, выстроившимися вдоль стен. Все вокруг просто излучало сумасшествие — здесь постепенно терял и ломался разум заключенных.

— Всем отступить и спрятаться! — приказал Сарнегон. — Пусть войдут!

Воющие Грифоны уже врывались в тюремные блоки. Здесь, где все было организовано так, чтобы как можно надежнее изолировать узников и запутать беглецов в лабиринте комнат и коридоров, нашлось бы не так много места для рукопашной. Несколько Успивающих Души обороняли покрытые черной коркой столы-мортиария, на которых проводилось вскрытие трупов. Алтарь же стал прицельным станком для Воющих Грифонов, прикрывающих собратьев, вбегавших в помещение, чем-то напоминающее склад бойни — под потолком тянулись рельсы со свисающими с них крючьями для подвешивания тел узников. Неподалеку от Сарнегона еще

несколько верных ему костогесантников держали оборону небольшой толельни --- силуэты их врагов едва удавалось разглядеть в дыму, в котором тонули все двери.

--- Назаг! --- приказал командор стоящим вокруг него Успивающим Души.

Теперь он бежал впереди, показывая путь через коридор с фиксирующими каркасами к посту сил безопасности. Пост представлял собой миниатюрную крепость, построенную посреди этого сумасшедшего дома. Туда вели только узкая дверь и щели бойниц. Сарнегону пришлось пригнуться и присесть, чтобы проползти внутрь, следом вбежали остальные гесантники. Бойницы смотрели во всех направлениях, позволяя наблюдать за коридорами и служебными помещениями. В считанные секунды оборонительное сооружение оцетинилось болтерами, накрывая перекрестным огнем территорию, по которой обязаны были пройти Воющие Грифоны.

Сарнегону и напрягаться не приходилось, чтобы пробудить ужасы к

жизни. Изогнутые души, корчащиеся в
тупиках, молитвы одержимых,
выражающиеся в одном лишь бессловесном
крике, — все это было вокруг него.
Благодаря командору и его Агу призраки
обретали форму, сползая со стен и
вырастая из пола. Измученные лица
проступали на переборках. По полу
пробежали глубокие разломы, сочащиеся
кровью. Жертвы «Провозвестника гибели»
возникали отовсюду, придавая кошмару
законченные очертания.

И это действовало. Воюющие Грифоны,
и без того запутавшие в лабиринте
коридоров, начали бросаться на призраков.
Для Испивающих Души же обстановка
была вполне привычной, поскольку их
тренировали не реагировать на Аг.

Теперь они могли продержаться.
План сработал. Невероятным, совершенно
нелогичным образом Грифоны утратили
свои крылья, и «Провозвестник гибели»
стал их собственной преисподней, где они
один за другим гибли под перекрестным
огнем.

Дверь укрепленного поста слетела с

метель в сноте искр. Болтеры тут же повернулись к незваному гостю, но сверкающий огнем силовой молот разил направо и налево; Успивающие Души падали под ударами, кровь фонтанами била из пробоев в их доспехах.

Враг обрушился на Сарнегона всей своей массой прежде, чем тот успел поднять посох. Роккрытая стена за спиной командора не выдержала, и оба противника вывалились в соседнее помещение. Сарнегон упал на палубу, перекатился и увернулся от удара молота, едва не развалившего его пополам. Лидер Успивающих Души уже стоял на ногах, но обзор мешала густая пыль, поднявшаяся после обрушения.

Они оказались в просторном зале, определенно использовавшемся прежде для проведения пыток. Ржавые зловещие машины и инструменты стояли посреди помещения строгими рядами, и казалось, что для тех, кто распоряжался здесь раньше, процесс истязаний представлял по сути своей совершенно механическую работу — ни сочувствия, ни тревоги.

Палуба была решетчатой для удобства стока крови, на стенах красовались царапины от ногтей — пленники стирали пальцы до костей в безнадежных попытках выбраться. На пыточных столах извивались вызванные Сарнедоном образы. Сквозь решетки тянулись сломанные руки. Сочились черной кровью инструменты...

— Забавно, — произнес лорд Мерчано, выходя из неровного пролома. — Ты продолжаешь надеяться, что еще можешь победить.

Воющий Грифон взвесил в руке силовой топор, готовясь атаковать при первой же возможности.

Сарнедон тоже приготовил свой посох к бою, и вокруг золоченого орла на навершии заплясали искры.

— Мерчано, ты ничего не знаешь о том, во что мы верим, — произнес командор. — Ты даже не понимаешь, против кого сейчас сражаешься.

— А я и не должен, Сарнедон, — парировал Грифон. — Кому нужно вникать в ересь Черной Чаши.

— Не существует никакой Черной

Чаши.

— Притерно то же самое сказал мне и твой приятель Тагдеш. Как раз перед тем, как я убил его.

Оба костодесантника кружили по залу, выжидая удобного момента. Станки для пыток и вопли призраков «Провозвестника» создавали впечатление, будто два библиария сражаются в одном из уровней Ада, описанных в Имперском Кредо... два проклятых воина, не знавших в жизни ничего, кроме битв.

— А вот это? — спросил Мерчано, брезгливо обводя рукой проступившие на стенах уродливые личины. — К чему трюки? К чему иллюзии? Неужели ты и в самом деле веришь, что они способны остановить нас? Тех, за чьей спиной стоит сам Император?

— Даю тебе последнюю возможность понять, — отозвался Сарнедон, — Черной Чаши не существует. Да, мифы о ней породил кто-то из нашего ордена, из Успивающих Души, много веков назад. У Ада, сейчас мы вынуждены скрываться. Но мы сами не знаем, что произошло тогда в

системе Обсидуана, что могло привести к возникновению этих легенд. Боюсь, мы оба с тобой прибыли сюда из-за чьей-то лжи.

--- Наши клятвы не лгут. И твое грехопадение, тутант, видно невооруженным глазом. Вы все упрете здесь и сейчас.

--- Что ж, значит, пора заканчивать.

Вокруг них кипело сражение; в каждом изоляторе, в каждом крематории шла напряженная борьба. Но исход ее решался в пыточном зале, где сошлись в поединке Сарнедон и Мерчано.

Сарнедон едва успел заметить, как вспыхнул ярким огнем воротник эгиды противника. Ментальная сила Воющего Трифона обрушилась на командора, подобно раскаленной стальной шрапнели. В ушах Сарнедона загудела кровь, и стены зала растворились в тумане.

Пылающие колонны, сложенные из черепов, вздымались к высокому ржаво-красному своду. В воздухе повис запах жареного мяса. По черному тротуару полвспрыгивали кровавые ручьи, по берегам обведенные золотыми рунами, которые

отказывался воспринимать разум. В
глубоких ямах извивались тысячи
чудовищных демонов. Их смех и крики
наполнили залу. Вокруг можно было
наблюдать все мыслимые формы безумия.

Сарнегон с трудом удерживался на
ногах, все его чувства подверглись удару.
Его тошнило при одном только взгляде на
отвратительное создание, оживавшее его
посреди внезапно выросшего вокруг «храма».
Чужой человек бы в считанные мгновения
сошел с ума, но командор держался,
отчаянно отгоняя от себя чудовищные
образы.

Затем он поднял взгляд.
«Провозвестник гибели» исчез. Командор
стоял перед троном демон-принца
Периклитора.

Очередной Астартес пал, пытаясь
отбросить 901-й обратно к пролomu.

Евмен начал осознавать нечто,
понятное только подлинным лидерам.
Чтобы обрести власть, надо быть
готовым рисковать чужими жизнями. И
если он собирался командовать

Убивающими Души, то их кровью и следовало оплатить это право. Конечно, большинство вряд ли бы согласилось подвергать этих людей дополнительной опасности. Но мнение большинства мало интересовало Евмена.

Чтобы отогнать штрафной легион обратно к стене «Махария Виктрикс», понадобилось израсходовать немало болтерных обойм и провести несколько яростных контратак. Но на одного костодесантника по-прежнему приходилось по десятку солдат 901-го, хотя палуба и была залита кровью и завалена расчлененными трупами. Всякий раз, когда штрафники отступали хотя бы на шаг, этому предшествовало неистовое сопротивление, и над всем этим хаосом разносились непрекращающиеся проповеди их командира.

Евмен оттолкнул от себя очередного солдата, чтобы выстрелить из обоих стволов и проделать в теле противника огромную дымящуюся дыру. Затем толдой магистр укрылся в тени ближайшей к стене орбитальной пушки. Впереди был

виден арочный проход, ведущий к следующей оружейной палубе, где также стояли титанических размеров лазерные установки.

Пока 901-й отступал, но требовалась лишь пара минут, чтобы возглавлявший их лысый фанатик снова вдохновил своих людей, заставив бросаться на костогесантников, подобно своре бешеных собак. Сейчас гвардейцы прятались позади барки, ведя разрозненный огонь в попытках задержать Успивающих Души. Многие штрафники уже израсходовали весь боекомплект лазерных винтовок и были вынуждены сражаться штыками. Кроме того, Евмен видел, что отдельные бойцы стреляли из трофейных орочьих ружей — грозных, крупнокалиберных, идеально подходящих для ближнего боя, где прицельности практически не требовалось.

— Скамандр! — прокричал Евмен, когда возле него прижались к борту пушки еще несколько Успивающих Души. — Давай! Пускай стену огня — и вложи в нее все свои силы! Надо отбросить их!

--- Слушаюсь, командир! ---
откликнулся псайкер, выходя на открытое пространство.

Мимо зашипели лазерные импульсы, и несколько зарядов даже опалило его броню. Обугленные перчатки молодого библиария пылали жаром, в то время как на лице и на воротнике эгиды засверкали кристаллики льда, а изо рта вырывался холодный пар. Скатандр собирал и собственное, и окружающее тепло, и по латовому металлу орбитальной пушки поползли морозные узоры. Руки же псайкера светились все ярче, приобретая вначале вишнево-красный оттенок, затем — оранжевый; кератит уже начинал плавиться и ронять жаркие капли на палубу.

Огненная стена, подобная неожиданной опустившейся занавеси, перегородила арку. Несколько солдат штрафного легиона, не успевших вовремя спрятаться, рассыпались неплом, взмывши к потолку. Еще один повалился на землю и забился в агонию, когда его ноги охватило пламя, постепенно поднимавшееся к животу.

--- Тигей! --- гаркнул Евмен в вокс,
пытаясь перекричать грохот выстрелов. ---
Взрывай двери! Сейчас!

В течение нескольких мучительных
секунд одна лишь только огненная завеса
удерживала 901-й от очередной попытки
шторма. Над палубами разносился голос
проповедника, уверявшего, что это
последняя возможность для убийц и
прочего сброды искупить грехи,
совершенные за прожитые годы. Он
призывал их умереть во имя Бога-
Императора.

Но время вышло. По обе стороны от
арки дегонировали разрывные болты,
разбросав вокруг мелкие осколки металла.
Двойные взрывоустойчивые двери покинули
свои пазы и начали сходиться, срезая с
пола вековой слой ржавчины. Еще несколько
секунд, и палубы будут разделены.

Скамандр захрипел и откашлялся
загустевшей от холода слизью, а затем
бессильно сполз по стене лазерной пушки.
Когда псайкер упал, с его брони посыпалось
ледяное крошево, зашипевшее на
раскаленных добела перчатках. Огненная

стена грозила и угасла.

Бойцы 901-го встретились вперёд. Но удалось прорваться весьма немногим. Среди прочих бежал и лысый проповедник, потрясая лозганом, точно священным символом. Затем двери захлопнулись, стиснув многих гвардейцев в своих стальных челюстях. Погиб и проповедник, еще пытавшийся что-то выкрикнуть перед смертью, но сумевший лишь выхаркать кровь. Рядом с ним утирали и другие штрафники, а кто-то падал на палубу с отрубленными или переломанными конечностями. Нескольким удалось проскочить, но они погибли под выстрелами болтеров, пытаясь вытащить из западни своих товарищей. Наконец створки окончательно сошлись, роняя на пол перерезанные тела.

Орудийные палубы были слишком узкими, расположены слишком близко к внешней обшивке. Но «Махария Виктрикс» спроектировали таким образом, чтобы свести риски к минимуму, и поэтому отдельные помещения разделялись герметичными люками, способными

закрыться в любую секунду, изолируя секторы друг от друга. Тудею удалось подключиться к аварийным системам «Виктрикс» и захлопнуть двери перед самым носом у 901-го.

В створки были врезаны толстые стекла, потускневшие от времени. Евмен подошел к ним и посмотрел на штрафников, оставшихся на противоположной стороне. Он видел перед собой небритые, полные злобы лица людей, взбешенных тем, что они уже ничего не могут сделать.

Евмен улыбнулся.

--- Зачистить, --- приказал он по воксу.

Вдоль внешней стены открылись клапаны, выводящие прямо в безжалостную пустоту костоса, --- еще одна аварийная система, внедренная на случай пожара или заражения. Воздух с ревом вырвался из помещения, где оказались запертыми солдаты 901-го. Людей сбивало с ног поднявшимся ураганом, и даже сквозь глухие двери Евмен слышал крики, полные ненависти и страха. Кто-то даже извергал в его адрес проклятия, прежде

чем их отрывало от палубы и бросало через весь зал, ломая о массивные темные корпуса орбитальных лазеров.

Несколько бойцов сразу же встретились к противоположной стене, где стояли их абордажные шлюпки. Но почти все они погибли, так и не достигнув цели, — их глаза лопались, из разорванных легких фонтанировала кровь, но гвардейцы из последних сил скребли пальцами по палубе, пытаясь ползти, пока их трупы не относило к открытым клапанам.

--- Тудей?

--- Да, командор?

--- С ними покончено. Отбой.

Тем временем сержант Теклар справился с последними бойцами 901-го, которые к моменту закрытия дверей оказались с той стороны, где находились Успивающие Души. Битва за «Махарию Виктрикс» завершилась, с ловушкой Воющих Грифонов было покончено.

--- Что будем делать дальше? --- спросил сержант.

--- Дальше, --- ответил Евмен, --- мы отвоюем мой корабль.

Глава семнадцатая

--- Как одолеть врага,
полагающегося на обман?

--- Обратите против него
истину разрушения.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

Тронный зал Периклитора был
вытесан из цельного куска гранитной
плиты на вершине огромной скалы,
поднимающейся из моря демонической
плоти. До самого горизонта простирались
горные хребты, на которых бесновались и
вопили порождения варна. Бескрайние
армии демонов --- созданий, рожденных
самим Хаосом, --- покрывали весь мир,
подобно мерзкому пульсирующему океану.

Стены зала, выходящие наружу, были
защищены решеткой черных каменных
выступов, делаая его похожим на дорожную
клетку. Сам же трон казался наглой
народией на Золотой Трон, на котором

восседал Император, --- он был вырезан из огромного черепа какого-то хищника варна, желтоватые клыки покрывали изображения безумств и смертоубийств, а в глазницах отвратительным разноцветным огнем пылали лампады.

На троне восседал сам Периклитор --- титанических размеров, крылатый, на его сероватой коже проступали капли обратившейся в жидкость ментальной энергии --- столь велика была мощь питавшего его колдовства. Лицо демона-принца, казалось, состояло из одной только пасти, над которой мерцали десятки глаз, и каждый из них был вырван у одного из многочисленных врагов. Один из них некогда принадлежал Орландо Фурриозо, магистру Воющих Грифонов. Глаза страдальчески закатывались, даже когда тварь с нескрываемой злобой и высокомерием оглядывала или свои чертоги и кошмарный пейзаж, простиравшийся снаружи. Нечто Периклитор был костическим десантником, служившим в одном из предательских легионов --- смертным.

присягнувшим Темным Богам. Кровь, пролитая им в их честь, могла бы наполнить целое озеро, и благодарность владык Хаоса была достаточно велика, чтобы даровать бывшему Астарте демоническое тело. К трону был прислонен неимоверных размеров уродливый болтер — но его прикладу сбегали слезы плененных демонов, заточенных в обойме.

Единственный наплечник, сохранившийся от его силовой брони, настолько врос в кожу, что теперь просто невозможно было сказать, к какому же из легионов некогда относилось это существо.

Многочисленные глаза Периклитора разом посмотрели на Сарнегона. По сравнению с демон-принцем Успивающий Души казался карликом, и командоры понадобилось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не поддаваться панике и не броситься наутек или не застыть в гибельном оцепенении. Сарнегон заставил себя распрямиться. Он напотнил себе, что сколь бы эффектно ни выглядел Периклитор, но и сам он внушал врагам

страх огнит лишь своим внешним видом.

--- Ты... --- произнес Сарнедон, едва слыша собственный голос за ликованием и воплями демонов, пляшущих у подножия скалы. --- Ты не тот... за кого себя выдаешь.

Пасть чудища распахнулась и прокрутилась на лице, издав влажный гортанный звук, отдаленно напоминающий стех.

--- Тебя приветствует Периклитор, --- прозвучал голос, от которого затряслась земля, --- избранник Хаоса.

--- Ложь, --- отрезал Сарнедон, не отступая ни на шаг, хотя демон уже поднимался со своего ужасного трона. --- Тебя здесь нет. Как и меня. Все это нереально.

--- Ты, отмеченный печатью черного сердца варна, смеешь отвергать меня? --- В голосе демон-принца одновременно звучали гнев и изумление. --- Отродье! Червь! С тобой говорит Периклитор --- Проклятие созвездия Алкмены, победитель фуриозо! Преклонись перед своим повелителем! Преклонись перед воплощением варна!

По темной шкуре безобразной твари стекали струи грязной энергии.

--- Я отвергаю варн! --- взревел Сарнедон. --- Как и его богов! Они пытались сделать меня своей пешкой, но у них не вышло! Они мечтали использовать меня, сломить, уничтожить, но мы с братьями одолели их! --- Командор шагнул вперед, хотя каждая клеточка в его теле настойчиво призывала бежать. --- И ты такой же Периклитор, как я --- Носитель Черной Чаши!

Демон-принц закричал, и голос его был подобен кинжальному звону. В ладони твари возник меч, клинок которого был черным, словно осколок самой ночи, и Периклитор бросился к Сарнедону, но тот успел откатиться в сторону. Удар прошел тихо, и лезвие глубоко погрузилось в императорный пол. Одна из плиток отскочила и полетела вниз, исчезнув в толпе корчащейся плоти.

Порождение варна ударило снова, размахнувшись мечом, будто серпом. Сарнедон поднял психосиловой посох, и тот столкнулся с черным клинком с такой

силой, что командор чуть не потерял равновесия. Но Успивающий Души вонзил когти паучьих лап в камень, отказываясь отступить даже на шаг перед противостоящей ему ложью.

Он посмотрел прямо в злобные глаза Периклитора, и демон-принц ответил тем же, но в украшенных зрачках теперь проглядывала тень ступицы. Сарнегон должен был пасть на колени и клясться в вечной верности. Но он предпочел сражаться. Демон-принц, казалось, не знал, что ему делать.

Периклитор неистовствовал в гневе. Уродливая клешня ударила в грудь командора с такой силой, что тот отлетел назад. Спустя мгновение Успивающий Души уже кубарем катился по склону, вывалившись через проем между прутьями клетки. Мимо проносились картины демонического мира — закручивающиеся спиралями тучи, изливающие на землю кровь и гной, далекие скалы, напоминающие чьи-то грязные клыки.

Сарнегон рухнул прямо в море тел.

Его окружали порождения Хаоса — отвратительные бесформенные существа с кривыми лапами, безумно вращающимися глазами и слюнявыми, непрерывно извергающими стоны и сучасшедший стех ртами. Командор отчаянно отбивался, но напор сталкивающихся вокруг него тел уже не позволял разглядеть даже болезненно-тусклый свет местного солнца. Твари гибли одна за другой под ударами когтей и закованных в кератит кулаков, но на их место вставали новые, столь же жаждущие поживиться плотью незваного гостя.

Отказываясь сдаться с такой судьбой, Сарнедон отчаянно взревел и вознал рукоять психосилового посоха в катни, направляя в него всю свою ментальную мощь. В следующую секунду по долине, снося все на своем пути, прокатилась волна псайк-энергии.

Демоны распались на части. Слюнявые морды принимали глуповатое выражение, когда их тела превращались в прах. Сарнедон посылал одну за другой волны псионической ярости, расчищая для

себя место среди тянущихся к нему лап и
пузырящейся плоти.

Он задыхался от усталости, его
ментальные силы были истощены. Теперь
командор стоял посреди кратера,
обратленного обугленными бесформенными
түшами, лежащими на черном траморе
горного склона. Выдернув из катней посох,
он посмотрел в сторону тронного зала.

--- Врага, достойного Воющих
Трифонов, --- в искреннем негодовании
закричал Сарнедон, --- такими трюками не
одолеешь! Тебе придется придумать что-
нибудь посерьезнее какого-то демона,
чтобы заставить Успивающего Души
молить о пощаде!

Между гвүтя изгибающимися
трамторными колоннами своего похожего на
птичью клетку зала появился
Периклитор. Меч пропал, и теперь демон-
принц сжимал в руке топор --- силовой
топор Мерчано, по лезвию которого
растекалось яркое сияние.

--- Мы, Мерчано, --- произнес
Сарнедон, --- во многом с тобой похожи.

--- Заблуждаешься, --- ответил

Периклитор. Сквозь него проступал куда более маленький, но почему-то кажущийся величественным библиарий Воющих Грифонов. У его рот шевелился в такт словам демона. -- Твои силы грубы и примитивны. Сплошная мощь и никакой утонченности. Те ужасы, что оживляешь ты, похожи на рисунки несмышленого ребенка. А я создаю целые миры!

Сарнегон попытался восстановить самообладание. Никакого Периклитора не было, как не было и тронного зала, и моря демонов. Все они существовали только в его голове, куда их поместил лорд Мерчано. Воющий Грифон говорил правду, его уровень владения даром, благодаря которому он сумел сотворить весь этот демонический мир, был недостижим для Сарнегона.

-- В любом случае ты допустил просчет, -- ответил командор. -- Полагая меня слугой Темных Богов, ты надеялся, что я преклоню колена перед этой тварью!

-- Это доказывает лишь то, что у вас есть враги и в варне, -- сплюнул Мерчано. Становясь все отчетливее с каждым

шагом, он спрыгнул со склона и пошел, точно по надежной тверди, прямо по головам демонов. Образ Периклитора распался и теперь казался лишь бледным призраком. -- Убо зло презирает грубое зло. И нет, я не затем привел тебя сюда. Не так давно я посетил эти места вместе со своими братьями -- это гнездо скверны расположено в самом Оке Ужаса. -- Мерчано потряс топором. -- Этим самым оружием я обезглавил Периклитора! День и ночь рубились мы с ним на склоне этой горы, пока не остались лишь он и я. У победа была за мной! Я продолжал сражаться, и сам Император даровал мне силу! И в конце концов я снес демону голову, схватил ее, поднял над этим миром и наблюдал, как порождения варна бегут прочь от меня! Простой человек погиб бы здесь за минуту. И даже грубой костический десантник уступил бы Периклитору. Но не Воющий Грифон. И я привел тебя сюда, чтобы ты понял почему.

Демон окончательно растворился, и остался только Мерчано. Хотя, сказать по правде, Сарнегон бы предпочел

спразиться с Периклитором, поскольку ему не раз доводилось истреблять подобных тварей и он знал, что они всегда думают лишь об обмане и убийстве, ведь именно такими их создали боги Хаоса. Воющий Грифон же был противником совсем другого сорта.

--- Потому, что ты принес клятву, --- произнес командор.

--- Ты наконец-то понял, почему должен погибнуть, --- улыбнулся Мерчано. --- Мы поклялись отомстить за магистра Орландо Фүриозо. И не знали покоя, пока не сдержали свое слово. Даже смерть не могла остановить нас. Точно так же мы пообещали, что будем защищать Ванквалис от Черной Чаши. И эта клятва столь же тверда.

Расстояние, разделявшее двух костических десантников, сократилось достаточно, чтобы можно было ударить психосиловым посохом или топором. Мерчано смотрел на своего врага сверху вниз, попирая ногами груду демонических тел, но на самом деле их не существовало, и Воющий Грифон стоял на

металлической палубе «Провозвестника гибели».

Мерчано, так же как и Сарнегон, чувствовал себя здесь как дома. Он тоже мог преобразовывать ментальную энергию, наполнявшую Черный Корабль, создавая для своих врагов целые иллюзорные миры. Но командор Успивающих Души оставался псайкером, и сам Мерчано признавал זאת силой. Да, Сарнегон не был талантлив в том, что касалось мелких деталей, но сейчас, когда Воющий Трифон проделал всю сложную работу за него, этого и не требовалось.

--- Твоя судьба предрешена, --- произнес Мерчано. --- И что бы ты ни делал, ее уже не изменить. Но я не стану возражать, если ты вздумаешь побороться.

--- С превеликим удовольствием, --- откликнулся Сарнегон, простирая свое сознание над адским пейзажем и преобразуя его.

Небеса погрузились во тьму. Демоны исчезли, а издалека донесся шорох волн, разбивающихся о дикий пляж. Мерчано утратил власть над созданным им миром.

Носох и топор столкнулись в ночи, и на этот раз Сарнегона уже было не обмануть.

Казалось, прошла целая вечность с того дня, как Успивающие Души высадились на неизведанной планете отравленных океанов и разносящих болезни насекомых, чтобы расправиться с демоном чумы — Ве'Метом. Необъятные рои мух кружили в небе, затмевая солнце, а в зараженных торах кишели жуткие чудища. Разрозненные голые острова были населены живущими в пещерах жалкими и уродливыми каннибалами, произошедшими от человеческих племен.

Ве'Мет правил той планетой из своей неприступной крепости, воздвигнутой на черном коралловом архипелаге. Демон был не чем иным, как самой болезнью, поглоненным воплощением воли Чумного Бога, а волю свою изъавлял через говорившие в унисон тела зараженных. Костические десантники из предательских легионов, защищавшие его крепость, превратились в гниющих,

раздвинувшихся тварей, посвятивших себя
служению Нурглу. Рыцари, чьи тела несли
на себе печать всех мыслимых болезней,
руководили козлоголовами,
передвигающимися на копытах воинами.

И все же Сарнедон повел туда
Успивающих Души и одержал победу над
демоном.

Мерчано отступил на скользкой
гальке, пытаясь отразить топорищем
удар силового посоха. Воющий Грифон
быстро огляделся, пытаясь оценить
изменившуюся обстановку, но Сарнедон не
останавливался. Они сражались на берегу,
о который с тяжелым плеском разбивались
волны, полные грязи и гнили. Над ним
нависала огромная крепость, выступающая
над архипелагом подобно каменному
гнойнику. В небе застыли мерзкого вида
облака, и все вокруг было пропитано
всепроникающим запахом разложения.

Воющий Грифон размахнулся,
заставив Сарнедона отступить на
несколько шагов, и выбежал из гнилой воды
на берег. Страх не было, но все же

Мерчано был потрясен тем фактом, что его искусство направили против него самого.

--- Опять колдовство! --- сплюнул он.

--- Ты не единственный, --- произнес Сарнедон, --- кому доводилось сражаться с рабами Темных Богов. На этой планете мы с братьями одержали победу над демоном. Слуги Хаоса пытались манипулировать нами при помощи лжи, но закончилось это для них смертью. ---

Командор стремительно перемещался по берегу, посох в его руках потрескивал пси-энергией, поддерживая иллюзию. --- Я даже оставил здесь частичку себя. Если быть более точным --- ногу.

Мерчано устехнулся:

--- У тебя их еще весьма прилично осталось, мутант.

--- Прилично так же я ответил чемпиону Хаоса, отнявшему ее у меня, --- парировал Сарнедон. --- Ответил, прежде чем разрубить тварь на части. Кстати, стоял он тогда там же, где сейчас стоишь ты.

Воющий Грифон зарычал и прыгнул

вперед. Сарнегон отразил выпад и прокрутился на месте, проводя подсечку всеми правыми лапами. Мерчано потерял равновесие и тяжело рухнул на черный песок. Командор обрушил на голову противника навершие силового посоха, и в глазах у Грифона все поплыло. Он попытался подняться, но тут же вновь повалился на землю. Сарнегон навис над ним, готовясь завершить начатое, но Мерчано, вместо того чтобы откатиться в сторону, оперся ладонями о камни и изо всех сил ударил ногами, заставив мутанта отшатнуться.

В следующее мгновение Воющий Грифон был уже на ногах, хотя по его лицу и струилась кровь.

— Император видит правду, — угрюмо произнес он. — Как вижу ее и я. Неужели ты думаешь, что сможешь убедить меня опустить оружие и поверить, будто ты не поражен скверной?

— Я не могу повлиять на тебя. Зато в моих силах показать тебе правду, даже если ты откажешься ее принять.

— Правда, — прорычал Мерчано, —

стоит в том, что варново отрогье не заслуживает ничего, кроме смерти! Так завещал Роберт Жиллиман! Так завещал Император! И так будет!

Он вновь встретился в бой, нанося удары с такой скоростью, что это казалось почти нелогичным для столь тяжелого и смертоносного оружия, как силовой молот. Сарнедон начинал выдыхаться и теперь вращал посохом обеими руками, уйдя в оборонительную стойку. Сталкиваясь, оружие рассыпало вокруг яркие искры; костодесантники были равны по силам, и верх брал то один, то другой, пока удачный финт или особенно мощный удар не передавал инициативу сопернику. Воспоминания Сарнедона тем временем становились все ярче. Со стороны башни к пляжу медленно спускалась армия звероловцев, молчаливо наблюдая за поединком двух библиариев. Со стен крепости потекли потоки зноя — водонады чистой скверны, в которых плескались мерзкие, покрытые язвами демоны Чуждого Бога. На берег вышел и убитый Сарнедоном чемпион Хаоса.

затерев среди покорных ему звероловцев.

Успивающий Души поскользнулся и тут же был награжден глинным разрезом на наплечнике — лезвие топора вспорол верхний слой мышц и пустило кровь. Мерчано, в свою очередь, слишком широко размахнулся, что позволило Сарнегону ударить его по голове и прочертить глубокую рваную рану от виска до подбородка.

Потом физической дуэли, оба одновременно сражались и на другом поле, стараясь вырвать друг у друга полный контроль над иллюзорным миром, и берег под крепостью Ве'Мета грозил и расплылся.

Победоносно закричав, Сарнегон вновь обрел власть — из его глаз вырвалось синеватое пламя, и затянутое мышными роями небо неожиданно стенилось расписным сводом церкви Дорна, оборудованной на «Славе» — старом флагомане Успивающих Души. С высокого витража на поединщиков взирал сам примарх. В воздухе повис аромат благовоний, настолько густой, что казался

почти материальным. Ряды скамей и колонны были изломаны, ведь именно здесь Сарнедон сразился с магистром Горголеоном за право командовать орденот.

Мерчано буквально на секунду оказался сбит с толку неожиданной стеной декораций, и Успивающий Души прыгнул на него, врезавшись плечом в грудь Трифона и отбросив того к алтарю под огромным витражом. Мерчано рухнул на жертвенную плиту, и та треснула под ним. Посыпались на пол свечи и священные тексты.

Вскочив, Трифон схватил Сарнедона за высокий воротник и поясную пластину, оторвал противника от пола и швырнул в изысканную колонну. Та раскололась от удара, и двадцатиметровый каменный столб, точно подрубленное дерево, рухнул на Успивающего Души.

Сарнедон с трудом смог восстановить дыхание, но тем временем церковь исчезла. Теперь они находились в траншее. Со всех сторон работала артиллерия, грохотали выстрелы. Была

ночь, но темноту раз за разом озаряли взрывы, казавшиеся молниями, бьющими с земли в небо. Тяжесть, давившая на Успивающего Души, была вызвана вовсе не колонной, но грудой тел — они принадлежали бойцам Имперской Гвардии, погибшим во взрыве, оставившем глубокую воронку на самом краю окна. Их кровь смешалась с и без того красноватой землей, а на грязных лицах застыло смешанное выражение паники и удивления.

Командор сбросил их с себя. Он не мог сказать, где очутился, — этот мир возник из памяти Мерчано. Сарнедон инстинктивно втянул голову в плечи, когда мимо прошла выпущенная кем-то винтовочная очередь. Траншея была выкопана под обычных гвардейцев, самый рослый из которых был на добрую голову ниже и уже в плечах, нежели любой костодесантник, поэтому командору приходилось пригибаться, чтобы не угодить под обстрел.

Раздался рев моторов, и через траншею неподалеку от Сарнедона перевалил «Рино», по броне которого тут

же забарабанили пули и лазерные импульсы. Машина была раскрашена в цвета Воющих Грифонов, их герб был нанесен на поле из красных и золотых четвертей.

Задний люк распахнулся, и на землю прыгнул лорд Мерчано, который, казалось, не обращал ни малейшего внимания на вражеский огонь.

--- Скелус, --- произнес Грифон. --- Пограничье Ока Ужаса. Войска Хаоса сумели отбить этот мир у Империи, но той орден вернул его назад.

Сарнедон попытался выбраться из траншеи, но рядом прогремел оглушительный взрыв, окатив Испивающего Души обжигающим жаром. Ударная волна бросила его на землю, оглушенного, ослепшего, в рот командора набилась раскаленная красная грязь, он с трудом мог понять, где верх, а где низ.

Лишь внутреннее чутье заставило его вовремя среагировать. Он перекатился на спину и выставил перед собой оружие, останавливая добивающий удар Мерчано. Топор с треском обрушился на посох, и

Сарнегону пришлось постараться, чтобы гудящее лезвие не вонзилось в его череп. Жгучие капли псайк-энергии срывались с топора, падая на лицо командора, и свет оружия отражался в зрачках Трифона язычками сине-белого пламени.

На стену дыму и грязи пришел горячий ветер. Теперь Сарнегон имел возможность оценить окружающую обстановку. Траншея пересекала извилистую дорогу, проложенную через выжженное поле. Когда-то здесь рос лес, но за время боев местность была настолько выглажена снарядами, что даже пни и те были весьма немногочисленны.

На горизонте показалась армия численностью под миллион человек, имеющая в своем распоряжении и танки, и разведывательные машины класса «Страж». Под изматывающим огнем люди сбегали по склонам изрытых воронками красных холмов. Воюющие Трифоны шли в самом центре наступающего войска. Заговорила артиллерия, разрывая на части и солдат, и бронетехнику. С противоположной стороны виднелись

зловещие укрепления — уродливые
рокритовые постройки, изначально
служившие в качестве бункеров Улперской
Гвардии, были исписаны рунами и знаками,
рожденными в варне. На потрепанных
знаменах красовались эмблемы Темных
Богов. Над бойницами висели гирлянды
отрубленных рук и голов, а целые тела,
подобно пугалам, были расставлены по
стенам крепости.

Ее защитники не прекращали огонь
ни на секунду, грохотали тяжелые орудия,
а горячий ветер разносил над полем
толитвы нескольких тысяч одержимых
безумцев, взывающих к богам Хаоса.

Лезвие топора продолжало
приближаться к лицу Сарнегона.

— Мы победили в тот день, —
прохрипел Мерчано. — Пошли на штурм и
перерезали всех мерзавцев. Это же ждет и
тебя. Ты умрешь.

Трифон был силен, но и командор не
слабее. Он заскрежетал зубами, мышцы
напряглись до предела, но топор
мучительно медленно начал
отодвигаться.

Нейзажи Склуса подернулись дыткой
--- Мерчано был настолько сосредоточен на
борьбе, что вновь упустил контроль над
иллюзорным миром. Воспользовавшись
представившейся возможностью, Сарнедон
перехватил управление. Они оказались на
борту «Сломанного хребта». Затянутое
дытлом небо стенилось бескрайней
чернотой костоса, пронизанной
незнакомыми звездами. Два

костогесантника боролись в вакууме, там,
где Сарнедон когда-то поверг демона
Абраксаса, прислужника Бога Изменений,
приведшего Успивающих Души на самый
край грехопадения и за свои труды
удостоившегося смерти.

Поля сражений стенились одно за
другим, возникая из прошлого обоих
соперников. Чуждый мир ядовитых
туманов и тлена с шагающими во тьме
массивными титанами. Мощные
укрепления на Квиксиан Обскура, где
Успивающие Души сразились с эльдаратами.
Водный мир, терзаемый ядерной войной, с
флотилиями, сталкивающимися под
кровавым небом. Стратикс Лютина, где

орды живых мертвецов брели через
мерзлую тундру, а с орбиты сыпались
обломки корабля. Всевозможные
разновидности Ада, две жизни, проведенные
в бесконечных войнах, проносились мимо,
пока воины поочередно брали верх.

Колодец, из которого Сарнедон черпал
свою ментальную энергию, был весьма
глубок, но ее запасы все равно подходили к
концу. Мерчано был равен ему по силам, и
командор понимал, что у него есть лишь
одна возможность решить исход битвы в
свою пользу. Он вонзил когти в палубу и
подался вбок, перехватывая посох одной
рукой. Топор прошел буквально в
сантиметре от его лица, глубоко
зарывшись в каменный пол мира-гробницы,
где много лет назад Воющие Грифоны
сражались против похожих на скелеты
металлических тварей, древних, как сами
звезды. Вокруг высились титанических
размеров развалины, но Сарнедону некогда
было наслаждаться красотами, сейчас
важнее было подняться на ноги.

Мерчано вознал топор в пол с такой
силой, что ему понадобилось некоторое

время, чтобы вытащить его. Именно
этого Сарнедон и добивался.

Вновь сжав силовой посох обеими
руками, командор напрягся изо всех сил.
Древесина нала была прочной как сталь, да
еще к тому же мастера-оружейники
обработали ее так, чтобы оружие могло
выдерживать предельные нагрузки. Но все-
таки Сарнедон был слишком силен.
Раздался оглушительный треск, и посох
переломился.

Наружу вырвались все остатки
накопленной командором энергии.

Точно картинка на хрупком стекле,
воспоминания Мерчано разбились на
мелкие осколки и опали огненным дождем.
Время словно затегло свое ход, пока оба
противника пытались оправиться от
неожиданного разрушения окружавшей их
иллюзорной реальности. Воющий Грифон
зашатался, застонав от боли и гнева; его
разум все еще сотрясали последствия
выброса.

Они стояли по колено в воде в
украшенном многочисленными статуями
круглом зале «Провозвестника гибели», где

Сарнегон еще до восстания дрался с Евменом. Откуда-то со стороны доносился грохот выстрелов — Воющие Трифоны и Успивающие Души продолжали драться за комнаты и коридоры тюремных палуб, но это было совсем другое сражение. Пролет в стене и несколько поваленных статуй указывали путь, проделанный Мерчано и Сарнегоном, а розоватые разводы на поверхности воды свидетельствовали о жестокости их схватки. Несколько секунд они стояли молча; были слышны лишь отдаленные звуки выстрелов да шумное дыхание обоих противников, пытающихся собраться с силами. Призрачные видения Ага покинули «Провозвестник гибели», поскольку Сарнегон просто не мог их больше поддерживать.

Но лицу Мерчано все еще струилась кровь, а броня его зияла пробоинами, оставленными когтями командора-мутанта. Лапы Сарнегона также были повреждены, экзоскелет оказался потянут и погнут, а из-под рассеченного практически пополам наплечника капала кровь.

Мерчано неуклюже двинулся к своему

вразу, сжимая в руках силовой топор, —
казалось, еще немного, и он упадет от
кровопотери и усталости. Похоже, его
заставляла двигаться лишь первобытная
ненависть, сиявшая в глазах. Сарнедон
отбросил бесполезные половинки посоха и
перехватил руку Грифона, вложившего в
удар последние остатки сил. Командор
привалился к телу упавшей в бассейн
статуи, сдерживая натиск Мерчано. Ему
удалось отвести топор в сторону, но
Воющий Грифон ударил коленом так, что
этого хватило, чтобы оставить хорошую
вмятину на кирасе и вышибить весь воздух
из легких командора. В ответ библиарий
Успивающих Души вознал кулак под
челюсть противника и отбросил того
назад. Мерчано выронил оружие и
попытался голыми руками вцепиться в
горло Сарнедона, оскалившись и бешено
вращая глазами. Командор старался
отпихнуть его, но Воющий Грифон
пригнулся и, ударив головой в живот,
вынудил Успивающего Души присесть на
задние лапы.

Враги кружили друг против друга.

словно заправские борцы. Годы тренировок и боевой опыт позволяли преодолеть усталость, вызванную ментальным поединком. Кровь покрывала сочленения их тяжелых перчаток и стекала по лицам. Сарнедон вскинулся, намереваясь вложить в очередной удар всю свою массу, но Мерчано успел поймать его за лану и, выкрутив ее, уронить противника на спину. Затем Воющий Грифон снова вздернул Успивающего Духи на ноги и принялся раз за разом бить того в висок.

В голове у Сарнедона стоял сплошной звон, а перед глазами повис серый туман, злобеще статуи, украшавшие свод, казалось, слились в уже знакомое море корчащихся демонов... Командор слышал голос Абраксаса, обещавшего ему безграничное могущество, если орген встанет на сторону Темных Богов. Слышал и речь инквизитора, объявившего, что Успивающие Духи отныне отлучены и прокляты в глазах слугителей Императора. А еще он слышал стех... стех, доносящийся из варна.

Сарнедон вслепую ударил локтем и

угодил Мерчано в горло. Воющий Грифон отшатнулся, и командор контратаковал, рассчитывая повалить врага, чтобы затем продолжить пинать, пока тот не перестанет подавать признаки жизни.

Успустив звериный рев, Мерчано провел мощный апперкот, силы которого добавил и собственный рывок командора. Ланы вдруг отказались слушаться, и тумант плюхнулся в воду, глуповато озираясь.

Весь мир погрузился в красный туман. Купол теперь казался столь же далеким, как звезды и хлюпающие шаги подходящего ближе Воющего Грифона.

Голова Сарнегона безвольно свесилась набок. Он даже пошевелиться не мог. Где-то в душе зародилось странное облегчение при виде того, как Мерчано подбирает свое оружие. Воющий Грифон тоже израсходовал все свои запасы энергии, поэтому лезвие больше не светилось, но топор есть топор, к тому же лезвие было наточено и отполировано так, что, подобно зеркалу, отражало окрашенную кровью поверхность воды.

Мерчано навис над Сарнедоном и, словно палач, высоко занес топор, собираясь отрубить командору голову и тем самым, как он полагал, лишить Носителей Черной Чаши предводителя.

За спиной Воющего Грифона неожиданно возник клинок чистейшей черноты. В помутненном сознании Сарнедона возникло понимание.

Мерчано тоже почувствовал неладное и попытался повернуться, но он и сам был измотан до предела и не имел никаких шансов встретить нового врага лицом к лицу.

Позади него стоял Евмен, державший в руках Копье Души — самую почитаемую реликвию ордена, оружие с двумя черными вортексными клинками. По сравнению с действиями уставшего библиария реакция Евмена были молниеносными, и чудовищное оружие метнулось вперед, подобно змее.

Энергетический клинок вошел в затылок Мерчано и вышел через рот. Плоть и кровь с шипением аннигилировали, соприкасаясь с

вортексным полем. Словно зачарованный, Сарнедон наблюдал за тем, как Евмен неторопливо поднимает Копье, аккуратно, миллиметр за миллиметром разрезая голову убитого врага.

Командор попытался найти хоть каплю радости в своей душе. Мерчано погиб, Воющие Грифоны лишились лидера, сам он выжил. Но почему-то было совсем не весело. Не было ни чувства победы, ни удовольствия. Не видел он ничего хорошего в том, с каким наслаждением Евмен издевался над уже бездыханным противником.

Это могло вызывать лишь страх... Педенящий ужас наполнил душу Сарнедона, когда он осознал, что сейчас наблюдает не только за смертью лорда Мерчано, но и за гибелью всего ордена.

Наконец клинок вышел наружу. Еще несколько секунд мертвое тело с закатившимися глазами стояло, а затем пошатнулось, и топор вынул из руки Воющего Грифона. Из черной раны, разделившей его лицо на две половины, неожиданно хлынула кровь, и труп с

громким плеском рүхнүл в воду, прямо по ногам своему убийце.

Сарнедон приподнялся на передних ланках, а затем подтянул и задние. Но правде говоря, он не был уверен, сколько еще сможет простоять. Евмен наблюдал за ним, не опуская Конья Души. Затем толстой десантником щелкнул тумблером главного замка, и клинки убрались, оставив лишь небольшой цилиндр рукояти, которую лямкежник, словно простой пистолет, сунул за пояс.

--- Евмен, --- произнес Сарнедон, глядя на трүн Мерчано. Кровь словно заledenела в жилах командора, но старая гордость не позволяла выказывать отчаяние. --- Скажи... Люко еще жив? Нам удалось сдержать Воющих Грифонов в архиве?

--- Насколько мне известно, --- ответил лямкежник.

--- Значит, все кончено.

--- Возможно. Если ты говорил правду.

--- Говорил, --- ответил Сарнедон.

--- А ведь он бы тебя убил.

--- Знаю.

--- И даже не споришь?

--- Нет. Он оказался сильнее. Я не могу этого отрицать. Ты и сам был свидетелем.

--- Получается, я спас тебе жизнь, --- улыбнулся Евмен. --- Я, Сарпедон. Твой злейший враг. Я подверг тебя унижению, какого не смогли придумать даже боги Варна. И все же я спас тебя. Стало быть, теперь твоя жизнь принадлежит мне. Верно я говорю?

Сарпедон поднял взгляд. Даже сквозь кровавую пелену, стоящую перед глазами, он видел, сколь бесстыдно радуется своей жалкой победе его воспитанник.

--- Да.

--- Надо говорить: «Да, господин», --- наставительно поправил Евмен.

Глава Восемнадцатая

--- Что видят наши враги, когда смотрят на Астартес?

--- Они видят, как боги и герои из их языческих мифов встают перед ними и извещают о том, что для них наступил конец света.

Дениятос.   Боевой
Катехизис

Архив «Сломанного хребта» заволокло пылью. В проходах между шкафами и гонимыми-стеками лежали изувеченные тела Воющих Грифонов и Успивающих Души, павших в ходе сражения за эту палубу. Жизни большинства из них унесли меткие выстрелы из болтеров, но были и такие, в чьей броне зияли чудовищные пробоины, оставленные цепными мечами и боевыми ножами.

Однако сейчас все было тихо. Приказ к перелирию был отдан одновременно

Люко, руководившим Успивающими Души, и Дарионом, возглавлявшим Воющих Грифонов.

Дарион первым вышел в проход. Он держал в руке пистолет, но направил его в пол.

— Это правда? — крикнул он, обращаясь к позициям, удерживаемым Успивающими Души.

Капитан Люко выступил из-за колонны, которую использовал до того в качестве укрытия. Его броня пестрела черными отлечинами в местах, куда пришли попадания болтерных зарядов.

— С первого и до последнего слова, — подтвердил он.

Дарион оглянулся. Там, среди мертвых тел и разрушений, техногесантник Воющих Грифонов подключился к одному из черных кристаллов памяти. Его глаза часто моргали, пока он считывал информацию, хранившуюся на устройстве.

— Ваш командир погиб, — заявил Люко. — Лорд Мерчано пал. Стало быть, власть переходит к тебе?

--- Поскольку капитан Борзанор ранен, --- произнес Дарион, --- то да.

--- Значит, тебе и решать. Думаю, ты уже убедился, что здесь нет Черной Чаши. Стоит ли продолжать войну?

--- Вы все равно остаетесь отступниками, --- заметил Дарион. --- Даже если предположить, что информация, хранящаяся в этом архиве, подлинная. Быть может, вы и не носители Черной Чаши, но повернулись спиной к Империи. Инквизиция объявила вас изгоями и предателями.

--- Пусть так, капитан, --- согласился Люко. --- Но Черной Чаши никогда не существовало, так что клятву уничтожить ее можно считать недействительной. Но насколько я полню, вы пока не выполнили еще одну клятву, а если правильно понял пути вашего ордена, к таким вещам вы относитесь более чем серьезно.

--- Ванквалис, --- произнес Дарион.

--- Да, Ванквалис и зеленокожие. Последний раз, когда я этим интересовался, они как раз натеревались

отправиться к Хирогрейву и убить всех тех людей, которых вы клялись защищать. Хотя, конечно же, капитан, выбор остается за тобой.

Дарион покосился на технодесантника, продолжавшего копаться в истории Успивающих Души. О прошлом оргена пока удалось узнать не так уж и много, но вполне достаточно, чтобы понять: Черная Чаша к этим событиям непричастна.

--- Если мы решим уйти, ваши болтеры тоже затолчат?

--- Мы не станем стрелять в спину. Мы не настолько опустились, чтобы нарушать условия мирного договора.

--- Не будет между нами никакого мира, --- угрюмо возразил Дарион. --- И ты с тобой еще встретится, отступник. Наказание неизбежно.

--- Но проблемы следует решать в порядке их поступления, --- заметил Люко.

Бросив последний косой взгляд на своего собеседника, Воющий Грифон включил вокс:

--- Всем подразделениям. Говорит

капитан Дарион. Мы потеряли лорда Мерчано. Все отходим к абордажным шлюпкам. Повторяю: прекратить огонь и отступить.

Воющие Грифоны неохотно и опасливо покидали свои укрытия, прикрывая отход стволами болтеров и возвращаясь из архива к абордажным шлюпкам «Лазурного когтя». Капитан Люко молча наблюдал за ними, показывая своим людям поднятую руку, призывающую воздерживаться от стрельбы.

Постепенно грохот сражения, доносившийся со стороны «Провозвестника гибели», также начал стихать.

Далеко внизу, на Ванквалисе, на берегах Хирогрейва начали высаживаться десятки тысяч зеленокожих из первой волны. Их было так много, что защитники континента просто не могли поверить своим глазам, а кое-кто и вовсе свихнулся от страха, впервые осознав масштабы катастрофы, постигшей их родину.

Берег был пустынным и каменистым, стало годившимся для возведения

укреплений. В качестве таковых защитники использовали лодочные сараи и склады факторий, возведенные жителями прибрежных поселений, которые не были так огромны, как ульи, лежавшие в глубине материка.

Выглядывавшие из окон или из-за грязных железных корпусов промышленного оборудования ополченцы в основном были завербованы из охранников дома фалкен, небольшие отряды которых до того безуспешно пытались устроить людей на улицах. К ним прикнүли и сотни добровольцев, набранных в прибрежных районах и вооруженных чем попало — начиная от автоматических винтовок со складов Стражей и заканчивая охотничьими ружьями. Они защищали свою землю, за их спинами остались дома родными и близкими. Кое-кто даже пришел с оружием и в броне своих отцов, увидевших детей, что однажды может наступить день, когда враги снова возвратятся на Ванквалис. Тысячи мужчин и женщин были готовы оборонять последний рубеж, отделявший зеленокожих

от мирных поселений.

Лорд Совелин Фалкен лично прибыл на побережье, чтобы исполнить свой долг и хоть как-то искупить вину за то, что не погиб, как подобает мужчине, еще в Палатиуме. Но поскольку он являлся здесь единственным представителем правящего дома, то неожиданно для себя оказался во главе всего этого воинства, хотя вовсе об этом и не просил. Вожаки ополченцев — крепкие и решительные старики, многие из которых когда-то служили в Стражах, — отдавали ему честь, словно какому-нибудь генералу, а затем докладывали о своем неутешительном положении. Охранники, практически не способные к принятию каких-либо решений без высочайшего дозволения со стороны аристократов, тут же обступили его со всех сторон, чтобы получить подробные инструкции.

Совелин делал что мог. Свой штаб он разместил на заводе по переработке отходов — уродливая конструкция из рассыпающегося от старости рокрита и стали все еще продолжала прогонять через

себя и сбрасывать в море ядовитые воды
промышленного производства. Несмотря на
почтенный возраст, здание оказалось все-
таки довольно прочным бастионом,
дающим хороший обзор. Отобрав несколько
наиболее адекватных лидеров ополчения,
лорд расположил их в разных точках
оборонительных рубежей. Расходясь по
назначенным им постам, старики
вспоминали, как хорошо им когда-то
служилось под началом великого дедушки
или столь же великого дяди Совелина, и
говорили, что для них большая честь снова
выполнять указания благородного
Фалкена.

Охранники держались поближе к
своему господину, обороняя завод и
прилегающие территории, но вовсе не
потому, что были лучшими воинами, а по-
той лишь причине, что Фалкен просто не
желал, чтобы они оказались оди-
нучные, лишенные своих господ, среди ополченцев,
чьи тятежи еще совсем недавно подавляли
с такой жестокостью.

Лорд утешал Императора указать
ему, что еще можно сделать, помочь

найти хоть какую-то возможность
укрепить оборонительные рубежи. Но Бог
молчал, и вскоре Совелин понял, что их
время вышло, когда увидел на бурных водах
океана первые орочи суда. Почти три
сотни примитивных, едва держащихся на
плаву кораблей, сколоченных из цельных
стволов, набитых зеленокожими под
завязку. Крики и песни ксеносов
стешивались с грохотом волн,
разбивающихся о скалы, в единый ритм,
наполненный ненавистью и жаждой крови.
Защитники дрогнули, едва услышав эти
звуки, — казалось, будто над полем боя
задул черный ветер, словно гилны орков и
в сатом деле заставили их богов
посмотреть на Ванквалис. В течение
целой вечности, хотя в реальности прошло
не больше часа, Совелин слушал, как
военные напевы звучат все громче и
громче, и уже не был уверен, что не
бросится бежать, поджав хвост, едва
увидит оскаленные звериные морды
зеленокожих.

Первый корабль — огромная,
разваливающаяся на ходу постройка —

взлетел на очередной волне и с грохотом вылетел на катни. Разбухшая древесина не выдержала, и корпус рассыпался, разбросав по берегу почти десять тысяч визжащих рабов.

Битва уже кипела вовсю, когда вожаки ступил на берег Хирогрейва. Священная цель, которую он поклялся залить кровью, объект столь долгого вожделения. Когда-то эта земля принадлежала оркам, как и Неверторн... и так же, как зеленый континент, она снова будет их.

Окрасившийся в розовый цвет прибой выбросил на берег рядом с ним несколько тел. Рабы гибли сотнями, и их трупы устилали пространство, отделявшее орков от оборонительных рубежей. Огонь вели из готов, расположенных в некотором отдалении от зоны высадки, — крошечные человеческие фигурки высывались из окон или прятались за выступами крыши. В самом центре этих жалких укреплений высилось приземистое квадратное здание перерабатывающего завода, и сотни рабов пытались взобраться по его уже залитым

кровью стенам. Что ж, рабы сделали свою работу. Они заставили ополченцев тратить патроны на ложную цель, чтобы настоящие воины орды смогли спокойно выгрузиться на берег и подготовиться к битве.

Многие и многие тысячи орков прыгивали на землю и устремлялись к мило вожака, размахивая топоратами и стреляя из всех стволов — делали они это не столько, чтобы кого-нибудь убить, сколько просто празднуя окончание путешествия. Они выли и кричали от радости. На камни продолжали одна за другой выкатываться долбленные лодки, из которых высаживались все новые и новые зеленокожие. В пути огромное число кораблей затонуло, и морская пучина поглотила жизни бесчисленного множества орков, но три четверти орды успешно добрались до цели, и этого было более чем достаточно.

Вожак взмахнул огромной механической клешней и указал на здание завода. Это было ключевое место в оборонительных порядках людей. Стоило

взять его, и штурм закончится, не успев начаться. Оркам не надо было напекать дважды, и воины встретились вперед, перепрыгивая через трупы сорогичей, отбрасывая с пути израненных рабов.

Первые пули ударили в их порядки, унеся жизни нескольких воинов, а затем люди осознали, что на них катится настоящий зеленый поток, и сосредоточили весь огонь на нем.

Выстрелы из автоматического оружия проделывали кровавые отверстия в телах рядовых орков, пока вооруженные дальнобойными лазерными винтовками снайперы выбивали офицеров, вождей племен и тех воинов, которые, по их мнению, представляли наибольшую угрозу. Но орда больше не нуждалась в командирах — она и без того видела свою цель. Вскоре гряда трупов под стенами стала настолько высокой, что первые орки смогли пролезть в нижние вентиляционные шахты завода. Внутрь здания полетели связки взрывчатки, и большинство бросивших их орков погибло. Сами, когда из окон вырвалось жаркое

пламя или когда с грязных стен сыпались огромные куски роккрита. Но на место каждого убитого тут же вставляли новые бойцы, сражавшиеся друг с другом за право первым вбежать во вражеское логово.

Глубоко в душе вожака разгоралось новое чувство. Столько, сколько помнил его орочий мозг, он не ощущал ничего, кроме ненависти и сосущего голода, вызванного желанием разрушений и отмщения за свой народ. Но теперь он испытывал что-то незнакомое, словно яркое пламя, вспыхнувшее в его душе, разогнало царившую там темноту. Надежда. Радость. Гордость. Наконец-то, спустя столько долгих лет, он одержал свою победу.

Внезапно его внимание привлёк гул моторов над головой. Подняв взгляд, он увидел, как звено боевых машин, раскрашенных в золотые и красные цвета, пикирует на поле боя. На носках машин ярко сверкали имперские аквилы.

--- Всем отступить! Взрывает
местницы! --- приказал лорд Совелин. ---

Уничтожайте все подходы! Ух надо
задержать!

Сам он находился на помосте, занимавшем половину внутреннего пространства завода, смонтированном над огромными баками переработки, находящимися на нижнем уровне. Здание было старым и давно не подвергалось ремонту; стены вокруг баков покрывали густой слой промышленных отходов.

Со своего места Савелин видел лабиринт служебных мостков, где оборонялись охранники, облаченные в привычные измученные плащи и фуражки с гербом дома Фалкен. Много бойцов расположилось у окон, обрушивая огонь автоматических винтовок на головы зеленокожих, беснующихся под стенами завода. Суетились подносящие, пытаясь обеспечить стрелков необходимыми количеством патронов или же оттааскивая раненых на помост к Савелину, где также был развернут полевой лазарет и где измученные медики пытались спасти хотя бы кого-то из них. Люди гибли, люди слепли, люди

навсегда теряли возможность ходить.

Сам лорд расположился в командном пункте, состоящем лишь из нескольких мешков с песком да переносного voxа.

Хуже всего были звуки. Вигеть, как гибнут и получают увечья, конечно, было крайне неприятно, но куда сильнее пугали крики зеленокожих. Десятки тысяч торочьих голосов ревели как один, сливаясь в хор ненависти, от которого, казалось, дрожала земля. Рев проникал сквозь стены завода с такой легкостью, словно те были сделаны из папиросной бумаги.

--- Отступайте, черт вас деру! --- приказал Совелин. --- Они ломают стены! Уходите с нижнего этажа и взрывайте за собой лестницы!

Охранники покинули позиции возле окон и побежали к лестницам, ведущим на подвесные мостки и командный уровень. И будь приказ услышан хотя бы минутой раньше, большинству защитников удалось бы успеть.

Дальняя стена содрогнулась от серии взрывов и скрылась в режущем огне и завесе дыма. Фильтрующие баки лопнули.

изливая на пол шипящие отходы, на которых тут же стал подниматься белый ядовитый пар. Здание заходило ходуном, и Совелин потерял равновесие. На его глазах один солдат перевалился через ограждение платформы, а другой рухнул с верхних мостков. Грохот стоял оглушительный.

Стена практически полностью обрушилась. Даже сквозь звон в ушах Совелин мог слышать крики орков, врывающихся в пролом сплошным потоком, столь же беспощадным, как море, которое они недавно пересекли. Над ордой прокатился рев безумного ликования. Их были сотни. Тысячи.

Совелин мог лишь смотреть, как зеленая лавина прокатывается между баками. В считанные секунды ксеносы были уже у лестниц. Охранники открыли огонь, и твари начали падать, но сзади уже напирали новые, бежавшие прямо по телам убитых и раненых. Буквально в паре шагов от лорда погиб один из бойцов, попавший под ответный огонь. Еще один пал под ударами топоров, пытаясь удержаться

лестницѹ.

В голове Совелина отчаянно метались мысли. Сколько еще врагов сумеет истребить его воинство? Как долго еще они смогут удерживать завод, выигрывая драгоценные минуты для остальных ополченцев? Очень мало и очень недолго. И ради этого не стоило жертвовать жизнями охранников.

--- Уходите! --- закричал Совелин. --- Взрывайте заряды и отступайте! Всем отходить!

Солдат, сидевший за воксом, передал приказ остальным, хотя мог бы и не утруждать себя. Поток зеленокожих был настолько неуправляем, что всякий, кто не потерял головы, уже и без того бросился бежать. Кто-то, конечно, разбился на отряды по два-три человека, прикрывая друг друга при отступлении, но в большинстве своем охранники подставляли спины под орудийный огонь.

Сжимая в руке автоматический пистолет, Совелин высунулся из-за мешков, и в ту же минуту прямо перед ним выросла темно-зеленая фигура, воняющая

потом и кровью. Лорд попытался вскинуть оружие, но, получив мощный удар, повалился на спину, и по нему забарабанили чьи-то ноги и кулаки. Со всех сторон неслись бессловесные вопли и ликующие крики орков, грохот выстрелов и стоны утирающих бойцов.

Весь мир, казалось, состоял теперь из одного лишь грохота и темноты. Совелина неожиданно подхватили и повлекли на головы зеленокожих. Он лишь краем сознания отмечал дым, крики, боевые кличи, взрывы и выстрелы, раздающиеся со стороны позиций, удерживаемых ополченцами.

Его вытащили наружу. Зеленокожие распознали в нем офицера и теперь, подобно знамени, несли в своих лапах на плечах и грудях в атаку орды. Соленый аромат моря мешался с мерзкой вонью порочьего пота.

Перед глазами возникла полоска берега. Корявые когтистые лапы раздирали тело Совелина на части. В мире не осталось ничего, кроме боли. Лорд поднял взгляд к небу, не в силах ни о чем

дуть, лишь молчаливо утлая
Императора, чтобы все это кончилось
поскорее.

Из облаков вынырнули темные
силуэты. Имперские боевые машины —
«Грозовые ястребы», раскрашенные в цвета
Воюющих Грифонов. Сквозь боль проступила
слабая искра надежды.

Затем его бросили на землю, и он
оказался во тьме под ногами
столпившихся орков. Опустился мор,
отсекая Совелину руку в плече, и по телу
прокатилась ледяная волна боли. Под
ударами подкованных сапог затрещали
ребра. Захрустели кости ломающегося
черепа.

Боль погасила искру... Лорд Совелин
Фалкен умер.

Вожак увидел, как рушится здание
завода, и услышал оглушительный
победный рев собравшихся вокруг
соплеменников. Это должно было бы
наполнить его сердце ликованием, столь
же жарким и яростным, как пламя,
бьющее в его механическом теле. Вдоль

всего берега тысячи зеленокожих потрясали оружием над головой, устраивая нечто вроде триумфального салюта. Но вожак смотрел на приближающиеся челноки. Те уже шли боевым порядком, проносясь над ордой и поливая ее огнем носовых орудий и тяжелых болтеров, установленных в десантных люках. Орки сообразили, что происходит, только когда вокруг них начали падать их товарищи, на телах которых распустились алые бубоны ран.

Вожак разразился воет. Он узнал эти угловатые, мощные машины, плюющиеся смертью. В минуту его величайшего триумфа, когда крестовый поход, начавшийся еще в туманности Гарон, все-таки настигла карающая судьба. Будь он представителем какой-нибудь другой расы, вожак бы предался отчаянию, видя, как элитные войска людей, уже нанесшие тяжелейшее оскорбление орде под стенами Райтспайра, вновь вырывают победу из его рук. Но он оставался орком. А это значило, что сражение было для него самоцелью, и даже одержимый вожак видел, что теперь

ему противостоит лучший из известных
ему врагов.

Закованные в доспехи воины должны
были послужить достойным украшением
его победы, когда их окровавленные,
изувеченные тела лягут на камни,
оставленные на милость орочьих топоров.
Он даже и надеяться не смел, что столь
замечательный противник поможет ему
отпраздновать величайший из всех его
триумфов. Пламя ярости разгорелось в его
душе, и из сочленений механического тела
вырвались клубы пара.

Боевые машины развернулись и пошли
на второй заход. Но теперь они не просто
расстреливали орков. Распахнувшиеся
люки показали бронированных воинов,
набившихся внутрь машин. Доспехи были
выкрашены все в те же самые цвета. Как и
орки, эти люди не были трусами. Они
хотели, чтобы враг видел их. Ненависть и
уважение к ним стешивались в сознании
вожака — особая, свойственная одним лишь
оркам эмоция, позволявшая воспринимать
войну в ее самой чистой и радостной
чистоте.

Люди начали выпрыгивать со своих машин прямо в самую гущу орды, уже в падении открывая огонь из болтеров. Ценные мечи в их руках сверкали, подобно плененным молниям. От того места, где они приземлились, по рядам орков пробежало нечто вроде ударной волны, словно от взрыва бомбы. Зеленокожие оказались захвачены врасплох и гибли один за другим, когда в их головы вгрызались болты, когда на их тела обрушивались забывающие ценные клинки или же когда на них просто падала сверху огромная фигура, закованная в латы. Боевые машины продолжали обстрел, рассеивая тех зеленокожих, которые пытались атаковать.

Десятки орков погибли в первые же минуты. Десятки последовали за ними, когда люди, утвердившись на ногах, начали уничтожать врага, поливая болтерным огнем и расчленяя ценными мечами.

За спинами первых костодесантников на расчищенной или площадке высаживались все новые и новые элитные

воины Человечества. Огн из них определенно был лидером — закованный в богато изукрашенную броню, сжатая в одной руке пылающий меч, он неторопливо опустился на своем прыжковом ранце, расстреливая орков из болтерного пистолета.

Нападавших было несколько сотен, и все они высадились прямо в самом сердце орды. Армия оказалась сбита с толку, и немало захватчиков просто растоптали, когда орочье войско попыталось развернуться и встретиться лицом к лицу с этим новым врагом.

Вожак схватил ближайшего к нему зеленокожего бойца и отшвырнул с пути. Громя топя, он ринулся навстречу битве, не спуская глаз с вражеского командира, задержавшего посреди начавшейся резни. Никто не мог остановить орду, ни здесь, ни когда победа была в буквальном смысле видна. Предводитель людей должен был достаться только вожаку. Он убьет их всех, разорвет на части и пустит на трофеи.

Над головой снова пронесся челнок.

пройдя на достаточно малой высоте, чтобы окатить водителя волной неистового жара, исходящего от реактивных турбин. Предводитель орочьей армии рвался вперед, к закованному в броню офицеру, давая сапогами даже собственных солдат, столь велико было овладевшее им желание убивать.

Боевые кличи и визгливые молитвы тонули в реве моторов. Внезапно вокруг водителя, словно из-под земли, выросли темные фигуры. Люди, но без доспехов, небритые, в рваной экипировке. Те самые, с которыми он уже сражался у Райтспайра... хотя нет, не совсем те самые — только лучшие, самые закаленные убийцы.

Водитель закрутился на месте. Грязный мужчина, набросившийся на него со штыком, упал, перерезанный пополам ударом клешни. Еще одного гигантский орк схватил за голову нормальной рукой, стискивая череп. Отброшенное в сторону тело врезалось в следующего солдата с такой силой, что тот рухнул на землю. Эти людишки совсем не походили на элиту — самый обычный сброд, разве что

чутьточку более стелый.

Люди обступили его со всех сторон, будто мечтая о смерти, и пытались повалить на камни. Вожак был огромен, но солдаты, сыпавшиеся из челнока, буквально повисли на нем. Он разбрасывал их, кропсал на части, давил сапогами и продолжал рваться к своей цели. Но слабые человечки задерживали его. Их было слишком много, чтобы так просто разделаться с ними. Они жалили его, подобно рою насекомых, вонзая штыки в толстую шкуру и поливая алым огнем из лазерных винтовок. Убить его это не могло, да и боль не была особенно сильной, но вожак увяз в этих хрупких телах, словно соревнующихся в том, кто из них будет раздавлен первым.

Вожак споткнулся. Человек --- удивительно крупный для своей породы, с гладко выбритой головой и почти орочьим звериным оскалом на лице --- вонзил в его ребра боевой нож. Вожак ударом повалил нового противника на землю и уже собирался раздавить, но тот успел извернуться и с такой силой лягнул

зеленокожего в лицо, что хрустнули кости. Гигантский орк взревел. На него наседали все новые и новые солдаты, бросаясь со спины, словно охотники, пытающиеся завалить крупного зверя.

Закованные в броню воины были уже совсем близко. Они вели бой, стоя на груде зеленых трупов. Доспехи их предводителя потемнели от орочьей крови. Затем он наконец увидел вожака и отдал приказ повинующимся ему элитным бойцам. Зеленокожие, оказавшиеся между своим повелителем и ними, были разорваны на части плотным огнем болтеров.

Вожак попытался подняться на ноги, чтобы сойтись в драке с командиром людей, но рослый человек, которого предводитель орков рассчитывал раздавить своим весом, был все еще жив, отказываясь прекратить бой и просто сдохнуть. Издав дикий рев, вожак схватил нагоедлившую тварь и отбросил ее в сторону. Но он все еще стоял на коленях, в то время как остальные люди продолжали висеть на нем, прижатая к земле.

Командир бронированных воинов

включил прыжковый ранец. Из двойных дюж
вырвалось пламя, но костодесантник,
вместо того чтобы подняться в небо,
поточался прямо к вожаку, выставив перед
собой, словно копье, клинок пылающего
меча.

Лидер орков вскинул клешню,
натереваясь поймать врага прямо на лету,
но повисшие на спине люди затеблили его
реакцию на добрую половину секунды.
Бронированный воин врезался в вожака, и
лезвие меча вспорол металлический
торс, разрушая внутренние механизмы.
Мощная топка, затеняющая гигантскому
орку сердце, была пробита, и из раны
вырвалось жаркое пламя. Меч прошел
насквозь и вышел из бугристой спины.

Вожак попятился, поднимаясь. Ему
наконец-то удалось стряхнуть с себя
людей. Клинок так и торчал из его груди.
Человек в броне выпустил рукоять, когда
его лицо опалило белым огнем, ударившим
из поврежденного корпуса. Предводитель
орков завывал и рычал в неистовом гневе,
и орда вокруг вдруг подалась назад, увидев,
что их лидера сумели ранить.

Бронированный что-то прокричал и побежал по скользким от крови камням, удирая от вожака. Немногие людишки, что еще оставались в живых, пытались последовать его примеру, отбиваясь от тех орков, которые еще продолжали сражаться возле своего лидера. Давление в груди вожака продолжало расти, и металл загудел от невыносимого жара.

Командир бронированных воинов прыгнул, стремясь убраться как можно дальше. Вожак же бросился следом, пытаясь дотянуться до этого человека и отомстить. Он опоздал всего на несколько секунд. Стальной корпус в конце концов лопнул, и пламя, бурлившее внутри его, вырвалось на волю.

Над полем боя взметнулся испепеляющий все вокруг огненный столб...

На мостике, в полном соответствии с предпочтениями Евмена, царил полумрак. На скамьях, расставленных вдоль закругляющихся стен, сидели все выжившие воины ордена Успивающих Души. На первый взгляд это собрание мало

чем отличалось от тех, что проводились Сарнедоном, стоявшим перед своими людьми и разъяснявшим новые задачи. Но, если пристотреться, становились заметны разительные отличия. Во-первых, после столкновений с оркатами, второй Войны Оргена и сражения с Воющими Грифонами их стало куда меньше. Едва ли набиралось даже три сотни. Кроме того, их разделяли разногласия, о которых предпочитали не говорить открыто. Половина этих воинов поддерживала Евмена, в то время как другая половина осталась верна Сарнедону. И ничто не могло скрыть их вражду, бурлящую почти на поверхности. Боевые братья, сидевшие сейчас рядом, при первой же возможности с радостью принялись бы истреблять друг друга.

И, что было куда важнее, к оргену сегодня обращался не Сарнедон. Говорил Евмен.

— Братья мои, — начал он. Новый магистр оргена носил богато украшенную броню — чаши на наплечниках и на груди покрывала позолота, а в руке сжимал

монор лорда Мерчано, который забрал в качестве трофея. -- Так тяжело, как в последних сражениях, нам еще никогда не приходилось. И пережив эти несколько дней, мы показали, что способны пройти через все, что может противопоставить нам Галактика. Мы оказались сильнее. Успивающие Души окончательно сбросили с себя оковы прошлого, и я поведу вас по совершенно новому пути. Начало ему было положено не сегодня, а в тот самый день, когда был убит Горголеон, продолжением же послужил набор новых рекрутов. И теперь я наконец могу вам его показать.

Он был молод, но талантлив, активен и убедителен, и потому не казалось удивительным, что ему удалось переманить на свою сторону добрую половину ордена, перед тем как развязать мятеж. Взгляды всех глаз -- от скрытых под безразличными линзами капеллана Уктиноса до не избавившихся от затравленного выражения апотекария Палласа -- были прикованы к Евмену.

-- Империя, -- продолжал он, -- поражен скверной. Он является

порождением зла и существует только для
того, чтобы плодить все то, что мы
ненавидим. И его необходимо уничтожить.
В этом и состоит цель Испивающих
Души. Мы свободны от его влияния, мы
сильны и отважны, мы прошли через
такие испытания, что Империя нам
давно не страшен. Слишком долго мы
относились к его обитателям, словно к
жертвам, которых мы обязаны спасать.
Пришла пора осознать, что эти люди ---
наши враги. В лучшем случае они
являются оружием, бездумными
инструментами в руках властителей
Империи. В худшем --- они сами
настолько прогнили, что смерть станет
для них избавлением. Те, кто клянется
уничтожить Хаос, должны также
поклоняться разрушить Империю, ибо
именно среди его граждан тот сеет свои
семена. И мы, братья, обязаны выжечь эту
скверну дотла. Лжецы и ласники,
самодовольные и развратные --- все они
должны сгореть...

Евмен умолк, заметив движение на
краю аудитории. Все присутствующие

проследили за его взглядом и увидели на верхних рядах пошатывающегося от усталости сержанта Тудея. Лицо его было залито кровью, один глаз отсутствовал, и сержант хрипел так, словно каждый его вздох грозил оказаться последним. Одной рукой он поддерживал скаута Нисрия — молодого псайкера, начинавшего карьеру в отделе самого Евмена.

— Тудей! — прорычал новый магистр. — Что все это значит? Ты должен был охранять пленника!

Единственный глаз сержанта был расширен от ужаса. Костический десантник был напуган. Как и всех Испивающих Души, Тудея учили контролировать подобные эмоции, безжалостно подавляя их чувством долга и дисциплиной. Но в этот раз сержант определенно не справился.

— Он... он убил Скамандра...

— И вы позволили ему уйти? — Евмен гневно прищурился.

— Он воспользовался Агом... — Тудей опустил свою лишившуюся сознания голову на грудь. Юное бледное лицо Нисрия было

покрыто кровью.

--- Угуом! --- заорал Евмен. --- Слабоумное дурачье! Он же был один! Неужели я не могу доверять своим людям охрану даже одного-единственного безоружного человека, запертого в клетке? --- Он повернулся к Текулару, сидевшему в первом ряду. --- Сержант, собери отряд. Можешь взять любого, кого захочешь. Выследи его и безжа...

Повинуясь одному лишь инстинкту, Евмен затолчал и медленно поднял взгляд к потолку мостика.

Там, в окружении захваченных знамен и военных трофеев, повис Сарнедон, цепляясь за решетку своими паучьи лапы. Человеческое тело свисало вниз, и на лице библиария, наблюдающего за представлением, проглядывало нечто похожее на легкую улыбку.

--- Ты! --- в тихом бешенстве произнес Евмен. --- Ты был помещен под арест. А теперь, после того как ты убил одного из моих братьев при попытке к бегству, я приговариваю тебя к смерти!

Сарнедон отцепился и с невероятной

грацией приземлился прямо перед Евменом.

--- Бүгет честны, --- сказал библиарий, --- я приговорил тебя к ней куда раньше.

--- Нет, --- возразил Евмен, перехватывая рукоять психосилового топора Мерчано. --- Ты сам передал мне управление орденом и признал мою власть. Мы же заключили сделку. Ты дал слово! Проклятие, Сарнедон, ты обещаешь!

Если не считать криков Евмена, аудиториум погрузился в полнейшее безмолвие, ощущалось только растущее напряжение. Все Успивающие Души понимали, чем кончится этот разговор, но никто из них не рискнул бы вмешаться, столь же прекрасно понимая, что конфликт в этом случае мгновенно охватит всех костических десантников, что приведет к всеохватному сражению, пока одна из враждующих сторон не окажется уничтоженной под корень. Успивающие Души просто прекратили бы свое существование. Поэтому сейчас они лишь напряженно наблюдали за

происходящим.

--- Ты предал нас, --- сказал Сарнедон, --- Каррайдин был убит по твоему приказу прямо у меня на глазах. Ты отверг все обязательства, какие брал на себя, когда вступал в орден. Ты предал даже Императора. --- Он ткнул пальцем в сторону Евмена. --- Так что не будем говорить, кто первым нарушил свои обещания.

--- Нет! Мы договорились! Где твоя честь, Сарнедон?

--- Говоря о чести, Успивающий Души имеет в виду честь всех своих братьев. Ты говоришь, теперь это твой орден, Евмен? Так почему же братья не прикончат меня на месте? Если они и в самом деле верят, что Успивающих Души можно подарить, точно какую-то вещь, почему же я все еще жив?

Евмен огляделся. Все десантники повскакали с мест и наблюдали. Напряжение, ощущавшееся и прежде, было готово вырваться наружу. Все держали руки на рукоятках боевых ножей и болтеров, но никто не двигался.

--- Пойми, Евмен, если ты не
остановишься, орден просто распадется на
составные части. И ты это знаешь.
Костмические десантники не сплотятся
лишь потому, что тебе так захотелось.
Ты можешь вести их за собой в меру своих
способностей, в надежде, что воины увидят
в тебе того, за кем стоит следовать. И я
понял это, будучи твоим магистром.
Необходимо закончить с этим
конфликтом сейчас, и Война Ордена тоже
завершится.

--- Если они не готовы повиноваться
мне, --- размеренно произнес Евмен, --- если
моим братьям нужны еще доказательства
моей решимости, ты можешь уладить это
дело по старинке.

Евмен покосился на Текулара, и тот
кинул ему небольшой темный цилиндрик.
Молодой костмодесантник ловко поймал его
одной рукой, и из рукояти выдвинулись
двойные вортексные клинки Копья Души.
Сжимая одновременно также и топор
Мерчано, Евмен шагнул к Сарнедону.

--- Даю тебе последний шанс, ---
произнес тот. --- Каждый десантник,

находящийся сейчас здесь, понимает, что ты собираешься повести нас по разрушительному пути. Вот почему они позволяют мне стоять здесь и бросать тебе вызов. Ты забыл о душе оргена в тот самый день, когда развязал внутреннюю войну. С тех самых пор тобой движет одна лишь гордыня.

Евмен не ответил. Вместо этого он просто устремился вперед; мопор и Конь Души прочертили синхронные дуги, стремясь разрубить Сарнегона пополам.

Дуэль длилась считанные секунды. Невероятная скорость реакции и боевой опыт позволяли собравшимся квестодесантникам проследить за каждым движением, сделанным противниками. Как бы ни был скоротечен поединок, но многим он показался вечностью.

Сарнегон откинулся на задние лапы, и оружие прошло над ним, но достаточно близко, чтобы вортексное поле Коня Души прочертило борозду на его нагруднике. Библиарий услышал шепот демонов, ибо черные клинки были не чем иным, как воротами, открывающимися в варп.

ранами на теле реальности. Лезвие топора описало широкую дугу, метя в голову Сарнегона, но просвистело буквально под его подбородком.

Евмен бросился вниз, пытаясь задавить противника массой, но немного не рассчитал. Сарнегон переместил вес на задние лапы, чтобы встретить Евмена так, как позволяла только его мутация. Два костодесантника столкнулись.

Передние конечности Сарнегона были выставлены вперед подобно рокам атакующего животного. Когти вонзились в живот Евмена, и хитиновый меч пропорол броню молодого десантника не хуже, чем стальной клинок на бионической лане.

Сарнегон вновь откинулся назад, поднимая Евмена в воздух так, что окружающие видели когти, торчащие из спины мятежника. Тот закричал в отчаянии и гнев, выронив топор и пытаясь вырваться и поменять исход поединка.

Библиарий опустил передние лапы, и его противник, как ни пытался цепляться,

с грохотом соскользнул на пол. На лице Евмена невозможно было прочесть ничего, кроме всепоглощающей злобы. Он попытался защититься Копьем Души, но гравитация и стремительная реакция Сарнегона решили бой.

Командор обрушился на Евмена всей массой, вкладывая в удар когтями всю свою силу. Четыре паучьи лапы пробили броню на груди мятежника, раздирая легкие и оба сердца, перебили позвоночник и вонзились в паху.

Сарнегон стоял над Евменом, глубоко погрузив лапы в его грудь. Мятежник еще что-то пытался сказать, но добился только того, что на его губах выступила кровавая пена. Рука, сжимающая Копье Души, метнулась вверх, но Сарнегон перехватил ее в запястье и вывернул, вынуждая бросить священное оружие. Черные клинки исчезли в рукояти, и она покатилась по полу.

Затем библиарий отступил, вытягивая когти из тела противника. Из ран ударили алые фонтаны крови, и Евмен испустил последний хриплый вздох.

расставаясь со стремительно утекающей жизнью. Последним Сарнедон выдернул свой бионический протез, и лямбда-железо, уже мертвый, распластался на полу.

Сарнедон стоял над трупом Евмена. Все боевые братья, и те, кто остался на его стороне, и те, кто поддерживал восстание, молча наблюдали за происходящим.

— Это моя вина, — произнес командор. — Я лично выбрал Евмена и подарил ему броню полноправного кастрированного десантника. Я не разглядел его планов и не сумел предотвратить Войну Оргена. По каждому из этих пунктов я виноват перед вами, братья. Если вы будете готовы снова принять мое командование, я опять стану вашим магистром. Однако это не будет драгоценным призом за победу над Евменом, но столь же тяжелой ношей, как и те обязанности, которые я поручаю вам. Если же вы больше не доверяете мне, я уйду, передав титул любому, кто уверен, что может вести Испивающих Души. Ни сделок, ни конфликтов, достаточно шага

вперед.

Сарнедон посмотрел в глаза каждому, кто мог полагать, что заслуживает права возглавить орден, -- капеллану Уктиносу, капитану Люко, сержанту Гекүлару, -- но ни один из них даже не шелохнулся. Библиарий дал им достаточно времени на то, чтобы заявить о своих притязаниях. Однако все молчали.

-- Тогда каждый, кто не признает меня своим магистром, -- произнес наконец Сарнедон, -- может покинуть «Сломанный хребет». Просто берите челнок и улетайте. В пределах досягаемости полностью подходящих миров, и вас никто не станет останавливать. Война Ордена и без того унесла уже слишком много жизней. Капитан Люко, пожалуйста, возьми Копье Души и запири его в оружейной. Капеллан, -- Сарнедон кивнул на тело под своими ногами, -- похорони нашего брата как подобает.

С высокого шпиля простатривался весь раскинувшийся под ним город. При свете дня, пробивающегося через

затянутое смогом небо, он казался куда более спокойным, нежели ночью, поскольку огни пожаров не сверкали так ярко и не столь очевидными были массовые отключения электроэнергии. Но это только иллюзия. Улей по-прежнему охвачен волнениями и миллионы его граждан пребывают в страхе.

Крыша шпиля продувалась легкими ветрами, развевавшими флаги, каждый из которых являл собой вариацию змеиной геральдики дома Фалкен. Ветер приносил с собой запах дыма, поднимающегося над дымилищами домами или же появившегося в результате перестрелок...

На высоком шпиле была припаркована воздушная яхта, чей изящный профиль выступал над краем крыши. Докеры-сервиторы уже тащили топливные шланги и меняли воздушные фильтры. Графиня медленно спустилась по сходням, сопровождаемая свитой детей. Оказавшись на этом пронизывающем до самых костей ветру, она вдруг всем телом почувствовала каждый прожитый год, которых накопилось уже очень и очень

многo.

Истенисса бросила взгляд на город. Он простирался до самого горизонта, встречаясь там с затянутым дымом небом. Это был ее город, и она действительно испытывала подлинную скорбь, вполне соответствующую ее траурному облачению. Люди там, внизу, были напуганы до смерти. Они больше не верили, что дом Фалкен может гарантировать им безопасность. Никто не мог знать, когда и как всему этому наступит конец. Графиня позволила себе минутную слабость, чтобы пожалеть этих несчастных. Многие граждане потеряли тех, кого любили. И у нее самой был повод сопереживать их горю, что случалось нечасто.

Из дверей, выходящих на крышу, появился катергер. Этот шпиль представлял собой изящный, полный колонн и арок небоскреб, служивший домом для одного из административных департаментов города. Его сотрудников эвакуировали, опасаясь возможных беспорядков, ставших постоянным

влением на этих улицах, графиня также не собиралась задерживаться здесь дольше, чем будет необходимо.

--- Есть новости, --- сказал камергер, пытаясь перекричать завывающий ветер. --- С фронта.

--- У?

То, что о побережье Хирогрейва говорилось как о «фронте», подразумевало, что зеленокожие не смогли похвастаться расправиться с защитниками, как, вообще-то, ожидала графиня.

--- Воюющие Грифоны вернулись и вступили в бой, --- доложил камергер. --- Говорят, что они оставили преследование Черной Чаши.

--- Воюющие Грифоны? --- Графиня против своей воли почувствовала надежду. --- Откуда ты знаешь?

--- Капитан Дарион пусть и ненадолго, но вышел на связь с властями улья, а затем ему надо было продолжать бой. Вам знакомо это имя?

--- Да. Он был одним из подчиненных лорда Мерчано.

--- Боюсь, госпожа, что лорд Мерчано,

по всей видимости, пал.

Графиня опустила взгляд на неровное металлическое покрытие крыши.

--- Значит, Империя потерял одного из величайших героев. Да оплатит его душу Император. А что насчет зеленокожих?

--- Воюющие Грифоны обрушили на их головы все свое войско. Предводитель орков убит. Судя по архивам, зеленокожие славятся своей клановой приверженностью и тем, что любят воевать между собой. Капитан Дарион уверяет, что, лишившись вожака, орда лишится и управления. Впрочем, с ними придется еще повоевать. Воюющие Грифоны организуют оборону берега. С ними прибыли и остатки 901-го штрафного легиона. Я позволил себе вольность и распорядился направить туда подкрепление из всех ульев. Но конечно же, приказ еще требует вашего одобрения.

--- Почему бы и нет, --- отмахнулась графиня. --- Считай, что ты его получил. --- Затем она посмотрела камергеру прямо в глаза. --- Скажи, мы сможем победить?

--- Вполне возможно, госпожа.

Графиня вздохнула. В ее памяти вспыхнули образы всех тех долгих военных лет, усилий по возрождению дома Фалкена и раны, навсегда оставшейся в истории Ванквалиса. Даже при поддержке Трифонов, даже победив, этот мир вновь познает страдания. Впрочем, страдания были заложены в саму природу этой Галактики. Надо быть сильной. Кроме графини, у этих людей ничего не осталось.

--- Слышно что-нибудь от Совелина? ---
спросила она спустя некоторое время.

--- Его укрепления были разрушены. Сам он, скорее всего, погиб.

--- Понятно. А что с Черной Чашей?

--- Капитан Дарион не слишком распространялся на этот счет. Судя по всему, ее Носители не прилетали, и мы получили ошибочное предупреждение. Полагаю, все дело в той неразберихе, что последовала за вторжением.

--- Бедный маленький Совелин, --- печально покачала головой Устенисса. --- Я так переживала за него, когда он был ребенком. Совсем не был похож на настоящего Фалкена.

--- Госпожа, поскольку лорд Совелин уже мертв и учитывая ложную информацию о появлении Черной Чаши, мне кажется уместным...

--- Неужели ты полагаешь, что я назначу его козлом отпущения? --- спросила графиня.

--- Потилуйте, не в моем чине делать такие предложения, --- невозмутимо ответил камергер. --- Но, учитывая явное недовольство населения, с нашей стороны имеет смысл дать кое-какие ответы, которые устроят и людей, и парламент на время, которое потребуется для полного расследования.

Истенисса внимательно посмотрела на слугу. Небольшого роста, с ничем не выделяющейся внешностью человек, торщившийся сейчас на ветру, может, и не производил особого впечатления, но за свою долгую службу уже не раз выручал графиню мудрым советом в тяжелых ситуациях. Утешитель, теперь, когда в Палатинге погибла почти вся ее родня, камергер, пожалуй, оставался единственным, кто был достаточно умен и верен, чтобы помочь ей в делах.

--- Полагаю, я могу доверить тебе право решать подобные вопросы, --- произнесла она. --- Мне же следует заняться управлением. Начинается новый этап войны, и гражданам Ванквалиса необходимо увидеть того, кто способен повести их за собой. И похоже, я осталась единственным подходящим кандидатом.

--- Как скажете, госпожа, --- скромно кивнул камергер.

--- Война будет долгой. Зеленокожие, быть может, никогда уже не уйдут. Мне остается только надеяться, что я подхожу для этой работы.

--- Я верю в вас, госпожа.

--- Теперь должны поверить и остальные. --- Графиня развернулась, чтобы подняться на яхту и покинуть шпиль. --- Я обязана отправиться к побережью. Даже если мы стоим сейчас утопить орков в море, уйдут годы, прежде чем мы очистим от них джунгли. И скорее всего, я уже не дождусь того дня. Но моя обязанность сделать все мыслимое, чтобы спасти планету. А ты пригляди за моими городками, пока меня не будет. Излечи

раны, оставленные этим нашествием, пусть Хирогрейв обретет еще и надежду, помимо страха.

--- Будет исполнено, госпожа, --- произнес камергер, провожая взглядом графиню, поднимающуюся по сходням.

Годы. Десятилетия. Графиня не была такой душой, чтобы верить, будто орки уже побеждены. Но если капитан Дарион и в самом деле был достоин занять место Мерчано и если люди Хирогрейва возьмутся за оружие, чтобы возродить ванквалийских Стражей, то планета вполне еще могла оправиться от разрушений.

Она рассеяно потрепала по голове одного из своих драгоценных детишек, а после люк захлопнулся за ее спиной и яхта легла на курс к далекому побережью.

Много часов спустя после того, как Сарнедон восстановил право быть магистром ордена Успивающих Души, на летней палубе, возглавляемая капелланом, прошла похоронная церемония. Тела Евмена, а также всех тех Успивающих

Души, кто погиб, сражаясь за «Сломанный хребет» против Воющих Трифонов, были торжественно преданы костосу. Когда, разворачиваясь спиралью, их гробы полетели прочь от корабля, Уктинос прочел молитву, обращенную к Розалу Дорну и Императору, прося принять павших в ряды защитников Человечества, чтобы в конце времен, когда свершится финальная битва против сил Хаоса, Успивающие Души сражались бок о бок с великими героями прошлого.

Весь орден собрался, чтобы проводить погибших товарищей. Сарнедон молчал, слушая молитвы, возносившиеся за каждого умершего брата.

Теперь, когда Копье Души было снова заперто в оружейной, а психосиловой посох сломан, Сарнедон вооружился топором Мерчано. Этим оружием он и отдавал последние почести вылетающим в костос гробам. Среди собравшихся костодесантников не было только тех, кто покинул орден. В основном это решение было принято скаутами, включая отряд Гекюлара.

Как только с церемонией было покончено, Уктинос отпросился, чтобы помолиться за души погибших и погрузиться в медитацию, дабы обдумать события битвы за Ванквалис и второй Войны Оргена. Сарнедон отпустил его, и капеллан оставил скорбящих братьев.

Но Уктинос решил не возвращаться ни в свою келью, ни в небольшую часовенку, где обычно обучал духовным дисциплинам свою стаю. Вместо этого он направился в глубины «Сломанного хребта», в полужатопленное святилище, которое держал в тайне от остального оргена.

Святилище давно забытого божества давно никто не тревожил с тех самых пор, как Уктинос последний раз побывал здесь. Подойдя к алтарю, он бросил взгляд на распечатки, сделанные следящим оборудованием. Капеллан не испытал особых эмоций, когда увидел, что показатели жизни превратились в сплошные ровные линии.

Уктинос вытащил из воды тяжелый каменный саркофаг. Внутри его лежало

раздвинувшись, почерневшее тело Кройваса Вел Сканниэна. Астронавт уже выполнил свою задачу, и капеллан не обратил ни малейшего внимания на труп. Его интересовали только спрятанные под ним книги и свитки, которые он поместил сюда после возвращения из библиотеки на орбите Тиранкоса. Он сделал это прежде, чем отправиться на Неверторн и помочь Сарнедону. На алтарь легли стопки книг, трубы и даже несколько каменных табличек.

Капеллан взял в руки один из томов. Эта книга пролежала в той библиотеке несколько тысяч лет, и скрытые под переплетом хрустальные страницы были настолько исполнены смыслами, что Уктинос даже помедлил, прежде чем открыть их. Изящные письмена, бегущие по первому листу, свидетельствовали, что к этому произведению и в самом деле приложил руку сам повелитель капеллана. Текст был слишком сложен, чтобы понять его полностью, но память тысячелетий тяжелой ношей легла на душу Уктиноса.

Сидя в тишине святилища, капеллан

продолжал читать. Постепенно он узнавал все больше и больше о пути, по которому должны были пройти Успивающие Души, и о главной цели ордена.

Сарнегон, разумеется, ничего не знал. Магистр был всего лишь временной фигурой в подлинной истории Успивающих Души. То, что орден выйдет из-под опеки Империи, было предсказано давным-давно. Сарнегон фактически был просто одним из актеров массовки в этой великой пьесе, и его коротенькая роль была расписана от и до. Уктинос внутренне порадовался тому, что успел стать капелланом, когда случились те благословенные события, и что именно ему было назначено сыграть важную роль в планах повелителя.

Он продолжал читать. Следующий фрагмент был понятнее. Уктиносу следовало привести Успивающих Души в место, давно приготовленное повелителем. Для такого корабля, как «Сломанный хребет», этот переход не представлял ничего сложного --- координаты соответствовали звезде в

глубинах Вуали, но это место печально
славилось сложностью навигации, не
говоря уже о вопросах выживания.
Астронавтические послания, отправленные
оттуда, в лучшем случае приходили
искаженными. Уктинос позволил себе
столь редкую улыбку. Идеально.
Особенности Вуали значительно
упрощали следующую часть плана.

Уктинос заучил координаты и список
действий, которые должен был
предпринять, когда орден прибудет туда.
Теперь, конечно же, оставалось убедить
Сарнедона, но магистру было достаточно
простого намека, чтобы направиться к
системе Обсидуана. Принципы лорда-
библиария и чрезмерное чувство долга
делали его весьма предсказуемым, и
капеллан не видел особых проблем в том,
чтобы повторить те же манипуляции.
Несомненно, появление Евмена несколько
усложнило задачу, но с ним удалось
разделаться. Будущее же подобных
неприятностей не предвещало.

Уктинос убрал книгу на место. У него
было много дел. Капеллан должен был

направить своих последователей в их
толивах и помочь остальным боевым
братьям уладить те склоки, что еще
разделяли их. Кое-кто, как, например,
апотекарий Паллас, нуждался в особенных
наставлениях, чтобы снова почувствовать
себя частью ордена. И конечно, надо было
придумать, как направить Сарнегона в
регион Вуали.

Желание повелителя исполнится, в
этом не было никаких сомнений. Но все-
таки предстояло много работы.

---

notes

Второй континент Ванквалиса
Хирогрейв (Herogrove) -- «Могила героев»
(примеч. пер.).